Мэлор СТУРУА

АМЕРИКА ВОСЬМИДЕСЯТЫХ

ПЯТЬ ЛЕТ И ПЯТЬ МИНУТ

Памфлеты

"ИЗВЕСТИЯ"
1986

Мэлор СТУРУА

АМЕРИКА ВОСЬМИДЕСЯТЫХ

ПЯТЬ ЛЕТ И ПЯТЬ МИНУТ

Памфлеты

ББК 66.2 (7 США)
С88

Ответственный редактор Г. ДЕЙНИЧЕНКО

ОТ РЕДАКТОРА

Предлагаемая читателю книга повествует о современных Соединенных Штатах Америки, точнее, о том отрезке в их истории, который формально начался с 20 января 1981 года, когда к власти пришла республиканская администрация, а в Белом доме воцарился президент Рональд Рейган. В летописи США была открыта новая важная и сложная страница, о сути которой в докладе Генерального секретаря ЦК КПСС М. С. Горбачева по вопросу об итогах советско-американской встречи на высшем уровне в Женеве и международной обстановке, произнесенном 27 ноября 1985 года на сессии Верховного Совета СССР одиннадцатого созыва, было сказано следующее:

«Пришедшая в начале 80-х годов к власти администрация США откровенно взяла курс на конфронтацию, отвергая саму возможность позитивного развития советско-американских отношений. Думаю, и сейчас все помнят накал антисоветской риторики тех лет, «силовой» характер действий американских правящих кругов.

Были преданы забвению многолетние и обоюдные усилия по созданию необходимого минимума доверия в этих отношениях, разорваны все нити двустороннего сотрудничества. Сама разрядка была объявлена противоречащей интересам Соединенных Штатов Америки.

Взяв курс на достижение военного превосходства над СССР, администрация приступила к реализации программ ядерного и иного перевооружения США. В Западной Европе началось развертывание американских ракет первого удара. Создавалась обстановка, чреватая высоким уровнем военно-политической неопределенности и связанного с этим риска.

И, наконец, вдобавок появилась программа «звездных войн», так называемая «стратегическая оборонная инициатива». В Вашингтоне прямо-таки «заболели» этой идеей, не очень-то задумываясь о тех тяжелых последствиях, которые неизбежны в случае ее осуществления. Замысел выйти с оружием в космос крайне опасен для всех народов мира — без исключения».

Именно об этом периоде в политической жизни США и пойдет речь в книге.

ОТ АВТОРА

Я не поклонник пространных предисловий. Они обычно вызывают у меня настороженность: если автор не смог сказать того, что хотел, на протяжении всей книги, то, следовательно, дела его плохи.

Ограничусь жестким минимумом.

О заглавии. Пять лет — срок пребывания Рональда Рейгана в Белом доме, который очерчивает хронологические рамки нашего повествования. Пять минут — намек на его «шутку» о ядерном нападении на Советский Союз. Это очерчивает тематические рамки нашего повествования.

О системе организации материала. Она сплетена из временных, хронологических меридианов и смысловых, сюжетных параллелей.

Наконец, последнее. Встречающиеся в книге повторы — не от небрежности автора или невнимательности редактора. Они — от жизни.

Ну, вот, кажется, все.

Мэлор СТУРУА
28 июня 1985 года

Смена караула

1. Синий кошмар

Ох, как быстро и как медленно бежит время! Иисус Навин остановил солнце. Он, тридцать девятый президент Соединенных Штатов Америки, самый могущественный человек и государственный деятель западного мира, не может повторить это библейское чудо. Он, Джеймс Эрл Картер-младший, не в состоянии остановить светило. Все, что еще под силу ему, — это бешеная гонка за солнцем, с Востока на Запад, от Атлантического океана до Тихого, отчаянная попытка продлить день и оттянуть хотя бы ненамного неминуемое наступление ночи. Двадцать шесть городов в пятнадцати штатах и пятнадцать тысяч миль в воздухе только за последнюю неделю. Двадцать четыре часа и семь тысяч миль за последний день: из Вашингтона в Огайо, затем в Миссури, оттуда в Иллинойс, снова в Миссури, наконец, на северо-запад тихоокеанского побережья и — под занавес — в Джорджию, в родной, затерявшийся среди арахисовых плантаций Плейнс.

Сквозь иллюминаторы президентского лайнера — «ВВС-1» льется ровный дневной свет. Могучие реактивные моторы «боинга» успешно таранят временные пояса, охватившие Америку. Но в кабине самолета траурный полумрак. Временные пояса, словно висельничная петля, затягиваются на шее тридцать девятого. Еще не открылся ни один из ста семидесяти пяти тысяч избирательных пунктов, даже в деревушке Диксвилл-Нотч, штат Нью-Гэмпшир, откуда обычно начинаются выборы. Еще ни один американец не дотронулся до рычажка машины голосования, а игра уже сделана, окончена, проиграна, непоправимо и необратимо. Иисус Навин остановил солнце. Тридцать девятый президент США остановил часы.

В воскресенье, 2 ноября, когда он внезапно прервал предвыборное турне и вылетел в четыре часа утра с чикагского аэродрома О'Хара в Вашингтон, чтобы сообщить нации из Овальной комнаты Белого дома о новом драматическом повороте в агонизирующей саге об американских заложниках в Тегеране, надежда на победу еще была, еще теплилась. «Я в хорошей форме», — то и дело повторял президент, словно произносил заклинание, заговор от дурного глаза. Опросы общественного мнения пророчили гонку голова в голову

с фотофинишем для определения победителя. Известно: пока лошади скачут, все может произойти.

Понедельник — тяжелый день. Но президент все еще цеплялся за надежду, как утопающий за соломинку или, в восточном варианте, — за змею. Поздно вечером, когда «ВВС-1», вынырнув из грозовых туч, стал снижаться над Сиэттлом, штат Вашингтон, оставшийся в столице главный стратег и правая рука президента Гамильтон Джордан соединился по радиотелефону с пресс-секретарем Белого дома Джоди Пауэллом, находившимся на борту президентского «боинга». Голос Джордана звучал взволнованно, и Пауэлл ничего не смог разобрать. К тому же при посадке связь прервалась. Их соединили вновь несколько позже, когда Картер выступал в авиационном ангаре перед толпой сторонников-энтузиастов.

Президент был в ударе. Это была его самая лучшая речь за всю избирательную кампанию, длившуюся более года. Кончив митинговать, уставший, но окрыленный, он смешался с толпой, шутил, пожимал направо и налево руки, предсказывал победу, говорил, что ощущает ее «костями и потрохами», короче, всем нутром. Кто-то подключил к трансляционной сети «Песню победы», исполнявшуюся в 1976 году, когда Картер уложил на обе лопатки Форда. С тех пор ее никто не проигрывал. Президент был тронут. На его бесцветные глаза навернулись слезы. Тем временем Пауэлл продолжил прерванный разговор с Джорданом. Сквозь какофонию победной песни 1976 года неслась дурная весть о неминуемом поражении в 1980 году. Джордан сообщил Пауэллу, что согласно закрытому опросу общественного мнения, проведенному накануне личным «поллстером» президента Патриком Кэдделлом, Картер отстает на десять пунктов от Рейгана, что динамика отставания необратима и исход выборов уже предрешен.

Пауэлл растерялся. Он не осмелился доложить о своем разговоре с Джорданом президенту, который в этот момент продолжал ритуал рукопожатий, похлопываний по плечу, поцелуев, объятий. Под звуки «Песни победы» лайнер «ВВС-1» рванул с бетона сиэттлского аэродрома и лег курсом на Плейнс. Президент удалился в свои личные покои на борту самолета с главным советником по внутренним вопросам Айзенстатом и главным «спичрайтером» — составителем речей Хертцбергом. Настроение было приподнятое. Свежее воспоминание о встрече в Сиэттле бодрящим адреналином разливалось по жилам собеседников.

А в другом конце самолета продолжал метаться Пауэлл, не зная, когда и как сообщить шефу о смертном приговоре.

Он принял несколько крепких коктейлей «для смелости» и был уже готов идти к президенту, но последний сам вышел в общий салон и пригласил находившихся на борту представителей печати на импровизированную пресс-конференцию. Президент болтал с газетчиками около часа, болтал в мажорном ключе. Пауэлл молчал, закусив губу. Наконец га-

зетчики вернулись на свои места. Опрокинув двойную порцию мартини, Пауэлл остался с глазу на глаз с президентом. «Губернатор, — сказал он, — вы проиграли». (Члены «джорджийской мафии» величали Картера в интимном кругу по старинке губернатором.) Президент был потрясен и сначала отказывался поверить. Затем вдруг сломался и заплакал.

...Иисус Навин остановил солнце. Тридцать девятый президент Соединенных Штатов уже не может даже лететь вслед за светилом. Надо возвращаться назад, навстречу неминуемому, как тема рока в греческих трагедиях, финалу. Трагедия? А быть может, это комедия, которая окончена? Все оказалось напрасным — тысячи миль, миллионы долларов, миллиарды слов. Раскинувшаяся под крылом «ВВС-1» страна, охваченная золотым огнем отцветающей осени, отказывается продлить ему мандат на очередной срок. В этом и только в этом она сегодня единодушна. Его счастливый соперник Рональд Уилсон Рейган точно рассчитал удар: «Когда вам жилось лучше — четыре года назад или сейчас? Хотите ли вы еще четыре года правления Картера?» — спрашивал он американцев в своей последней телевизионной речи-рекламе. Ответы на эти вопросы были самоочевидны: «Раньше» и «Нет». Не столько вера в будущее, не столько «да» Рейгану, сколько вотум недоверия тому, что было, и тому, кто был.

Он искал причины своих неудач везде, где угодно, но только не в самом себе. Все были кругом виноваты, но только не он. Козлов отпущения было больше, чем даже ракет «Минитмэн», нацеленных на мир социализма. ОПЕК и «советская угроза», Фидель Кастро и аятолла Хомейни, неблагодарные союзники и ненадежные вассалы и, наконец, вся Америка, все американцы! Да, да, именно все. Без исключения. В злополучной речи, произнесенной в июле 1979 года, он громогласно объявил, что вся нация больна, «недомогает», и усмотрел в кризисе доверия к себе, к своей политике «фундаментальную угрозу американской демократии». Из двухсот двадцати миллионов американцев лишь он один — президент и верховный главнокомандующий шагал в ногу. Он обещал обуздать инфляцию и остановить рост цен, рассосать безработицу и избавить страну от спадов и застоев, он обещал сократить бюджет Пентагона и положить конец гонке вооружений. Но вот спустя четыре года он оставил стране рекордно высокий индекс «страданий и нищеты» (термин, изобретенный им самим) и рекордно высокие военные расходы.

Конечно, президент Соединенных Штатов не чудотворец. Один в поле — не воин. Но дело в том, что он воевал не за свои обещания, а против них.

Он бегал по утрам и молился на сон грядущий. Бегал от неумолимой реальности, молился неосуществимым иллюзиям. Воскресные моральные проповеди оборачивались в понедельник тяжелым похмельем. Не для проповедника, а для его паствы. «Послушайте, — сказал ему негр-юноша на одном из бесчисленных предвыборных ралли, — вызов Америке

бросает не Советский Союз, вызов Америке бросаю я. У меня нет работы. Я и моя семья живем на продовольственные талоны, живем в полуразрушенном и полусгнившем бараке. Вы сулите мне деньги, чтобы я пошел под ружье и защищал тех, кто живет по-королевски, в то время как мы барахтаемся где-то ниже линии нищеты. Мне не нужны военная форма и ружье. Мне нужна работа!» А вот что сказал президенту рабочий-автомобилист: «Я двадцать лет вкалывал на «Крейслере». Теперь меня вышвырнули за ворота. Страховка по безработице истекает. Я весь в ожидании очередного чека, и не дай бог, если он не придет. Тогда никому не поздоровится — ни мне, ни вам».

Предвидение рабочего с «Крейслера» сбылось. Сегодня и он, и президент — безработные. Правда, последнему не приходится трепетать в ожидании чека-пособия. Он будет получать пожизненную пенсию в размере 69 630 долларов, 150 000 долларов — на содержание штата и прислуги, один миллион — на «ликвидацию дел» и бесплатную охрану. И конечно же мемуары. Картер уже объявил, что приступит к их написанию. Ведь недаром он вел подробный дневник своего правления. Напишет книгу и его супруга — Розалин. Президентские мемуары стали традицией — их авторы оправдывают себя задним числом и гарантируют себе миллионы на будущее. (Рабочему с «Крейслера» незачем оправдывать свое прошлое и нечем обеспечивать свое будущее.)

И все-таки пенсия — не главное для президента. Он и так стал миллионером на арахисовом бизнесе. Главное — падение с вершины власти. Позорное падение, по сути дела равнозначное импичменту. По сравнению с этим даже солидная пенсия выглядит мелочью на орехи. Выступая поздно вечером в вашингтонском отеле «Шератон» с признанием своего поражения, Картер сказал: «Я хотел быть президентом потому, что люблю эту страну и люблю народ этой страны. И, наконец, я хочу сказать: да, я разочарован, но тем не менее не потерял эти две любви». Любовь Картера к Америке и американцам дорого обошлась им. Она не была взаимной. Разочарование наступило очень скоро. Итоги выборов показали, что буквально каждый сегмент нации, которую он объявил «больной», проголосовал против него: протестанты и католики, южане и северяне, мужчины и женщины, синие и белые воротнички, жители больших городов и провинциальной «сабурбии». Проголосовала против него значительная часть самой демократической партии, так называемой «великой рузвельтовской коалиции» — профсоюзов, либералов, белых этнических меньшинств (евреи, итальянцы, поляки и т. д.). Лишь негры и «чиканос» остались с ним. Не потому, что любили его, а потому, что им вообще некуда было деться.

Наблюдая за судорожными метаниями «ВВС-1» по Америке, за этим марафонским предфинишным амоком, за этими бесчисленными взлетами и посадками, многотысячными митингами и «интимными» встречами с истошными призывами

«голосуйте за меня», я невольно вспоминал крыловскую басню о волке, которому не у кого было спрятаться, ибо у каждого мужика он кого-то задрал, каждому насолил. Не знаю, больна ли американская нация, — подчеркиваю — нация, а не система, — но, во всяком случае, выпадением памяти она не страдает.

...Иисус Навин остановил солнце. Тридцать девятый президент США уже не может остановить наступающий «лэндслайд» — «обвал», что по американской избирательной терминологии означает соответственно подавляющую победу или поражение. Еще созываются массовые ралли, оркестры еще гремят при его появлении «Хэйл ту те чиф!» и мажордомы торжественно провозглашают: «Леди и джентльмены, президент Соединенных Штатов Америки!» Сотрудники секретной службы еще ставят рядом с ним, где бы он ни появлялся, как положено, знаменитый телефон, соединяющий его с Белым домом и Пентагоном, с командованием стратегической авиации и флотами, бороздящими все океаны нашей планеты, с Армагеддоном и Апокалипсисом, с чертом и дьяволом. Еще падают и подымаются при одном его неуместном слове или неосторожном жесте акции на биржах Нью-Йорка и других городов Америки и Европы. Но все это уже инерция, свет уже погасшей звезды. На борту могучего «боинга» роняет слезы уже не гордый американский орел, распростерший крылья на официальном гербе государства, а «хромая утка», как здесь величают президента, дни которого сочтены, который царствует, но не управляет.

«ВВС-1», проигравший спор с солнцем, летит в обратном направлении — из Сиэттла, штат Вашингтон, в Плейнс, штат Джорджия, со своей родины (Сиэттл — столица империи «Боинга») на родину президента. Генри Джексон, сенатор-демократ от штата Вашингтон, или, как его справедливо называют, — от «Боинга», уже предал Картера, уже перекинулся в стан его врагов. Джексона упоминают в качестве возможного министра обороны в рейгановском кабинете, он уже вошел в «переходную команду» республиканцев. Так крысы бегут с тонущего корабля.

А тем временем президент летит на родину, летит не как Антей, стремящийся прикоснуться к родной земле, чтобы набраться новых сил и повергнуть в прах противника. Он летит, как бумеранг, просвистевший мимо цели, потерявший динамику и покорно возвращающийся на круги своя. Туманным утром «ВВС-1» приземляется в Джорджии. На календаре — 4 ноября, первый вторник одиннадцатого месяца очередного, 1980 високосного года, года сорок девятых президентских выборов за 205 лет существования Соединенных Штатов Америки.

У вертолетной площадки президента встречает супруга. Он сообщает ей неприятную новость, переданную по «испорченному телефону» Джорданом Пауэллу. Розалин отказывается верить, затем смиряется и окаменевает. Весь остальной

день оиа тщетно пытается совладать с собой, взять себя в руки. «Оиа выглядит так, словно кто-то хватил ее по животу тяжелым мешком с песком», — исвеликодушио коистатирует репортер журиала «Тайм». Проголосовав в избирательиом участке Плейиса, президеит и первая леди отправляются на местную железиодорожиую станцию. Здесь в вагоиоремонтиом депо помещалась первая штаб-квартира победиой избирательиой кампании Картера в 1976 году. Четыре года прошло с тех пор, а кажется, что зто было одиовремеино вчера и тысячу лет назад. Ох, как быстро и как медленно бежит время.

Около ста жителей Плейнса пришло в депо, чтобы приветствовать своего самого зиамеиитого аборигеиа. Представителей печати набилось в два раза больше. Они не приветствовали президеита, а хроиометрировали его агонию, его политическую смерть. Президеит выглядел ужасно. Ои ие спал уже сорок восемь часов. Голос сел от бесчислеииых речей, болело горло. Правая рука опухла и покраснела от миоготысячиых пожатий. (На америкаиском политическом жаргоие зто изызывается «давить плоть».) Густой слой косметики, наложениый на лицо, не мог скрыть ии морщин, ни чериых обводин под глазами. Президент говорил около десяти мииут. Даже иепосвящеииым было ясно, что это — последнее слово побеждениого. Без зитузиазма, без убеждеииости, механическим стокатто компьютера он перечислил «успехи» своей адмиииистрации и поблагодарил жителей Плейиса за поддержку его избирательиой кампаиии. «Я пытался воздать вам за вашу предаииость. Не забудьте проголосовать. И да благословит вас бог...» Здесь президент поперхнулся и с видимым усилием сдержал набежавшие на глаза слезы. Безмолвно внимали жители Плейиса. Отчаяино скребли репортеры. Помощники, потупив взор, ковыряли носками ботииок джорджийский красиозем. Розалин была близка к истерике.

Еще в самолете, иа подходе к Вашиигтону, Картер приказал своим «спичрайтерам» приступить к составлеиию проекта «речи-уступки», то есть капитуляции. «Я хочу уйти в хорошем стиле», — бросил ои остолбеневшим помощникам и удалился в свой салои в носовой части лайнера. Весь оставшийся путь до Вашиигтона Джимми и Розалин проплакали...

Удивительиым и противоречивым выглядел в зти последиие предфииишиые дии Вашингтои: с одной стороиы, предвыбориая лихорадка, с другой стороиы, предвыбориый паралич. Коитраст разительиый, ио вполие объясиимый. Лихорадка была вызвана иапряжеииой гоикой основных конкурентов, паралич — неуверенностью в исходе выборов. В ожидании того, кто стаиет иовым обитателем Белого дома, бюрократический и светский Вашиигтои затаился. Лоббисты опасались, что могут обратиться «ие к тем» лицам; хозяйки салонов боялись, что могут позвать «не тех» гостей. Поскольку штат Белого дома и члеиы кабииета были поглощены избирательиой кампаиией, государствеиный аппарат разбол-

тался. Мелкое чиновничество устроило себе внеочередные каникулы. Клерки приходили на работу поздно, уходили рано, растягивали обеденные перерывы на несколько часов. Пустовал Капитолий, даже его обычно забитые до отказа автомобильные стоянки. Конгресс не заседал — законодатели, вспомнив «на минутку» о своих округах, разлетелись по стране и отчаянно сражались за переизбрание. Только штаб-квартиры кампаний Картера и Рейгана бурлили днем и ночью. Только лендлорды нервно и алчно потирали руки, надеясь и предвкушая: ведь в случае смены караула более шести тысяч демократов, пришедших в государственный аппарат из политических кругов, должны были покинуть свои посты, а следовательно, и квартиры, и можно было повысить за них плату, сдавая «жизненное пространство» новым постояльцам — республиканцам.

В Кливленде убирали декорации после дебатов между Картером и Рейганом. (Президент их проиграл.) В Вашингтоне возводили трибуны для предстоящей 20 января следующего года инаугурации — официального и торжественного вступления в должность нового президента. Шум работ доносился до жилых покоев Белого дома, больно ударяя по натянутым нервам его обитателей, грубо бередя их свежие раны. Так, наверное, чувствуют себя осужденные на казнь, когда под зарешеченными окнами их камер «нетактичные» плотники сооружают эшафот. Обычно трибуны для церемонии инаугурации строились перед восточной лестницей Капитолия. В этом году в нарушение традиции их возводят перед западным крылом. Кто-то усмотрел в этом знамение, которому суждено было сбыться в первый вторник одиннадцатого месяца високосного года восьмидесятого, — в Белый дом пришел человек с Запада, а на Капитолии западные консерваторы отбили у либералов с Востока большинство в сенате. Впервые за последние двадцать шесть лет.

Вооружались до зубов ультрасовременной техникой связи и подсчета голосов крупнейшие телевизионные компании страны. Они тоже участвовали в предвыборной гонке. И в их игре ставки были высокими — престиж и связанные с ним сотни миллионов долларов от рекламодателей. Правила игры были простыми, но жесткими — побеждает тот, кто привлечет большее количество избирателей, пардон, зрителей, кто быстрее и точнее предскажет имя нового президента. Одновременно с подсчетом бюллетеней, поданных за соискателей Белого дома, надо было следить за борьбой 435 конгрессменов, 34 сенаторов и 13 губернаторов. (В год президентских выборов переизбирается вся палата представителей и одна треть сенаторов и губернаторов.)

Для того чтобы держать руку на пульсе 175 тысяч избирательных пунктов, разбросанных по всей стране, телевизионные гиганты оснастились самыми передовыми и совершенными ЭВМ. Система их программирования сохранялась конкурентами в строгой тайне друг от друга. Так, например,

о системе, взятой на вооружение компанией Си-би-эс, было известно лишь следующее. Ведущему — легендарному телекомментатору Уолтеру Кронкайту, день рождения которого приходится на день выборов, было категорически запрещено объявлять имя победителя, пока оно не появится на специальном экране, подключенном к ЭВМ. Но даже в этом случае ведущий должен был провозгласить не победителя, а «вероятного победителя». Слово «вероятный» могло исчезнуть с экрана лишь после подтверждения данных ЭВМ штабквартирой «Службы связи выборов», находящейся в Нью-Йорке. (Эта предосторожность дорого обошлась Кронкайту. Его обскакал ведущий Эн-би-си Чэнселлор, который первым объявил имя победителя. Для Кронкайта горечь поражения была вдвойне тяжелой, ибо он вскоре уходит в отставку. Выборы 1980 года были последними выборами, которые он освещал.) Кстати, в США нет никакой официальной центральной государственной избирательной комиссии по подсчету голосов. «Служба связи» — частное предприятие, созданное на паях, чтобы обслуживать три крупнейшие телекомпании страны — Си-би-эс, Эн-би-си и Эй-би-си, а также два крупнейших телеграфных агентства — Ассошиэйтед Пресс и Юнайтед Пресс Интернэшнл.

В Соединенных Штатах количество американцев, следящих за подсчетом голосов по телевидению, значительно превосходит число избирателей, реально принимающих участие в голосовании. С ростом могущества телевидения и падением престижа политической системы эти ножницы увеличиваются с каждым високосным годом президентских выборов. В 1980 году телевизионный ажиотаж и апатия избирателей достигли нового рекордного уровня. Кронкайта и Ченселлора смотрела вся Америка, за Картера и Рейгана проголосовало лишь немногим более половины зарегистрированных избирателей.

Следить за ходом выборов по телевидению — ритуал, национальное времяпрепровождение, нечто вроде всеамериканского финала футбольного или бейсбольного первенства, конкурса красоты на титул «мисс Америка». Люди запасаются спиртным и закусками, чтобы до поздней ночи, а иногда до раннего утра наблюдать за гонкой-агонией выборов в кругу семьи или друзей. Многие отправляются в близлежащие бары и рестораны, клубы и кафе, где можно встретить и послушать доморощенных политических комментаторов, чешущих похлестче Кронкайта и Чэнселлора. Партийные организации и группы, принимающие непосредственное участие в выборах, устраивают так называемые «вечеринки победы». Это звучит оптимистично, жизнерадостно, почти как «янкидуддль», короче, стопроцентно по-американски. Поэтому «вечеринки победы» устраивают даже заведомые аутсайдеры, которым ровно ничего «не светит» в неоновых джунглях политики. Чем больше шансов у партии на победу, тем шумнее и богаче ее вечеринка, тем фешенебельнее место, где она

проходит. 4 ноября 1980 года главная «вечеринка победы» демократов проходила в вашингтонском отеле «Шератон», а главная «вечеринка победы» республиканцев — в лос-анджелесском отеле «Сенчури-плаза».

...Президент наблюдал за ходом выборов на втором этаже жилых покоев Белого дома. Машины голосования уже лязгали по всей стране, и главный участник драмы был низведен до уровня ее пассивного зрителя. Надеяться было не на что. Даже на чудо. Даже на «одиннадцатый час», взятый напрокат из бродвейской терминологии. (Когда мюзикл горит, под занавес дают шлягер, чтобы растормошить клюющую носом публику и высечь из нее аплодисменты.) Даже на трумэновский «гранд-финал». (В 1948 году Трумэн всю ночь отставал от нью-йоркского губернатора Дьюи, которого утренние газеты уже провозгласили в гигантских шапках победителем, но на самом финише миссуриец обошел ньюйоркца.) Даже на «ноябрьский сюрприз». Манипуляция заложниками, с помощью которой он так ловко подставил ножку Тэду Кеннеди в ходе «праймэриз», на сей раз не сработала, более того, обернулась против него. 4 ноября — день выборов — был одновременно днем первой годовщины захвата американского посольства в Тегеране. В течение года по телевидению показывали гигантский замок, припечатавший посольские ворота, рваный американский звездно-полосатый флаг и его, Картера, соломенное чучело. Но президент уже не мог гальванизировать себе на пользу сантименты Америки. Она обвиняла его и в том, что заложники были захвачены, и в том, что их не удалось освободить. Она потеряла веру в его участившиеся заверения о скорой ликвидации кризиса, справедливо заподозрив в них своекорыстное политиканство. Его последнее «драматическое» телевизионное выступление вклинилось в трансляцию футбольного матча «Краснокожие» — «Викинги», что еще более усугубило недовольство публики. «Вашингтон потерпел двойное фиаско: и Картер, и наши «Краснокожие» с треском проиграли», — криво усмехались столичные острословы.

Да, президенту не оставалось ничего более, как сидеть перед телевизором в ожидании приговора, содержание которого ему уже было известно наперед.

...Первыми по традиции проголосовали жители местечка Диксвилл-Нотч в Нью-Гэмпшире. Семнадцать голосов было подано за Рейгана, три — за Картера. Лед тронулся, «лэндслайд» — «обвал» начался...

В нью-йоркской штаб-квартире Эн-би-си за спинами комментаторов была установлена гигантская карта Соединенных Штатов Америки из пластика и плексигласа. В нее было вмонтировано 7324 лампочки — красные для Картера, синие для Рейгана, белые для Андерсона. Команде электриков было поручено зажигать соответствующие цвета по мере поступления данных о ходе выборов по штатам. Первым вспыхнул штат Индиана. Синий цвет. Затем Флорида. Тоже синий.

Затем Миссисипи. Опять синий. Далее Алабама. Вновь синий. Виргиния. Синий... Оклахома. Синий. Техас. Синий. Кентукки. Синий. Теннеси. Синий... Ведущий Джон Чэнселлор даже растерялся. Юг — традиционный бастион Картера, «его поле», разваливался под натиском Рейгана, покрываясь сплошным синим цветом. Наконец в него робко вкрапилось красное пятнышко. Штат Джорджия — родина президента—проголосовал за него. Первым и последним на Юге. (На прошлых выборах 1976 года Картер проиграл на Юге лишь в Оклахоме и Виргинии, получив голоса 127 выборщиков из 147. На сей раз все шло вверх тормашками.)

Джон Чэнселлор то и дело поворачивался лицом к карте — 24 фута на 14 — и в полном недоумении качал головой. Синий поток быстро и уверенно заливал Соединенные Штаты от Атлантического океана до Тихого, словно повторяя, но уже в эпической манере сюрреалистические конвульсии маршрута «ВВС-1». Средний Запад — от Огайо до Южной Дакоты — отворачивался от Картера, унося в синем потоке вместе с ним трех сенаторов-демократов, столпов либерализма на Капитолии — Макговерна, Бая, Калвера. Запад, как и следовало ожидать, шел сплошной стеной за Рейгана. Лишь Гавайи с их четырьмя голосами выборщиков достались Картеру. И, наконец, Восток — историческая база демократов. На карте Эн-би-си он мало чем отличался от Запада. Все тот же синий цвет заливал его. Даже Пенсильванию, Массачусетс, Коннектикут. Даже штат Нью-Йорк!

Чэнселлор и его команда явно не поспевали за электриками, зажигавшими в кулисах лампочки. Часы показывали всего семь вечера, а ведущий Эн-би-си уже предсказывал, тяжело вздыхая: «По-видимому, Рональд Рейган одерживает существенную победу». Ветеран-обозреватель Дэвид Бринкли, сидевший по левую от него руку, с присущим ему сухим юмором заметил: «Карта все больше становится похожей на плавательный бассейн в сабурбии». Несколько позже он окрестил карту Америки «озером Рейган». Бринкли попал за комментаторский стол сразу со стола операционного. У него вырезали желчный пузырь. Но это нисколько не поубавило желчи в его репликах.

Телевизионные пандиты были явно разочарованы. Не потому, что они «болели» за Картера. Они «болели» исключительно за себя. Они хотели и ждали затяжного поединка, а не нокаута в первом же раунде, заставляющего разочарованную публику — в данном случае рекламодателей — реветь: «Деньги обратно!» Ах, как было хорошо на прошлых выборах, когда Картер победил Форда «по очкам» лишь под занавес и ликующий Чэнселлор объявил о его победе в три часа тридцать одну минуту ночи! Но президентские выборы 1980 года начинали все более походить не на выборы 1976-го а на выборы 1972 года, когда Никсон тоже нокаутом, вернее, «лэндслайдом», опрокинул Макговерна. Тогда Джон Чэнселлор, этот присяжный телевизионный рефери, поднял

руку победителя уже в восемь часов тридцать минут вечера...

На втором этаже жилых покоев Белого дома царила мертвая тишина. В доме был покойник. Покойник сидел перед телевизорами. Они были настроены на разные каналы, но по ним текли одни и те же дурные вести. Дурные вести шли отовсюду. Даже из Лондона, с берегов Темзы, сообщали, что знаменитый музей восковых фигур мадам Тюссо уже заменил скульптуру Картера скульптурой Рейгана. (Скульптор Джои Робинсон работал над ней в течение выборов, пользуясь фотографиями бывшего губернатора Калифорнии.) Лицо президента тоже было восковым. Он пытался убедить окружающих, что чувствует себя о'кей. «Я не огорчаюсь. Это Розалин огорчена, но не я», — говорил он. «О да, я огорчена, и моего огорчения хватит с лихвой на всех нас», — отзывалась первая леди.

Тем временем карта Соединенных Штатов в штаб-квартире Эн-би-си продолжала заливаться синим цветом. Правда, аналогичная карта Эй-би-си покрывалась красным цветом, но в этом мало что было утешительного для президента. У Эй-би-си «цвета времени» были переставлены местами: красный означал «Рейган», синий — «Картер». А по каналу Си-би-эс его величество Кронкайт, которому только что стукнуло 64 года, впадая в мелодекламацию, провозглашал: «В воздухе пахнет победой Рейгана!» Его наследник Дан Разер, пытаясь попасть в тон своему ментору, сообщал о том, что «силы Джимми Картера уже слышат свист топора палача»...

На втором этаже жилых покоев Белого дома в безвоздушном пространстве мертвецкого безмолвия свист палаческого топора был слышен особенно явственно. Президент, распятый на трех телеэкранах, напоминал печального рыцаря, остановившегося в раздумье на перекрестке трех дорог, каждая из которых сулит смерть.

Пытка синим и красным становилась невыносимой. Около восьми вечера по вашингтонскому времени президент заявил, что он готов публично признать свое поражение. «Давайте сбросим ношу с плеч», — сказал он Пауэллу. Пресс-секретарь обомлел. Он пытался убедить президента, чтобы тот хоть немного повременил, ну хотя бы до закрытия всех избирательных участков. Конечно, Джоди Пауэлл не ждал чуда в «одиннадцатом часу». Ведь «Главная улица» Америки — не театральный Бродвей. Им двигали соображения практического порядка. На Западном побережье голосование все еще было в полном разгаре, и весть о преждевременной капитуляции президента могла парализовать избирателей-демократов. Правда, их голоса уже не могли спасти самого Картера, но они еще могли помочь его «партийному билету» — кандидатам, баллотировавшимся в конгресс США, в законодательные органы штатов. (Впоследствии выяснилось, что демарш президента и впрямь стоил мест целому ряду кандидатов в конгресс от демократической партии. Прослушав «речь-уступку» Кар-

тера по телевидению, многие его сторонники остались дома, не обременяя себя походом на избирательные участки.)

Но президенту не было ровным счетом никакого дела до всякой там мелкой законодательной плотвы. После меня хоть потоп. Он не любил демократическую партию и отлично сознавал, что и она не в восторге от него. Он считал себя свободным от каких-либо обязательств перед ней, перед, как он выражался, «всеми этими Губертами Хэмфри и Тэдами Кеннеди». Он считал, что пришел в Белый дом не благодаря, а вопреки им, и поэтому не ощущал никакой необходимости платить по партийным векселям. Пробыв четыре года в Вашингтоне, он так и остался аутсайдером, окруженным некомпетентной, но нахрапистой «джорджийской мафией», не изжил проникший раковым метастазом во все фибры его души, во все поры сознания комплекс неполноценности южанина-парвеню, «Джимми-арахиса», перед восточным истеблишментом, перед лордами прессы, пожинающими лавры Уотергейта, и джорджтаунской аристократией, ужинающей при свечах, перед яйцеголовой гарвардской профессурой и гривастыми львами нью-йоркских литературных салонов, перед живым монументом по имени Аверелл Гарриман и тенью покойного Джона Кеннеди.

О том, что он — демократ, президент вспомнил, когда было уже слишком поздно. Тщетно вызывал он из небытия духи Рузвельта, Трумэна, Кеннеди и даже Джонсона, которого он обычно называл не иначе как «лжецом». Но недаром сказал поэт: «Тише, тише совлекайте с древних идолов одежды». Тщетно пугал он демократов, что, отшатнувшись от него, они «проснутся в среду с президентом-республиканцем в Белом доме». Значительная часть ядра демократической партии и ее традиционного хинтерланда — по подсчетам Гэллапа, 25 процентов — решила, что лучше проснуться с Рейганом, чем спать с Картером. «Картер игнорировал нас почти четыре года, а теперь заявляется и просит голосовать за него. Нет уж, дудки, не получит он наших голосов», — сказал Рон Вайзен, сталевар из Хоумстида, штат Пенсильвания. Так думал не только он один. А сам президент, когда его на следующий день после выборов спросили, что надо предпринять для восстановления здоровья партии и какую роль он намерен играть в этом процессе, пренебрежительно процедил: «Не знаю. Откровенно говоря, я об этом не думал». Короче говоря, после меня хоть потоп...

А здесь, в штаб-квартире Эн-би-си, синий потоп неумолимо продолжал заливать плексигласовую карту Соединенных Штатов Америки. И вот в 8 часов 15 минут 21 секунду Джон Чэнселлор провозгласил Рейгана сороковым президентом США. «Рейган победил!» — сверкнуло на телевизионных экранах. Вместе с Рейганом победил и Чэнселлор. Третьи президентские выборы подряд он обошел своих конкурентов и первым назвал имя нового обитателя Белого дома.

Картер не стал дожидаться, пока его кончину объявят и по

другим каналам, велел послать поздравительную телеграмму Рейгану в Лос-Анджелес и приказал вызвать лимузин, чтобы ехать в «Шератон» на публичную капитуляцию. Затем он связался с «Сенчури-плаза», чтобы лично поздравить Рейгана с победой. Победитель находился в это время в ванне под душем. Он наскоро обтерся, завернулся в мохнатое полотенце и подошел к телефону...

Было без двадцати минут десять, когда Картер вошел в бальный зал отеля «Шератон». Словно в насмешку, оркестр грянул марш «Снова вернулись счастливые дни».

— Народ Соединенных Штатов сделал свой выбор, и я, конечно, принимаю его, но, должен признаться, не с таким энтузиазмом, как четыре года назад, — начал свою шестиминутную «речь-уступку» Картер. Никто не рассмеялся. В бальном зале отеля «Шератон» стояла гробовая тишина, нарушаемая лишь всхлипыванием каких-то не то слабонервных, не то подвыпивших девиц. С постными лицами, словно в почетном карауле, стояли члены кабинета и помощники. Даже на лице Бжезинского, прозванного за острый нос и скрипучий голос «Вуди-Вудпэккером» по имени дятла из детских мультипликаций, лежала гримаса скорби.

Картер стал первым американским президентом почти за полвека, который добивался своего переизбрания на второй срок и был забаллотирован. Его ближайший компаньон — республиканец Герберт Гувер, который «председательствовал» в Белом доме в период «великой депрессии» конца двадцатых — начала тридцатых годов. Знаменательное соседство! Картер стал первым американским президентом-демократом, которого постигла подобная же участь, со времен Гровера Кливленда (1888 год) и десятым за всю историю Соединенных Штатов. Тоже достижение! Картер стал первым южанином-президентом после гражданской войны Севера с Югом, отвергнутым самими южанами. Тоже надо умудриться! Наконец, Картер стал пятым президентом США подряд, который по тем или иным причинам не смог удержаться на вершине пирамиды исполнительной власти положенных ему конституцией два полных срока. (Кеннеди пал жертвой покушения, Джонсона доконала война во Вьетнаме, Никсона раздавил Уотергейт, Форда — его эхо.) Разительный факт, отражающий силу и глубину социально-политического брожения, которым охвачена Америка!

Как пишет известный публицист Хэйнес Джонсон, «осознание избирателями постоянных провалов наших президентов не является плодом внезапного озарения мудрости. Просто трещина в мифическом пьедестале президентской власти все более расширяется... Что-то серьезно не так с нашей политической и экономической системой. Страна подходит к какому-то новому рубежу, подходит нервная и издерганная, глубоко обеспокоенная, охваченная страхами и мрачными предчувствиями». Четыре года правления Картера еще больше расширили метафорическую трещину мифологиче-

ского пьедестала президентства, еще больше усугубили страхи и мрачные предчувствия миллионов американцев — оправданные и неоправданные, реальные, вроде страха перед инфляцией и безработицей, и вымышленные, вроде страха перед «советской военной угрозой».

...Покинув «Шератон», Картер отправился на вертолете в горы Катоктин, в загородную резиденцию американских президентов Кэмп-Дэвид, «зализывать раны». Наконец этот долгий, нескончаемый последний день, смешавшись с осенними сумерками Мэриленда, погружался в ночной мрак, в волны обмелевшего Потомака и всегда полноводную Лету, синева которой много гуще цветов плексигласовой карты Эн-би-си.

«Кем он был — святым Франциском Ассизским или цирковым импресарио Бэрнамом?» — вопрошает обозреватель Джозеф Крафт. Ни тем и ни другим. Он не был святым, хотя много молился, исправно посещал церковь, читал проповеди и даже считался «вторично рожденным» христианином, которого «навещал» сам бог. Не был он и цирковым импресарио, хотя любил бегать напоказ в марафонах и провозгласил бойкот Олимпийских игр в Москве. Он был сыном своего класса, сыном и слугой, сыном — не первенцем, без права наследования, без майората, слугой — не особенно расторопным, без царя в голове. «Он напоминал человека, который может перечислить все детали автомобиля, но не умеет водить его», — пишет обозреватель Макферсон. Накануне выборов он сократил свои молебны и пробежки, чтобы несколько поправиться и выглядеть более телегеничным. Но это не помогло ему прибавить в весе в глазах американского избирателя. «Он не завоевал ни сердец, ни голосов людей», — пишет публицист Джонсон. Как говорится, что посеешь, то и пожнешь.

Не завоевал он и доверия своего главного работодателя — монополистического капитала, сторонящегося святых и презирающего клоунов, тем более таких святых и клоунов, которые не в состоянии поставлять толпе хлеба и зрелищ, чтобы отвлекать ее помыслы от подлинной злобы дня. Когда-то Картер написал автобиографию, озаглавленную «Почему не самый лучший?». История происхождения этого заголовка такова. После окончания военно-морской академии в Аннаполисе Картер решил поступить под начало своего кумира — «отца» ядерного подводного флота США адмирала Риковера, злого и язвительного старикашки, подлинного Кощея Бессмертного «холодной войны». В ходе собеседования Риковер спросил Картера, каким по успеваемости среди своих сокурсников он закончил академию? Картер ответил, что пятым. «А почему не самым лучшим?» — огорошил его адмирал.

Не самый лучший морской офицер так и не стал самым лучшим американским президентом. Желая подчеркнуть посредственность, заурядность Картера как человека и государственного деятеля, публицист Джордж Уилл цитирует с из-

девкой слова покойного Эдлая Стивенсона: «В Америке любой парень может стать президентом, таков уж риск, заложенный в нашей системе». Выступая на съезде демократической партии в Нью-Йорке, выдвинувшем его кандидатом в президенты, Картер заявил: «Сейчас я много мудрее, чем четыре года назад». Но за четыре года его правления мудрости прибавилось и у простых американцев. В прямой пропорции с ростом цен, инфляции, безработицы. «Мудрость» Картера не устраивала ни хозяев, ни народ Америки, разумеется, по совершенно противоположным причинам. В этом главный корень его оглушительного поражения. Мавр вынужден был уйти. Не потому, что сделал свое дело, а потому, что оказался бессильным. И «лэндслайд» — «обвал» похоронил его.

Кстати, о похоронах и обвале. Говоря о «злом роке», нависшем над американскими президентами в двадцатом столетии, публицист Уильям Грейдер вспоминает классический труд Фрэзера «Золотая ветвь», в котором описываются быт и нравы примитивных, отсталых цивилизаций. Он, в частности, вспоминает рассказ о том, как в одном африканском племени хоронят вождя, утратившего магические способности, или шамана, разучившегося предсказывать будущее. На похороны собирается все племя. Роется глубокая могила. В нее опускают вождя или шамана. И пока он отдает последние приказы, делает последние предсказания, его постепенно погребают, забрасывая могилу землей, ком за комом. «Фигурально выражаясь, именно так поступают американцы со своими президентами — хоронят их, засыпая землей, ком за комом», — заключает притчу-параллель Уильям Грейдер.

4 ноября 1980 года настал черед погребения Джеймса (Джимми) Эрла Картера-младшего. Словно в насмешку, именно в этот день члены генеалогического общества штата Джорджия Гарри Робертс и Кеннет Томас опубликовали исследование, согласно которому Картер и Никсон — дальние родственники, кузены в шестом колене. Но по сходству своих судеб тридцать седьмой и тридцать девятый президенты Соединенных Штатов — родные братья.

Незадолго до президентских выборов один из американских колледжей пригласил известного романиста Сола Беллоу прочитать курс мировой литературы. Беллоу согласился. Первый семинар был посвящен «Илиаде» Гомера. Писатель спросил студентов, что они думают по поводу того места в поэме, где убитого Гектора привязывают к колеснице и три раза протаскивают вокруг Трои. Студенты, желая блеснуть перед знаменитым писателем своей эрудицией и интеллектом, предлагали наперебой всевозможные выспренние версии. Одни, например, говорили, что концентрические круги, которые чертила колесница вокруг Трои, символизируют единство жизни и смерти, другие — что труп Гектора, волочащийся по песку, означает судьбу человека, третьи распро-

странялись об астральной сущности цифры «три», и так далее. Прослушав полчаса все эти разглагольствования, Беллоу с явным недовольством и отвращением воскликнул: «Послушайте, неужели никто из вас не испытывает жалости к этому бедняге сукиному сыну?»

Я вспомнил эту историю вот почему. Предлагая целый каталог причин, приведших к поражению Картера, буквально никто из здешних обозревателей не обмолвился и словом сочувствия в адрес побежденного. То же самое можно сказать и о «человеке с улицы». Картера и не любили, и не уважали, пожалуй, больше, чем кого-либо из его предшественников. Даже Никсона. Его называли ходячим компьютером, которому были чужды всякие человеческие чувства, кроме лицемерия, набожности и жажды власти... «Роман Картера с Америкой не состоялся», — говорят сейчас историки и журналисты. Да, безрадостная любовь определила беспечальную разлуку. Как в известном жестоком романсе...

В лучших традициях африканского племени, описанного Фрэзером в «Золотой ветви», Картер перед отлетом в Кэмп-Дэвид отдавал последние приказы, делал последние предсказания, пока страна продолжала хоронить его, забрасывая могилу землей, ком за комом. Он сидел в своем кабинете — Овальной комнате и беседовал с журналистами. Бессвязно, перепрыгивая с одного предмета на другой. «Два первых года я провел в Белом доме в качестве ученика. И Рейгану придется пройти сквозь это, научиться тому, чему учился я», — говорил живой труп. Его речь то и дело пересыпалась такими словами, как «неизбежно» и «фатально». «Силы, которые разбили меня, сделают то же самое и с Рейганом, — говорил он. — Неумолимое движение истории привело к тому, что мы потеряли контроль за ходом событий. Я не могу сказать, удастся ли кому-нибудь восстановить его в будущем...»

Да, поражение Картера было не только его личным фиаско. Оно объективно отразило нечто большее. Картер не стал «самым лучшим», ибо Соединенные Штаты Америки перестали быть самой могущественной державой мира, диктующей человечеству свои условия в виде «Пакс Американа». Иисус Навин остановил солнце. Остановить ход истории не могут ни юродствующий во Христе президент Картер, ни потрясающий ядерными бомбами адмирал Риковер, ни сам дядюшка Сэм.

...Объявляя о своей капитуляции в бальном зале отеля «Шератон», Картер сказал: «Четыре года назад, став президентом, я обещал вам никогда не лгать. И вот сейчас я вновь говорю вам только правду: очень больно, когда проигрываешь». К сожалению, — и для президента, и для страны — это было одно из немногих его правдивых заявлений. Да, проигрывать больно, но не делать из этого выводов — еще больнее. Здесь есть над чем поразмыслить. Не только потерпевшему поражение, но и победителю.

Этот долгий, нескончаемый первый день нового сорокового

го президента Соединенных Штатов Америки Рональда Уилсона Рейгана начинался на его ранчо в Пасифик Палисейдс, недалеко от калифорнийского города Санта-Барбара...

2. Накануне

Столица Соединенных Штатов Вашингтон — десять квадратных миль, выкроенных из Мэриленда и Виргинии на берегах Потомака, — охвачен предынаугурационной лихорадкой.

«Это будет грандиозный, еще невиданный спектакль. Голливуд как бы оккупирует Вашингтон. Да что там Вашингтон — сто крупнейших городов по всей Америке от океана до океана. Если на инаугурацию Джорджа Вашингтона зрители ехали в дилижансах, то на инаугурацию Рональда Рейгана к их услугам спутники связи. Впервые в истории нашей страны они как бы объединят праздничный бал, сделав его всеамериканским», — с гордостью и восторгом рассказывает сопредседатель инаугурационного комитета Роберт Грэй. И он нисколько не преувеличивает. Тридцать восемь камер цветного телевидения, гигантские экраны, установленные в «стратегических пунктах» Вашингтона, свяжут через спутники связи всю Америку — от Колумбуса в штате Джорджия до Гастингса в штате Небраска. Четыре дня будут продолжаться торжества — вечеринки, обеды, приемы, концерты, парады. Их апогеем станут восемь инаугурационных балов и молодежное диско, которые состоятся одновременно в столице. Рейган посетит каждый из них, за исключением дискотеки. Развлекать публику будут личные друзья и бывшие коллеги президента — крупнейшие голливудские звезды Фрэнк Синатра, Боб Хоуп, Джимми Стюарт, Дин Мартин и другие.

«После четырех лет серятины высший класс вновь возвращается в Вашингтон», — говорит другой сопредседатель инаугурационного комитета Чарльз Уик. Да, «высший класс» чувствуется здесь во всем. В отличие от Картера, который прошел пешком в параде по Пенсильвания-авеню от Капитолия до Белого дома, Рейган будет ехать в лимузине. Если четыре года назад участники церемонии инаугурации были одеты кто во что горазд, ныне им жестко предписана парадная форма — цилиндр, черный фрак, белый жилет и брюки в полоску, как это заведено у английской аристократии в дни Дерби, Аскота и других знаменитых скачек. В связи с этим из вашингтонских магазинов дорогого мужского платья исчезли вечерние туалеты, сдаваемые напрокат по цене шестьдесят долларов и выше в сутки. (Цена костюма Рейгана, специально сшитого для инаугурации — полторы тысячи долларов. Появится во фраке и цилиндре и уходящий президент Картер. «Инаугурация принадлежит Рейгану, и мы будем одеты так, как он этого хочет», — заявил пресс-секретарь Картера Джоди Пауэлл.)

Инаугурация 1977 года обошлась казначейству в четыре миллиона долларов. Цена нынешней инаугурации — восемь миллионов долларов, то есть ровно в два раза больше. Неплохое начало для администрации, провозгласившей своим кредо режим экономии и сбалансированный бюджет! Билеты на бал при свечах в Кеннеди-центре с участием Рейгана и вице-президента Буша стоят 250 долларов. Билеты на церемонию принесения присяги у западной лестницы Капитолия продаются за сто долларов, билеты за места напротив Белого дома — за 75 долларов. Билеты вдоль 15-й стрит идут за 25 долларов каждый, а самые дешевые вдоль маршрута инаугурационного парада — за 15 долларов. По предварительным подсчетам, будет продано двести тысяч билетов для сорока тысяч гостей. Билеты продаются на трех вашингтонских аэровокзалах и на главном железнодорожном вокзале столицы — Юнион-стэйшн. Продажа билетов носит во многом символический характер — их распределяют по штатам в той пропорции, в которой они голосовали за республиканцев на ноябрьских выборах. Вот почему либеральный истеблишмент Вашингтона, округ Колумбия, отдавшего предпочтение Картеру, оказался в самом низу билетной брони. (Символичен и тот факт, что церемония инаугурации впервые состоится на западной стороне Капитолия. Этим как бы подчеркивается «западное» происхождение новой администрации, выход Калифорнии на авансцену, которую раньше занимали северо-восточные штаты.)

По словам Терри Чэмберса, главного организатора парада на Пенсильвания-авеню, согласно желанию президента Рейгана лейтмотивом зрелища будет лозунг: «Америка — новое начало». «Президент хочет увидеть море молодых лиц, молодых американцев, шагающих вниз по Пенсильвания-авеню», — говорит Чэмберс. В какой-то степени так оно и будет. Газеты сообщают, что средний возраст солдат, которые примут участие в параде, не превысит девятнадцати лет. Но вряд ли это будет означать «новое начало». Недаром гранд-маршалом, то есть почетным командующим парадом, назначен единственный оставшийся в живых американский «пятизвездный» генерал Омар Брэдли, которому недавно исполнилось 87 лет. И недаром участникам парада предписана ускоренная формула прохождения — сто десять шагов в минуту. Да, к сожалению, новая администрация намерена продолжать старую политику гонки вооружений, причем во все нарастающем темпе. Ориентировочные наметки предстоящих бюджетов Пентагона удивительно напоминают экстравагантные инаугурационные траты, правда с той «небольшой» разницей, что в данном случае речь идет не о свечах, а о ракетах, не о фраках, а о военном обмундировании.

Как я уже упоминал выше, буквально каждый клочок пространства, на котором будет разыгрываться церемония инаугурации, запродан по самым высоким «классно-голливудским» ценам сторонникам новой администрации. Исклю-

чение составляет небольшой квадрат в северо-восточной оконечности Лафайет-парка, расположенного как раз напротив Белого дома. Согласно федеральному регистру от 24 декабря 1979 года (страница 84997) этот квадрат отводится для тех, кто собирается выразить протест против политики администрации республиканцев.

Происхождение «квадрата протеста» в вашингтонском Лафайет-парке таково. Согласно закону федеральные земли в Вашингтоне находятся под надзором службы национальных парков министерства внутренних дел. Именно она распоряжается демонстрациями — их устройством и разрешением. С 1956 года министерство внутренних дел отдало на «откуп» всю федеральную недвижимость инаугурационным комитетам. Поэтому проведение любой демонстрации протеста в день инаугурации автоматически становилось противозаконным. 20 января 1973 года во время второй инаугурации президента Никсона полиция арестовала в Лафайет-парке какого-то «протестника». Дело было передано в суд, который решил, что для «осуществления прав по первой поправке к конституции» необходимо выделить определенную площадь для тех, кто выражает не совсем или не вполне верноподданнические чувства. Недавно, накануне рождества, это решение вступило в силу, и вот в Лафайет-парке в день инаугурации будет «квадрат протеста».

«Квадрат протеста» в Лафайет-парке Вашингтона, подобно «уголку ораторов» в Гайд-парке Лондона, — символ лицемерия и кургузости буржуазной демократии. Трудно даже подсчитать, сколько «квадратов» понадобится, чтобы «расквартировать» всех тех, кто недоволен политической и экономической программой новой администрации. Для этого не хватит ни всего Лафайет-парка, ни всех федеральных земель Вашингтона и округа Колумбия. Миллионы безработных, десятки миллионов негров, индейцев, чиканос. Как вместить всех их в «квадрат протеста»? Это много сложнее поиска квадратуры круга, ибо в данном случае речь идет о заколдованном круге, который не в состоянии разорвать никакая администрация — ни демократическая, ни республиканская, даже если бы она того захотела.

Инаугурационный парад начнется у подножия Капитолия, краеугольный камень которого был заложен еще Джорджем Вашингтоном. В тот памятный день на нем был фартук, вышитый женой героя французской и американской революций Лафайета. «Здесь, господа, правит народ», — гордо провозгласил другой отец-основатель Соединенных Штатов Америки Александр Гамильтон, указывая на здание конгресса США. Инаугурационный парад закончится у железной решетки Белого дома, один из самых знаменитых обитателей которого — Авраам Линкольн произнес историческую фразу о «правительстве народа, управляемом народом для народа», фразу, ныне высеченную на стенах его мавзолея.

Расстояние от Капитолия до Белого дома не увеличилось

со времен Вашингтона, Гамильтона и Линкольна. В Пенсильвания-авеню, соединяющей эти центры законодательной и исполнительной власти США, столько же шагов, как и прежде, независимо от того, будете ли вы маршировать по ней ускоренным темпом или обычным, размеренным. Но как изменились расстояния, которые меряются не шагами, не милями, а народовластием, его подлинной сущностью! Их уже не одолеть, не покрыть не то что дилижансами эпохи Джорджа Вашингтона, но и самым новейшим американским космическим кораблем «Шаттл», который должен быть запущен в первый год президентства Рональда Рейгана. И дело здесь не только в форме — цилиндрах, фраках, жилетах и брюках в полоску, как это заведено у английской аристократии в дни крупных скачек, хотя форма тоже важна, ибо по одежке встречают, дело в содержании характера власти в Соединенных Штатах, где народу отведено места меньше, чем инакомыслящим на «квадрате протеста» в Лафайет-парке в день инаугурации. Недаром самое импозантное здание на Пенсильвания-авеню, как раз на полпути от Капитолия к Белому дому, — штаб-квартира Федерального бюро расследований, у входа которого красуется памятник его покойному шефу Эдгару Гуверу, который так же похож на отцов-основателей республики, как дилижанс прошлого на космический корабль будущего. И недаром инаугурационный парад 20 января 1981 года будет обрамлять хор мормонов с Запада и духовой оркестр нью-йоркского департамента полиции с Севера, как бы символизируя победу так называемого «морального большинства» и сдвиг страны вправо — от Вашингтона к Гуверу, от Линкольна к Маккарти.

«Правительство народа, управляемое народом для народа»... Достаточно лишь бегло взглянуть на новый кабинет республиканской администрации, чтобы убедиться в том, как далек он от этого самого народа — 226 504 825 американцев, согласно последним данным всеобщей переписи населения. Правительство миллионеров, управляемое миллионерами для миллионеров, — вот как он выглядит на самом деле. В роли министра финансов мы видим человека, возглавлявшего крупнейшую брокерскую фирму на Уолл-стрит, которая прославилась тем, что помогала своим клиентам-толстосумам избегать уплаты налогов. В роли министра сельского хозяйства выступает человек, открыто провозгласивший продовольствие «орудием внешней политики». Министром внутренних дел, офис которого ведает природными ресурсами страны, стал глава фирмы, совсем еще недавно судившейся с этим же самым ведомством от имени и по поручению крупных владельцев недвижимости много больше «квадрата протеста» в вашингтонском Лафайет-парке. Министром труда назначен глава еще одной фирмы, которая замарала свою репутацию связями с организованной преступностью в профсоюзном движении. Представителем США в Организации Объединенных Наций стала профессор Джорджтаунского университета,

обвиняющая ООН в «ущербности, несправедливости и лицемерии» и требующая выхода Соединенных Штатов из этой международной организации, поскольку, мол, она не расписывается автоматически под всеми акциями Вашингтона, в особенности на Ближнем и Среднем Востоке.

Что еще добавить к этому впечатляющему списку? Ах, да, генерала, бывшего главнокомандующего вооруженными силами НАТО в Европе и бывшего президента могущественного военного концерна, получившего пост государственного секретаря, то есть руководителя дипломатического ведомства. Так выглядит «правительство народа, управляемое народом для народа», образца 1981 года. Недаром один из ведущих членов не официального, а теневого, или, как его называют, «кухонного» кабинета Рейгана мультимиллионер Альфред Блюминдейл, бывший председатель совета директоров «Дайнерс клаб», заявил на днях: «Руководить правительством все равно что руководить «Дженерал моторс» (крупнейшее монополистическое объединение в США и во всем капиталистическом мире. — М. С.). Соединенные Штаты — это те же «Дженерал моторс», увеличенные вдвое или втрое. Мы окружим Ронни (то есть Рональда Рейгана) опытными людьми, теми самыми, которых мы нанимаем для нашего собственного бизнеса». И окружили.

Как известно, отрезок времени, отделяющий день президентских выборов — 4 ноября от дня инаугурации — 20 января, называется «переходным периодом». В Вашингтоне сейчас шутят, что термин «переходный период» следует понимать как переход пришедшей к власти новой администрации от предвыборных обещаний к реальной действительности. Под давлением этой действительности администрация республиканцев, еще не получив формально власть в стране, уже бьет отбой по таким кардинальным пунктам своей экономической программы, как сокращение на 30 процентов персональных налогов и сбалансирование федерального бюджета к 1982 году. (Последнее «переносится» на финал четырехгодичного срока пребывания Рейгана в Белом доме.) Пытаясь оправдать этот разительный отход от своих предвыборных посулов, республиканцы ссылаются на то, что они получили в наследство от демократов бюджетный дефицит не в 40 миллиардов долларов, как предполагалось, а в 60 миллиардов, что болезнь инфляции оказалась более запущенной и острой, чем это выглядело со стороны, так сказать, со скамей оппозиции.

Все это, конечно, так. Наследие, полученное администрацией Рейгана от администрации Картера, не из тех, ради которого ломают копья. В этом можно легко убедиться, даже не углубляясь в дебри финансово-экономических джунглей, а лишь совершив прогулку по маршруту инаугурационного парада на отлично асфальтированной Пенсильвания-авеню.

Поль Тайлер торгует с лотка яблоками перед зданием министерства юстиции.

— Вы хотите знать, что такое инфляция? Ну, так слушайте.

Мой дед собирал яблоки в северо-восточном Вашингтоне и продавал их по пятьдесят центов за бушель. Я продаю каждое яблоко за сорок пять центов. Чем больше президентов будут участвовать в инаугурационных парадах, тем больше будут расти цены...

Ты прав, Поль, яблоко от яблони недалеко падает!

Поля Тайлера нисколько не смущает тот факт, что новый президент будет катить в лимузине, а не идти пешком. Для Поля сия проблема не демократии, а безопасности.

— Преступность в стране, и в особенности в Вашингтоне, так возросла, что ходить по улицам пешком стало небезопасно. Ведь это же позор — притоны наркоманов и проституток подползли почти вплотную к самому Белому дому!

Люсиль Ллойд торгует не яблоками, а котлетами-гамбургерами в ресторанчике «Бэрнис грилл» на Пенсильвания-авеню. Она уже в течение тридцати лет наблюдает за инаугурационными парадами и поэтому развила в себе здоровый скептицизм. Люсиль Ллойд не ждет манны небесной от новой администрации.

— Если Рейгану удастся обеспечить Вашингтон профессиональной бейсбольной командой, и то хлеб, — говорит она.

О сбалансированном бюджете и обуздании галопирующей инфляции госпожа Люсиль Ллойд даже мечтать не смеет. Тем более для всей страны, а не только для Вашингтона. С нее хватит профессиональной бейсбольной команды.

Кстати, о галопирующей инфляции. Инаугурационный парад 20 января откроют пятьдесят знаменосцев — по числу штатов — на черных жеребцах. Цена на землю под их подковами на Пенсильвания-авеню неудержимо взвинчивается спекулянтами недвижимостью.

— Когда несколько лет назад я утверждал, что квадратный фут земли стоит здесь четыреста долларов, все надо мною смеялись. Сейчас квадратный фут земли стоит пятьсот долларов, но уже никто не смеется, — говорит Стэнли Крапсоу, владелец антикварной лавки на Пенсильвания-авеню.

У подножия памятника генералу Хэнкоку в скрещении 7-й стрит и Пенсильвания-авеню сидят двое молодых — жених и невеста. Жениха зовут Джозеф Кейес, невесту — Керолайн Харрис.

— Они хотят сократить расходы на социальное обеспечение и правительственные программы. Но разве они не понимают, что мы ищем работу и не можем найти ее? — говорит Керолайн.

— Чем меньше социальных программ, тем меньше рабочих мест. А чем больше безработица, тем больше преступности. Как они этого не видят? — перебивает свою невесту Джозеф.

«Они» — это «правительство народа, управляемое народом для народа».

Не видят «они» и надписи на здании Вестерн-плаза, что тоже на Пенсильвания-авеню. «Жизнь не игра в Вашингтоне —

это скорее обещание, чем его реализация», — гласит надпись, воспроизводящая слова негритянского лидера Поля Лоуренса Данбара, произнесенные еще в 1900 году. Мало что изменилось с тех пор в жизни негритянского населения Вашингтона, да и всей страны в целом. Обещания сменяются обещаниями, как инаугурационные парады, а их реализация отодвигается все дальше и дальше, не вперед, а назад, к временам ку-клукс-клана и белых балахонов, неплохо сопрягающихся со сквозьвременными и нестареющими, не желающими выходить из моды цилиндрами, фраками, жилетами и брюками в полоску.

— Если бы сейчас в нашу лавку зашел президент Рейган, я бы прямо спросила его, а не куклуксклановец ли он? Расовая напряженность все больше возрастает. Посмотрите, что произошло в Майами... Нам, неграм, говорят: вы проделали длительный путь. Но в действительности мы не сделали и одного шага вперед, — горячится Хлора Хадсон, продавщица из лавки сувениров на Пенсильвания-авеню, дом 601.

Да, права Хлора Хадсон: процесс освобождения негров Америки от рабства имеет мало что общего с ускоренным темпом прохождения военного парада на Пенсильвания-авеню — сто десять шагов в минуту.

Но шаги, которые впечатываются каждые 20 января первого послевисокосного года в мостовую Пенсильвания-авеню в Вашингтоне, не шаги истории. Их поступательный характер и динамика — лишь обман зрения и слуха, ибо они принадлежат тем, кто пытается повернуть вспять время или хотя бы остановить и притормозить его. Тщетные попытки. Ведь столбовая дорога развития истории человеческого общества — не Пенсильвания-авеню в городе в десять квадратных миль, выкроенных из штатов Мэриленд и Виргиния на берегах безнадежно обмелевшего Потомака.

3. После бала

Стрелки часов показывали 11.55 по вашингтонскому времени. Небо над белоснежным куполом Капитолия было затянуто свинцовыми дождевыми тучами. Подозрительная оттепель, внезапно подкравшаяся к столице на Потомаке, грозила испортить инаугурацию. К кафедре-платформе, отгороженной пуленепробиваемым пластиком и установленной в центре гигантской трибуны, возведенной у западного лестничного каскада здания конгресса США, с противоположных сторон подошли двое: один в утреннем фраке, с тщательно уложенными волосами темно-каштанового цвета, другой в черной мантии, с гривой абсолютно седых волос. Первым был президент-элект, то есть избранный, но еще не приведенный к присяге сороковой президент Соединенных Штатов Америки Рональд Уилсон Рейган. Вторым — председатель Верховного суда США Уоррен Бэргер.

На календаре значилось: 20 января 1981 года.

— Губернатор, готовы ли вы к принесению конституци-

онной присяги? — спросил верховный судья президент-электа.

— Я готов, — ответил тот.

Положив руку на семейную библию, которую держала одетая во все красное его супруга Нэнси, Рейган вслед за Бэргером повторил тридцать пять слов традиционного текста присяги. Военный оркестр грянул «Ура шефу!». Раздался двадцать один орудийный залп, и Рейган избавился от приставки «элект», а Картер обзавелся приставкой «экс».

Библия, на которой приносил присягу сороковой президент Соединенных Штатов Америки, была раскрыта на том месте, где назаретянин обещал своей пастве простить ее грехи и уврачевать ее раны, если она смирится, сойдет с пути нечестивости и обратится к его лику...

Почетный караул всех родов войск держал равнение на нового президента...

Со дня инаугурации прошло совсем немного времени. Вашингтон, погруженный в течение недели в вихрь светских развлечений — парадов, балов, приемов, вечеринок, принимает постепенно свой обыденный вид — серой, обезличенной, холодной, бюрократической столицы крупнейшего капиталистического государства нашей планеты, гигантского колосса, с ногами из золота и глины, опирающегося на ракетно-ядерные костыли. Санитарная служба города скребет и чистит центральные магистрали, площади и парки, пылесосит отели и общественные здания, кряхтя и чертыхаясь, выносит сор из послеинаугурационной избы. Дубовый паркет, которым была покрыта торжественная трибуна перед западным крылом Капитолия, распилен на сто тысяч квадратиков. Они продаются в качестве сувениров за двадцать восемь долларов каждый. Нищие и бездомные с небывалым энтузиазмом роются на мусорных свалках. Такого обильного урожая изысканной гастрономии — бифштексов из вырезки, лососины, крабов, спаржи и прочих деликатесов они еще никогда не видели на своем безрадостном веку. Убираются железные складные стулья и разбираются помосты для зрителей, которые были установлены вдоль всего маршрута инаугурационного парада. И вновь обнажаются замаскированные на время праздничной косметикой правительственные здания — Белый дом, Пентагон, казначейство, министерство юстиции и штаб-квартира ФБР, министерства труда и торговли с новыми шефами и старыми заботами и политикой...

20 января — в день инаугурации и освобождения американских заложников в Тегеране — устроители денежных лотерей обратили внимание на следующее, на первый взгляд странное, обстоятельство: по всей Америке непропорционально большое число играющих закупало билеты с номерами «444» и «666». Первая цифра равнялась количеству дней, проведенных заложниками в заточении; вторая была сложена из количества букв в имени и фамилии нового президента — Рональд Уилсон Рейган. (В английском языке мягкого знака,

естественно, нет.) «Если бы выигрыш пал на один из этих номеров, мы бы обанкротились», — говорили владельцы тотализаторов. Но ни «444», ни «666» не оказались счастливыми номерами. Владельцы игорного бизнеса не обанкротились. Раскошеливаться пришлось, как и всегда, мелкой социальной плотве. (Кстати, выигрышными номерами оказались «029» и «230».)

Символика с заветными, сулящими и излучающими надежду номерами и неумолимым тотализатором настолько лежит на поверхности, что вряд ли нуждается в особых комментариях. А если и нуждается — для тугодумов, — то их дала с исчерпывающей ясностью фондовая биржа на Уолл-стрите. Как раз в день инаугурации ее деловой термометр — индексы Доу-Джонса зафиксировали падение акций на внушительные 20.31 пункта.

Когда весть об этом дошла до Белого дома, новый министр финансов Дональд Риген, в прошлом глава «Меррил Линч» — крупнейшей брокерской фирмы на Уолл-стрите, успокаивающе сказал своему шефу:

— Не волнуйтесь, господин президент. Акции на фондовой бирже падали при всех инаугурациях, за исключением прихода к власти Кеннеди.

Новоиспеченный руководитель американского казначейства был абсолютно прав, но тем не менее или, вернее, именно поэтому его полушутливая тирада была скорее алармистской, чем утешительной. Она свидетельствовала о том, что, как говорится в знаменитой крыловской басне, «а вы, друзья, как ни садитесь, все в музыканты не годитесь». В самом деле, за обозримый исторический период, независимо от того, кто приходил в Белый дом — демократ или республиканец, экономическое положение Соединенных Штатов не только не улучшалось, но, наоборот, последовательно ухудшалось. (Лишь двадцать лет назад — 20 января 1961 года, в день инаугурации Джона Фитцджеральда Кеннеди, на фондовой бирже Нью-Йорка было зафиксировано повышение акций, да и то на микроскопические 1.98 пункта и к тому же при весьма низком общем уровне в 634.37 пункта.)

Для сорокового президента США не могло служить особым утешением и то, что он не был одинок в своих инаугурационных злоключениях. Масштабы падения цен на акции оказались беспрецедентными. Даже в день прихода к власти его несчастливого соперника — Картера они упали всего на 9.64 пункта.

Пытаясь во что бы то ни стало развеселить своего патрона, министр финансов вновь пошутил:

— Ну, как было не упасть ценам на акции в Нью-Йорке! Ведь все основные покупатели находились в это время в Вашингтоне!

Президент и тут не рассмеялся, хотя его главный казначей вновь говорил сущую правду. Недаром инаугурацию 20 января 1981 года печать окрестила коронацией. Со всех концов

Америки в Вашингтон слетелись и съехались ее подлинные короли и хозяева. Аэропорты столицы были забиты их личными самолетами, улицы запружены их сделанными на заказ гигантскими лимузинами. Шла беспардонная демонстрация мехов, туалетов, драгоценностей. Создавалось впечатление, что главные участники инаугурационных торжеств специально разоделись так, чтобы никто не смог заподозрить их в занятии общественно полезным трудом. Рекою лилось шампанское. Люди сорили деньгами так, словно пытались загрязнить окружающую среду расточительством. На несколько дней бюрократический Вашингтон превратился в своеобразный гибрид техасско-калифорнийско-французского Версаля, устроившего пир во время чумы. То было отталкивающее зрелище капитала его препохабия, которому надоело играть лицемерную игру в демократию и который решил вновь показать себя во всем блеске — тряхнув стариной и мошной, наплевав и на элементарное чувство приличия, и даже на столетиями вырабатывавшийся инстинкт самосохранения.

Инаугурация Рейгана ознаменовалась не только рекордным падением акций на Уолл-стрите, но и рекордными расходами в Вашингтоне. Они в два раза превзошли аналогичные расходы Картера. Связь между этими двумя рекордами была отнюдь не только символической. «Администрация Рейгана проиграла первый раунд поединка с инфляцией», — злословили столичные остряки. Да, конечно, администрация проиграла, но расплачиваться, как и в прошлом, будет человек с улицы.

Человек с улицы... В памяти невольно всплывает картина — сценка в одном из ресторанов в центре Вашингтона. У посетителей, вернее, буквально из-под посетителей забирали стулья для банкета имущих. Некоторые «простые смертные», возмутившись, покидали ресторан, другие, смирившись, продолжали есть стоя. Глядя на это, я вдруг вспомнил знаменитый диалог знаменитых американских писателей Скотта Фитцджеральда и Эрнеста Хемингуэя. «Богатые отличаются от нас», — заметил как-то Фитцджеральд. «Да, у них больше денег», — меланхолически ответил Хемингуэй. Коротко и ясно.

Рейгановская администрация провозгласила инфляцию врагом № 1, а задачу борьбы с ней — первостепенной. Проблеме инфляции была посвящена основная часть речи президента, произнесенной им сразу же после принесения присяги. Проблема инфляции фигурировала первой и в повестке дня первого же заседания кабинета министров, созванного в Белом доме. (Его начало несколько задержалось, ибо инаугурационные торжества затянулись до самого рассвета.) В своей речи у стен Капитолия Рейган говорил о том, что страна страдает от «самой длительной и самой устойчивой инфляции за всю историю Соединенных Штатов», что инфляция бьет с одинаковой силой и по молодежи, и по пожилым, «угрожая

пошатнуть жизни миллионов наших людей».

История болезни, нарисованная Рейганом, была вполне адекватной. Но вот сказать то же самое о методах ее лечения, предложенных новым президентом, никак нельзя. Рейган, как и в своих предвыборных выступлениях, предложил весьма расплывчатую философию консервативной политической экономии, стержнем которой является поощрение свободного предпринимательства за счет ограничения государственного регулирования и урезывания федеральных программ, сбалансирование бюджета, сокращение федеральных налогов с целью стимулирования деловой активности и так далее. «Правительство не является решением наших проблем. Оно само проблема... Не народ для правительства, а правительство для народа!» — воскликнул Рейган.

Все это звучало весьма благородно, но... только на слух. Крестовый поход против «правительства», объявленный с превеликой помпой новой администрацией, не имеет ничего общего с попыткой замахнуться на устои власти в Соединенных Штатах. Республиканцы в действительности замахиваются на нечто другое — на социальные завоевания американских трудящихся, добытые в длительных и упорных классовых боях. Сейчас модно сравнивать экономических советников президента Рейгана с хирургами, которые якобы склонились над больным — бюджетом, чтобы совершить над ним пластическую операцию по удалению излишних жировых наслоений. Но эти горе-хирурги скорее напоминают челядь из упоминавшегося мною ресторана, вытаскивавшую из-под посетителей стулья для «господ в задних комнатах». Скальпели рейгановских хирургов занесены над такими социальными программами, как «медикэар» и «медикэйд» — медицинское страхование, социальное обеспечение, школьные завтраки для детей, компенсация безработных, субсидированное жилищное строительство, начальное образование и так далее.

Особенно раздражает новую администрацию такое «жировое наслоение», как продовольственные талоны которые «рейганомисты» возмущенно называют «социальной экстравагантностью». Речь идет о купонах, распределяемых министерством земледелия среди беднейших слоев американского населения, не способных прокормить самих себя. В январе — месяце инаугурации — эти купоны получат 22 миллиона человек, то есть почти что один из каждых десяти граждан Соединенных Штатов. (Девяносто процентов американцев, получающих продовольственные талоны, живут ниже официального барьера нищеты.) Только за последние три года эта статья федерального бюджета выросла на 95 процентов и в графическом изображении выглядит как знаменитый ньюйоркский стотрехэтажный небоскреб «Эмпайр стейт билдинг». На этом основании республиканская пропаганда демагогически обзывала администрацию демократов «Робин Гудом», перекачивающим миллиарды долларов из карманов

налогоплательщиков высших и средних классов в копилки бедняков, безработных и престарелых. В действительности «Робин Гуд» лишь откупался, занимался подачками, а главное — выпускал пар из бурлящего котла социального недовольства.

Попытка сбалансировать бюджет за счет клиентов «Робин Гуда» жестокая, бесчеловечная политика. (Она бьет также по фермерам, которые извлекают определенную выгоду, обеспечивая программу продовольственных талонов.) А ведь достаточно уменьшить безработицу всего на один процент, чтобы сэкономить по этой статье полмиллиарда долларов в год, или снизить инфляцию на один процент, чтобы сэкономить 1,2 миллиарда долларов. (Официальные данные министерства земледелия США.) Но Рейган и его «рейганомисты» не обещают уменьшения безработицы и инфляции. Как заявил новый президент в своей инаугурационной речи, «экономические болезни, от которых мы страдаем, обрушивались на нас в течение нескольких десятилетий. Они не исчезнут за несколько дней, недель или месяцев». Утверждают, что именно этот пассаж из президентской речи вызвал панику на фондовой бирже Нью-Йорка. По словам Чарльза Дженсена, одного из ведущих аналитиков биржи, в экономической программе республиканцев «нет гвоздя, на который можно было бы повесить шляпу». Зато в ней сколько угодно полок, на которые можно класть зубы.

Печать усматривает определенную долю иронии в том, как Рейган перефразировал знаменитое высказывание покойного премьер-министра Англии Уинстона Черчилля о нежелании последнего председательствовать на распродаже Британской империи. Приведя эту черчиллевскую цитату, Рейган сказал, что он тоже принес присягу «не для того, чтобы председательствовать на распаде самой мощной экономики мира». Как известно, Черчиллю не удалось остановить распад Британской империи. И поэтому параллель, приведенная Рейганом, независимо от желания и намерений президента, прозвучала далеко не оптимистически...

На платформе у западного крыла Капитолия и на трибунах для особо почетных гостей в день инаугурации были установлены специальные вибрирующие устройства, отгоняющие назойливых голубей. Создается впечатление, что нечто подобное вмонтировано и в бюджет США, вернее, не в весь бюджет, а в его военные статьи. «Ястребы» сделали все, чтобы они остались вне досягаемости «голубей». Как известно, Картер оставил в наследство Рейгану рекордный военный бюджет в размере 196,4 миллиарда долларов. Газеты пишут, что между строк этого бюджета как бы прочитывается дразнящий вызов: «Попробуй переплюнь!» К сожалению, вызов этот принят. Новый шеф Пентагона Каспар Уайнбергер в своем первом обращении к вооруженным силам страны торжественно провозгласил, что его миссия заключается в «перевооружении Америки», в «значительном усилении ее военной

мощи», в «немедленном восстановлении нашего стратегического баланса» (словно кто-то его нарушил!).

С аналогичными заявлениями выступил и государственный секретарь Хейг, в недалеком прошлом верховный главнокомандующий вооруженными силами НАТО в Европе, а затем глава гигантского военного концерна «Юнайтед Текнолоджис». Когда-то говорили: «Война слишком ответственное дело для того, чтобы поручать ее генералам». Теперь в США генералам поручают ведение дел дипломатических. Здесь не прошло незамеченным и такое немаловажное обстоятельство. Александр Хейг «сосватал» национальному совету безопасности, функционирующему при президенте США, двух своих бывших подчиненных по НАТО — контр-адмирала Джеймса Нэнса и генерал-майора Роберта Швейцера, причем первый получил пост специального помощника президента по делам национальной безопасности и стал таким образом вторым лицом в совете после Ричарда Аллена, главного помощника президента.

Пытаясь оправдать слишком уж густое нашествие «ястребов» на послеинаугурационный Вашингтон, один из близких помощников Рейгана, принадлежащий к так называемым «прагматикам», заявил, что новый президент США действует якобы по принципу «крестного отца» из одноименного романа Марио Пьюзо о мафии. Принцип этот гласит: «Держи друзей поближе к себе, а врагов еще ближе». «Мы стараемся держать этих типов из «морального большинства» как можно ближе, чтобы они не могли пошевелить руками», — пояснил свою мысль «прагматик». Время покажет, кто у кого окажется в плену — «ястребы» у «прагматиков» или наоборот. А пока что первые, возглавляемые сенатором от Северной Каролины Джесси Хелмсом, требуют, чтобы Уайнбергер взял себе в заместители «суперъястреба» Поля Нитце и назначил военно-морским министром еще одного «ультра» — Джона Лемана.

...На следующий день после инаугурации в Белом доме состоялась церемония принесения присяги штатом президента. Присягу принимал Рейган. Когда он вошел в Северную комнату Белого дома, где собрались его сотрудники, духовой оркестр корпуса морской пехоты грянул президентский гимн «Ура шефу!».

— Я хочу, чтобы вы знали: я отнюдь не желаю, чтобы меня каждое утро приветствовал оркестр морских пехотинцев, — многозначительно заметил Рейган.

Как говорится, дай бог!

В своей инаугурационной речи новый президент торжественно заявил, что «мир является наивысшей целью американского народа». В этом нет никакого сомнения. Весь вопрос состоит в том, что правящие круги Соединенных Штатов, и в первую очередь военно-промышленный комплекс, не считаются с волей, с миролюбивыми чаяниями своего народа и проводят политику, вопиюще противоречащую им — поли-

тику все возрастающей гонки вооружений и всевозможных империалистических доктрин, чреватых агрессией и иными международными авантюрами. Поэтому подлинным оселком деятельности и действенности новой администрации во внешнеполитической области будет то, насколько адекватно станет она отражать и воплощать в жизнь миролюбивые устремления американского народа, насколько разумно будет она подходить к определению национальных приоритетов своей страны, к защите ее подлинных, а не надуманных интересов, рассматриваемых сквозь фальшивую, искажающую перспективу призму «советской военной угрозы».

...Инаугурационный бал окончен. Погасли миниатюрные свечи и гигантские фейерверки. Техасско-калифорнийский Версаль покидает бюрократический Вашингтон. Или это только кажется, что покидает?..

Центральный аэродром Национального вашингтонского аэропорта. Буквально каждую минуту диктор-диспетчер объявляет по внутреннему радио:

— Группу мистера Меллона прошу приготовиться!

— Группу мистера Генри Форда II прошу приготовиться!

— Группу доктора Арманда Хаммера прошу приготовиться!

— Группу «Бетлихем стил» прошу приготовиться!

Создается такое впечатление, будто диктор-диспетчер зачитывает список пятисот крупнейших корпораций Америки, публикуемый по старой традиции журналом «Форчун», этой библией деловых кругов Нового Света.

Каждая заминка, даже самая незначительная, вызывает взрыв благородного негодования у некоронованных королей Америки.

— Я завел собственный самолет для того, чтобы не терять время, а не для протирания штанов в очередях! — хорохорится один из «королей». А его спутница, закутанная с головы до ног в соболя, назидательно втолковывает недостаточно расторопному служащему аэропорта:

— Вы должны понять — все эти люди спешат на работу! — слово «работа» звучит в ее цикламенно-аквамариновых устах и комично, и богохульно.

Да, время — деньги, а не трата денег, как изволил зубоскалить Оскар Уайльд.

Особенно достается пилотам частных лайнеров, хотя они ни в чем не повинны. График вылетов — не их компетенция. «Короли» кричат на них, как на извозчиков. Администрация аэропорта, видимо, сжалившись над кучерами летающих карет, объявляет по радио:

— Леди и джентльмены, пожалуйста, не сердитесь на ваших пилотов! Задержки с вылетами не их вина!

Затем диктор-диспетчер, отключив микрофон, дает волю своим чувствам, впрочем, в разумных пределах:

— Подумаешь, примадонны! — бормочет он...

Инаугурационный бал окончен. Погасли миниатюрные

свечи и гигантские фейерверки. Техасско-калифорнийский Версаль покидает бюрократический Вашингтон. Или это только кажется, что покидает? Конечно, только кажется! Авиационная армада монополий кружит, словно ястребиная стая, над столицей Соединенных Штатов, кружит круглосуточно, зорко наблюдая за тем, как идут дела в вашингтонских коридорах власти, готовая незамедлительно спикировать, если что не так. Ей сверху видно все.

Все ли?

Вашингтон — Лос-Анджелес — Нью-Йорк.
Ноябрь 1980 г. — январь 1981 г.

Первый и сороковой

Если гора не идет к Магомету, Магомет идет к горе... 22 февраля в ознаменование 250-летия со дня рождения Джорджа Вашингтона сороковой президент Соединенных Штатов отправился к месту захоронения первого — в Маунт-Вернон (маунт по-английски — гора). Вертолет, стартовавший с лужайки Белого дома, без особых приключений приземлился перед иным белым домом — особняком XVIII столетия, в котором жил и умер Вашингтон. Сороковой президент возложил венок на могилу первого и произнес подобающую для такого случая речь. Впрочем, подобающую ли?

Но не будем забегать вперед. Речь Рейгана предназначалась для весьма определенной аудитории — детей Америки. С этой целью и при помощи компании «Мючуал бродкастинг систем» выступление президента транслировалось по всем радиофицированным школам страны. Короче, спич Рейгана был задуман как глобальный урок истории. «Учитель» призывал учеников «перепосвятить себя идеалам, провозглашенным Вашингтоном». Именно перепосвятить, а не посвятить. В этом «оттенке» содержался намек на то, что молодое поколение американцев все чаще «посматривает в другую сторону».

Далее Рейган говорил о том, что Вашингтон «не был пассивным лидером, не был паркетным генералом. Он всегда был во главе своих войск и своего народа. Он не только был на уровне своего времени, он сам устанавливал этот уровень». Вспомнил президент и знаменитую переправу через реку Делавэр, этот своеобразный Рубикон на пути к победе американской революции. По всему чувствовалось, что сороковой как бы примеряет мундир первого, гарцуя впереди своих

войск, запамятовав или, скорее, умолчав о том, что его ракетно-ядерная рать, в отличие от солдат Вашингтона, несет не свободу, а тиранию, не мир, а атомную катастрофу.

Как бы «заземляя» свою манию величия, Рейган пошутил со школьниками: «Если Джордж Вашингтон выглядит в ваших глазах великаном и рождает в вас ощущение своей незначительности, то должен сказать вам по секрету, то же самое происходит и со всеми нами». Наконец, президент обратился к своим радиослушателям с риторическим вопросом: «Находимся ли мы на уровне веры, которую завещал нам Вашингтон?»

Трудно сказать, что и как ответили американские школьники на этот вопрос. Мой личный опыт в данном случае ограничивается лишь начальной школой Брэддок в Аннандейле. Еще за несколько месяцев до знаменательной даты приготовишки этой школы — пяти-, шестилетние карапузы с волнением готовились к поездке в Маунт-Вернон, в дом-музей Джорджа Вашингтона. Каково же было их разочарование, когда служба безопасности показала им от ворот поворот. В связи с визитом Рейгана дом-музей Вашингтона, бывшего всегда «во главе своих войск и своего народа», оказался на замке. Народ не смог принять участие в церемонии, посвященной 250-летию со дня рождения основателя Соединенных Штатов Америки. Не было сделано исключения даже для будущего страны — ее детей. Неужели и эти приготовишки, эти от горшка два вершка, подозреваются в принадлежности к мифическим «террористам полковника Каддафи»? Вопрос сей, разумеется, тоже из серии риторических. А вот закрытые ворота усадьбы Вашингтона, за которыми президент Рейган витийствовал о «свободе, вере и дружбе» — из картин символических.

Интервью с разочарованными карапузами и их родителями были краткими, но исчерпывающими:

— Мы пришли не слушать Рейгана, а поклониться Вашингтону!

— Мой пистолет игрушечный!

— Скажите президенту, что на улице очень холодно!

— Уж не боится ли мистер Рейган, что мы будем ему мстить за отмену школьных завтраков?!

И снова вопль отчаяния:

— Мой пистолет — игрушечный!..

Но вот меры, которые должны быть приняты, согласно проекту нового бюджета, в области социального обеспечения, образования и здравоохранения, не игрушечные, а драконовские. Реакция аудитории Рейгана была бы куда более одобрительной, если бы президент вместо сравнения масштабов Вашингтона с современными политическими деятелями страны сравнил бы гигантские масштабы расходов на гонку вооружений с тощими крохами на мирные статьи и «перепосвятил» бы себя и свой бюджет последним.

Однако Рейган и не помышляет о переходе подобного

Делавэра-Рубикона. Жребий им брошен в пользу Пентагона, а не тех, кто вооружен исключительно игрушечными пистолетами. Вот почему резко сокращаются расходы на образование (с 15 миллиардов долларов в 1982 году до 11,4 миллиарда долларов в 1983 году). Более того, в будущем Рейган намеревается вообще ликвидировать министерство образования! Резко сокращаются расходы и на здравоохранение. По словам Стэнли Мейтека, президента Американской общественной ассоциации здоровья, «рейгановский бюджет угрожает здоровью нации... Подумаешь, какая смелость — лишать ассигнований важнейшие программы здравоохранения и скармливать их милитаристам».

Да, это не та смелость, которая обессмертила Джорджа Вашингтона. Последний воевал с британской короной, а не с американскими детьми. А вот нынешняя администрация в результате проводимой ею бюджетной политики только за два года (1982—1983) сократит более чем наполовину расходы по статьям программ «Забота о матери и ребенке», «О женщинах и новорожденных», а также на 25 процентов — бюджет Центра контроля за болезнями, ведающего иммунологическими прививками детского населения. «Администрация ведет беспрецедентное и неоправданное наступление на программу здравоохранения, видимо не осознавая, как велики его человеческие и экономические жертвы», — заявляет Стэнли Мейтек. Правда, президент Рейган еще не решил упразднить министерство здравоохранения. Но вот совет по планированию здравоохранения «приговорен им к смертной казни».

Я уж не говорю о злополучных школьных завтраках и продовольственных талонах, о всей гамме социального обеспечения, урезывание которого так или иначе отражается на молодом поколении. Не говорю я и о больших общих проблемах, когда молодежь, окончив школы и колледжи, вливается не в ряды строителей жизни, а пополняет армию безработных, преступников и наркоманов, когда она, недоедавшая в годы учения, становится пушечным мясом, покинув школьные парты.

Принято говорить, что устами младенца глаголет истина. К сожалению, эта истина не доходит до слуха и сердца нынешних правителей Америки, и не только потому, что белый дом в Маунт-Верноне на замке. Как раз в тот самый день, когда президент Рейган посетил дом-музей Вашингтона, газета «Вашингтон пост» и телекомпания Эй-би-си обнародовали итоги проведенного ими совместного опроса общественного мнения, которые показывают, что подавляющее большинство американцев желают и требуют изменения экономической политики республиканской администрации.

— Что вы скажете по поводу этих результатов опроса? — спросили репортеры Рейгана, когда он пересаживался из вертолета в лимузин для поездки на могилу Джорджа Вашингтона.

— Я не знаком с ними. И вообще нация не хочет изменений

нашей экономической политики. У нее лишь отдельные претензии к ней, — ответил Рейган.

— А вы собираетесь менять вашу политику?

— Нет, — отрезал сороковой и двинулся на поклон к первому...

Здесь я позволю себе небольшой стилистический скачок — от фактического репортажа к фантастике — воображаемому диалогу между Рейганом и Вашингтоном.

Прервав красноречивые излияния сорокового, первый деловым, диссонирующим с торжественной обстановкой голосом осведомился:

— Все это хорошо, Рональд, я тронут вашими словами о моем прошлом. Но меня беспокоит мое настоящее и будущее.

— А в чем дело? — настороженно спросил сороковой.

— Дело в том, что дом, в котором живет мой дух, вот-вот развалится, если раньше его не сожрет пожар.

— А вы не преувеличиваете?

— Нисколько. С тех пор как в 1858 году мой прапраплемянник продал дом и усадьбу дамам из «Маунт-Вернон ледис ассошиейшн», здесь не производили капитального ремонта. Электрическая проводка, установленная еще в 1922 году самим Томасом Альвой Эдисоном, да благословит его бог, безнадежно устарела. Сейчас она не столько источник света, сколько источник огня. Кстати, и водоснабжение в моем доме весьма архаично. Оно скорее напоминает водопровод, сработанный рабами древнего Рима, чем колонистами Америки восемнадцатого столетия. Только за последнее время мы дважды чуть было не сгорели от короткого замыкания. Мою библиотеку и архив, а по нынешним ценам они стоят около трех миллионов долларов, пришлось перенести в единственное надежное место — гараж для пожарной автомашины. Она тоже вполне архаична. Ее подарил маунт-вернонским леди еще в 1936 году Генри Форд I, да благословит его бог. А стены дома? Вы только посмотрите! Штукатурка держится на честном слове нечестного политикана и вот-вот обвалится, как его карьера.

— Ах, куда это смотрят наши маунт-вернонские леди! — лицемерно воскликнул сороковой, пытаясь пустить в ложном направлении мысль первого.

Но отвлекающий маневр сорокового не удался.

— Леди из маунт-вернонской ассоциации здесь ни при чем, — возразил первый. — Они просто не могут поспеть за темпами вашей инфляции, хотя многие из них довольно еще молоды. За последние пятнадцать лет входная цена в мой музей выросла в четыре раза. Мне как-то не по себе, как-то совестно глядеть в глаза потомкам, платящим по три доллара за право прикоснуться к принадлежащей им истории. А вот Парижский дом инвалидов, где покоится прах Наполеона, открыт для любого француза, причем, заметьте, бесплатно.

— Французы — народ легкомысленный, — недовольно пробурчал сороковой.

— Ну, а Вестминстерское аббатство в Лондоне? Не станете же вы утверждать, милейший, что и англичане — народ легкомысленный?

— Англичанка всегда мутит.

Первый пропустил мимо ушей эти слова сорокового и продолжил начатую тему:

— Около миллиона человек посещают меня ежегодно, оставляя по трешке в кассах. Но это далеко не достаточно на ремонт.

— А сколько вам надо? — осторожно спросил сороковой.

— Шесть миллионов. Это без учета заработной платы сотрудникам музея и других текущих расходов, — ответил первый.

— Ого! — даже присвистнул сороковой.

— Что «ого»? — начал кипятиться первый. — Я слышал, каждая ваша подводная лодка «Трайдент» обходится в два миллиарда долларов. Вот это и впрямь «ого».

— Приоритеты национальной безопасности, — начал было оправдываться сороковой, но первый резко оборвал его:

— Не морочьте мне голову вашими приоритетами. Или вы забыли, что я генерал и к тому же не из паркетных?

— Но мы — страна свободного предпринимательства и частной инициативы. Благотворительность, а не государственная казна должна финансировать исторические памятники, — попытался перейти в наступление сороковой.

— Не ожидал, не ожидал такого от соседа по Белому дому. Даже наши маунт-вернонские леди понимают, что я не зубная паста и не нижнее дамское белье. Вот уже почти сто двадцать лет они с благородным упорством отказываются превратить мой музей в коммерческое предприятие. Так, буквально накануне вашего визита они отвергли предложение компании «Сирс ребак» отремонтировать дом в обмен на рекламу ее губок, тряпок, красок и щеток, а также предложение автомобильных фирм рекламировать их новые модели на моем фоне за солидное вспомоществование.

— Да, гордость и принципы вещь дорогая, — глубокомысленно заметил сороковой.

— Не гордость и принципы, а ракеты MX. Мне говорили, что стоимость одной этой ракеты превосходит все бюджетные ассигнования на охрану и поддержание наших исторических памятников. Черт подери, ваша политика угрожает не только будущему, но и прошлому Америки, — взорвался первый.

Кто-то из маунт-вернонских леди, случайно присутствовавших при беседе, попытался было остудить гнев первого стаканом холодной воды. Но, как это нередко случается здесь, водопровод, сработанный еще рабами древнего Рима, вновь забарахлил, и питьевой воды не оказалось, а поднести Джорджу Вашингтону кока-колу щепетильные маунт-вернонские леди так и не решились.

— Успокойтесь, сударь! — воспользовался паузой сороковой. — Мы объявили кампанию по сбору средств на ремонт

вашей усадьбы.

— Не вы, а общественность.

— Но председателем фонда назначен мой министр финансов и почти тезка Дональд Риган.

— О, боже правый! Ведь это же означает пустить козла в огород! Где Дональд — там дефицит!

Сороковому нечем было крыть, и он предпочел скрыться... Лишь после того как президент Рейган покинул Маунт-Вернон, ворота дома-музея Джорджа Вашингтона были открыты для широкой публики, включая приготовишек из начальной школы Брэддок, что в Аннандейле. Карапузы основательно продрогли. Но, как говорится, нет худа без добра — преподанный им урок истории не прошел даром. Они и, как мы надеемся, сопровождавшие их взрослые, уяснили себе весьма важную истину: пока сороковой находится в Маунт-Верноне, а если смотреть на вещи шире, то и в Белом доме, встреча между первым и Америкой исключается.

Вашингтон, 26 февраля 1982 г.

У ограды Белого дома

Если память мне не изменяет, появился он впервые у ограды Белого дома где-то в начале лета 1981 года, расположился под решетками со стороны Пенсильвания-авеню напротив Лафайет-парка и словно навеки прикипел к ним. Вашингтонцы шутят, что он проводит в Белом доме больше времени, чем сам президент Рейган. Рейган коротает уик-энды в Кэмп-Дэвиде, отдыхает на «Небесном ранчо» в Калифорнии, путешествует по стране и за ее пределами, а он неизменно здесь — почти двадцать четыре часа в сутки и семь дней в неделю.

Впрочем, до того как приковать себя незримыми цепями к ограде Белого дома, он тоже немало побродил по белу свету. Трудно сказать, как и почему обуяла его охота к перемене мест. Был он по профессии ювелиром и жил в Нью-Мехико.

— Делая украшения из золота и серебра и шлифуя драгоценные камни, я постепенно пришел к выводу, что деньги — корень всех зол. Но, с другой стороны, для того, чтобы жить, необходимы деньги. Получается, что мы вынуждены жить со злом, мириться с ним. Такое заключение было мне не по душе, и я решил в корне изменить свою жизнь, — рассказывает Вильям Томас. Так зовут человека, несущего бесконечный караул у ограды Белого дома.

Для того чтобы вырвать корень всех зол, Томас закрыл ювелирную лавку в Нью-Мехико, ликвидировал свое дело

и отправился в кругосветное путешествие «в надежде найти ответ на мучавшую меня дилемму». Путешествие началось с Северной Африки. Путь от Касабланки до Каира Томас проделал пешком.

— На каждом шагу я видел страдания, главной причиной которых был экономический эгоизм Соединенных Штатов и Западной Европы...

В Каире Томаса арестовали и бросили в тюрьму. Его соседями по камере были палестинцы. Когда его выпустили, он пересек Синайскую пустыню и оказался в Израиле. Израильские власти были не менее гостеприимными, чем египетские. Томас снова оказался в тюрьме, и снова его соседями по камере были палестинцы.

— По иронии судьбы именно в это время в Кэмп-Дэвиде проходили переговоры между Картером, Садатом и Бегином. О подписании кэмп-дэвидских соглашений я узнал в тюрьме от одного палестинца, которому друзья тайком с воли пересылали газеты. Как сейчас помню фотографию трех лидеров, взявшихся за руки на лужайке Белого дома.

Мне тоже памятен этот день. Я тоже был на лужайке Белого дома на местах, отведенных для прессы. Сколько воды и крови утекло с тех пор! Убийство Садата, агрессия в Ливане, резня в Сабре и Шатиле, «план Рейгана»...

— «Дух Кэмп-Дэвида» пошел мне на пользу. Поскольку я был американцем, египетские и израильские тюремщики относились ко мне вежливо. На палестинцев эта вежливость, разумеется, не распространялась...

Солидарность с палестинцами, не имевшими родины, натолкнула Томаса на мысль отказаться от американского гражданства. Наивный ювелир из Нью-Мехико, видимо, весьма смутно представлял себе трагедию палестинского народа, который не отказывается от родины, а, наоборот, борется за нее, мечтает о том дне, когда Палестина станет независимым и суверенным государством. Впрочем, не будем строго судить Дон Кихота из Нью-Мехико. Ему еще предстояло прозреть.

Была еще одна причина, побуждавшая Томаса отказаться от американского подданства и стать «гражданином мира». Он возненавидел войну и ядерное оружие, которые вместе с деньгами, со златом, причислял к «корню всех зол».

Акт отказа Томас совершил в Лондоне: порвал паспорт и другие удостоверения личности и официальные бумаги. Но этот жест не произвел ни малейшего впечатления на британские власти, которые решили депортировать его обратно в Штаты. Томас заартачился и обратился в американское консульство за документами, подтверждающими его «безгражданский» статус. Он заявил, что не покинет здание консульства, пока не получит «конституционную увольнительную». Тогда солдаты морской пехоты США, несущие по традиции караул во всех зарубежных дипломатических ведомствах Америки, передали его «из рук в руки» лондонской полиции, а последняя — иммиграционным властям. Те «обна-

ружили», что Томас просрочил свою выездную визу, и упекли его на три месяца в тюрьму. (Это было еще до того, как президент Рейган произнес в британском парламенте знаменитую речь о западных «свободах» и восточной «империи зла».)

Отсидев положенное, Томас вышел на волю, а вернее, угодил в лапы трех здоровенных полицейских, которые доставили его в аэропорт Хитроу и силой посадили в самолет компании «Бритиш эйруейс», направлявшийся в Нью-Йорк. Но встреча Вильяма Томаса со статуей Свободы не состоялась. «Вечный странник» ухитрился сбежать с борта лайнера до его взлета, воспользовавшись служебным трапом для экипажа.

— Жизнь, закон и полиция все-таки настигли меня...

Томаса вновь арестовали «за отказ ответить на вопрос, как он оказался в Англии, а не в Нью-Йорке».

Учтя прошлый опыт, лондонская полиция решила больше не рисковать. На сей раз «бобби» не просто посадили Томаса в самолет, а сопроводили его аж до самого Нью-Йорка. Но когда самолет приземлился в международном аэропорту имени Джона Ф. Кеннеди, Томас отказался покинуть его. Английская полиция всегда отличалась своей приверженностью порядку и законности. Поскольку юрисдикция «бобби» не распространяется на американскую территорию, из кабины самолета Томаса выволакивали их нью-йоркские коллеги.

«Блудный сын» отказался отвечать на вопросы иммиграционной службы. Тогда его силой вытолкнули за порог с транспарантом «Добро пожаловать в Соединенные Штаты!», а какой-то чиновник не то издевательски, не то от простоты душевной крикнул ему вслед:

— Ты свободен! Это прекрасная страна. Тебе у нас понравится — Диснейленд и все такое прочее!

Но Вильям Томас до Диснейленда не дошел. Ни до калифорнийского, ни до флоридского. Бросил он якорь у иного Диснейленда — политического — Белого дома в Вашингтоне. Календарь показывал, опять-таки если память мне не изменяет, июнь 1981 года. Томас присоединился к «постоянным протестникам», которые днюют и ночуют у ограды Белого дома, словно бельмо на глазу американской демократии.

Заявил он о себе сразу и решительно, устроив голодную забастовку, взобравшись на дерево в Лафайет-парке, укрепив на нем гамак и свесив лозунг: «Разыскиваются мудрость и честность». (Транспарант был оформлен в виде объявлений ФБР о розыске особо опасных преступников.) Парковая полиция сняла диковинную птицу с дерева и посадила в клетку. Томасу было предъявлено обвинение в том, что он нарушил правило, согласно которому в этом районе Вашингтона нельзя вывешивать транспаранты выше пяти футов от земли. (Любопытный «водораздел» прав и свобод, не правда ли?) В операции по снятию Томаса с дерева приняли участие двадцать полицейских автомобилей и две пожарные машины.

Что и говорить, «силы быстрого развертывания» не дремали.

Так состоялось боевое крещение Вильяма Томаса...

С тех пор его неоднократно арестовывали, неоднократно сажали в тюрьму. Сколько раз? Этого не помнит даже сам Томас, хотя аккуратно хранит и таскает с собой копии всех судебных постановлений — от старых, уже успевших пожелтеть, до новых, еще свеженьких. Обвинения, как правило, трафаретные: «за кемпинг» в недозволенных местах.

— Это, конечно, чепуха. Я не живу у ограды Белого дома. Я демонстрирую, — говорит Томас.

Последний год демонстрации Томаса носят исключительно антивоенный характер. Он сидит под сенью гигантских намалеванных от руки транспарантов. На одном из них значится: «Добро пожаловать в сумасшедший дом!» Смысл этого приглашения требует некоторых пояснений. По-английски сумасшедший дом — madhouse. Первые три буквы mad — по случайному совпадению, приобретшему символическое значение, являются аббревиатурой военно-стратегической формулы «Mutually Assured Destruction», то есть «Взаимное гарантированное уничтожение». Речь идет о так называемом «равновесии страха» между двумя главными ядерными державами, нарушение которого грозит им взаимным самоубийством.

— Люди, которые считают, что гарантия мира — не разоружение, а MAD, сумасшедшие люди, — говорит Томас.

«Если оружие геноцида — «Пискипер», то тогда Гитлер был святым» — гласит надпись на другом транспаранте. И она нуждается в комментарии. Как известно, президент Рейган выкрутил у конгресса руки, вырвал у него согласие на производство и развертывание ста ракет MX. «Миссайл экспериментл» — четырехступенчатая межконтинентальная баллистическая ракета, оснащенная разделяющейся головной частью с десятью боеголовками индивидуального наведения. MX — оружие первого удара. Оказывается, президент души не чает в MX, но само название ракеты ему претит. Оно, видите ли, «не вдохновляет и не вызывает доверия» (подлинные слова президента). В связи с этим советник Рейгана по вопросам национальной безопасности Кларк предложил перекрестить MX в «Писмейкера», то есть «Миротворца». (Так называют пистолет «Кольт-45», старинный образчик которого, принадлежавший еще деду Кларка, висит на стене его кабинета в Белом доме.) Предложение Кларка пришлось по душе Рейгану. Но, поскольку «копирайт» — авторское право и «трейдмарк» — торговое клеймо уже закреплены за кольтом, ракете MX дали несколько видоизмененное название — «Пискипер», то есть «Страж мира».

Теперь вам ясна гневная ирония плаката Томаса? Если межконтинентальное термоядерное чудовище — оружие первого удара объявляют «Стражем мира», то, в самом деле, почему не причислить к лику святых Адольфа Гитлера? Лицемерие в крови у поджигателей. Недаром девизом страте-

гических ВВС Соединенных Штатов служат слова «Мир — наша профессия» и не случайно атомные бомбы, сброшенные на Хиросиму и Нагасаки, носили уменьшительные детские имена.

«Белый дом, должно быть, страдал лунатизмом, когда назвал эту ракету «Пискипер», — писал в «Нью-Йорк таймс» о крестинах МХ Герберт Сковилл, бывший заместитель директора ЦРУ и бывший помощник директора Агентства по контролю над вооружениями и разоружению. Лунатики, ядерные безумцы... Вспоминается такой эпизод из одиссеи Томаса. Во время очередного ареста — его брали два сотрудника секретной службы — один из них сказал, что Томас — сумасшедший.

— Нет, скорее всего он здесь единственный, кто в своем уме, — многозначительно возразил другой.

В антивоенное движение Томас включился под влиянием Нормана Мейера, еще одного «постоянного протестника», которого совесть и характер тоже прописали у ограды Белого дома.

— Мы с ним жили у одной решетки, как под одной крышей, — говорит Томас, и в голосе его звучат боль и скорбь.

Нормана Мейера уже нет в живых. Восьмого декабря прошлого года его застрелили полицейские-снайперы.

— Норман был в отчаянии. Ему казалось, что люди не слушают его, не принимают всерьез. Вот почему он отправился к Монументу. Хотел, чтобы люди прислушались, наконец, к его словам, — говорит Томас.

Монумент — он обязательно пишется с большой буквы — памятник первому президенту США Джорджу Вашингтону. Иногда его называют «Карандашом». Восьмого декабря прошлого года Норман Мейер, 66-летний житель Майами, запарковал у Монумента свой автофургон, выкрашенный в белый цвет, и объявил во всеуслышание, что он начинен тысячью фунтов динамита. Мейер пригрозил, что взорвет святыню, если администрация Рейгана не проведет общенациональные дебаты по вопросам войны и мира и не положит конец гонке вооружений. На ультиматум Мейера администрация ответила тем, что переселила президента из «подветренной» южной части Белого дома в безопасную, северную. Лужайка, в центре которой высится Монумент, опустела. В кольце полиции остался один лишь белый фургон. Буквы на его бортах складывались в призыв: «Задача номер один — запрещение ядерного оружия». Писать их Мейеру помогал Томас.

Когда Вашингтон — город и памятник — окутали сумерки, снайперы улучили момент и, стреляя наверняка, уложили наповал Мейера. Полицейские-саперы с опаской подошли к белому фургону, но никакой взрывчатки в нем не было. Одни лишь антивоенные плакаты и брошюры. Так закончился поход за мир, который в течение десяти лет вел в одиночку

Норман Мейер.

Как раз в тот самый роковой день Вильям Томас сколачивал из фанеры нечто среднее между курятником и газетным киоском, расписывая стены этого уникального сооружения антивоенными лозунгами.

— Фанеру и краски купил ему Норман, — вспоминает Консепшн Пиккотио, подруга Томаса и тоже «постоянный протестник».

Когда весть об «ультиматуме» Мейера дошла до Томаса, он бросился к Монументу, оставив в «лавочке» Консепшн раздавать прохожим антивоенные листовки.

— Поздно вечером ко мне подошли двое из охраны Белого дома и, ухмыляясь, сообщили, что Мейер убит. Они нас постоянно преследуют... За день до убийства Нормана я и Вильям были арестованы... Не помню, в какой раз...

Охранники конфисковали плакаты и ушли.

Вашингтон — город и Монумент — окончательно поглотила зимняя ночь.

Высота «Карандаша» — 170 метров. Как странно — и показательно — в послеение годы его длиной пользуются для сравнения, когда хотят подчеркнуть впечатляющие размеры новых ядерных подводных лодок военно-морских сил США. Раньше высотой «Карандаша» мерили величие американской демократии...

А у ограды Белого дома по-прежнему сидит Вильям Томас — ювелир из Нью-Мехико, ставший вашингтонским Дон-Кихотом. Сидит возле гибрида курятника и газетного киоска, расписанного антивоенными лозунгами и словами благодарности в память Нормана Мейера. Сидит и раздает прохожим, зевакам и туристам листовки и памфлеты, в том числе «Десять законов реальности», написанные Норманом, жизнь и смерть которого обернулись единственной зловещей реальностью современной Америки.

— Я знаю, один мой вид, не говоря уже о моих притчах, поляризует людей, — говорит Томас. — Но сегодня, когда движение за замораживание охватило всю страну, люди все чаще соглашаются со мной и все реже атакуют меня. Как жаль, что Норман не дожил до этого дня!

«Люди все реже атакуют меня»... К полиции это не относится. После убийства Мейера у подножия Монумента Томаса арестовывали четыре раза. В мае его избили до крови, а фанерную цитадель мира сожгли. Но Томас не сдается, не унывает. Дон-Кихоты, быть может, и чудаки, но никак не робкого десятка. Вильям Томас строит новый тент, расписывает его новыми лозунгами. А пока его подруга Консепшн Пиккотио стоит в дозоре у ограды Белого дома с огромным, почти в два раза выше ее транспарантом, пародирующим объявления гуверовской охранки: «Разыскиваются мудрость и честность».

26 июня 1983 г.

Каспар Уайнбергер — шеф Пентагона

Ночные кошмары — род профессионального недуга у обитателей Пентагона. В особенности у его хозяев. Пятнадцатый министр обороны Соединенных Штатов Каспар Уиллард Уайнбергер — не исключение. «Посреди любой ночи меня могут разбудить и сообщить, что Советский Союз вторгся на территорию, которую мы должны защищать, но на которой у нас нет ни баз, ни войск», — говорит он.

Если учесть, что американские базы и войска разбросаны буквально по всему миру — полторы тысячи баз на земле тридцати двух стран, — то будет весьма затруднительно представить себе территорию, возникающую в сновидениях Уайнбергера. («Он видит берег очарованный и очарованную даль», — сказал бы поэт и тут же заменил бы слово «очарованный» на «оккупированный».) Но не будем придираться. У пентагоновской бессонницы не только свои миражи, но и своя логика. И, как об этом свидетельствует печальная судьба Джеймса Форрестола, свой логический конец.

Однако не стоит упреждать события. Всему свой черед. Лучше начнем «от печки».

Назначение Уайнбергера министром обороны США вызвало недоумение в политических кругах Вашингтона. По словам вечно злых и ядовитых обозревателей Эванса и Новака, пишущих в четыре руки и врущих с три короба, ни один предшественник Уайнбергера, даже Чарли Вильсон из «Дженерал электрик», который был шефом Пентагона в 1953 году, не может сравниться с ним по части невежества в военно-стратегических вопросах. (В данном конкретном случае Эванс и Новак весьма недалеки от обычно не очень-то жалуемой ими истины.)

Военный опыт Уайнбергера, скажем прямо, не богат. В 1941 году, будучи еще студентом, Уайнбергер попытался вступить в ряды канадских военно-воздушных сил, но был забракован, так как страдал отсутствием чувства дистанции. («Я совершал посадку, когда до земли оставалось еще пятьдесят футов», — вспоминает Уайнбергер.) Рожденный ползать — летать не может. В том же году Уайнбергер становится рядовым матери-пехоты. Его посылают в Форт-Беннинг, штат Джорджия, в школу младших офицеров. (Тот самый Форт-Беннинг, из которого впоследствии вышли капитан Медина, лейтенант Колли и другие палачи Сонгми.) Уайнбер-

гер мечтал «сражаться плечом к плечу с Черчиллем», но вместо Европы его послали на Тихий океан в распоряжение генерала Дугласа Макартура. Там он и окончил войну с «бронзовой звездой» на груди и в чине капитана разведывательной службы при штабе «проконсула Японии». Так что судить о стратегических проблемах Уайнбергер может не выше капитанского сапога.

Злые языки — а они в Вашингтоне имеются не только у Эванса и Новака — утверждают, что своим возвышением Уайнбергер обязан двум людям — Уинстону Черчиллю и Рональду Рейгану, идейной преданности антикоммунизму первого и личной преданности второму, что, впрочем, идеально гармонирует друг с другом. На заседаниях совета национальной безопасности в Белом доме и на многочисленных сборищах НАТО Уайнбергер то и дело цитирует Черчилля, ставя в пример его бульдожий антикоммунизм нынешним западным «хлюпикам и слюнтяям».

— Каспар считает себя не просто черчиллеведом. Он видит себя этаким новоявленным Черчиллем, призванным вооружить Запад против Советов, — говорят в Пентагоне. Не с усмешкой, а с восхищением.

Сам Уайнбергер не возражает против подобного сравнения.

— Да, Черчилль — один из величайших моих героев, — заявляет его нынешний пентагоновский дубликат. — Он предупреждал Европу о необходимости вооружаться перед лицом немецкой угрозы. И он был прав, хотя его обвиняли в плохих манерах, в надоедливости. Ныне я пытаюсь доказывать, что существуют смертельно опасные параллели: сейчас угроза исходит от Советов, и мы должны перевооружаться. Если мы не сделаем этого сейчас, то у нас не будет времени даже сказать «слишком поздно», когда вспыхнет война...

Тот факт, что именно Советы спасли мировую цивилизацию от гитлеровской чумы, не вписывается в философию Уайнбергера, выверенную раз и навсегда камертоном фултонской речи Черчилля. И дело здесь не в плохой памяти или в плохих манерах шефа Пентагона. Его антикоммунизм не просто надоедлив, не просто назойлив. Это — навязчивая идея, идефикс, что тоже, как ночные кошмары, род недуга, весьма опасного, иногда — летального. (К сожалению, не всегда от русского слова «летать». Например, вылетать со службы или из окна.) «Вирулентный антисоветизм формирует все то, что вносит Уайнбергер в рейгановскую администрацию и в Североатлантический союз», — пишет обозреватель газеты «Вашингтон пост» Мартин Шрам. Да, вирус этот прочно засел в крови Уайнбергера. Отсюда и неутолимая жажда крови. Отсюда и ее неразумное кипение.

Беспрекословное поклонение Черчиллю. Беспрекословное подчинение Рейгану... Уайнбергера считали республиканцем рокфеллеровского толка, он служил в кабинетах президентов Никсона и Форда, но подлинным боссом, которому он при-

сягнул на верность, был Рейган, вернее, его калифорнийский «кухонный кабинет» — группа ультраконсервативных мультимиллионеров.

Уайнбергер родился в Сан-Франциско. Окончил юридический факультет Гарвардского университета. О нем рассказывают, что и в политехнической школе Сан-Франциско, и в Гарварде Уайнбергер «разрывался между каской солдата и шляпой ученого». Когда его сокурсники скандировали «Scholarships not Battleships», то есть «Стипендии, а не броненосцы», Каспар явно склонялся к последним. Тем не менее науки давались ему легко. (Phi Beta Kappa, magna cum laude и прочие знаки академического отличия.) Уайнбергер активно участвовал в политической жизни Калифорнии. Занимался журналистикой, вел телевизионные шоу. Заседал в ее законодательных органах. Был председателем республиканского комитета штата. Когда Рейган стал губернатором Калифорнии, он сделал Уайнбергера своим министром финансов. (Официальный титул — директор финансов.) Они быстро нашли общий язык на почве «пуританского подхода» к государственным расходам на социальные нужды во имя сбалансированного бюджета как высшей формы фискальной добродетели. (Сбалансированного, разумеется, за счет простых калифорнийцев, а не «кухонного кабинета» мультимиллионеров.)

Деятельность Уайнбергера в Сакраменто (столица штата Калифорния) снискала ему репутацию Каспара-ножа, человека, умеющего ловко отсекать жировые наслоения от здоровой бюджетной ткани. (Повторяю, за счет тех людей, о которых говорится: не до жиру, быть бы живу. Ведь Каспар-нож по существу отсекал не жир, а резал по живому.) Искусство калифорнийского «мясника» было замечено и одобрено в Вашингтоне, и в 1970 году Уайнбергер перебрался из Сакраменто на берега Потомака сначала в качестве председателя федеральной торговой комиссии, затем заместителя директора, а несколько позже директора административно-бюджетного управления.

С 1973 по 1975 год Уайнбергер находился на посту министра здравоохранения, образования и социального обеспечения, хотя по-прежнему отдавал предпочтение броненосцам перед стипендиями. Здесь таланты Каспара-ножа развернулись уже во всеамериканском масштабе. Он выступал за ампутацию почти всех социальных программ — от школьных завтраков до медицинских исследований. Он требовал от президента Никсона наложить вето даже на законопроект о федеральной помощи слепым и инвалидам! (На что только не пойдешь в слепом преклонении перед сбалансированным бюджетом! Но вот гигантские расходы на вьетнамскую авантюру Уайнбергера не трогали. На них он предпочитал закрывать глаза.) Об Уайнбергере стали поговаривать как о наиболее «гуверовском» из всех министров республиканской администрации. Даже Никсон и Форд с опаской поглядывали на него, тем более что не верили в его личную лояль-

ность. Он, как-никак, был человеком Рейгана, их главного соперника на соискание прописки по Пенсильвания-авеню, 1600. (Почтовый адрес Белого дома.) К чести Уайнбергера следует сказать, что он и не скрывал этого. В дни, когда между Никсоном и Рейганом шли ожесточенные предвыборные баталии — «праймэриз», Уайнбергер дерзко, с вызовом повесил на стене своего кабинета в бюджетном офисе фотографию широко улыбающегося Рейгана, украшенную его собственноручной надписью: «Благодаря тебе эта улыбка настоящая. С чувством дружбы и наилучшими пожеланиями. Рон».

В 1976 году, после прихода к власти демократов, Уайнбергер покинул Вашингтон, вложил нож, которым было совершено столько социальных кровопусканий, в ножны и вернулся в Сан-Франциско, где добрые самаритяне из «кухонного кабинета» приготовили ему теплое местечко вице-президента многонациональной строительно-инженерной фирмы «Бектел корпорейшн».

Президентская кампания 1980 года вновь позвала Уайнбергера под рейгановские знамена. А после победы своего патрона Уайнбергер перебрался в Лос-Анджелес, где вместе с членами «кухонного кабинета» принялся формировать административную команду Рейгана. Не забывал он, естественно, и о себе, вожделенно поглядывая на портфели государственного секретаря и министра финансов. Но первый портфель достался генералу Александру Хейгу, которого «знала» Западная Европа, а второй — бизнесмену Дональду Ригену, которого «знал» Уолл-стрит. Впрочем, Уайнбергер в накладе не остался. Ему отвели Пентагон, хотя военно-промышленный комплекс до этого «не знал» Уайнбергера. «Ничего, мой Дизраэли справится с этим назначением. Ведь, в конце концов, Пентагон — все то же министерство здравоохранения, образования и социального обеспечения, но только военизированное», — сказал Рейган, отвечая на вопросы сомневавшихся. Так «мой Дизраэли» стал повелителем судеб одного миллиона граждан, одетых в партикулярное платье, и около трех миллионов граждан, одетых в военную форму. (Пентагон — это Левиафан.)

Уайнбергер вспоминает, как 1 декабря 1980 года ему позвонил Рейган и «ошарашил» следующей тирадой: «Я собираюсь смешать все ваши карты. Я хочу, чтобы вы стали моим министром обороны».

Итак, все смешалось в доме пентагоновских Облонских.

Воцарение Уайнбергера в Пентагоне — кольцо «Е» на третьем этаже знаменитого пятигранника у берегов Потомака — встревожило и либералов, и консерваторов, и «голубей», и «ястребов». Причина тревоги на разных политических полюсах была одна и та же — некомпетентность калифорнийского Дизраэли, но вот причина причин — разнилась, как день от ночи. Первые опасались, что Уайнбергер, который не был ученым-атомником, как его предшественник Браун, и не обладал компьютерным мозгом супертехнократа Макнама-

ры, окажется легкой добычей, игрушкой в руках пентагоновских профессионалов. «Эти генералы и адмиралы прожуют и выплюнут его за пятнадцать минут», — говорили, содрогаясь, но отнюдь не ликуя, либералы-«голуби».

Консерваторов-«ястребов» смущало прошлое нового министра обороны. Каспар-нож, корпоративный юрист, слыл человеком прижимистым, руководствующимся девизом «деньги счет любят», для которого понятие «священная корова» не существует. Ведь недаром же его называли «мясником»! Еще до вступления в должность шефа Пентагона Уайнбергер угрожающе заявлял: «Воровство, расточительство, разгильдяйство имеют место везде, включая национальную оборону. Ничто не неприкасаемо, ничто не священно». Разговоры о том, что-де Уайнбергер — не Каспар-нож, а Каспар-скальпель, то есть не «мясник», а «хирург», мало успокаивали Пентагон, который не выносит даже «терапевтов», когда речь заходит об его бюджете.

Первое же явление Уайнбергера Пентагону показало, что заблуждались и те, и другие, и либералы-«голуби», и консерваторы-«ястребы». Правда, заблуждение первых было горьким, а заблуждение вторых — приятным. Уайнбергер сразу показал себя твердым орешком, который нельзя расколоть, а тем более сжевать ни за пятнадцать минут, ни за пятнадцать месяцев. Впрочем, никто в Пентагоне и не помышлял об этом. Зачем прожевывать и выплевывать человека, который холит тебя и лелеет, который отлично понимает, что, хотя деньги любят счет, Пентагон любит деньги еще больше. Уайнбергер унаследовал от своего предшественника бюджет в 196 миллиардов долларов. Начальники штабов требовали от него 206 миллиардов. Он им отрезал или прирезал, как вам больше понравится, 222 миллиарда долларов. (На 11 процентов выше, чем предыдущие бюджетные наметки на 1982 финансовый год.) Недаром, только-только войдя в свой новый кабинет, Уайнбергер почувствовал себя «в качестве человека, бегущего за уже отошедшим поездом». Поезд виделся ему в качестве катка гонки вооружений, у штурвала которого сидят конечно же, «Советы», а в роли безнадежно отставшего пассажира выступают, конечно же, Соединенные Штаты.

С этих пор, хотя Уайнбергер и «прирезал» миллиарды долларов, его стали называть уже не Каспар-нож, а Каспар-лопата. «Он бросает деньги лопатой в топку Пентагона!» — жаловались либералы-«голуби» и восхищались консерваторы-«ястребы».

Небольшая деталь, которая могла бы быть юмористической, если бы речь не шла о конвейере мегасмертей. Войдя по праву победителя — не «красных» коммунистов, а американских демократов — в кабинет на третьем этаже кольца «Е» Пентагона, Уайнбергер немедленно распорядился убрать с его стен «бюрократическую мазню» и повесить вместо нее шедевр итальянской живописи «Тициан с учеником», помеченный 1590 годом. Либералы возликовали: мол, Каспар наш

(не нож) плоть от плоти, кровь от крови, плоти белой, крови голубой, интеллектуал, питомец Гарварда, Phi Beta Kappa, magna cum laude и тому подобное.

«Ха-ха! — отозвалось насмешливым эхом это либеральное с гарвардским прононсом воркование в противоположных квартирах. — Ваш Каспар не дурак. Его на мякине не проведешь. Он не любит дешевки. Ему подавай все дорогое!» И подали. Решение о строительстве новых стратегических бомбардировщиков B-1 и «Стелс», об увеличении военно-морского флота с четырехсот до шестисот единиц, о создании двух дополнительных ядерных авианосцев-динозавров было принято Уайнбергером в первые же недели его пребывания на посту министра обороны. Не знаю, как у Тициана, но вот у Пентагона ученик оказался весьма смышленым и способным. Он обещал далеко пойти. (Кстати, экзамен-конфирмацию в сенате Уайнбергер выдержал недурно. Его для этого основательно натаскали пентагоновские спецы, заготовив новому шефу обстоятельные досье-шпаргалки «на все случаи жизни», вернее, смерти.)

— Ничего особенного, — скромничал Уайнбергер, — Пентагон такая же корпорация, как «Бектел».

Что ж, почему бы и не сравнить строительную фирму с машиной разрушения? Ведь сравнивал же Рейган Пентагон с министерством здравоохранения, образования и социального обеспечения?

От подобных сравнений неизменно выигрывает Пентагон. Все остальные кругом в проигрыше. Американская экономика переживает глубокий спад. Бюджетный дефицит вопиет к небу. Здравоохранение, образование и социальное обеспечение грубо опрокинуты на прокрустово ложе, над которым колдует с топором в руке нынешний директор административно-бюджетного управления Дэвид Стокмэн. И лишь Пентагон пользуется, как здесь принято говорить, «бесплатным билетом». (Раскошеливающийся налогоплательщик в счет не идет.)

Когда стало ясно, что никакая бюджетная «соковыжималка» не в состоянии хотя бы мало-мальски усушить и утрясти грандиозный дефицит, Стокмэн, поддержанный Джеймсом Бейкером, членом всесильного триумвирата Белого дома, решил «пощипать» Пентагон на тридцать миллиардов долларов. Дуэль бывшего и нынешнего директоров состоялась в бюджетной комиссии палаты представителей и закончилась сокрушительной победой бывшего. Изощренные эконометрические модели Стокмэна были безжалостно раздавлены пентагоновским паровым катком, продемонстрировавшим, как ехидно писали газеты, «институционную импотенцию бюджетного офиса». Тщетно пытался Стокмэн взывать к прошлому своего соперника, тщетно цитировал его же собственные слова о том, что он «не будет инструментом в руках военно-промышленного комплекса». «Сменивший шляпы» Уайнбергер, разумеется, не попался на эту наивно-

сентиментальную удочку отчаяния. Довольно грубо он дал понять Стокмэну, что тот запамятовал первую заповедь бюрократического катехизиса: «То, на чем я стою, определяется тем, на чем я сижу». А сидит ныне Уайнбергер в кресле шефа Пентагона.

«Смена шляп» была удивительно символической. Несколько лет назад в этой же самой комиссии Уайнбергер протестовал против планов тогдашнего министра обороны Лейрда приступить к созданию бомбардировщика В-1. «Он сто раз требовал, я сто раз отказывал. Он хотел заграбастать все в течение первых же пяти минут», — вспоминает Уайнбергер. И заграбастал. Вместе со своим заместителем — крупнейшим военным магнатом-калифорнийцем Дэвидом Паккардом Лейрд нажал на Никсона. Тот приструнил Каспара-ножа за страсть к «заниженным цифрам» и приказал согнуть свою бюджетную выю перед нетерпеливым и несговорчивым Пентагоном. Урок этой «пятиминутки» не прошел даром для Каспара-ножа и способствовал в дальнейшем его переквалификации в Каспара-лопату...

На сей раз в комиссии стучал по столу и требовал подать ему миллиарды «в течение первых же пяти минут» Уайнбергер. Дело не в спешке, а в выживании, стращал он законодателей, забрасывая их «соответствующей» документацией с интенсивностью снегообразующих машин на лыжных трассах солнечных курортов Атлантики. Он поносил «права человека» и «одностороннее разоружение», отзывался об ОСВ-2 как о «меланхолической главе в истории последнего времени», утверждал, что оборонительная политика Соединенных Штатов дискредитируется людьми, которые «заламывают руки вместо того, чтобы упражнять мускулы». Начальники штабов были в восторге. Его первый заместитель Фрэнк Карлуччи — без ума. (Бывший вице-директор ЦРУ Карлуччи отлично спелся с Уайнбергером. Его называли «человеком, не оставляющим следов», хотя следами ЦРУ заляпан буквально весь земной шар. Другая кличка Карлуччи — «Гамлет», хотя на вопросы быть или не быть гонке вооружений, быть или не быть разрядке напряженности он имел вполне определенные ответы.)

Перепалка в конгрессе носила «недостойный» характер. (Закавыченный эпитет взят мной из бюллетеня «Дефенс монитор».) Присутствовавший на слушаниях еще один бывший директор административно-бюджетного управления Баумэн Каттер впоследствии вспоминал, что «ситуация была беспрецедентной. Я повторял про себя: или мне это мерещится, или все они посходили с ума. Никакая администрация не может позволить себе подобное, если только президент не лишился головы». Но в тот день на Капитолии головы летели по другую сторону бюджетных баррикад. Председатель комиссии Джим Джонс, помянув вольтеровское «большие батальоны всегда правы», насмешливо поздравил Уайнбергера с «блестящей победой».

Потерпев поражение в конгрессе, Стокмэн и Бейкер попытались взять реванш в Белом доме. Рейган в то время находился на каникулах — отдыхал на своем калифорнийском ранчо. Туда-то и отправились главные действующие лица бюджетной мелодрамы. Первым взял слово Стокмэн. Он красноречиво доказывал, что «без сильной экономики не может быть сильной обороны», а неуемный аппетит Пентагона грозит подточить ее устои. Каспар Уайнбергер, окруженный созвездием генералов и адмиралов, развернувших пока что лишь диаграммы и схемы, мрачно молчал, сильно зажмурив глаза — от этого по всему его лицу разбегаются тысячи глубоких морщинок — и пощипывал пальцами переносицу. (Согласно опыту подчиненных Уайнбергера, сие означает, что их шеф раздражен и пытается сосредоточиться.)

Взяв слово, Каспар, хотя он уже и перестал быть ножом, отрезал:

— Без сильной обороны сильная экономика не имеет смысла. Воюют не социальными услугами, а оружием... Обеспечение национальной безопасности выше социального обеспечения (Social Security — название системы социального обеспечения в США).

И вновь, как и следовало ожидать, восторжествовала «убийственная» логика Уайнбергера, на сей раз Каспара-лопаты. «Пентагон не боится бюджетного офиса и не нуждается в нем. Любой его директор, встревающий между президентом и министром обороны, остается в проигрыше», — меланхолически констатировал Дональд Гессмэн, возглавляющий военный департамент бюджетного бюро. Недаром бюджеты нынешней администрации формируются не с учетом реальных экономических запросов нации, а с учетом нереальной «советской угрозы».

Вашингтонские обозреватели утверждают, что секрет побед Уайнбергера на бюрократическом ристалище весьма прост — президент Рейган на его стороне. Рейган, мол, пришел в Белый дом с намерением перевооружить Соединенные Штаты, чтобы задраить пресловутое «окно уязвимости», а Уайнбергер пришел в Пентагон, чтобы воплотить в жизнь (ох, как неуместно, до кощунственности неуместно здесь это слово!) планы своего патрона. «Уайнбергер — стрела, Рейган — лук. Стрелу, выпущенную из президентского лука, невозможно отклонить от цели», — говорит историк Теодор Уайт. Помните надпись на фотографии, подаренной Роном Капу, в которой первый благодарит второго за «настоящую улыбку»? Так вот, продолжают вашингтонские доки, Кап готов сделать в Пентагоне все для того, чтобы Рон продолжал по-прежнему и по-настоящему улыбаться в Белом доме. Именно поэтому Рейган уберег Уайнбергера от секиры Стокмэна.

В подобных силлогизмах, безусловно, присутствует какая-то доля истины. И даже не «какая-то», а весьма существенная. Существенно, несомненно, то, что Рейган и Уайнбергер испо-

ведуют аналогичную философию. Существенно и то, что их связывают близкие личные отношения. Военно-политический опыт вашингтонских коридоров власти показывает: ни один шеф Пентагона не в состоянии долго продержаться на своем посту, если он не располагает президентским «ухом», то есть если президент не прислушивается к его советам. Такого шефа военный истеблишмент считает «слабаком», генералитет презирает, а Комитет начальников штабов третирует, начиная вести дела с конгрессом и Белым домом через его голову. Наконец, лишившись президентского «уха», он подает в отставку, которая неминуемо принимается с лицемерным «искренним сожалением» и не менее лицемерным «признанием заслуг». (Вспомним, к примеру, когда-то всесильного Макнамару. Достаточно было ему усомниться во вьетнамской политике президента Джонсона, и его «ушли».)

И тем не менее власть и влияние президента не абсолютны. Считать их решающим фактором — значит преувеличивать роль Белого дома в общей структуре правящих кругов Соединенных Штатов. Послушаем, что говорит по этому поводу Стивен Хирш из вашингтонского Центра оборонительной информации: «Президент должен доказывать Комитету начальников штабов, что он серьезно относится к своим конституционным обязанностям верховного главнокомандующего, что его программы пользуются поддержкой Пентагона. Он не может создавать впечатление, что делегирует полномочия верховного главнокомандующего какому-либо иному лицу, скажем, директору бюджетного офиса, не ослабляя при этом своих позиций. Военное руководство внимательно следит за тоном и стилем президента. Если он слишком часто противоречит их желаниям, если он не доверяет им, то они довольно быстро начинают действовать вне рамок системы через своих союзников в конгрессе и промышленности, при помощи таких квазилоббистских организаций, как Морская лига или Ассоциация военно-воздушных сил...»

В мемуарной литературе последнего времени, посвященной уотергейтской агонии президента Никсона, рассказывается о том, как он, и без того имевший склонность к злоупотреблению спиртными напитками, пытаясь заглушить алкоголем чувство страха перед надвигающимся импичментом, разглагольствовал, находясь под винными парами, об использовании элитарной 82-й авиадесантной дивизии «для охраны Белого дома». В связи с этим министр обороны Шлессинджер и Комитет начальников штабов издали негласное распоряжение по вооруженным силам, предписывавшее не принимать к исполнению приказы президента — верховного главнокомандующего, если они не апробированы Пентагоном.

Другой пример, быть может, внешне менее драматичный, но по существу еще более показательный. Как известно, формально, «на людях Комитет начальников

штабов поддержал решение президента Картера подписать Договор ОСВ-2. Председатель Комитета генерал Джоунс даже входил в официальную американскую делегацию в Женеве. Но подлинная — негативная — позиция Пентагона в отношении ОСВ-2 была секретом Полишинеля. Сразу же после заключения договора военно-промышленный комплекс стал действовать «вне рамок системы» и добился срыва ратификации подписанных в Женеве документов. «Это твердая косточка. Они пересидят любых гражданских лиц», — говорит о военном истеблишменте бывший директор бюджетного офиса Каттер.

Подлинный источник силы Уайнбергера — этого пентагоновского Кощея Бессмертного — заключен не в ларчике, именуемом Белым домом, а в самой структуре власти империалистических кругов США. И Рейган-патрон и Уайнбергер-вассал являются «дарлингами» — любимчиками этих кругов потому, что проводят политику безудержной гонки вооружений, открывая дверь самоубийственных военных авантюр под видом закрытия «окна уязвимости».

...Итак, Каспар-нож стал Каспаром-лопатой. Но «ряд волшебных изменений милого лица» на этом не закончился. Прошло совсем немного времени, и он обзавелся третьей кличкой — Каспар-сабля. Конечно, было бы куда точнее называть его Каспаром-бомбой. Но, во-первых, эту кличку уже носил один из его предшественников в Пентагоне — Лейрд (Мелвин-бомбино). Во-вторых, сказались требования стилистического единства и континуации. (Нож-лопата-сабля). В-третьих, что тоже из области стилистики, бряцают саблей, а не бомбой. (Последней потрясают.) А для Уайнбергера сабельное бряцание, как и долларовое позвякивание, стало альфой и омегой его деятельности на посту шефа Пентагона. «Если переход от «холодной войны» к разрядке является прогрессом, то мы не можем позволить себе такого прогресса», — провозглашает Каспар-сабля. Прогресс по Уайнбергеру — это прогрессирующая военная паранойя.

Вот вам еще одна причинно-следственная связь между «окном уязвимости» и окном, через которое выпрыгнул в небытие Форрестол!

Кстати, сам Уайнбергер не скрывает ее. «Быть может, мои резоны звучат несколько параноидально, — говорит он. — Но, что поделаешь, люди не понимают грозящей им опасности». Сам Уайнбергер, с тех пор как стал министром обороны, растерял последние остатки чувства юмора, стал замкнутым, раздражительным, боязливым. А ведь когда-то его сравнивали с фонтаном, брызжущим шутками и анекдотами! Ныне сцены у фонтана все чаще заканчиваются визитами в тот самый госпиталь, где нашел свое последнее пристанище Джеймс Форрестол...

Утверждают, что путешествия раздвигают интеллектуальные горизонты человека, обогащают его умом-разумом. Уайнбергер, пожалуй, наиболее «путешествующий» министр

обороны США. Только за первые четырнадцать месяцев пребывания в Пентагоне он успел посетить двадцать шесть стран. (Для сравнения укажем, что его предшественник — Гарольд Браун за тот же отрезок времени посетил всего одиннадцать стран.) Трудно сказать, раздвинуло ли это интенсивное глобтроттерство интеллектуальные горизонты Уайнбергера, но вот горизонты военной опасности оно неизмеримо раздвинуло и одновременно придвинуло. Куда бы ни заявлялся Каспар-сабля, за ним, словно шлейф, неизменно волочилась гонка вооружений с ее данайскими дарами — нейтронная бомба для Западной Европы, АВАКСы для Саудовской Аравии и так далее. Ведь у американского дядюшки Якова, то бишь Сэма, много товару всякого.

Уайнбергер путешествует по белу свету не просто в качестве шефа Пентагона. Он, как судачат вашингтонские кумушки, проводит еще и свою собственную внешнюю политику. Не будем впадать в преувеличение: она «своя» лишь постольку, поскольку сам Уайнбергер «свой» на Потомаке. Когда обозреватели утверждают, что Каспар-сабля сам себе государственный секретарь, то и это в первую очередь означает рост влияния военного истеблишмента США на дипломатию Вашингтона. Излишне драматизировавшаяся американской печатью конфронтация между Уайнбергером и Хейгом, безусловно окрашенная личным моментом — антипатиями, амбициями, борьбой за власть, являлась в конечном счете отражением этого опасного феномена. Какая злая и одновременно поучительная ирония судьбы: по сравнению с партикулярным Уайнбергером даже генерал Хейг выглядел «умеренным», если не разумным. Вот насколько резко сдвинулся вправо политический спектр Вашингтона!

Два примера в качестве иллюстрации. В феврале 1981 года, выступая на пресс-конференции, Уайнбергер заявил, что он за развертывание нейтронного оружия в Западной Европе. В столицах НАТО это заявление вызвало смятение: переполох в правительственных кругах, бурю — в кругах общественных. Государственный департамент поспешил с «разъяснением», что политика Вашингтона относительно дислокации нейтронных бомб на западноевропейском театре остается неизменной, что они по-прежнему будут храниться на американской территории. В сентябре 1981 года, выступая по «Голосу Америки», Уайнбергер, бездоказательно обвинив Советский Союз в применении химико-биологического оружия, «намекнул», что Соединенные Штаты могут «пересмотреть» соглашения, объявляющие вне закона это варварское оружие, и разработать «возможности соответствующего ответа». Опять поднялся переполох, и опять государственный департамент поспешил дезавуировать министра обороны, возвестив по тому же «Голосу Америки», что США будут соблюдать подписанные ими международные конвенции.

Наивные рефери, ведущие подсчет очкам в противостоянии Уайнбергер — Хейг, занесли на доску 2:0 в пользу

государственного секретаря, а «фо па» шефа Пентагона отнесли за счет его неопытности и горячности. (В связи с последним за Уайнбергером укрепилась еще одна кличка: «Внимание! Пли! Прицелились!».) Сам Уайнбергер с подозрительной готовностью поддержал эту версию. «Откровенно говоря, я не думал, что каждому моему заявлению будет придаваться столь большое значение. Дело в том, что, когда я был директором административно-бюджетного управления и министром здравоохранения, образования и социального обеспечения, мало кто обращал внимания на мои слова», — разыгрывал из себя святую простоту Уайнбергер.

Но было бы по меньшей мере наивным считать, что министр обороны США во всех случаях жизни сначала стреляет, а уж затем целится. Как показывают проекты бюджета Пентагона, на развитие и развертывание нейтронного, химического и биологического оружия отпускаются угрожающе высокие ассигнования, свидетельствующие о том, что это оружие начинает играть все большую роль в стратегических доктринах Вашингтона. Таким образом, подлинный счет, именуемый гамбургским, стал не 2:0 в пользу Хейга, а 2:0 в пользу гонки вооружений. Что же касается негативной общественной реакции, то она, как обычно, была приписана козням «советской пропаганды» и списана со счетов по графе «Накладные расходы».

Соперничество Уайнбергера и Хейга началось еще до инаугурации Рейгана. Получив пост государственного секретаря, Хейг направил президенту меморандум, в котором потребовал для себя корону «внешнеполитического царя» с правом надзирать и над Пентагоном. Уайнбергер немедленно составил ответный меморандум, в котором обвинил Хейга в попытках «изнасиловать» его ведомство. Между ними произошло бурное объяснение по телефону. Уайнбергер сидел в своем кабинете под картиной Тициана, а Хейг — в своем лимузине, мчавшем его по вашингтонским улицам. И здесь победа по гамбургскому счету осталась за Уайнбергером. Рейган отказал Хейгу в «короновании» не только и не столько потому, что президент и министр обороны близкие друзья-калифорнийцы, а Хейг был аутсайдером, «обломком» империи Никсона — Киссинджера, а потому, что новая республиканская администрация поставила гонку вооружений, диктат, политику «с позиции силы» («Пли!») впереди дипломатии («Прицелились!»).

По данным хорошо осведомленного вашингтонского обозревателя Джозефа Крафта, в совете национальной безопасности США при обсуждении проблем, связанных с возобновлением переговоров об ОСВ, «доминировали предложения Пентагона», а роль Хейга сводилась лишь к тому, что он «напоминал о необходимости дальнейших дискуссий». Нынешний глава СНБ и внешнеполитический советник президента — Уильям Кларк — калифорниец и старый приятель Уайнбергера. «За все годы нашего знакомства у нас никогда

не возникали конфликты», — говорит Уайнбергер. Ричарда Аллена, предыдущего главу СНБ, в конфронтации Уайнбергер — Хейг сравнивали с мартышкой, скачущей по ветвям дерева, под которым борются слоны.

Нарочито параллельные вояжи Уайнбергера и Хейга достаточно красноречиво подтверждали раскладку внешнеполитических приоритетов рейгановского Вашингтона. Но опять-таки блястящая паутина придворных интриг не должна застилать сути дела. (Внутренние пружины важнее внешней паутины.) Уайнбергер и Хейг не были лебедем и раком, растаскивавшими административный воз в разные стороны. Они находились в одной упряжке и делали одно дело. Вот почему их параллельные вояжи, в отличие от параллельных линий классической геометрии Евклида, в конце концов пересекались. И отнюдь не в бесконечности. Так, например, Уайнбергер предпочитал вооружать Саудовскую Аравию и Египет (с первой он был связан еще будучи вице-президентом «Бектел корпорейшн»), а Хейг — Израиль. В результате потоки новейшей американской военной техники направляются по всем адресам, а «изнасилованными» оказываются не Пентагон и госдепартамент, а мир и безопасность на Ближнем Востоке.

Внешне драматическая отставка Хейга окончательно решила его спор с Уайнбергером в пользу последнего. На «Фогги-боттом» — государственный департамент США — пришел бывший коллега Каспара по «Бектел корпорейшн» Джордж Шульц. Впервые в истории Соединенных Штатов портфели двух ведущих ведомств — дипломатического и военного — оказались в руках ставленников одной монополии. «Что хорошо для «Бектел», то хорошо для Америки», — перелицовывают старую формулу Уолл-стрита новые жрецы Вашингтона...

«Стиль — это сам человек», — гласит одна из знаменитых максим Ларошфуко. По общему мнению и друзей, и недоброжелателей, основной чертой характера и стиля Уайнбергера — человека и политика — является негибкость. «Каспар, возможно, наименее гибкий член нашей команды, — говорит один из старших советников Белого дома. — Выбрав какое-либо направление, он уже не сворачивает с него». К сожалению, направление, которое выбрал Уайнбергер, ведет в тупики опасной конфронтации. Негибкость Каспара-сабли сродни упрямству его духовного ментора Черчилля-бульдога. Газета «Вашингтон пост» цитирует следующие слова высокопоставленного лица из Пентагона о своем шефе: «Таков уж наш Каспар: если ему что-нибудь взбредет в голову, то он цепляется за это мертвой хваткой. Он будет спорить с вами до одурения, повторяя одно и то же, одно и то же, одно и то же, пока окончательно не измочалит вас: «Не поставляй западную технологию Советам! Не позволяйте Советам строить газопровод в Европе! Добивайтесь финансового банкротства Польши!» И так далее, все в том же стиле. У Каспара это как тотальная война».

Да, в сфере антикоммунизма негибкость Уайнбергера перерастает в «пунктик», в манию преследования, в действительное «Пли!» перед «Прицелились!». Каспар-сабля ездит по миру в качестве этакого кочующего проповедника антикоммунизма, гипнотизируя свою паству жупелом «советской военной угрозы». Иногда эти проповеди принимают анекдотично-мюзик-холльный характер. Так было, например, на одной из сессий совета НАТО в Брюсселе, когда Уайнбергер, вместо того чтобы произнести речь, пустил по рукам своих западноевропейских коллег медный выключатель, снятый якобы с «советской подводной лодки». Пока недоумевающие натовские министры вертели в руках эту медную штуковину, Уайнбергер разглагольствовал о том, что «советские шпионы» похищают военные секреты Запада, обращая их на уничтожение западной цивилизации. Каспар-сабля закончил этот сеанс, весьма смахивавший на номер иллюзиониста, манипулирующего с предметами и аудиторией — «человек из публики, прошу убедиться!», — фразой, которая стала в его устах своеобразным рефреном: «Сейчас как раз то самое время, когда мы должны делать жизнь Советам не легче, а труднее». (Пентагоновский вариант катоновского «Карфаген должен быть разрушен!».)

Истины ради следует сказать, что с момента рождения Страны Советов вряд ли можно найти хотя бы один такой день, когда империализм делал нашу жизнь легче, а не труднее. Иное дело, преуспели или нет в своем стремлении задушить первую страну социализма джентльмены со лбами, сработанными из того же металла, что и выключатель с «советской подводной лодки», который демонстрировал честному натовскому народу Каспар-сабля. Мы тоже люди «негибкие», и никому не дано заставить нас свернуть с пути, раз и навсегда избранного в Октябре семнадцатого года, мистер Уайнбергер!

Еще один пентагоновец, хорошо знающий своего шефа, говорит: «Каспар — воинствующий антикоммунист. Поскольку он человек без соответствующей подготовки и необходимой изощренности, его внешнеполитические взгляды отличаются жесткостью и упрощенчеством: они (то есть Советы) наши враги, они против нас. На каждом утреннем совещании в его кабинете неизменно проводится одна и та же мысль: «Они — плохие парни». Мысль и впрямь не больно изощренная и облаченная к тому же в терминологические словеса, почерпнутые из ковбойско-гангстерских фильмов, в которых даже после изобретения цветного кинематографа господствуют лишь два цвета — белый и черный и соответственно действуют лишь «хорошие парни» и «плохие парни». Как тут не вспомнить и о том, что при явлении Черчилля народу толпа обычно затягивала песню «Он — хороший парень»? Памятуя об утренних совещаниях в кабинете шефа Пентагона, я бы на его месте произвел еще одно изменение в интерьере — убрал бы картину Тициана и заказал бы вместо нее доморощенным

вашингтонским баталистам новую — «Черчилль с учеником»...

Об Уайнбергере ходит молва, что он соткан из сплошных противоречий: говорит мягко, как люди эпохи Возрождения, но слова и мысли жесткие, как у людей времен «холодной войны»; считается англофилом, но не понимает европейцев (Черчилль не в счет); имеет дипломатические амбиции, но ведет себя на международной арене как слон в посудной лавке; еврей по рождению, но прихожанин епископальной церкви; застенчивый по натуре, но говорящий о себе лишь во множественном числе — «мы»; человек прижимистый, но не влезающий даже в полутoратриллионный бюджет; сугубо партикулярный, но возглавляющий самую грандиозную милитаристскую махину; исповедующий изоляционизм, но готовый посылать американских парней, разумеется, «хороших», в любую точку земного шара.

На этом последнем «противоречии» следует остановиться несколько поподробнее. (Слово «противоречие» мы взяли в кавычки не случайно. Оно по сути дела мнимое. Характер Уайнбергера в единстве противоречий.) Изоляционизм Каспара-сабли особого рода. Это не «моя хата с краю» и даже не пресловутый принцип «Америка — крепость». Ход его рассуждений приблизительно таков: поскольку, мол, наши союзники — публика ненадежная, не желающая раскошеливаться на гонку вооружений, изнеженная недавней разрядкой и древней цивилизацией, предпочитающая в глубине своей трусливой души русский газопровод американской нейтронной бомбе и предательский пацифизм благонадежной воинственности, нам не остается ничего иного, как взять заботу о мире исключительно на себя.

Хочешь мира — готовься к войне. И «миротворец» Уайнбергер готовится. Вовсю. Его уже не устраивают доктрины «полутора войн», «двух с половиной войн» и прочая «половинчатая» дребедень. Не устраивают его и другие доктрины — блицкрига и затяжной войны, войны ядерной и «конвенционной», то есть обычной, войны локальной, ограниченной и тотальной. Вернее, они не устраивают его взятые в отдельности, изолированно. Но вот в виде этакого вселенского винегрета они ему вполне подходят, вполне по душе. «Мы должны готовиться к ведению одновременно нескольких войн. Не на тех фронтах, которые изберет противник, а на тех, которые навяжем ему мы. Это будут длительные войны по расколу советской империи», — разглагольствует Каспар-сабля. От этих разглагольствований мороз по коже продирает. От них несет не только затхлым антисоветизмом, но и радиоактивной гарью. «Уайнбергер слишком угрюм, слишком однозначен, слишком мускулист, слишком задирчив, слишком воинствен, слишком недисциплинирован, слишком упрощен. Мир в его представлении — это одна сплошная и всепроникающая угроза», — пишет известный вашингтонский обозреватель Стефан Розенфелд. Да, Каспар-

сабля «слишком», и поэтому именно он — подлинная угроза миру.

Разглагольствования о мнимом военном «отставании» США от Советского Союза тоже из разряда «слишком». Их цель — оправдать безудержную гонку вооружений и добиться с её помощью военного превосходства над нами. В интервью, данном 9 августа 1982 года представителям печати, Каспар-сабля откровенно признал, что все мероприятия Пентагона направлены к достижению превосходства над СССР в ядерной войне и ее завершению на выгодных для США условиях. По его словам, ядерные возможности Соединенных Штатов «должны превосходить аналогичные показатели Советского Союза на всех этапах ведения войны». Вот вам и «окно уязвимости»! Впрочем, зачем ломиться в открытую дверь — мечты о достижении военного превосходства никогда не покидали вашингтонских джентльменов, ибо эти мечты — ступеньки к их ультимативной мечте, ставшей идефиксом, к мечте о мировом господстве. А «мировое господство, — как предупреждал В. И. Ленин, — есть, говоря кратко, содержание империалистической политики, продолжением которой является империалистическая война».

Что же касается уайнбергеровского «изоляционизма», то Каспар-сабля формулирует его следующим образом: «Намного проще и эффективнее защищать Калифорнию в Новой Гвинее, чем в Орегоне». Еще бы, мистер Уайнбергер, еще бы! А разве не проще и эффективнее защищать Оклахому в Бельгии, Миссисипи в Голландии, Айову в Италии, Аляску в Дании, Массачусетс в Англии, Луизиану во Франции, Алабаму в Люксембурге, Огайо в Японии, Дальний Запад на Ближнем Востоке и Флориду в Сальвадоре? Поскольку в данном случае речь идет исключительно о защите американских штатов, то мнения населения этих стран можно и не спрашивать. А разрешения — и подавно... Кстати, сам Уайнбергер отнюдь не считает себя изоляционистом. Помилуй бог, какой же я изоляционист? Я настоящий интернационалист, говорит он и в подтверждение приводит все ту же формулу о «защите» Калифорнии в Новой Гвинее. Видимо, мистеру Уайнбергеру неведомо, что на нормальном человеческом языке сие именуется интервенционизмом.

...В последнее время на экранах телевидения и на страницах газет и журналов все чаще появляется «новый» Уайнбергер. В окружении пушечных королей и пушечного мяса. В сопровождении двухметровых генералов и адмиралов. («Как Бонапарт среди своих маршалов», — хихикают острословы.) В непонятном одеянии — полугражданском-полувоенном. Он поднимается по трапам авианосцев и спускается в люки танков. Взлетает на F-16 в поднебесье и погружается на «Посейдонах» в морские пучины. Принимает военные парады, приложив правую руку к сердцу, и открывает военные маневры «легким манием руки». (Неизвестно, какой, скорее всего — левой.) Прикипает глазами к биноклям и пери-

скопам. Короче, входит в роль.

Не знаю, какие картины открываются перед ним сквозь военные окуляры — полотна Тициана или советские десантники, лезущие в Пентагон через «окно уязвимости». Но вот сам он представляет вполне определенный портрет поджигателя войны горячей и рыцаря войны холодной, портрет, повторяем, вполне определенный, хотя и неоконченный, недописанный, как любят говорить художники.

Допишет его время. А мы пока продолжим наши наброски-эскизы.

...Водители, путешествующие по штату Мэн, знаменитому на всю Америку своими крабами, раками и лобстерами, обязаны проявлять особую бдительность и внимательно следить за дорожными знаками. Еще большая бдительность требуется от автомобилистов, если они ненароком свернут на шоссе № 198, которое ведет к уютному курортному местечку Маунт-Дезерт Айлэнд.

Со времен великого энергетического кризиса семидесятых годов Соединенные Штаты вынуждены были сильно сбросить скорость. Не только в переносном, но и в прямом смысле слова. Ныне максимальная скорость на американских автострадах составляет 55 миль в час. Это поистине черепаший темп для янки, привыкших гонять свои «сигары на четырех колесах» в режимах авиационных двигателей. В том уголке штата Мэн, где находится Маунт-Дезерт Айлэнд, предельная скорость еще более ограничена — всего 45 миль. (Видимо, сказывается влияние раков, отнюдь не блещущих спринтерскими достоинствами.)

С лета 1982 года редкие обитатели этого захолустного курорта начали кампанию за дальнейшее радикальное ограничение скорости автомобильного транспорта, хотя движение на дорогах здесь весьма разреженное, а сама местность довольно-таки пустынна. (Недаром Маунт-Дезерт Айлэнд в переводе на русский язык означает «Остров горной пустыни».) Тем не менее «пустынники» потребовали введения лимита в 25 миль. Они стали осаждать транспортный департамент штата Мэн, забрасывать его петициями, оцеплять пикетами. Шел интенсивный сбор подписей под воззванием, в котором, в частности, говорилось: «Нынешний лимит в 45 миль ставит под угрозу жизнь наших детей... В этом году под автомобильными колесами погибли собака и кошка, а один ребенок был ранен». Кто-то даже окрестил шоссе № 198 «Дорогой смерти». Короче, было много шума, и транспортные власти сочли за благо пойти навстречу ракам и «пустынникам».

Повесть о том, как «Дорога смерти» стала пасторальной «Дорогой жизни» и чуть ли не детской площадкой, вряд ли бы распространилась за пределы штата Мэн и даже Маунт-Дезерт Айлэнд, если бы не одно привходящее обстоятельство: инициатором движения за радикальное ограничение скорости на шоссе № 198 был шеф Пентагона — министр обороны США Каспар Уайнбергер.

Об Уайнбергере говорят, что он отпетый «воркоголик». Слово это сравнительно новое в американском лексиконе. Образовано оно по аналогии с «алкоголиком», но от корня «work», то есть «работа». «Воркоголик» — работающий запоем. Обычно Уайнбергер встает в полшестого утра, делает пятнадцатиминутную пробежку трусцой и уже в семь тридцать сидит за своим гигантским столом в своем гигантском кабинете — более 50 футов в поперечнике — на третьем этаже Пентагона с окнами, выходящими на реку Потомак («окна уязвимости» не в счет), и мыслями, вернее, замыслами, охватывающими весь шар земной. Говорят, что телефонная консоль на столе Уайнбергера таких размеров, что с нее впору взлететь межконтинентальному бомбардировщику. Аналогичным характером отличается и полет мыслей шефа Пентагона. Его рабочий день длится двенадцать часов. И, даже отправляясь домой, он прихватывает с собой объемистый портфель, набитый бумагами. Думается, совершенно секретными и легко воспламеняющимися.

Изредка Каспар-«воркоголик» прибегает к помощи вытрезвителя. Временным, разовым профилакторием служит для него концертный зал Кеннеди-центра. (Мне часто доводилось видеть его в концертах, сонного, маленького, нахохлившегося, словно какая-то ночная птица.) Когда даже музыка не в состоянии заглушить музыку сфер — не небесных, а милитаристских, Уайнбергер отправляется в свой стационарный вытрезвитель — на дачу в Маунт-Дезерт Айлэнд. Здесь главный пентагоновский «воркоголик» утомленный космическими скоростями нагнетаемой им гонки ракетно-ядерных вооружений, грозящей гибелью всем детям земли, расслабляется, кокетливо остужая пальцы натруженных ног в чахлой лужице гуманизма. На какое-то короткое время пикетируемый превращается в пикетировщика, требующего во гневе праведном положить конец автомобильным гонкам на шоссе № 198.

Когда эта «гуманитарная» сторона деятельности Каспара-«воркоголика» стала достоянием гласности, в его адрес — пентагоновский, а не пустынноостровский — посыпались послания-предложения, авторы которых выражали согласие подписаться под уайнбергеровской петицией об автомобильном замораживании, если он в свою очередь присоединится к их петициям о «фризе» — замораживании ядерном. Послания были, разумеется, ироническими, саркастическими, бичевавшими лицемерие человека, пекущегося о безопасности на затрапезном шоссе в раково-лобстерной глуши штата Мэн и преступно играющего безопасностью всей нашей планеты.

Я бывал в штате Мэн, дегустировал его знаменитые и отменные дары моря, но вот заворачивать на шоссе № 198 как-то не приходилось. (Быть может, оно закрыто для советских журналистов, которые представляют «опасность» даже тогда, когда соблюдают все правила уличного движе-

ния. Включая строго уайнбергеровские.) Так что я не видел воочию единственный в своем роде министерский пикет на тему «тише едешь — дальше будешь» в защиту жизни детей, кошек и собак, этих лучших друзей человека. (Имеются в виду последние.) Но мне вспоминается иной пикет, который я повстречал на пути из Лос-Анджелеса в Санта-Монику. (Номер шоссе или название бульвара я уже позабыл.) Двое детей — мальчик и девочка пяти — семи лет — держали транспарант, на котором ученической каллиграфией было выведено: «Нельзя ласкать детей ядерным оружием».

Вспоминается мне и другой пикет в одной из начальных школ Бостона. «Война скверно пахнет», — гласил плакат в руках девочки. Он был весь разрисован самолетами, орудиями, танками и прочими «игрушками», в которые так самозабвенно, так «воркогольно» играет дядюшка Каспар. Это здесь, в Бостоне, привели к психиатру одиннадцатилетнего ребенка, охваченного ужасным беспокойством: «Успею ли я покончить жизнь самоубийством, прежде чем начавшаяся ядерная война достигнет нашего города?»

Этот леденящий кровь и возмущающий разум вопрос обращен к вам, прежде всего к вам, мистер Уайнбергер!

Я не знаю, есть ли среди совершенно секретных и легко воспламеняющихся бумаг, которыми обычно набит ваш портфель, текст исследования, проведенного Американской ассоциацией психиатров. Его результаты совершенно несекретны, хотя и огнеопасны. «Дети глубоко обеспокоены угрозой ядерной войны и риском, связанным с ядерной энергией», — говорится в этом документе. В нем же приводятся слова десятилетнего мальчика Адама Шолдера: «Когда взрослые начинают беспокоиться по поводу ядерной войны, то меня охватывает страх». Роберта Сноу, преподавательница из того же Бостона, цитирует своих учениц-пятиклассниц: «Мы не хотим иметь детей. Они могут родиться деформированными».

«Наше детство запрограммировано на саморазрушение», — заносит в дневник другой бостонский школьник. Гарвардский психиатр доктор Бэрдсли рассказывает о десятилетнем пациенте, страдающем бессонницей и ночными кошмарами на почве страха перед ядерной войной.

Его коллега Тони Вагнер, директор организации «Просветители за социальную ответственность», сообщает, что «большинство детей потеряло веру во взрослых и в будущее» под прессом ядерных страхов. Наконец, слова девятилетнего малыша: «Я хочу знать все о ядерной войне. Я знаю, что все мы взлетим на воздух. Но мне хочется знать — почему?»

И этот вопрос обращен к вам, прежде всего к вам, мистер Уайнбергер, «воркоголик» из Пентагона!

Мы уже знаем, что у нынешнего министра обороны Соединенных Штатов уйма кличек: Каспар-нож, Каспар-лопата, Каспар-сабля, мистер «Внимание! Пли! Прицелились!». Смысл этой последней клички как на ладони. Уайнбер-

геру не терпится палить, не терпится кромсать и резать без примерки. Мистер «Семь раз отрежь, ни разу не примеряя» — вполне может пополнить длинный список его кличек. Да, этот джентльмен, столь трогательно заботящийся о благе детей, живущих по обе стороны шоссе № 198, и требующий торможения от водителей, сам ни на секунду не сбрасывает ногу с акселератора гонки ядерных вооружений, грозящей гибелью всему живому по обе стороны Атлантики.

Сколько раз наблюдал я мистера «Внимание! Пли! Прицелились!» в конгрессе США — в сенате и палате представителей, в комиссиях и подкомиссиях по иностранным делам, по делам вооруженных сил, по бюджету, по ассигнованиям... Окруженный милитаристским созвездием Гончих псов — генералитетом, он ровным и тихим голосом, но с ослиным упорством доказывал всегда одно и то же: русские в двух шагах от Вашингтона и в трех — от мирового господства! Больше денег, больше оружия! У нас нет времени на внимание, нет времени на прицеливание! Только на «пли» в триллионы долларов и мегасмертей! (Восклицательные знаки относятся исключительно к смыслу слов Уайнбергера. Произносил же он их, как дьячок, читающий скупо оплаченную заупокойную молитву... Заупокойные молитвы Пентагона оплачиваются по совершенно иной шкале расценок.)

Печать обрушивала на него огонь критики. «Он порет чушь», «Совершенно лишен проницательности», «Разыгрывает из себя осла», «Кому нужна вся эта нервотрепка?» — утверждали и вопрошали в редакционных статьях «Нью-Йорк таймс» и «Вашингтон пост». Дональд Ригл, сенатор-демократ от Мичигана, наслушавшись пентагоновских «пли», заявил в бюджетной комиссии, что «суждения Уайнбергера опасны для нашей страны... Это человек, слепо следующий идеологическим догмам, утративший всякое чувство меры».

Сам Уайнбергер отнюдь не заблуждается по поводу своей «популярности».

— Меня порой критикуют за то, что я, как заигранная пластинка, все время повторяю одно и то же, — говорит он. — Главным образом это связано с тем, что мне задают одни и те же вопросы. Иногда у меня появляется искушение спросить людей, что же они хотят услышать — другие ответы на те же самые вопросы?

А почему бы и нет, мистер «Внимание! Пли! Прицелились!»? Почему бы вам вместо того, чтобы писать предисловие к очередному изданию лживой и алармистской брошюры «Советская военная мощь», трактующей о нашем мифическом превосходстве и еще более мифических планах обрушить эту самую мощь на Соединенные Штаты, включая Маунт-Дезерт Айлэнд, не признать чистосердечно наличие примерного военного паритета между нашими странами и отсутствие каких-либо агрессивных устремлений Советского Союза в отношении Америки? Почему бы вам не сменить пластинку и перестать пугать детей, кошек и собак штата Мэн

советскими танкистами, которые, мол, только о том и мечтают денно и нощно, как бы прокатиться с ветерком по шоссе № 198, нарушая дозволенную скорость и пугая местных крабов, раков и лобстеров?

Но скорее рак на горе свистнет, чем Уайнбергер сменит заигранную пластинку на опереточный мотив «советской военной угрозы». (Недаром «Маунт» по-русски — «гора».)

Мой американский коллега Ричард Ривс, интервьюируя Уайнбергера для популярного журнала «Пэрейд», задал ему такой вопрос:

— По всей стране люди спрашивают друг друга: «Что нужно нам больше? Мы и так способны взорвать друг друга восемьсот раз?» Представьте, что вы присутствовали при одной из таких бесед, что бы вы сказали людям?

— Это стандартная постановка вопроса, — огрызнулся Уайнбергер и тут же включил заигранную пластинку. — Мы можем стать жертвами ядерного шантажа... И тогда многие люди начнут поговаривать о том, что лучше быть красным, чем мертвым...

Я не присутствовал при интервью и не знаю, покраснел ли Уайнбергер, произнося эту тираду, как мэнский рак или лобстер? Скорее всего нет. Альтернатива — красный или мертвый — сродни хейговской сентенции о делах, что «поважнее мира». (Уайнбергер несколько переиначил ее — «Есть вещи и похуже войны».)И хотя Уайнбергер и Хейг не ладят друг с другом, еще больше они не ладят с фактами. Ладят они с иным — с военно-промышленным комплексом, со своим земным боссом Рейганом и небесным ментором Черчиллем. Да, Черчилль, на которого Уайнбергер молится, как на бога (бога войны, разумеется), несомненно выставил бы пятерку своему способному ученику за уже приводившееся нами краткое, но ясное и емкое сочинение: «Если переход от «холодной войны» к разрядке является прогрессом, то мы не можем позволить себе такого прогресса».

Еще бы, мистер Уайнбергер, еще бы! Ваш вклад в прогресс начинается и кончается попытками задержать его. Уж не путаете ли вы, чего доброго, развитие человеческого общества, цивилизации с движением по шоссе № 198, ведущему к Маунт-Дезерт Айлэнд? Прогресс — не раки, имеющие свойство пятиться назад, и не лобстеры, которых хранят на льду. Ваши попытки сковать прогресс льдами «холодной войны», раскалывая их исключительно килями авианосцев или растопляя лучами лазера, это опасные попытки самоубийцы-камикадзе, бросающегося в призрачное «окно уязвимости», как когда-то ваш предшественник бросился в реальное окно военно-морского госпиталя в Бетесде. Никто не зафиксировал скорость его падения. Врачи констатировали лишь смерть. Но и этого было вполне достаточно.

Прогресс не терпит, когда ему пытаются показать, где раки зимуют. Пусть даже мэнские, знаменитые...

Неумеренность Уайнбергера, когда дело касается гонки —

не автомобильной, а вооружений, некоторые его биографы пытаются объяснить психологической травмой далекой юности министра, когда Каспара впервые призвали под ружье. Ружье — уже не понятие, а конкретное — было, оказывается, деревянным. У Соединенных Штатов в 1941 году не хватало оружия, и поэтому новобранцев обучали «на деревяшке». Несколько позже рядовому Уайнбергеру дали ружье «Спрингфилд» времен первой мировой войны. Защитный шлем, который он носил, также принадлежал прошлой эпохе. И вот, утверждают биографы-фрейдисты, Уайнбергер «чокнулся» на военной отсталости и неподготовленности Америки. Теперь ему что ни подавай — все мало. Он ненасытен, как человек, переживший длительную голодовку.

Гарольд Браун, предшественник Уайнбергера на посту шефа Пентагона, сравнивает его с ребенком, который попал в магазин детских игрушек «Ф.А.О. Шварц». У малыша-де глаза разбегаются от обилия соблазнов, и он покупает все подряд, все, что есть на полках. Это «милое» сравнение нуждается в некоторых пояснениях. «Ф.А.О. Шварц» — не просто магазин детских игрушек, а самый дорогой магазин самых дорогих детских игрушек в мире, во всяком случае — в Соединенных Штатах. В нем резвятся и «отовариваются» отпрыски богатейших семейств Америки. Остальная детвора довольствуется «виндоу шоппингом», то есть глазением на витрины. Оно и понятно, ведь в магазине «Ф.А.О. Шварц» некоторые игрушечные львы и автомобили стоят дороже настоящих!

Для того чтобы покупать все подряд в «Ф.А.О. Шварц», надо иметь беспредельный кредит. За одно только разбегание глазками, пусть даже чистыми, детскими, вам с полок ничего не снимут, а тем более — не продадут. Шеф Пентагона обладает подобным кредитом, правда, не собственным, а выколоченным из налогоплательщиков, дети которых, кстати, даже не подозревают о существовании волшебного магазина игрушек доброго папаши Шварца. (Для кого доброго, для кого дорогого.)

Покупатели продукции «Ф.А.О. Шварц» — суть грабители. Не дети, конечно, а их родители. И в этом пункте сравнение мистера Брауна вполне корректно. Пентагоновский вариант «Ф.А.О. Шварц» — пещера сорока разбойников, куда сносится все похищенное и наворованное. Не буду распространяться на тему о том, что гонка вооружений «больно ударяет по карману американских трудящихся». Зачем ломиться в открытую дверь? Приведу лишь один пример. Цена нового крейсера «Эгей» — 896 миллионов долларов — равна всем бюджетным ассигнованиям США по борьбе с сердечными и почечными заболеваниями. Конечно, можно было бы привести более впечатляющие сравнения. Но я выбрал с умыслом именно это. Ведь Каспар Уайнбергер, до того как стать шефом Пентагона, был министром здравоохранения, образования и социального обеспечения. Он-то уж должен

помнить о подобных вещах.

Но Каспар-лопата, Каспар-сабля весьма забывчив, когда речь идет о сердцах и почках, и проявляет чудеса памяти, воистину компьютерной, когда дело касается ракет и крейсеров. Тут он ненасытнее любого оболтуса — миллионерского сынка, сгребающего все подчистую с полок магазина игрушек «Ф.А.О. Шварц».

Тут он безрассуднее любого автолихача и с шоссе № 198, и с любой другой американской автострады.

Коробка скоростей Уайнбергера — это ядерный ящик Пандоры. И хотя он набит до предела, Каспар-«воркоголик» продолжает втискивать в него все новые и новые виды оружия массового уничтожения — «трайденты» и МХ, «першинги» и крылатые ракеты, бинарные газы и авианосцы... Бюджет Пентагона на 1984 год достиг гигантской суммы в 239 миллиардов долларов. Даже советники президента ахнули от удивления. Однако Уайнбергер быстро нокаутировал их. Он приволок в Белый дом две схемы. На одной был изображен молодцеватый, загорелый солдат с автоматом в руках. Подпись гласила: «Бюджет Рейгана». На другой красовалось некое чучело с допотопным ружьишком и надпись: «Бюджет Стокмэна».

— Вы за какой бюджет? — с вызовом спросил Уайнбергер.

«Патриотизм» помощников президента восторжествовал над их здравым смыслом.

Затем Уайнбергер и генералы втащили ящик Пандоры на Капитолий. Здесь номер со схемами уже не прошел, и шеф Пентагона приступил к выкручиванию рук и запудриванию мозгов. Максимум, на что он соглашался, — это косметическая операция при помощи инфляционных выкрутасов и жонглирования ценами на горючее. Всего восемь миллиардов долларов. Назвав эту цифру, Уайнбергер стал лицемерно посыпать голову пеплом (не радиоактивным):

— Неужели вы не видите, что я зашел гораздо дальше, чем мы могли когда-либо зайти даже в мыслях! — воскликнул он.

В ответ раздался дружный смех. Как-никак, а Капитолий хоть он и холм, но все-таки не Маунт-Дезерт Айлэнд.

Но Уайнбергера не так-то просто смутить. Недаром в Пентагоне говорят, что «его дряблое тело насажено на стальной штырь». На смех законодателей он ответил смехотворными вымыслами о «советской военной угрозе», о том, что «советские ракеты, выпущенные из Сибири, будут точно ложиться в Центральном парке Нью-Йорка». Как писал тот же Ривс: «Вы не можете знать и не можете понять все, о чем я заявляю, говорит нам Каспар Уайнбергер, но доверьтесь мне. Вы не можете знать и понять все, о чем мы говорим, заявляют генералы и адмиралы Каспару Уайнбергеру, но доверьтесь нам».

Уайнбергер слепо доверяет своим генералам и адмиралам, не проверяя их бухгалтерию, не глядя на их спидометр с «полным вперед!» навстречу ядерной конфронтации. Но

американская общественность не доверяет ни генералам и адмиралам Уайнбергера, ни ему самому. И эти веяния все больше дают знать о себе под сводами конгресса. «Меня просто поражает наглость этих людей Воинственные речи, которые мы слышим, отчасти рассчитаны на то, чтобы запугать людей и получить то, чего эти люди хотят добиться», — сказала госпожа Ферраро, член бюджетной комиссии палаты представителей. Женщины еще со времен мифологической Лисистраты недолюбливают воинственных мужей...

И вот «стальной штырь» несколько погнулся. 24 марта 1983 года палата представителей 229 голосами против 196 одобрила «альтернативный» проект федерального бюджета на 1985 год, который предусматривал некоторое сокращение темпов наращивания военных расходов, запланированных тандемом Рейган—Уайнбергер.

В Белом доме и Пентагоне забили тревогу. Забили тревогу потому, что в конгрессе на Капитолийском холме замолкли телефоны. Что произошло? Прервалась связь? Замыкание на линии? И да, и нет. Нет — потому, что телефонная служба американской столицы работала, как всегда, безотказно. Кстати, вашингтонские телефонистки считаются «лучшими в мире». Да — потому, что не материализовалась надежда Рейгана и Уайнбергера «поднять народ» на гонку вооружений и оказать с его помощью давление на упирающихся законодателей.

Выступая днем раньше по телевидению, президент Рейган, видимо, не довольствуясь цветным изображением, вовсю малевал миф о «советской военной угрозе» и под это весьма зыбкое «обеспечение» требовал от зрителей поддержать его просьбу о десятипроцентном увеличении бюджета Пентагона на 1984 финансовый год.

В первый период правления Рейгана так называемое «моральное большинство», стоявшее горой за «своего» президента, обрушивало на конгресс шквал — иначе не скажешь — телефонных звонков и телеграмм с требованиями незамедлительно и неукоснительно проштемпелевать любые запросы военно-промышленного комплекса. На сей раз телефонное лобби явно не сработало. Аппараты на Капитолии молчали. Как заявил сенатор Байден, «практически никто не откликнулся. Президенту трудно привести американскому народу убедительные доводы в пользу политики, которая кажется неразумной». Конгрессмен Ричард Майкл от штата Иллинойс, лидер республиканцев, то есть партии президента, в палате представителей, сказал примерно то же самое: «Острое чувство необходимости поддержать наращивание оборонной мощи, которое некогда испытывала американская общественность, сейчас стихло. В своем округе я все чаще слышу такие вопросы: «Неужели им действительно нужно так много? Неужели мы не можем сократить непроизводительные затраты?»

Утверждение о том, что телефоны на Капитолии не звонили, несмотря на единодушное свидетельство газетных репортеров, аккредитованных при конгрессе, требует расшифровки. Не звонили люди, выражавшие согласие с речью Рейгана и увещеваниями Уайнбергера, предлагавших гонку вооружений в космических масштабах, причем не только в переносном, но и в прямом смысле слова. Зато люди, протестовавшие против подобного безумия, буквально пооборвали телефоны законодателей, и вашингтонским телефонисткам пришлось в поте лица своего доказывать, что они и впрямь «лучшие в мире».

Этот звон не остался пустым. Вслед за палатой представителей бюджетная комиссия сената проголосовала за расходы Пентагона, которые по темпам роста были вдвое меньше запрашиваемого — пять процентов вместо десяти. Последнее обстоятельство особенно больно ударило по администрации, ибо в сенате, в отличие от палаты, большинство находится в руках республиканцев — партии президента.

Разумеется, бюджет Пентагона на 1984 финансовый год — 273 миллиарда долларов, даже усеченный на 4—5 процентов, по-прежнему гомерически велик. Он по-прежнему остается бюджетом беспрецедентной гонки вооружений, усиливающей военную опасность в мире и преследующей цель добиться военного превосходства над Советским Союзом. И тем не менее голосования на Капитолии, равно как и «телефонный феномен», заслуживают самого пристального внимания. Они интересны и любопытны как тенденция, отражающая сдвиги в умонастроениях американской общественности. Подобно тому как купол Капитолия возвышается над архитектурным горизонтом Вашингтона, эти события — лишь кончик айсберга антивоенного движения, все более нарастающего в Соединенных Штатах в форме борьбы за «фриз», то есть за замораживание ядерных потенциалов США и Советского Союза на их нынешнем уровне в качестве своеобразной прелюдии к их сокращению.

Здесь особо примечательно то обстоятельство, что происходит определенная стыковка недовольства широких народных масс с отрезвлением части правящих кругов страны, ее элиты. Стыковка происходит вопреки пропагандистскому наступлению администрации, все явственнее перерастающему в психологическую войну и против стран социализма — вовне, и против «доморощенных мягкотелых» — внутри. Начало 1983 года ознаменовалось тремя «пиками», тремя «конвульсиями» этого наступления: флоридская речь Рейгана, в которой он объявил Советский Союз «центром зла», его «космическая» речь 23 марта и «прокладка» между ними в виде нового издания пентагоновской брошюры «Советская военная мощь». Крещение последней проходило с превеликой помпой. Рейган и Уайнбергер держали в руках сие незаконно-

рожденное дитя в красном переплете (еще один намек на «красную угрозу»!) и с гордостью демонстрировали его фототелевизионной братии.

Исчерпывающий диагноз этому пропагандистскому краснокожему ублюдку был поставлен в статье «Вашингтон в милитаристском угаре», опубликованной в «Правде». «...Горы фальши и подтасовок о советской военной политике, преднамеренное искажение истинного соотношения военных сил между СССР и США и, конечно же, замалчивание опасных замыслов Вашингтона», — гласил этот диагноз, нелицеприятный и неопровержимый...

Ни Белому дому, ни пентагоновским авторам «Красной книги» не удалось протолкнуть военный бюджет на Капитолии в его «девственном» виде. «Я не видела никаких данных — ни секретных, ни открытых, — которые бы объективно продемонстрировали, что мы намного отстали в области стратегических или тактических вооружений. По-моему, доводы, которые они приводят, неубедительны», — заявила конгрессмен М.Рукема. Даже сенатор Э.Холлинс, поддерживающий Пентагон, как и все уважающие себя южнокаролинские законодатели, начал «брыкаться». «В целом подход правительства к оборонному бюджету не внушает доверия. В 1980 году у нас была довольно убедительная поддержка, но президент подорвал ее своим безрассудным подходом к потребностям обороны», — говорил он.

Чем больше Рейган, Уайнбергер и К° распространяются о «советской военной угрозе», тем сильнее страх, нарастающий в общественных кругах США. Но причиной тому уже не мифы, а мифотворцы. Безрассудностью, замешенной на радиоактивной пыли, веет от их прожектов, которые, вопреки словам «Нью-Йорк таймс», нельзя «сбросить со счетов просто как мыльную пену». Хороша пена, способная уничтожить все живое на нашей планете — и «центры зла», и «центры добра» и все остальное, что тому и другому внимает равнодушно.

Здесь мне хотелось бы остановиться на весьма любопытном сопряжении пропаганды, стратегии и тактики Пентагона. Сопряжении, в котором усматривается жезл регулировщика с шоссе № 198 Каспара Уайнбергера. Его пропаганда гласит, что «Советы» далеко обогнали Вашингтон в военном отношении. Его стратегия преследует цель достижения военного превосходства над нами. Его тактика предусматривает «паритет в целом и превосходство в частях». Поскольку о первых двух моментах писалось и пишется достаточно много, задержусь поподробнее на третьем, тактическом.

В несколько упрощенном виде он расшифровывается так: мы за паритет с Советским Союзом, но за превосходство над ним на морях (военно-морские силы); мы за паритет с Советским Союзом, но за превосходство над ним в воздухе (военно-воздушные силы); мы за паритет с Советским Союзом, но за превосходство над ним на земле (сухопутные силы). Еще античные физики считали, что планета наша состоит из

трех элементов — земли, воды и воздуха. И вот хитрованы из Пентагона заверяют мир, что, добиваясь превосходства по частям, они согласны соблюдать паритет в рамках целого. (Недаром те же античные мудрецы открыли и сформулировали закон-аксиому, по которому целое всегда больше части!) Правда, натурфилософы древности вводили в свою систему еще один элемент — огонь. Но и это на руку Пентагону. Мы за паритет с Советским Союзом, но за превосходство над ним в огневой, особенно ядерной, мощи, утверждают огнепоклонники с Потомака.

В качестве иллюстрации к этой жульнической тактике можно привести вариант «вода». В марте — апреле 1983 года примерно в 150 милях к северо-востоку от Пуэрто-Рико проходили крупнейшие маневры американских ВМС. В корреспонденциях с борта авианосца «Джон Ф.Кеннеди» военный обозреватель «Лос-Анджелес таймс» Дэвид Вуд писал: «Администрация Рейгана охвачена стремлением оказать нажим на Советский Союз, чтобы обеспечить себе абсолютное превосходство на море». Это не результат морской болезни журналиста. То же самое заявляют, стоя на земле, министр военно-морских сил США Леман и президент Рейган. В своей речи 23 марта он прямо сказал, что Соединенным Штатам «необходимо иметь превосходящие военно-морские силы» А еще раньше на церемонии ввода в строй линкора «Нью-Джерси» Рейган восклицал: «Превосходство на море — это для нас необходимость... Мы должны суметь контролировать воздух, поверхность моря и подводное пространство, чтобы обеспечить доступ ко всем океанам мира».

Военно-морские стратеги подчеркивают, что речь идет о «дипломатии канонерок» с поправкой на ядерный век, в котором необходимо одержать победу в «борьбе за первый залп». Как поясняет министр Леман: «Тот, кто первым получил сигнал стрелять, приобретает огромное тактическое преимущество». Справедливости ради следует сказать, что аналогичных сигналов добиваются для себя и другие рода войск США. Стоит ли в свете этого удивляться, что Вашингтон не подхватил известную инициативу Советского Союза, торжественно и односторонне отказавшегося от так называемого «права первого ядерного удара»?

Теперь об «элементе» огня. Фактическое положение на сегодняшний день таково, что по общему количеству ядерных боезарядов, поднимаемых в одном пуске (вылете) всеми составными частями американской «триады» — наземные МБР, подводные лодки, стратегические бомбардировщики, — США превосходят СССР. (Приблизительно — более 10 тысяч ядерных боеголовок против семи тысяч.) Уайнбергер, видимо памятуя о деревянных ружьях своей рекрутской поры, не довольствуется и этим. Программа развертывания двухсот межконтинентальных баллистических ракет МХ на территории США, а также «першингов-2» и крылатых ракет в Западной Европе — важнейший этап в планах Пентагона сде-

лать США доминирующей военной державой.

Говоря о «першингах-2» и крылатых ракетах, следует учитывать два обстоятельства — географически-качественное и количественное. Дислоцированные в Западной Европе, они приобретают характер стратегического оружия, ибо в радиусе их досягаемости оказываются значительная территория Советского Союза, его главные города.

Теперь о количественных параметрах. Если верить западной печати, может создаться впечатление, что речь идет «всего-навсего» о 108 ракетах «першинг-2» и 464 крылатых ракетах. Впечатление это в корне ложное. Программа Пентагона в целом предусматривает создание свыше 12 тысяч (!) крылатых ракет всех видов базирования. А что значит хотя бы одна такая ракета? Послушаем военного обозревателя «Нью-Йорк таймс» Эпстейна: «Крылатые ракеты летят буквально на бреющем полете, настолько низко, что ускользают от обнаружения РЛС и оснащены автоматическими системами наведения, позволяющими им безошибочно находить путь к цели. Крылатая ракета имеет в длину всего примерно 20 футов при 20 дюймах в диаметре, но она может нести боеголовку в 20 раз более мощную, нежели бомба, сброшенная на Хиросиму». Итак, 12 тысяч крылатых ракет равны 240 тысячам Хиросим! Клиенты военно-промышленного магазина «Ф.А.О. Шварц» могут быть довольны. Недаром Уайнбергер расшифровывает даллесовскую доктрину «массированного возмездия» следующим образом: «Попробуй наступить мне на ногу, и я раскрою тебе череп». Ничего себе «ограничитель»!

Теперь о «першингах-2». Их количество тоже не будет ограничено «европейской квотой». В ежегодном докладе министра обороны США Уайнбергера говорится, что Пентагон разместил заказы на строительство такого числа ракет «першинг-2», которое в три раза превышает их число, запланированное для развертывания в Европе (311 и 108). Как пишет военный корреспондент газеты «Обсервер» Иэн Мазер, «администрация Рейгана планирует развернуть дополнительные ракеты «першинг-2» на таких позициях в рамках американской территории Соединенных Штатов, откуда они смогли бы поражать цели в восточных областях Советского Союза». (Имеется в виду Аляска.) Наконец, следует учитывать и то обстоятельство, что, согласно единодушному мнению большинства военных специалистов, и МХ и «першинг-2» — оружие первого удара.

Продолжим наше путешествие по элементам античных натурфилософов в их пентагоновском преломлении. Каталог лжи в красной обложке утверждает, что-де имеет место «стремление русских к военному превосходству в космосе». Когда президент Рейган в четыре руки с Уайнбергером «крестили» брошюру «Советская военная мощь», проект его речи, запланированной для произнесения 23 марта, был уже готов. Не будем вдаваться во все технические тонкости этой речи —

лазеры, установленные на спутниках, источники пучков элементарных частиц, сверхмощные микроволны, рентгеновские лазеры, питаемые ядерными взрывами, и прочие чудеса, получившие ныне название «экзотического оружия». В них разбираются лишь узкие специалисты.

Остановимся на военно-политических, стратегических параметрах «экзотического оружия», которое Рейган посулил своим согражданам и которым он пригрозил нам. (Они были сформулированы в директиве Уайнбергера «Оборонные ориентиры на 1985—89 финансовые годы».) Американские ученые-физики, живо дискутирующие речь президента США, высказывающие различные мнения о технических возможностях реализации содержащихся в ней проектов, сходятся в одном — все они послужат не делу мира, а молоху войны, включая создание суперфантастической системы ПРО. Директор программы «Наука и техника — делу международной безопасности», профессор Массачусетского технологического института Коста Ципис писал в «Лос-Анджелес таймс», что план Рейгана—Уайнбергера «явное проявление безответственности», поскольку он «вселяет в американскую общественность нереальные надежды на обеспечение безопасности». Ципис подчеркивал, что реальный путь к миру лежит не через лазеры, а через «проведение переговоров с Советским Союзом об урегулировании конфликта между нашими странами».

Аналогичного мнения придерживается и профессор физики Стэнфордского университета, директор его центра линейных ускорителей Вольфганг Панофски. Он предупреждает, что «представления президента могут повести нас в чрезвычайно опасном направлении». Панофски подчеркивает, что «инициатива президента действительно содержит зародыши отказа в будущем не только от договора об ограничении систем противоракетной обороны, но также и от других существующих договоров, включая запрет на вывод ядерного оружия в космическое пространство и договор о запрещении испытаний ядерного оружия 1963 года». С этим мнением нельзя не согласиться. Именно милитаризация космоса, проводимая Вашингтоном — там даже создано специальное космическое командование, — является причиной того, что США саботируют деловое обсуждение советского предложения о запрещении размещения в космосе оружия любого рода.

«Порочной ядерной доктриной» назвал план Рейгана — Уайнбергера директор программы европейских исследований центра стратегических и международных исследований Джорджтаунского университета Роберт Хантер. Он писал, что «предложение президента следует рассматривать не как серьезный способ покончить со страхами перед ядерной войной, а скорее как попытку подорвать позиции движения за замораживание создания новых систем ядерного оружия». Газета «Нью-Йорк таймс» обвиняет Рейгана в «привнесении

фантазии в политику», обвиняет его в том, что он «бросил» Советскому Союзу вызов на соперничество в космической войне», и заключает: «Человечество жаждет более плодотворной идеи, но в научной фантастике нет государственной мудрости». Даже Збигнев Бжезинский, выступая в «Балтимор сан», охарактеризовал предложения, содержащиеся в речи Рейгана 23 марта, как «рискованные». А другой автор — Чарльз Кордри, пишущий в этой же газете, подвел краткий итог ядерным фантасмагориям Пентагона: «Это может, не дав мира не земле, привести к началу войны в космосе».

Стоит ли удивляться после всего вышесказанного, что не звонят телефоны на Капитолии?

Зато безумолчно трезвонят телефоны в офисах «концернов смерти», в мозговых центрах военно-промышленного комплекса, в лабораториях и конструкторских бюро «экзотического оружия». (Или — «экзотических игрушек»?) Этот звон, звучащий для человечества на поминально-реквиемный лад, переплавляется здесь в звон долларов и гром взрывов, не в луч надежды, а в лучи смерти. Девиз Пентагона, обращенный к монополиям: «Предел — небо, давайте оружия сколько можете» — превращается из просто фигурального выражения в реальную фигуру на шахматной доске вашингтонской стратегии. Тем более что ныне предел не небо, а беспредельный космос. «Пай ин зе скай» — «Пирог в небе», — говорят американцы. Стоимость космического пирога первоначальная, сугубо ориентировочная — полтриллиона долларов. Ну как тут не трезвонить на всю Вселенную, на весь магазин детских игрушек «Ф.А.О. Шварц»?

Пентагон в лице своего управления перспективных научно-исследовательских работ уже заключил контракты на производство компонентов лазерной системы космического базирования с консорциумом, в который входят компании «Локхид корпорейшн», ТРВ и «Истмэн Кодак». Компания «Корнинг гласс уоркс» занята созданием оптических зеркал, фокусирующих лазерный луч на цель. («Ты мне, зеркальце, скажи, да всю правду расскажи...») Ассигнования на программы работ над космическими лазерами, вроде проекта «Тэлон Голд», увеличиваются втрое. Так сказать, идейным вдохновителем этих программ, которые профессор Джером Визнер назвал «объявлением нового цикла в гонке вооружений», выступает известный «суперъястреб» и «отец» американской водородной бомбы Эдвард Теллер.

Газета «Крисчен сайенс монитор» пишет, что именно Теллер «оказал серьезное влияние на представления Рейгана» о космической гонке вооружений. Личные контакты «отца» и президента восходят еще к 1966 году, когда Рейган по приглашению Теллера посетил ливерморскую лабораторию имени Лоуренса в Калифорнии. «Мы детально проинформировали его о том, над чем мы работаем. Я обнаружил, что он отличается поразительной непредубежденностью и широтой взглядов, и он схватывал идеи очень быстро», — вспоминает

Теллер. Что ж, сомневаться в этом не приходится. «Непредубежденность и широта взглядов» нынешнего хозяина Белого дома в области антикоммунизма хорошо известны. Любые идеи, льющие воду на крестовый поход против социалистического содружества, и впрямь схватываются им очень быстро.

Еще в августе 1982 года Теллер нанес ответный визит Рейгану, перебравшемуся к тому времени вместе с Уайнбергером из Сакраменто в Вашингтон. В качестве посредника выступал Джордж Киуорт, научный советник президента и бывший коллега Теллера по совместной работе в лос-аламосской лаборатории. (Он называет Теллера своим «вторым отцом».) Именно в ходе этой встречи старый «суперъястреб» подсунул Рейгану «искусительную» идею «ударной программы создания рентгеновского лазерного оружия космического базирования». С Теллером соперничает другой «суперъястреб» — генерал Дэниел Грэхэм. Его организация «Хай фронтиер» предлагает Рейгану военно-космическую систему стоимостью в сто миллиардов долларов. Независимо от того, чья возьмет, ясно одно: все эти доллары и лучи будут брошены не на мирную чашу весов. Как афористично заметил физик Ричард Гарвин, сконструировавший вместе с Теллером водородную бомбу, «я полагаю, что это подводит нас к войне в космосе, но не в качестве альтернативы войне на земле, а в качестве прелюдии к войне на земле».

Выступление Рейгана 23 марта вызвало определенную растерянность и даже неловкость в Вашингтоне своей «космической» безграничностью в воспевании гонки вооружений. Газета «Вашингтон пост» писала, что выступление «следовало бы отложить, однако вместо этого решили вычеркнуть из него все конкретные подробности и превратить его в историю, которая приснилась президенту, после того как он прочитал научно-фантастическую книгу». Звучит остроумно, но неубедительно. Конечно, в Вашингтоне спят и видят, что им удалось добиться военного превосходства над Советским Союзом, конечно, подобные сны — несбыточная фантазия. Мы никогда не допустим этого. Однако фантазия сия не только несбыточная, но и опасная, ибо она почерпнута не из приключенческих книг, а из пентагоновской книги войны, переплетенной для отвода глаз, для введения в заблуждение, в краснокожую «Советскую военную мощь».

...Газета «Лос-Анджелес таймс» в одной из своих редакционных статей того периода писала: «Русские увидели, что совсем не трудно выдавать американского президента за размахивающего бомбами сторонника холодной войны, который ставит под угрозу мир в Европе и во всем мире». Но дело не в том, что «увидели русские» и за что они выдают увиденное. Дело в неопровержимых фактах. А их видят не только русские, но и многие американцы, видят и начинают осознавать их, осознавать пагубность курса нынешней вашингтонской администрации на разжигание военного психоза, на

небывалую гонку вооружений, на конфронтацию, чреватую военной катастрофой. Вот почему молчат телефоны на Капитолии и почему все громче звучит голос участников антивоенного движения в США.

...«Благодаря тебе эта улыбка настоящая. С чувством дружбы и наилучшими пожеланиями. Рон». Молчание телефонов на Капитолии и скрежет льдов движения за замораживание стерли с лица президента «настоящую» улыбку. Осталась дежурная, голливудская. Каспар Уайнбергер, «без лести преданный», сделал все от него зависящее, чтобы вернуть своему патрону его настоящую улыбку. 11 апреля он выступил перед членами Ассоциации обозревателей по авиационным и космическим вопросам с речью в защиту плана Рейгана. Речь звучала как заклинание, хотя Уайнбергер, в отличие от его идола — Черчилля, красноречием не отличается. Вот небольшой образчик для дегустации:

«Это не поспешный и плохо обдуманный план;

Это не фантастическая идея звездных войн;

Это не стремление обрести потенциал для нанесения первого удара;

Это не отступление в «крепость Америку»;

Это не замена сдерживания или контроля над вооружениями».

И снова:

«Это не поспешный и плохо обдуманный план...»

Пластинка оказалась настолько заигранной, что стала вращаться на одном и том же витке. Наконец, Уайнбергер столкнул иглу своего красноречия и призвал аудиторию отбросить «сомнения, цинизм или сумасбродные домыслы» в отношении плана Рейгана. Он говорил о фантастике, становящейся реальной действительностью, приводя в пример «Наутилус» из «Двадцать тысяч лье под водой» Жюля Верна. Его ничуть не смущало то обстоятельство, что капитан Немо был рыцарем свободы, а его, Уайнбергера, адмиралы с их «поларисами», «посейдонами» и «трайдентами» угрожают свободе и жизни всего человечества, включая многострадальную родину жюльверновского героя. Впрочем, о каком смущении могла быть речь, если план Рейгана объявлялся инструментом, который «сделает этот будущий мир более надежным, более безопасным и более счастливым местом для проживания»!

Кстати, сам Уайнбергер не мог выбрать для своего спича менее надежное, менее безопасное и уж, конечно, менее счастливое место. Он разглагольствовал буквально в двух шагах от Арлингтонского национального кладбища, где покоятся американцы, павшие в многочисленных войнах, включая вьетнамскую, которые вели Соединенные Штаты. (Двести войн за двести с небольшим лет.) Человечеству не улыбается перспектива проживания на «счастливом месте» — кладбище. Хотя, осуществись бредовые фантазии Рейгана — Уайнбергера, на земле уже не будет ни могил, ни могильщиков. Не

потому, что в этих фантазиях рецепт эликсира бессмертия, а потому, что вся наша планета превратится в одно сплошное кладбище.

В качестве заключительного аккорда своей арлингтонской надгробной речи Уайнбергер процитировал известные слова президента США Джона Фитцджеральда Кеннеди, прах которого тоже покоится на Арлингтонском национальном кладбище: «Наши проблемы созданы человеком, и поэтому они могут быть решены человеком. А человек может быть настолько великим, насколько захочет. Разум и дух человека часто решали, казалось бы, неразрешимые проблемы, и мы верим, что они смогут сделать это снова». Затем Уайнбергер добавил уже от себя: «Как же мы можем соглашаться на меньшее?»

Заключительный аккорд прозвучал патетически, но предельно неуместно. И опять-таки не только потому, что по соседству маячило кладбище, где спит вечным сном автор цитаты — президент супердержавы и жертва общества насилия. Кеннеди говорил о разуме и духе человека. Уайнбергер подразумевал янки-сверхчеловека. И его последняя фраза — «Как же мы можем соглашаться на меньшее?» — хотел он того или нет, относилась не столько к проблемам выживания цивилизации, сколько к бюджету Пентагона... «Рона» и «Капа» давно связывает круговая порука. Пока министр подсоблял президенту в Арлингтоне, президент прикрывал министра в Вашингтоне. Рейган заявил, что он «на все сто процентов за Каспара» и никому не даст его в обиду. Более того, президент пригрозил выступить по телевидению с жалобой на то, что ему и его Каспару «мешают должным образом защищать страну».

Великий защитник собак, кошек и детей, резвящихся вдоль шоссе № 198, тоже рванулся на телевидение. Пылая жертвенным огнем, он воскликнул: «Моя судьба не играет никакой роли. Единственное, что имеет исключительную важность, это то, что страна должна осознать — нам надо предпринять необходимые действия вовремя, чтобы восстановить нашу оборонную мощь, мощь устрашения, в которой мы нуждаемся. Это намного важнее будущего какого-то отдельного человека».

Мания величия? Отчасти да. «Уайнбергер, судя по всему, вышел из-под контроля... Он заходит слишком далеко и слишком быстрыми темпами», — говорит о своем боссе один бывший сотрудник Пентагона. Да, выйдя на большую дорогу мировой политики с ядерным кистенем, Уайнбергер явно предает забвению осторожность, которую он проявляет на шоссе № 198. «Моя судьба не играет никакой роли», — говорит он, играя судьбами народов. Вот вам самоуничижение, что паче любой гордости. «Это намного важнее будущего какого-то отдельного человека», — продолжает скромничать Уайнбергер, ставя под угрозу будущее всей планеты.

«Уайнбергер видит две крайности — самого себя и осталь-

ной народ, который его не понимает. Покинув его огромный кабинет, я задался вопросом, кого он увидел в зеркале. Не была ли это несколько старомодная фигура, движущаяся против течения?» — пишет Ричард Ривс в «Пэрейд».

Не буду гадать, кого видит Уайнбергер, глядясь в зеркало, — Наполеона, Черчилля или Форрестола? Куда важнее другое — кого видят люди в Уайнбергере. А видят они в нем первостатейного поджигателя войны, главноуправляющего военно-промышленного комплекса, чье «Внимание! Пли! Прицелились!» не имеет ничего общего с поэтическим «И жить торопится, и чувствовать спешит».

Торопливость и спешка Каспара-«воркоголика» совершенно иного рода. Страшно даже подумать: человек, которого не подпустили к штурвалу самолета из-за отсутствия «чувства дистанции», крутит сейчас вовсю баранку Пентагона. Жди от него мягкой посадки! Вот почему столь необходимо, столь настоятельно необходимо поставить Уайнбергера на ограничитель. И не только на шоссе № 198, ведущем к Маунт-Дезерт Айлэнд, но и на путях истории, ведущих в будущее. Чтобы оно не сыграло в ядерный ящик Пандоры.

1983—1984 гг.

Вернон Уолтерс — многоликий Янус

Этот человек, казалось бы, удивительный конгломерат несоответствий.

Он никогда не командовал даже взводом, но демобилизовался в чине генерал-лейтенанта. Начальное образование получил в католической школе Сан-Луиджи Гозака в Париже, считается равностным католиком, но ведет упорную борьбу против католических епископов своей страны, осудивших ядерную войну, и латиноамериканских священнослужителей, борющихся против нищеты и других социальных язв. Не имея аттестата о среднем образовании, не говоря уже о Принстоне или Гарварде, высоко забрался по дипломатической лестнице, аж до шестого этажа государственного департамента США. Утверждает, что «ни одна из моих миссий, по сути дела, не была секретной», и в то же время опубликовал мемуары под заголовком «Секретные миссии». Служил пяти американским президентам — и республиканцам, и демократам, но никому не ведомо, за кого голосует. В качестве

заместителя директора ЦРУ был замешан в уотергейтском скандале, однако умудрился выйти сухим из воды. Обладает феноменальной памятью и поэтому никогда не делает личных пометок, но тем не менее повсюду оставляет следы и недобрую память о себе. Человек баскетбольного роста, и все-таки незаметный. Говорит, что ему «все равно, кому достанутся лавры», но тут же добавляет: «Иногда из-за этого расстраиваешься, потому что я не такой уж скромный человек...»

Паутину противоречивости этой удивительной личности можно плести до бесконечности. Завершим ее последним стежком, основным, так сказать, профилирующим. До недавнего времени он служил послом по особым поручениям в рейгановской администрации в качестве «главного специалиста по урегулированию кризисных ситуаций». Но вот какая штука — куда бы его ни посылали, кризисные ситуации не улаживались, а возникали! А посетил он в этом своем качестве целых сто стран, налетав и наездив приблизительно один миллион миль, в среднем десять тысяч миль за неделю. В его кабинете на шестом этаже госдепартамента вывешены флаги всех тех стран, которые имели весьма сомнительное удовольствие принимать столь неутомимого путешественника. Да, вот еще что: наш герой не курит, хотя весь окутан дымом; не пьет, хотя опьянен властолюбием; большой сластена, питает «признанную слабость к хорошему шоколаду», хотя распространяет вокруг себя исключительно горечь.

Зовут этого человека Вернон Энтони Уолтерс. Его последний патрон — не в барабане револьвера, а по службе — президент Рейган назначил своего «кризисного непоседу» постоянным представителем США при ООН вместо подавшей в отставку строптивой, заносчивой и своенравной Джин Киркпатрик. «Впервые за сорок четыре года пребывания на государственной службе Уолтерс выйдет из тайного мира разведки и секретных миссий на свет публичной дипломатии», — писала в связи с этим газета «Вашингтон пост». Итак, отныне Соединенные Штаты будет представлять на самом широком и высоком международном форуме не «профессор в юбке», а разведчик в штатском, с хрестоматийным кинжалом под дипломатическим плащом. Подобная замена показательна уже сама по себе. Видимо, в Вашингтоне упорно не желают распрощаться со сладкой, как хороший шоколад, мечтой о мировом господстве, о «веке американизма» и прочими имперскими иллюзиями. Видимо, в Вашингтоне по-прежнему хотят превратить 159 флагов независимых государств, развевающихся перед штаб-квартирой ООН, в послушные флажки в кабинете мистера Уолтерса.

Тех, кто хорошо знает Вернона Энтони Уолтерса, этого многоликого Януса из отнюдь не божественного пантеона, несколько удивило, что именно его извлекли из тьмы кулис в огни рампы. Однако, если вдуматься в это решение, если взглянуть на него в символическом ракурсе, то станет ясно, как в свете все той же рампы, что лучшего представителя,

вернее, адекватно отражающего его суть, американский империализм вряд ли бы сумел подобрать. Ибо многоликость нашего Януса лишь кажущаяся. Под бесчисленным количеством масок скрывается лишь одно лицо — наиболее реакционных, воинственных, авантюристических, антикоммунистических правящих кругов Америки. То обстоятельство, что Уолтерс блестящий лингвист и свободно владеет восьмью языками, факт его биографии и ингредиент его карьеры. Но в действительности, по существу, он разговаривает лишь на одном языке — языке своих хозяев.

«В непрекращающейся борьбе за свободу, — заметил както наш герой, — мы должны уметь общаться с теми, кто хочет свободы, на их языке. Мы слишком долго ждали, чтобы все наши друзья заговорили по-английски». Итак, если гора не идет к Магомету, то Магомет идет к горе? Ничуть не бывало. Памятуя о том, что означает проституированное слово «свобода» в лексиконе хозяев Уолтерса и как выглядят «борцы за свободу» в их представлении, нетрудно понять, чего добиваются вашингтонские «лингвисты». А как показательно это властно-нетерпеливое «Мы слишком долго ждали»! Воистину долго, если назначили на пост своего представителя при ООН Вернона Уолтерса. Видимо, вашингтонским «лингвистам» и впрямь невтерпеж: им страсть как хочется, чтобы ООН в отличие от Уолтерса знала и понимала лишь один язык. Не английский, нет, и даже не с американским произношением — будь то варварско-техасским или рафинированно-гарвардским, а язык окрика с «произношением» посвистывающего бича надсмотрщика на невольничьей галере.

Но к превеликому для Вашингтона сожалению, Организация Объединенных Наций не музей восковых фигур свергнутых диктаторов и не театр все еще кривляющихся марионеток. Более того, с каждым годом — все чаще и настойчивее — ООН отказывается «шагать в ногу» с дядюшкой Сэмом. Убедиться в этом пришлось еще раз «тетушке Джин». Перед своим уходом в отставку госпожа Киркпатрик подготовила для конгресса США доклад о деятельности ООН в прошедшем 1984 году. Целью доклада было показать, что дела Соединенных Штатов в небоскребе на Ист-Ривер улучшаются. Но когда составители этого документа обратились за «подкреплением» к статистике, то выяснилось нечто совершенно противоположное. Если в 1983 году число голосований США заодно с большинством составляло 21 процент, то в 1984 году эта цифра упала до 14 процентов, то есть международная изоляция Вашингтона еще больше возросла. Как пишет газета «Нью-Йорк таймс», «ослабление в целом количественной поддержки позиций США в ООН явилось неожиданностью для должностных лиц госдепартамента, которые рассчитывали, что поддержка позиции США значительно усилится». Газета приводит следующие слова одного из этих «должностных лиц»: «Откровенно говоря, мы были удивлены. Когда цифры противоречат создавшемуся у вас впечатлению, нево-

льно возникает вопрос, в чем дело: то ли мы ошибаемся, то ли эти цифры неправильно отражают действительную картину».

Но ведь удивляться-то нечему, милостивые государи. Вы пожинаете лишь то, что посеяли. Цифры не лгут. Лжет кто-то другой...

А теперь давайте познакомимся поближе с человеком, на которого рейгановская администрация взвалила тяжелое бремя, если не сизифов труд, вывести Соединенные Штаты из отнюдь не блестящей изоляции в ООН.

Вернон Уолтерс родился 3 января 1917 года в одном из пригородов Нью-Йорка в семье мелкого страхового агента, выходца из Англии. Ему не довелось окончить среднюю школу, ибо финансовые дела отца оставляли желать много лучшего, а сам отец желал получить помощь от своего сына, кстати самого младшего из трех его отпрысков. До 1941 года Уолтерс протирал штаны в семейной страховой фирме. А затем, говоря его же словами, «Адольф Гитлер сделал по крайней мере одно доброе дело в своей жизни. Он вытащил меня из страховой компании отца», то есть Вернона призвали на действительную военную службу.

Окончив трехмесячные курсы в академии Вест-Пойнта, Уолтерс участвовал в высадке американских войск в Марокко, затем служил в Алжире и Тунисе. Его заметили, вернее услышали. Лингвистически одаренного парня отозвали с фронта и направили на учебу в школу военной разведки Управления стратегических служб США в Кэмп-Рич, где он специализировался в португальском языке. Язык этот сильно пригодился Уолтерсу и тогда, и впоследствии. Его отличил генерал Марк Кларк, командовавший пятой американской армией в Италии. Сначала Уолтерса сделали офицером связи при бразильских частях, входивших в состав этой армии, а затем — адъютантом Кларка. В этом качестве Уолтерс присутствовал при освобождении Рима и обворожил еще одного влиятельного генерала — Альфреда Гюнтера, будущего главнокомандующего вооруженными силами НАТО.

После войны Вернон Уолтерс неуклонно шел в гору по военно-дипломатическо-разведывательной лестнице. Был военным атташе в Рио-де-Жанейро и Париже. Кстати, когда он получил полковничьи погоны, то прикрепляли их ему целых два президента — де Голль и Эйзенхауэр! И вообще Уолтерса тянуло к сильным мира сего. Он был сотрудником Гарримана, сопровождал президента Трумэна во время его столкновения с вышедшим из повиновения генералом Дугласом Макартуром. Был в Каракасе рядом с Никсоном, когда последнего забросали камнями. (Уолтерсу поранили губу, и Никсон проникся к нему особой симпатией.) Шлифовал свое искусство «волка-одиночки» у такого ментора, как Генри Киссинджер. Короче, как пишет журнал «Ньюсуик», «побывал везде, повидал все, повстречал всех».

Однако быть на виду Уолтерс предпочитал лишь у начальства. Во всем остальном он был человеком «глубокого

залегания». Как сказал его шеф — директор ЦРУ Колби, «я никогда не волновался, что он сделает что-либо не так». Что-либо не так? Конечно же с определенной, весьма определенной точки зрения. Он участвовал в свержении правительства Моссадыка в Иране, занимался шпионскими миссиями самолета У-2, тайными операциями против Кубы, включая заговор с целью убийства Фиделя Кастро, готовил военный переворот в Бразилии и свержение конституционного правительства Гуларта в 1964 году, пытался повторить то же самое десять лет спустя в Португалии. Бразильский диктатор Бранко был личным другом Уолтерса. Они познакомились в Форт-Ливенворт, штат Канзас, где Уолтерс был одним из руководителей центра по подготовке латиноамериканских офицеров. Да, мистер Колби и впрямь мог не волноваться, что старина Вернон сделает что-либо не так!

Уолтерс вновь доказал это, приложив свою длань к чилийской трагедии. Свержение правительства Альенде, его гибель и установление диктатуры Пиночета — результат заговора, в котором Уолтерс, бывший тогда заместителем директора ЦРУ, сыграл далеко не последнюю роль. В дальнейшем, используя свои связи с чилийским офицерским корпусом и секретной полицией (ДИНА), Уолтерс из-за кулис дирижировал репрессивными акциями Пиночета. Именно с разрешения Уолтерса ДИНА были переданы списки противников режима, что привело к казни свыше пяти тысяч человек. Тысячи других «бесследно пропали». Об этом говорилось в материалах сенатской комиссии конгресса США, которую возглавлял Черч.

В докладе сенатской комиссии по расследованию убийства бывшего министра иностранных дел Чили Орландо Летельера указывается на причастность Уолтерса и к этой акции ДИНА. По словам помощника парагвайского диктатора Стресснера, Уолтерс не только знал о заговоре с целью убийства Летельера, но и способствовал его выполнению. Он, в частности, обеспечил выдачу госдепартаментом США въездных виз по фальшивым парагвайским паспортам двум агентам чилийской секретной полиции, совершившим этот террористический акт. За несколько дней до убийства Летельера в Вашингтоне состоялась встреча между Уолтерсом и тогдашним главой ДИНА полковником Контраресом.

То, что «не волновало» шефа ЦРУ Колби, как раз и взволновало конгрессмена Гейденсона, демократа от штата Коннектикут, когда Рейган назначил Уолтерса на пост в ООН. Конгрессмен направил президенту письмо, в котором потребовал снятия кандидатуры Уолтерса. В письме указывалось, что последний занимался «сомнительной деятельностью» за рубежом, выполняя задания разведки и Пентагона. В качестве примеров в письме фигурировали дело Летельера, переворот в Бразилии в 1964 году и деятельность Уолтерса в качестве военного атташе в Италии. (В 1961 году Уолтерс отстаивал необходимость использования американских войск, чтобы не

допустить участия итальянских социалистов в коалиционном правительстве.)

Письмо конгрессмена Гейденсона воздействия не возымело. Видимо, Рейган, как и Колби, «не волнуется» по поводу Уолтерса. Что же касается самого Уолтерса, то он «скромно» заметил: «Сенат уже пять раз утверждал меня: трижды, когда мне присваивали генеральское звание, а также на должности заместителя директора ЦРУ и посла по особым поручениям».

Возвращаясь к чилийской истории: Уолтерс выкрутился из нее, как и из уотергейтской. Более того, он получил медаль за выдающуюся разведывательную деятельность!

При президенте Картере Уолтерс оказался в некотором «простое», который был более чем компенсирован его активностью в первый срок президентства Рейгана. Последнего Рейгану рекомендовал генерал Хейг, возглавивший госдепартамент США. Уолтерс явно пришелся к имперскому двору президента. Недаром же «Нью-Йорк таймс» писала о нем: «Верующий католик и ярый антикоммунист, Уолтерс относится к числу недрогнувших «ура-патриотов», называющих войну во Вьетнаме «одной из самых благородных и бескорыстных» в американской истории. Он говорит, что его мир определяется «представлениями о США как о последней и лучшей надежде человечества». Ничего себе «лучшая надежда», лучшей надеждой которой в ООН будет служить генерал Вернон Уолтерс!

При Рейгане наш герой развернулся вовсю. «Вашингтон пост» замечала, что «жесткие антикоммунистические взгляды и широкие связи с иностранными военными руководителями, особенно в Латинской Америке и Африке, сделали Уолтерса любимцем консервативных республиканских правительств». Да, Уолтерса было за что любить. И ненавидеть. Спросите об этом диктаторов и народы Гватемалы и Сальвадора, Бразилии и Аргентины. (В последних двух случаях диктаторов с приставкой «экс».) После визита Уолтерса в Гватемалу в мае 1981 года там «по стечению обстоятельств» резко усилились репрессии против оппозиции. Было убито свыше ста лидеров христианско-демократической партии. То же самое произошло в Сальвадоре в 1982 году. (У Уолтерса личные связи с главой «эскадронов смерти» Роберто д'Обюссоном.)

Вернон Уолтерс словно Фигаро, вот только с плащом и кинжалом вместо бритвы и кисточки. Волнения в Шри Ланке? Он там. Ставленник ЦРУ Хабре мутит воду в Чаде? Он там. Политические завихрения в Кении, Заире, Сомали? Он там, там, там... И везде один и тот же почерк. «Одно можно сказать наверняка. Вслед за приездом в ту или иную страну Уолтерса, сторонника ультраправой политики и диктатуры, всегда следует сдвиг официальной политики этой страны вправо», — пишет газета «Бостон глоб».

Быть может, хозяева Уолтерса именно поэтому отрядили его в ООН? Чтобы небоскреб на Ист-Ривер накренился впра-

во? Впрочем, почему «быть может»? Вот мнение одного американского наблюдателя: «Уолтерс в ООН — это шаг к дальнейшей милитаризации политики США в целом. Рейгана давно раздражают самостоятельные шаги развивающихся и неприсоединившихся стран. Ему не нравятся и их заявления, осуждающие Соединенные Штаты». Вспомним высокомерный выход Вашингтона из ЮНЕСКО. Вспомним нотации госпожи Киркпатрик в ООН. Уолтерс готов принять эстафету из ее рук. «Я сделаю все, что в моих силах, чтобы продолжить превосходную, просто фантастическую работу, проделанную послом Киркпатрик в ООН в плане восстановления и упрочения позиции США». Превосходную? Фантастическую? Ну-ну! А как быть со статистикой голосования? Как быть с цифрами, над которыми не властен даже язык Уолтерса?

В докладе «Тайные операции в области политики и пропаганды», представленном на коллоквиуме для сотрудников ЦРУ в Вашингтоне, Уолтерс, в частности, замечал: «Найдутся такие, кто считает аморальными попытки оказать влияние на происходящие в стране события или на ее общественное мнение. Однако никто не может отрицать, что долг любого официального представителя в другой стране заключается в том, чтобы увеличить количество подлинных друзей. О работе дипломата следует судить по тому, насколько он увеличил количество друзей своей страны и уменьшил число ее врагов».

Ныне Уолтерсу поручено заниматься этим делом, так сказать оптом — в ООН. Сам он по поводу своей новой миссии «скромно» говорит: «Если я справлюсь с ней хотя бы наполовину так же хорошо, как Киркпатрик, я буду очень доволен». Уолтерс явно лукавит, ибо ему отлично ведомо, что при «тетушке Джин» ряды друзей дядюшки Сэма еще больше поредели. Вряд ли многоликому Янусу Вашингтона удастся повернуть вспять эту тенденцию. Скорее наоборот. Народы все лучше разбираются в том, кто их друзья и кто — враги.

3 июня 1985 г.

Два посла

I

Знаете ли вы, где находился последний бастион сопротивления террористического режима никарагуанского диктатора Сомосы? Быть может, в Манагуа — столице многострадальной страны, стонавшей почти полстолетия под сапогом далеко не святого семейства палачей и разбойников? Быть может, в треклятом «бункере» — центре комплекса штаб-квартиры национальной гвардии, где последние полтора года

помещались жилые покои и резиденция Анастасио Сомосы Дебайле? Нет. Когда на рассвете 19 июля повстанческие силы во главе с «команданте Маркосом» и «команданте Оскаром» окружили «бункер» и изготовились для решающего штурма, он был уже пуст. Сам Сомоса покинул «бункер» двумя днями раньше. Бело-голубой президентский вертолет доставил его в аэропорт Лас-Мерседес, и Сомоса, покружив в последний раз стервятником над Манагуа, полетел в Майами, захватив ненависть и прихватив казну никарагуанского народа.

Единственным живым существом, оставшимся в «бункере», была молодая немецкая овчарка, бесцельно бродившая между брошенных бронетранспортеров и «мерседесов»-легковиков. А может, и не бесцельно, может, в тщетных поисках сбежавшего хозяина? Но сама резиденция диктатора не носила печати поспешного бегства. Казалось, Сомоса отлучился всего лишь на минутку выпить чашечку кофе — не то бразильского, не то колумбийского. На письменном столе лежали бумаги, правда придавленные не папье-маше, а пистолетами-автоматами. На неубранной кровати валялась походная военная форма с нашивкой «Сомоса» на нагрудном кармане. В стенном шкафу гордо висела шеренга парадных френчей диктатора с пятизвездными погонами «верховного главнокомандующего национальной гвардии» на ладно скроенных «липовых» плечах.

Тем временем сами национальные гвардейцы совершали трусливый стриптиз капитуляции — они сдирали с себя военные комбинезоны, обнажая цивильное платье, загодя надетое на голое тело. При всей преданности «Тахо», то есть Сомосе, своя рубашка была все-таки ближе к телу. Совершив стриптиз капитуляции, национальные гвардейцы выстраивались длинными очередями перед церквами и офисами Красного Креста в поисках убежища. В отличие от наполеоновской старой гвардии, которая предпочитала умирать, но не сдаваться, гвардия Сомосы предпочла сдаться, но остаться в живых. Впрочем, она только именовалась национальной гвардией, но была по сути дела антинациональным сбродом палачей, обученным и вооруженным империализмом янки.

Нет, ни «бункер», ни другие стратегические пункты Манагуа не были последними бастионами сопротивления режима Сомосы. Народ ликовал на улицах. Из репродукторов лились звуки победных маршей сандинистов. Над «бункером» гордо реяло красно-черное знамя революции. А в уже нежилых покоях диктатора повстанцы, сорвав со стены «облагороженный» портрет Сомосы, презрительно, но с видимым удовольствием мочились на него.

Так где же был последний очаг сопротивления реакции? Быть может, в никарагуанской Вандее — провинции Чинандега, в ее полугородах-полудеревнях, вроде Сан-Педро, расположенных вблизи границы с Гондурасом? В течение десятилетий династия Сомосы рекрутировала среди нищего и безграмотного населения Чинандеги, среди «нерассуждающей

деревенщины», черные сотни своей гвардии. «Отец и сыновья Сомоса давали этим несчастным конфеты и патроны, а их родителям — после смерти детей — пенсии, и требовали взамен слепой, собачьей преданности», — говорит команданте Рой из Санто-Томаса, что неподалеку от Сан-Педро. Но даже никарагуанская Вандея, неграмотная и слепая, задавленная нищетой и террором, прозрела. Ведь люди, населяющие ее, не ландскнехты по рождению, а мирные, трудолюбивые крестьяне. Они разводят скот и домашнюю птицу, сеют кукурузу. Они уже познали подлинный вкус «свинцовых конфет» Сомосы. И разве существует на свете пенсия, которая могла бы заменить убитого сына, тем более что он сложил голову за чуждое его народу дело? Ведь это даже не пенсия, а тридцать сребреников посмертно...

Так где же, наконец, был последний бастион сопротивления диктаторского режима Сомосы? В Вашингтоне на берегах Потомака, а не в Чинандеге на берегах реки Гуасауле, по ту сторону которой начинается Гондурас. Не в никарагуанской Вандее, а в столице Соединенных Штатов Америки. Я имею в виду не символическое сопротивление, которое было оказано на Капитолийском холме «никарагуанским лобби», пытавшимся в последний момент спасти своего работодателя и раба одновременно. Я имею в виду даже не пятигранник Пентагона, где обретаются старые дружки Анастасио Сомосы, вместе с которыми он протирал суконные штаны и толстые подошвы военных бутсов в академии Вест-Пойнта, этой «альма-матер» американского милитаризма. Я имею в виду вполне реальную никарагуанскую территорию — расположенную в поместье Эйрлауи резиденцию посла Манагуа при Белом доме на Элликотт-стрит, дом 3200, Северо-Западный Вашингтон.

Прошла уже неделя с того дня, как пал режим Сомосы. Над «бункером» в Манагуа развевалось красно-черное знамя революционной хунты, а в Вашингтоне над особняком на Элликотт-стрит, 3200, по-прежнему болтался штандарт диктатора. Не сумев спасти Сомосу, его покровители мелко мстили победившему народу Никарагуа, так сказать, «на своем поле». Когда новый представитель республики Дионисио Саул Арана-Кастеллон и другие дипломаты революционной хунты вошли в законное владение зданиями миссии и резиденции, вашингтонская полиция, вызванная бывшим сомосовским послом Гуиллермо Севилла-Саказа, силой выдворила их из экстерриториальных помещений, причем Арана был арестован «за нападение на полицейского офицера».

Но дальше так продолжаться не могло. «Победы» в арьергардных боях грозили дорого обойтись Вашингтону, который был вынужден, делая хорошую мину при плохой игре, «наводить мосты» с сандинистским Манагуа. После вмешательства государственного департамента Арана и другие дипломаты хунты были освобождены из-под стражи, а предъявленные им обвинения сняты. Но Гуиллермо Севилла-Саказа

отступал, цепляясь за любой и каждый кустик сопротивления (Почему мы выбрали сравнение с кустом, отнюдь не фигурирующим в военной терминологии, читатель поймет несколько позже.) Передав победителям тихо, без шума, без паблисити — ключи от миссии, «столп общества икры и шампанского», как величали Севилла-Саказу в дипломатических кругах американской столицы, по-прежнему упрямо не желал освобождать резиденцию

Утром 25 июля дипломаты хунты вновь явились на Элликотт-стрит Дом 3200 был на запоре. «Столп» никак не желал сходить со своего постамента Близился полдень. Дипломаты вежливо и терпеливо ждали перед закрытыми дверями На дверях висела цепочка, а сам «столп» висел на телефоне. Он названивал послам других латиноамериканских стран, сотрудникам госдепартамента, наконец, в Белый дом и просил, требовал «справедливости и защиты». Но игра была проиграна. Никто не желал компрометировать себя дружескими связями со «столпом» рухнувшим подобно статуе Сомосы отца на стадионе в Манагуа и режиму Сомосы-сына в «бункере»

В полдень дверь резиденции распахнулась, и на ее пороге появился «столп».

— Знаете ли вы, какая я важная личность? — набросился он на Майкла Маджио, юрисконсульта посольства революционного правительства Никарагуа.

Майкл Маджио, красивый брюнет с копной черных волос и лихими усами, даже оторопел от подобной наглости.

— Мы отлично знаем, что вы за птица. Но «бункер» пал, и вам тоже пора сдаваться, — ответил за него кто-то из дипломатов-революционеров.

— Ну, это мы еще посмотрим, — хорохорился «столп». Дверь резиденции снова захлопнулась. Пошел дождь. Но никто не расходился. Наконец поздно вечером под нажимом госдепартамента, которому некуда было деваться — Вашингтон уже признал революционную хунту, — Севилла-Саказа «разрешил» победителям войти в здание. По указанию Араны Маджио сообщил «столпу», что он и его семья могут оставаться еще пару дней в резиденции, чтобы подготовиться к эвакуации. По всему было видно, что Маджио выполняет это поручение без особого энтузиазма.

— Как жаль, черт побери, — бурчал он в усы, — Арана настаивает на том, чтобы мы обращались с Севилла-Саказой уважительно, по-гуманному. Но разве династия Сомосы проявляла уважение и гуманность к народу Никарагуа?

Вместе с представителями революционной хунты в здание вошли и репортеры. «Столп» явно шатался. Не в переносном смысле, а в прямом. Не то от шампанского, не то от нервного возбуждения. Он был одет, как всегда, безукоризненно и вел себя, тоже как всегда, нахально. Видите ли, Севилла-Саказа опасался за жизнь и честь женского персонала резиденции, если дипломаты хунты вздумают заночевать с ними под одной

крышей! И это говорил представитель режима, солдаты которого расстреливали тысячами женщин и детей, вспарывали животы беременным, сажали на штыки новорожденных!

— Вы можете выставить перед их дверями патруль американской секретной службы, — отвечал, сдерживаясь, Маджио. В его голосе звучали еле различимые нотки иронии, но преобладали гнев и презрение.

Детали «скульптурной группы» были вполне под стать «столпу». Их больше всего беспокоила судьба барахла, нажитого на сдобных и пышных дипломатических хлебах.

— Вы ведь не конфискуете мое имущество? — жалобно скулил один из сомосовских дипломатов. — Все, что находится в моей квартире, нажито моим трудом. Я сам, а не оно (правительство Сомосы) и не он (то есть Севилла-Саказа) платил за эти ковры, за кондиционер, за все, даже за замок на двери...

Маджио, с усилием превозмогая отвращение, так обычно сдерживают неожиданно подступившую тошноту, убеждал барахольщиков не беспокоиться, не нервничать.

— Наша первоначальная задача — поставить все на свои места, показать, кто здесь хозяин, а кто гость, оградить от уничтожения государственную собственность и официальные бумаги, — говорил он

Прислушиваясь к этому диалогу, я невольно думал о том, как Сомоса и его камарилья грабили и обирали народ Никарагуа. Диктатор одной из самых беднейших стран на земле был одним из самых богатейших людей в мире. Законы физики, гласящие, что в природе ничто не исчезает и не возникает, весьма своеобразно преломляются в несправедливой повседневности грабежа.

Я не знаю, выставила или нет американская секретная служба караул перед опочивальнями сеньоров и сеньорит из штата Севилла-Саказы. Во всяком случае, их жизнь и честь оказались вне опасности. Всю ночь напролет дипломаты революционной хунты разбирали посольские бумаги. Ничего существенного на первых порах не было обнаружено. Ни данных об обширном состоянии семейства Сомосы и об его финансовых операциях в Соединенных Штатах, ни сведений о тайных связях свергнутого никарагуанского диктатора с обитателями вашингтонских коридоров власти. Видимо, «столп» и его «скульптурная группа» основательно потрудились, заметая следы, пока сидели в бесте под протекторским крылышком государственного департамента США. В архиве и письменных столах пылились лишь старые пожелтевшие журналы, неизрасходованная почтовая бумага, рутинная дипломатическая корреспонденция и прочая канцелярская макулатура...

Только на десятый день победы народной революции в Манагуа посол Сомосы в Вашингтоне Севилла-Саказа вывесил белый флаг — знак капитуляции — на доме № 3200 по Элликотт-стрит. Под бдительным надзором его старшего

сына Луиса рабочие стали выносить из резиденции посольские пожитки и грузить их на необъятных размеров трейлер, гофрированная алюминиевая обшивка которого придавала ему отдаленное сходство с динозавром.

— Куда переезжаете? — спрашивали Луиса из толпы. В голосах спрашивавших была скорее насмешка, чем любопытство.

— Во Флориду, — отвечал, вернее, цедил сквозь зубы Луис.

— Поближе к солнцу, океану или к Сомосе? — острили зеваки.

— Не ваше собачье дело, — злобно огрызался первенец «столпа».

Тем временем рабочие продолжали погрузку трейлера-динозавра. Хозяйственный посол основательно пошерстил гнездо, из которого его вышвырнули. Он прихватил с собой все, что только мог. Даже искусственные цветы. Даже унитазы из туалетов. Дипломаты революционной хунты не мешали этому посмертному мародерству. Они презрительно наблюдали за погрузкой трейлера. Презрительно, но бдительно. Коробки и ящики, в которые упаковывался посольский скарб, тщательно проверялись, а затем эскортировались в чрево динозавра на колесах. И не зря. Как сообщили несколько позже на пресс-конференции новые владельцы дома № 3200, им все-таки удалось обнаружить любопытные документы, свидетельствующие о широко распространенной коррупции, в которой были замешаны высокопоставленные американские лица и ближайшее окружение Сомосы.

Севилла-Саказа-младший пытался иронизировать на сей счет:

— Они наложили арест на фотоархив и личную переписку отца. Они думают, что нашли золотой прииск.

— К сожалению, золото намывал не народ. Мы собираемся предоставить относящиеся к этому документы министерствам юстиции Никарагуа и Соединенных Штатов, — парировал Маджио. — Нелишне заглянуть и во Флориду, куда Севилла успел кое-что переправить еще до нашего прихода.

Самого посла нигде не было видно. Он отсиживался во внутренних покоях резиденции.

— Надо понять отца, войти в его положение. Ведь он так долго жил здесь. Почти тридцать лет. Он у нас очень эмоциональная личность, — говорил Луис, ища сочувствия у толпы.

Но сочувствия не было.

— Что правда, то правда: зажился он здесь. И мы тоже не без эмоций, — отвечали эмигранты-сандинисты.

Наконец посол со своими чадами и домочадцами, со своими унитазами и пластиковыми цветами покинул Элликотт-стрит. В дом вошли его новые, законные владельцы. Один из них укрепил над камином в гостиной фотографию

легендарного генерала Аугусто Сандино, предательски убитого по приказу Сомосы-отца. Другой подошел к карте Никарагуа, висевшей в холле резиденции, и жирным красным фломастером начертил на ней одно слово «Libre» — «Свобода». Коротко и ясно...

Я вышел из дома. Поместье Эйрлаун показалось мне еще более прекрасным, хотя в последнее время за ним перестали ухаживать и оно было сильно запущено. Нестриженые газоны, пустой плавательный бассейн, замусоренный опавшей листвой... Посол знал, чувствовал, что дни режима, который он так долго представлял в Вашингтоне, были сочтены, и доживал свои последние июньские мгновения по принципу «после меня хоть потоп». Что ж, снявши голову, по волосам, а тем более по газонам не плачут...

Перед гаражом поблескивал на солнце черный «кадиллак» посла. Молодой парень — из новых, — стоя на корточках, отвинчивал с его переднего бампера номер, на котором значилось «DPL-1».

II

История Гуиллермо Севилла-Саказы весьма поучительна. «Столп общества икры и шампанского» тридцать пять лет был послом семейства Сомосы при вашингтонском дворе. Именно семейства Сомосы, а не Никарагуа и никарагуанского народа. Их Севилла-Саказа никогда не представлял, а только подавлял и предавал. Последние двадцать лет «столп» был дуайеном дипломатического корпуса. После того как 1 января 1958 года норвежский посол Вильгельм Мунте де Моргенстиерне покинул Вашингтон, «кадиллак» Севилла-Саказы украсился номером «DPL-1». (Сейчас этот номер у автомобиля, на радиаторе которого развевается красный флажок. Дуайеном дипломатического корпуса стал посол Советского Союза в США Анатолий Федорович Добрынин.)

В качестве дуайена «столп» согласно вашингтонскому протоколу пропускал впереди себя лишь несколько «скульптур» — президента США, вице-президента, спикера палаты представителей и председателя Верховного суда. Короче, Севилла-Саказа был большой шишкой, оставаясь ничтожной личностью. Вашингтонские хозяева не уважали его, относились к нему с едва скрываемым презрением. Оно и понятно. Кто станет уважать слугу, а тем более слугу слуги, лакея при лакее? Но «на людях» Севилла-Саказу лелеяли и холили, осыпали милостями и наградами как доверенного представителя «нашего самого верного союзника». За тридцать пять лет дипломатической службы, вернее прислужничества, «столп» увесили пятьюдесятью орденами, медалями и другими наградами!

В библиотеке Севилла-Сaказы в особняке на Элликотт-стрит стояли фотографии восьми президентов Соединенных

Штатов Америки, начиная от Франклина Делано Рузвельта и кончая Джимми Картером. Все фотографии имели дарственные надписи, свидетельствовавшие об «исключительных заслугах» посла Сомосы перед Вашингтоном. (Еще бы!) И Трумэн, и Эйзенхауэр, и Кеннеди, и Джонсон, и Никсон, и Форд, и Картер желали «столпу» вечно представлять Никарагуа на берегах Потомака, словно забыв, что ничто не вечно под луной, а тем более диктаторские режимы. Отдельно, на рояле, стояла еще одна фотография — первого директора ФБР Эдгара Гувера. «Моему другу и соседу» — гласила надпись. Плицейская овчарка и дипломатическая борзая действительно жили душа в душу.

Гуиллермо Севилла-Саказа, которого известный вашингтонский «разгребатель грязи» Джек Андерсон называл «самой помпезной личностью в столице», являл собою законченную фигуру лакея. Он был ренегатом и блюдолизом, нечистым на руку и лицемером, продажным и алчным. Мало кто знает о том, что Севилла начинал свою политическую карьеру в качестве правоверного... сандиниста! Да, да, именно так. Он родился в городе Леоне, который почему-то назвали «никарагуанским Бостоном» и который почему-то не назвали «никарагуанским Дрезденом» после того, как национальные гвардейцы разрушили его в ходе гражданской войны в сентябре прошлого года. Молодой Гуиллермо изучал право в леонском университете как раз в те годы, когда единственным правом в Никарагуа были штыки морской пехоты США.

Покидая страну — это было в 1933 году, — морские пехотинцы оставили ей в наследство помимо всего прочего нового президента, которым стал родной дядя Севилла-Саказы. Что же касается самого племянника, то его в следующем, 1934 году избрали в парламент. В том же году коллаборационисты обманом, под предлогом подписания акта о перемирии заманили в Манагуа скрывавшегося в горах Аугусто Сандино, руководителя борьбы против американских оккупантов. Национальные гвардейцы, предводительствуемые своим новым главнокомандующим, назначенным верхушкой морской пехоты США, предательски убили Сандино. Главнокомандующего звали генерал Анастасио Сомоса-отец.

Молодой юрист-парламентарий стал чуть ли не главным рупором тех сил в конгрессе, которые осеняли себя знамением вероломно убитого Сандино. Но в 1936 году Сомоса совершил государственный переворот, вышвырнул с помощью национальных гвардейцев дядю Севилла-Саказы и сам воссел на президентское кресло. Над головой велеречивого племянника навис топор палача. Быть может, именно тогда, полностью познав истину, гласящую, что «язык мой — враг мой», юрист начал подумывать о карьере дипломата, коему, как известно, язык дан для сокрытия своих мыслей.

Голь на выдумки хитра, в особенности если у нее оголена

шея в ожидании плахи или пеньки. Пытаясь спасти свою шкуру, Гуиллермо сделал ход конем, точнее, амурчиком. Он женился на дочери тогдашнего диктатора и сестре последующих. Очевидцы рассказывают, что в те годы Лиллиан Сомоса была писаной красавицей. Она училась в Соединенных Штатах в привилегированной женской школе Ганстон-холла и даже была избрана королевой на конкурсе красоты фестиваля цветения яблонь, проводившемся в Винчестере, штат Виргиния. Гуиллермо, пораскинув мозгами, пока голова его еще была на плечах, решил, что куда лучше предложить руку и сердце дочери диктатора, чем шею — ему самому.

Лидер оппозиции сломил — как, одному богу известно — оппозицию своего будущего тестя и обвенчался с прекрасной Лиллиан, королевой красоты Винчестера и его окрестностей. Сыграли шумную свадьбу. Помнят о ней в Манагуа до сих пор, хотя дело происходило в 1943 году. В том же году, в августе месяце, Гуиллермо получил от всемогущего тестя свадебный подарок — должность посла Никарагуа в Соединенных Штатах Америки, и счастливые молодожены укатили на берега Потомака — в Вашингтон в свадебное путешествие, которое затянулось почти на тридцать шесть лет и которое было прервано столь невежливым образом революцией, не терпящей, как известно, ни королей-диктаторов, ни королев, ни состоящих при них принцев-консортов, тем более если они по совместительству не регенты, а ренегаты.

Приехав в Вашингтон, Гуиллермо поначалу растерялся. Он не знал английского языка. (Впрочем, Севилла так и не овладел им и впоследствии.) И тут снова на помощь к нему пришла жена. Не для того же, в конце концов, спасла она жизнь мужа, чтобы погубить его карьеру! Умная, сообразительная, самоуверенная, госпожа посол стала представлять в Вашингтоне Сомосу-папашу, пока Севилла-Саказа овладевал азами английского языка и дипломатического искусства. В последнем он преуспел куда больше. Нет, он не стал ни Талейраном, ни Меттернихом. Просто он открыл для себя одну истину и твердо руководствовался ею всю свою жизнь на дипломатическом паркете — быть послом Сомосы хорошо, но слугою дядюшки Сэма еще лучше. «Я люблю Соединенные Штаты! Я верю в Соединенные Штаты! Я ценю Соединенные Штаты!» — восклицал Севилла-Саказа с ультралатиноамериканской экзальтацией в прошлом году на приеме в честь освобождения племянника Сомосы, захваченного сандинистами во время штурма президентского дворца в Манагуа. Прием проходил в резиденции на Элликотт-стрит. Икра была все еще иранской, шампанское французским, а «столп» по-прежнему проамериканским.

Став дуайеном дипломатического корпуса в Вашингтоне, Севилла-Саказа воспылал еще большей любовью к дядюшке Сэму. Кстати, этот почетный церемониальный титул достался

ему не без некоторого жульничества. Вот как было дело. В 1946 году Сомоса-отец в порыве очередного кокетничанья с демократами «делегировал» президентскую власть одной из своих марионеток. Но марионетка, звали ее Леонардо Аргуелло, неожиданно оказалась строптивой. Сомосе не оставалось иного выхода, как вновь совершить государственный переворот и восстановить себя в прежней должности. Все это заняло определенное время, в течение которого Вашингтон, пристально наблюдая за междуцарствием — или двоевластием? — в Манагуа и тоже кокетничая с демократией и конституционностью, не признавал ни то ни другое правительство — ни Аргуелло, ни Сомосу. В результате посол Никарагуа Севилла-Саказа превратился в частное лицо. Непрерывность его посольского стажа была нарушена.

Когда в 1958 году с уходом норвежца Моргенстиерне пост дуайена стал вакантным, шансы Севилла-Саказы занять его повисли на волоске из-за «инцидента» двенадцатилетней давности. Но «столпу», который при всей своей помпезности отличался исключительной изворотливостью, удалось ловко подштопать чуть было не оказавшуюся фатальной прореху в непрерывности его дипломатической миссии при Белом доме. Он «доказал» протокольщикам из госдепартамента, что продолжал оставаться послом Никарагуа даже тогда, когда Вашингтон не признавал его правительство. В качестве неопровержимого свидетельства законности своих притязаний Севилла-Саказа предъявил письмо супруги бывшего президента США Гарри Трумэна, датированное как раз периодом смутного времени. В этом письме госпожа Труиэн благодарила хитрого царедворца за то, что он посылал цветы ее свекрови — матери президента в Миссури, когда сия почтенная дама изволила сильно хворать. «Но почему же эта записка помогла нашему герою?» — можете спросить вы. А потому, что она начиналась с обращения «Господин посол!». Именно за это обращение и уцепился, как утопающий за соломинку, Севилла-Саказа, доказывая непрерывность своих посольских полномочий в Вашингтоне.

Вышеописанная история вошла в дипломатические анналы под названием «цветочная, или букетная, дипломатия». Старый испытанный принцип французских историков «шерше ля фам» — «ищите женщину» вновь сработал. Представительница слабого или, вернее, прекрасного пола вторично спасла Севилла-Саказу. Правда на сей раз речь шла не о его голове, а о карьере. Разумеется, фактор «букетной дипломатии» следует рассматривать с лошадиной дозой скептицизма. Конечно же, не он сыграл решающую роль в помазании Севилла-Саказы на дуайенство. Главное было в том, что «столп» устраивал Вашингтон во всех отношениях. Он был проверен и надежен. Он знал, кому и как служить и прислуживать, кому посылать цветы, а кому проклятия. И уж во всяком случае он был в сто крат, в тысячу крат предпочтительнее советского посла!

Став дуайеном, Гуиллермо еще больше расцвел. (Помните букет для госпожи Трумэн, матери президента-миссурийца, сбросившего атомные бомбы на Хиросиму и Нагасаки?) У него были для этого все необходимые качества — хорошо подвешенный язык адвоката, дипломата и тамады, хотя английским языком он так и не овладел, гибкая спина акробата и желудок страуса. Трудно припомнить дипломатические рауты, которые обходились без него, и еще труднее — блюда на этих раутах, которые он обходил бы. Он собственноручно выбирал подарки — обычно серебро — и собственноручно преподносил их от имени дипломатического корпуса различным официальным лицам, сопровождая подобные церемонии утомительной и старомодной мелодекламацией. Он неизменно фигурировал в колонках светских новостей и в иллюстрированных журналах, хотя столь же неизменно стушевывался, когда надо было не на словах, а на деле представлять и защищать сложные интересы многочисленного дипкорпуса в Вашингтоне. К тому времени жена его — прекрасная Лиллиан, будучи ревностной католичкой, народила ему кучу, точнее, девять детей, отошла от светской жизни и появлялась вместе с ним лишь на приемах-гала в Белом доме. Так что Гуиллермо уже сверкал не отраженным светом, как спутник Земли Луна, а излучал свой собственный. Впрочем, это ничуть не мешало ему быть сателлитом, представляющим сателлита при дворе его величества янки. Ведь одно дело покупать серебро, другое — продаваться за тридцать сребреников.

Севилла-Саказа пребывал в Вашингтоне не только в качестве никарагуанского посла в США и не только в качестве дуайена дипломатического корпуса. После того как в 1948 году Панамериканский союз был преобразован в Организацию американских государств (ОАГ), «столп» стал послом Никарагуа и при этом форуме, штаб-квартира которого находится в столице Соединенных Штатов.

Именно под сводами вашингтонской штаб-квартиры ОАГ Севилла-Саказа, не связанный незнанием английского языка, с особым жаром — на чистом испанском — защищал интересы своих хозяев — дядюшки Сэма и тестя Сомосы, а позднее и Сомосы-деверя. Служивший при восьми американских президентах, он с пеной у рта и пóтом на пояснице поклонялся девятому — Монро, чья доктрина «Америка для американцев» трансформировалась в «Латинскую Америку для Вашингтона», и десятому — Теодору Рузвельту, автору политики «большой дубинки». (Собаки почему-то обожают палки, гуляющие по их спинам, и добросовестно приносят их в зубах хозяину, забавляющемуся швырянием закидалочек-выручалочек.)

Красноречие и раболепие Гуиллермо снискали ему кличку «паг». (Непереводимая игра слов: «pug» по-английски мопс и заядлый спорщик от «pugilist» — одновременно.) Мопс отчаянно лаял на слона — на нараставшее изо дня в день

национально-освободительное движение народов Латинской Америки. Он ненавидел Чили Альенде и еще больше Кубу Кастро. Он приветствовал кровавые перевороты в Доминиканской Республике и Гватемале. Провокационно разглагольствовал о «красной угрозе» в Панаме и Коста-Рике. И конечно же, требовал искоренения своих бывших единомышленников-сандинистов в Никарагуа. Он провозглашал в качестве наивысшей добродетели стабильность плахи и каземата, тишь да гладь террористических режимов, когда миру не слышны даже дикие вопли истязуемых. Да, маленький мопс был по уши влюблен в большую дубинку...

В 1956 году Сомосу-отца отправили к праотцам. Но отчаяние заговорщиков было бессмысленным. Президентом стал его старший сын Луис. Впрочем, его царствование было сравнительно непродолжительным. Он умер в 1967 году от сердечного удара. Настал наконец черед Анастасио Сомосы. Восстание истерзанного народа, смелое, но обреченное на провал, которое вспыхнуло в момент комедии президентских выборов, было подавлено жесточайшим образом национальной гвардией. Мир содрогнулся, но Вашингтон и бровью не повел. «Столп» сделал все, чтобы самортизировать эхо ударов палаческого топора. Для этого он прибег к уже неоднократно и успешно опробованной им козырной карте «шерше ля фам».

В ночь накануне вступления Сомосы — по бесчисленным трупам своих жертв — в должность президента Севилла-Саказа закатил на Элликотт-стрит грандиозный прием-банкет в ознаменование замужества одной из своих дочерей. Присутствовал «весь Вашингтон» во главе с президентом Джонсоном (он подарил новобрачным бюст с собственным изображением), вице-президентом Хэмфри и государственным секретарем Раском. Как писали столичные газеты, прием в Вашингтоне был дипломатичным одобрением событий в Манагуа. На кровавую резню цинично набрасывалась белая вуаль невесты, в жилах которой текла кровь Сомосы. За дипломатичным одобрением последовало дипломатическое признание. Мопс хорошо знал свое собачье дело — когда и на кого лаять, когда и лизать руки и подошвы...

С приходом к власти в Манагуа Анастасио Сомосы дел у Гуиллермо Севилла-Саказы в Вашингтоне значительно прибавилось. Правда, к дипломатии как таковой они имели весьма опосредствованное отношение. Свой бизнес с Вашингтоном Сомоса вел сам, никому не передоверяя, через широко разветвленную сеть никарагуанского лобби — крупных столичных адвокатов, глав корпораций и фирм, коллег по годам совместной учебы в Вест-Поинте. Такие адвокатские конторы, как «Кример, Виссер, Липсен энд Смит» и «Корт энд Корт», распределяли шедшие от Сомосы денежные пожертвования на избирательные кампании среди вашингтонских политиканов, а такие конторы, как «Маккензи

Макчени», собирали жатву деловых заказов и личных одолжений. Все эти встречные потоки шли мимо «столпа», так сказать, обтекали его. За все годы президентства Анастасио Сомосы Гуиллермо лишь однажды вызывали в Манагуа для «консультаций».

Суть деятельности Севилла-Саказы в Вашингтоне была не столько дипломатической, сколько рекламной. В его обязанности входило «подавать» режим Сомосы как рай, где что ни кущи, то демократические свободы. Он был глушителем и рупором одновременно — глушителем правды, рупором лжи. Когда комиссия ОАГ по правам человека решила провести в Никарагуа выездной семинар на тему о свободных выборах, Севилла-Саказа потребовал отставки исполнительного секретаря комиссии Луиса Рикье. Представителей комиссии в Манагуа не пустили. Более того, Саказа настоял на запрещении публикации переписки, которую он имел по этому поводу с Рикье. На следующий день после того, как «столп» потребовал отставки неудобного секретаря неудобной комиссии по неудобным правам человека, он позвонил ему и поздравил с именинами — календарь показывал день боливийского святого Луиса. В этом был весь Гуиллермо Севилла-Саказа.

Да, дел у «столпа» хватало. Ведь рекламировать режим Сомосы — что чистить авгиевы конюшни стародедовскими методами. Труд сей был воистину сизифов. И недаром за спиной «столпа» Гуиллермо иронически величали «Сизиф-Саказой». Чем сильнее нарастало национально-освободительное движение в Никарагуа, тем беспощаднее свирепствовал террористический режим Сомосы и тем чаще приходилось выкручиваться и извиваться дипломатическому Сизифу из Манагуа. Очевидцы рассказывают о том, как часто в ходе дебатов в ОАГ никарагуанский посол срывался из зала заседаний и бросался к телефону получать инструкции от своего шефа. Иногда эти телефонные разговоры затягивались часами. Впрочем, носили они весьма односторонний характер. Говорил в основном Сомоса. Севилла-Саказа ограничивался лишь стереотипными репликами: «Да, мой генерал!», «Конечно, мой генерал!» и так далее в этом же роде. Для болтуна и краснобая Гуиллермо роль персонажа с одной единственной репликой, эквивалентной каноническому «Кушать подано!», была сущим наказанием, невыносимой пыткой. Правда, затем он брал реванш, обрушивая на головы членов ОАГ потоки своего старомодного красноречия, в которое он облекал инструкции «моего генерала».

После того как в сентябре прошлого года в Никарагуа с новой силой вспыхнула гражданская война, жизнь Севилла-Саказы стала сплошным ораторским кошмаром. И для него, и для его аудитории. ОАГ была уже не та, что в далеком прошлом. Американский хлыст уже не мог автоматически ставить на задние лапки ее членов. Все больше проявляли строптивость страны Андского пакта, все чаще

спотыкались «мои генералы» в пентагоновских ботфортах. Континент, раскинувшийся от Огненной земли до Рио-Гранде, уже никак не вмещался в прокрустово ложе массивного здания дворца Панамериканского союза в скрещении 17-й стрит и Конститюшн-авеню в Вашингтоне.

...Вспоминается чрезвычайное заседание ОАГ, созванного в те дни по требованию представителя Венесуэлы Хосе Махина, чтобы обсудить положение, создавшееся в Никарагуа. Севилла-Саказа был вне себя от возмущения. Он только что говорил по телефону с «бункером», и в его огромных, как чайные блюдца, ушах все еще звучал повелительный голос «моего генерала».

— Я объявляю требование представителя Венесуэлы позорным требованием, которое следует осудить и заклеймить! — витийствовал «столп», заставляя дрожать, как это удавалось лишь одному Карузо, гигантские хрустальные люстры конференц-зала Панамериканского союза. — Требование посла Венесуэлы подрывает принципы невмешательства, на которых зиждется наш союз!

Огорошенный венесуэлец сначала онемел от подобной наглости и не сразу нашелся. Затем, придя в себя, он всыпал «столпу», признаться, не в очень-то дипломатических выражениях. Проехался Махин и по поводу так называемых «свобод» в сомосовском Никарагуа. Севилла-Саказа не полез в карман за ответным словом. Вместо этого он стал бить себя по нагрудному карману пиджака, к которому был прикреплен венесуэльский орден — Орден освободителя, учрежденный в честь легендарного героя Латинской Америки Симона Боливара.

— Как вы смеете поучать о свободах меня, кавалера Ордена освободителя! — распинался Севилла-Саказа.

— Не пачкайте святое имя Симона Боливара упоминанием о нем. А орден, которым вы сейчас хвастаете, был дарован вам двадцать с лишним лет тому назад, когда в Венесуэле царила диктатура, подобная сомосовской! — огрызнулся Махин.

Началась свалка. «Столп» явно порывался броситься на венесуэльца.

— Мне уже семьдесят лет. Вы вдвое младше меня. Но тем не менее я вызываю вас на кулачный поединок! — кричал Севилла-Саказа.

До кулачного боя, к сожалению, дело не дошло. Дошло оно лишь до голосования. К словесной дуэли Саказа — Махин подключился посол Коста-Рики Хосе Рафаэль Эчеваррия. Говоря о зверствах, чинимых национальной гвардией в Никарагуа, Эчеваррия спросил, обращаясь к «столпу»:

— Что важнее: защищать интересы одного семейства — Сомосы или многих семей преследуемых никарагуанцев?

Вопрос этот для Севилла-Саказы никогда не стоял. Для него, преданного душой и телом «моему генералу», вопрос этот был пустым, риторическим.

— Семьи, которые пытается взять под защиту сеньор

Эчеваррия, террористы, и пусть он попытается доказать мне обратное! — воскликнул «столп».

— Террор — специальность национальной гвардии, и все знают, чьи приказы она выполняет, — отпарировал костариканец.

И снова заварилась каша. О голосовании забыли. Тогда слово взял американский представитель Гэйл Макги.

— Мне, откровенно говоря, надоело слушать эти ваши пререкания. Я устал от них...

Посол Соединенных Штатов при ОАГ говорил так, словно на дворе был не 1978, а 1902 год и в Белом доме сидел не Джимми Картер, а Тэдди Рузвельт. Никто не прервал высокомерного посла, не вызвал его на кулачный поединок. Но тем не менее и он, и его никарагуанская креатура были наказаны. ОАГ проголосовала против Сомосы...

Для Севилла-Саказы наступили тяжелые времена. Он по-прежнему хорохорился, по-прежнему дуайенствовал, дарил серебро и получал сребреники, дважды ездил в Рим — на коронацию папы римского Иоанна-Павла I и папы римского Иоанна-Павла II, ездил, нацепив на себя ватиканский орден, дарованный ему еще в 1962 году папой Иоанном XXIII, вращался в салонах и светских кругах, но все чаще возвращался несолоно хлебавши, на круги своя. Вокруг него образовывалась та самая гнетущая и предательская пустота, которая терзает и преследует прокаженных похуже язв и струпьев.

Кратковременная поездка на родину тоже была не из веселых и чуть было не закончилась для Гуиллермо роковым образом. Он устроил рождественскую вечеринку для бывшего посла Соединенных Штатов в Никарагуа Тэрнера Шелтона. В самый разгар веселья вместо канонических рождественских малюток и ряженых, вместо Санта-Клауса и Снегурочки в дом, где проходила вечеринка, нагрянули партизаны-сандинисты. «Столп», несмотря на свой почтенный возраст и вес, резво бросился в сад и спрятался в густом кустарнике. (Помните — «кустики сопротивления»?)

Лишь только под утро партизаны нашли его. Гуиллермо вступил с ними в дипломатические переговоры, предложив за свою бесценную голову солидный выкуп. Партизаны для виду, для потехи поторговались с ним, а потом отпустили на все четыре стороны. Они были молоды, романтически настроены и пощадили старика, продрожавшего в кустах всю ночь под рождество. В Вашингтоне этот инцидент послужил поводом для бесконечных шуток и насмехательств над незадачливым дуайеном. Но старый паркетный шаркун бодрился, старался не унывать. Он сочинил свою, «героическую» версию рождественского приключения, которая заканчивалась кокетливой моралью: «Личная храбрость — одно из орудий дипломата».

Но уже никакое оружие — ни дипломатическое, ни даже американское — не могло спасти «моего генерала» в Манагуа

и его посла в Вашингтоне. Перед неотвратимым были бессильны и неувядаемая ненависть палача Сомосы, и увядшая красота его сестры Лиллиан. Шампанское и икру все еще подавали на Элликотт-стрит, но сам «столп» трещал и разваливался на глазах. Помню его на каком-то дипломатическом рауте в посольстве одной латиноамериканской страны. Он стоял с бокалом рубинового «кампари», разбавленного содой, и витийствовал в тесном кругу обступивших его леди и джентльменов. Он излучал аромат и оптимизм — аромат хороших мужских духов и дурной, наигранный оптимизм труса. Он убеждал своих собеседников в том, что Анастасио Сомоса останется президентом Никарагуа на весь срок до 1981 года, а он — дуайеном дипломатического корпуса в Вашингтоне.

Какая-то молодая леди в рискованном туалете рискнула усомниться в столь оптимистических прогнозах господина посла. Севилла-Саказа смерил ее тяжелым взглядом своих припухших, в черных обводинах глаз, встрепенулся, хотел было возразить, но вдруг обмяк и молчаливо уставился на бокал «кампари» с содой, в котором весело трещали, подтаивая, кубики льда. Затем он разжал свои толстые губы и принужденно, словно превозмогая нестерпимую боль в ангинозном горле, процедил:

— Когда я впервые приехал в Вашингтон, радуга имела семь цветов. Сейчас в ней все больше и больше преобладает красный цвет. У красного цвета уже появились дочери и даже внучки...

Молодая леди в рискованном туалете тоном капризного, избалованного ребенка потребовала объяснения «этой метафоры». Но Севилла-Саказа церемонно откланялся, рассек обступивший его круг леди и джентльменов и направился к столу, на котором ловкие лакеи в смокингах только что начали расставлять горячие блюда...

Но прием был окончен.

Затем было бегство «моего генерала» из осажденного Манагуа в солнечное Майами, падение «бункера» и поднятие красно-черного знамени сандинистов. Пришло наконец возмездие и в дом № 3200 на Элликотт-стрит в Северо-Западном Вашингтоне, утопающий в буйном саду, переходящем в лес, как в балетных декорациях к «Спящей красавице», когда сказочный принц еще не прикоснулся устами к устам героини, не оживил ее и окружающую ее природу. Возмездие, неотвратимое, как солнечное затмение, пришло и властно постучалось в дверь парадного подъезда. Звали его — Дионисио Саул Арана-Кастеллон. Только что назначенный революционной хунтой поверенным в делах Никарагуа в Вашингтоне и послом при ОАГ, Дионисио Саул Арана-Кастеллон потребовал у Гуиллермо Севилла-Саказы безоговорочной капитуляции.

— Вытряхивайтесь, кончилось ваше время, — сказал он «столпу» почти по Маяковскому.

III

Войдя в дом № 3200 на Элликотт-стрит по праву победителя, Дионисио Саул Арана-Кастеллон не остался жить в нем. Он и его маленькое семейство — жена и пятилетняя дочь Анна-Селия — по-прежнему ютились в небольших клетушках на перекрестке 18-й стрит и Коламбия-роуд, в районе, известном под названием Адамс-Морган.

— Во-первых, недалеко от миссии, буквально в двух шагах, а во-вторых, кругом друзья и знакомые. Здесь все знают меня. Когда я утром иду на работу, обычно пешком, то буквально каждый встречный говорит мне: «Доброе утро!» — рассказывает Арана.

Я сижу в его кабинете в здании никарагуанской миссии, которая помещается в двухэтажном особняке на Нью-Гэмпшир авеню, дом № 1527. Дионисио Саул Арана-Кастеллон отодвигает кресло от письменного стола, встает и начинает мерить широкими шагами комнату. Саул — ему 29 лет — атлетического сложения мужчина. Высокий, косая сажень в плечах. Большие черные глаза, одновременно добрые и огненные. Стандартные усы латиноамериканского революционера — «а ля Запата». Волосы цвета крыла ворона, длинные, волнистые, густые, с видимым усилием зачесанные назад. На нем белая рубашка с открытым воротом, заправленная в брюки.

— С трудом привыкаю к дипломатической униформе, к галстукам, жилетам и прочее. Но ничего не поделаешь, приходится. Положение обязывает. Хорошо еще, что друзья помогают, одалживают свой гардероб, — говорит Арана, улыбаясь в усы «а ля Запата».

Перед началом беседы я преподнес ему в качестве сувенира настенный календарь «Известий».

— Правда, год уже на излете, Саул. Но тем не менее для вас, никарагуанцев, он только начинается, — сказал я.

Арана поблагодарил за подарок и тут же повесил календарь рядом с плакатом, на котором был изображен никарагуанец—сандинист в огромном сомбреро. Надпись на плакате гласила: «Родина, Свобода или Смерть!» Арана взял с письменного стола красный фломастер и обвел кружком дату 19 июня в календаре.

— Это дело надо отметить, — сказал он и полез в портативный холодильник, стоявший на стуле. Холодильник был пуст. Арана смутился, а я улыбнулся. «Столп общества икры и шампанского», — промелькнуло в моей голове.

— Вы это о чем? — спросил Арана.

Я ответил.

— Ах, да! — Арана тоже улыбнулся. — Мой предшественник обожал протокол, тонкие вина и изысканную еду. Хорошо знавшие его удивляются, когда застают меня красящим стены миссии или чинящим электропроводку. А что в этом удивительного? Разве труд унизителен для дипломата?

Арана не получает зарплаты. «Нет денег, — говорит он, — Сомоса все выскреб». И он, и его жена, и остальной предельно немногочисленный персонал миссии работают бесплатно. Революции, даже победившей, дорога каждая копейка. Пятилетняя Анна-Селия тоже помогает отцу. Встречает почту, вскрывает конверты. И тоже бесплатно.

Я прошу Арану рассказать о себе. Он охотно соглашается и начинает рассказывать о Никарагуа, о генерале Сандино, о диктаторе Сомосе, обо всем и обо всех, но только не о себе. Очень трудно интервьюировать Дионисио Саула Арану-Кастеллон! Иногда я перебиваю его, пытаясь направить повествование в более биографическое русло. На какое-то короткое время мне это удается, но затем личность рассказчика вновь заслоняют события и люди. Я сдаюсь и правильно делаю, ибо рассказ Араны о судьбах Никарагуа, о делах революции и есть, в конце концов, его подлинная биография. Наш разговор то и дело прерывают телефонные звонки. Звонят отовсюду — из госдепартамента, из штаб-квартиры ОАГ, от соседей по кварталам Арамс-Моргана. Жаль, что подстанция-автомат не может рассказать обо всех этих звонках. Могли ли думать еще совсем недавно столь несовместимые абоненты, что их телефонные звонки будут перекрещиваться?

— Почему семейство Сомосы так долго правило в Никарагуа? И почему так много диктаторов было и есть в Латинской Америке? Трухильо в Доминиканской Республике, Батиста на Кубе, Пиночет в Чили, Стресснер в Парагвае... Логика истории или грубая сила империализма?

— Саул, где и когда ты родился?

— Почему в наших странах так высока смертность среди детей и почему на улицах наших городов так много солдат?

— Саул, где и когда ты родился?

— Мне было пятнадцать лет, когда я впервые прочел книгу «Генерал свободных людей» — о жизни и подвиге Сандино. В Никарагуа, находившемся под пятой Сомосы, о нем умалчивали, имя его было табу, а произнесенное вслух — преступлением. Диктаторы боялись мертвого генерала не меньше, чем живого.

— Саул, где и когда ты родился?

— С этой книги и началось мое политическое образование. У меня открылись глаза. Учился я тогда в Ривасе. Это небольшой портовый городок. Там я примкнул к студенческому движению, а боевое крещение получил в Леоне, где национальные гвардейцы учинили резню во время разгона молодежной демонстрации протеста. Многих убили, многих бросили в застенки.

— А тебя арестовывали?

— Угнетение человека, нарушение прав человека пронизывает всю историю Никарагуа, начиная со времен колонизации. Империализм янки и режим Сомосы не просто грабили людей, они грабили их духовно, лишая человеческого достоинства, и сокрушали физически. Тысячи людей исчезали

бесследно. Пытки были в порядке вещей. Тюрьмы ломились от заключенных.

— А тебя арестовывали?

— Коррупция была всепроникающей. Она полностью разложила политическую, экономическую и правовую систему страны. Сомоса грабил народ и выслуживался перед американцами. Позор! Об этом можно рассказывать весь день, не успев передать и миллионной доли наших страданий.

— А тебя, тебя-то лично арестовывали?

— Да, в 1970 году. Я учился тогда в университете Манагуа на экономическом факультете. Сначала попал в казематы охранки. Меня держали там десять дней, надев на голову мешок. Впрочем, тогда с завязанными глазами и в застенках жила вся страна.

Чудом бежав из тюрьмы, Арана эмигрировал в Чили, где к власти пришло правительство Народного единства во главе с президентом Сальвадором Альенде.

— Победа Альенде... Какие это были счастливые дни! Даже воздух был пропитан свободой! В особенности для меня, только что бежавшего из Никарагуа Сомосы.

В Чили Арана продолжал учиться и бороться, учиться математике, бороться по алгебре революции. Затем последовали известные события — фашистский переворот Пиночета, трагическая гибель Альенде, установление террористической диктатуры. И снова изгнание. Саул Арана и его друг Энок Ортец Давила эмигрируют из пиночетовского Чили в Соединенные Штаты Америки.

— Мы были потрясены чилийской трагедией. Реакция, как и в Никарагуа, вновь восторжествовала. Горько и печально было на душе. Неужели у нас нет будущего? Где ответ? Где выход? Ведь невозможно же быть всю жизнь рабами?

Арана порывисто вскакивает и начинает нервно шагать по кабинету. Анна-Селия, заглянувшая на минутку в дверь, в испуге застывает, увидев непривычное для нее искаженное болью и гневом лицо отца.

— Но период отчаяния длился недолго, — продолжает Арана, овладев собой. — Надо бороться, надо работать для победы, говорили мы друг другу. Ответ и выход в руках народа. Чилийская драма была для нас большим и серьезным уроком. Мы сравнивали судьбу Чили и судьбу Кубы и делали для себя выводы.

— А где сейчас Энок Ортец?

Лицо Араны снова мрачнеет.

— Нет больше Энока Ортеца. Его убили национальные гвардейцы. В начале этого года он нелегально вернулся в Никарагуа и продолжал с оружием в руках сражаться за свободу. Всего две недели не дожил он до дня отречения Сомосы...

Арана подводит меня к плакату, на котором изображен никарагуанец — сандинист в огромном сомбреро. Под словами «Родина, Свобода или Смерть!» к плакату приколот небольшой клочок бумаги, сложенный наподобие пригласи-

тельного билета. На нем фотография молодого человека, совсем еще юноши, подпись — «Энок Ортец Давила» и две даты: 1952—1979.

— Мы были с ним почти ровесники. Я родился в 1950, Энок — в 1952 году. Эта фотография была сделана сразу же после нашего прибытия в Штаты. Эноку было тогда двадцать с небольшим лет.

Я смотрю на фотографию молодого человека, совсем еще юноши, не дожившего всего две недели до освобождения своей родины, до дня свободы, единственной альтернативой которой — как на плакате — была смерть. Но смерть Энока и многих тысяч других никарагуанских патриотов оказалась сильнее плакатной. Она стала не просто альтернативой свободы. Она выстрадала и завоевала ее.

— Мы посвятили захват миссии светлой памяти Энока, — слышу я за своей спиной голос Саула Араны.

Здание миссии на Нью-Гэмпшир авеню, 1527, подобно посольской резиденции на Элликот-стрит, 3200, было взято с боем никарагуанцами-сандинистами, проживающими в Вашингтоне. И в обоих случаях штурмом последних бастионов режима Сомосы руководил Дионисио Саул Арана-Кастеллон, друг Энока Ортеца Давилы.

—Американская дипломатия в совершенстве владеет полицейскими методами, но вот американская полиция никак не может усвоить дипломатические манеры, — говорит Арана. — Когда мы пришли, чтобы вступить в законное владение миссией, полицейские, вызванные Севилла-Саказой, выхватили оружие и набросились на нас. Меня и одну нашу компаньеро основательно избили. Чтобы оправдать этот акт насилия, полиция арестовала нас и стала шить нам дело.

— Значит, ты знаком и с американской тюрьмой.

— Да, но знакомство это, к счастью, было недолгим.

— Без мешка на голове?

— Без мешка, но с шишками. — Арана инстинктивно ощупывает свое лицо и продолжает. — Суду некуда было деться. Обвинение, выдвинутое против нас полицией, пришлось снять. Нас освободили. А на следующее утро мне позвонил из Манагуа министр иностранных дел революционной хунты и сообщил, что я назначен временным поверенным в делах Никарагуа при правительстве США. Можете представить себе мои ощущения — еще вчера я был арестантом, а сегодня — посол. Только революция способна творить подобные чудеса...

Но чудес на свете не бывает, чудес, свалившихся с неба. Чудеса, которые творит народная революция, выстраданы и завоеваны в тяжелой бескомпромиссной борьбе. Под правым делом, говоря словами поэта, струится кровь. Плоды победы без жертв не достаются. Незабываемый 1979 год, год долгожданной свободы, омрачен для Араны, как и для сотен тысяч никарагуанцев, невосполнимыми потерями, гибелью близких — родных и друзей. Погиб Энок Ортец. Погиб отец

Араны. Это было в апреле. Наймиты Сомосы ворвались на рассвете в дом Араны-старшего и закололи его в ванне.

— Отец мой был человеком весьма далеким от политики. Двадцать лет он работал неприметным клерком в одном правительственном учреждении. Но он был честным никарагуанцем, и, когда я начал бороться против режима Сомосы, отец, не колеблясь, поддержал меня. Как-то в начале 1970 года он пошел вместе со мной на похороны моего друга-сандиниста, убитого национальными гвардейцами. Это была его первая политическая акция.

И она не прошла незамеченной. Отца выгнали с работы.

Арана встает, подходит к плакату, несколько мгновений молча смотрит на него, затем резко оборачивается и продолжает:

— Он учил меня честности и смелости, учил не бояться бороться против несправедливости. Он гордился мной, считал, что я «получился», что из меня вышел человек... Я не видел его шесть лет. Думал — воссоединимся. И вот... Его убили в отместку за мою антисомосовскую деятельность здесь, в Соединенных Штатах. Хотели отомстить и одновременно запугать. Не вышло!

Арана переводит дух. Его огромные ручищи то сжимаются в кулаки, то разжимаются.

— Впрочем, я что-то слишком уж много говорю об отце. Ведь в его судьбе не было ничего исключительного. Убийство инакомыслящих и даже просто невинных людей было в порядке вещей при Сомосе. Они убили не только моего отца. Палачи вырезали и расстреливали целые семьи, поселки. Это было не просто преступление. Это был геноцид. Но палачи просчитались. Репрессии, несмотря на всю их дикость, не запугали народ. Мы научились побеждать страх, а в конце концов победили и Сомосу...

Исподволь, наводящими вопросами я возвращаю Арану к прерванному рассказу о его одиссее.

— Эмиграция в Соединенные Штаты была вынужденной. Я ненавидел эту страну, считал ее корнем всех наших зол и бед. — Арана дает краткую характеристику политики американских президентов, которые не дарили ему своих фотографий с собственноручными надписями, как Севилла-Саказе. — Но постепенно моя ненависть стала более осмысленной, менее эмоциональной. Я понял, что Соединенные Штаты не однородное общество, что в них соседствуют две нации — угнетателей и угнетенных, что эти последние мои естественные друзья и союзники в борьбе против общего врага — империализма. В самом деле, чем отличается судьба негров, чиканос и других латинос, проживающих в Штатах, от нашей? А белых париев, лишенных работы, образования, жилья? Права человека, обещанные им президентом Картером, лишь разновидность бесчеловечности, которую творил президент Сомоса.

Арана неслучайно поселился на перекрестке 18-й стрит

и Коламбия-роуд. Район Адамс-Моргана называют латиноамериканским политическим тиглем Вашингтона. Здесь живут беглецы, изгнанники, эмигранты из стран Латинской Америки с диктаторскими режимами. Здесь вызревают гроздья справедливого гнева, здесь, в этом тигле, завариваются, заквашиваются демонстрации протеста, которые затем выплескиваются огнедышащей лавой перед Белым домом, перед Пентагоном, перед штаб-квартирой ОАГ, перед посольствами Парагвая, Чили, Гватемалы, других латиноамериканских стран, стонущих под сапогом палачей-генералов.

Молодой никарагуанец как-то сразу оказался в центре тиглевого кипения и брожения Адамс-Моргана, стал его общепризнанным вожаком и героем. Узнал я об этом, разумеется, не со слов Саула Араны. Никакой самый изощренный следователь-интервьюер-инквизитор не в состоянии вырвать у него подобных слов, как «вожак» и тем более «герой», приложенных к его имени. Но у Саула есть друзья, которые не только любят его, но знают ему цену.

— Саул плоть от плоти, кровь от крови общины Адамс-Моргана. Он прост и доступен, решителен и откровенен. Он хорошо понимает людей, их нужды и стремления, и потому успешно руководит ими. Он не добивался роли лидера. Она ему досталась по праву. И он не кичился этой ролью. Она для него была источником ответственности, а не бравады, похвальбы, самолюбования, — говорит несколько экзальтированно компаньеро Мария Елена Оррего. Вместе с Араной она принимала участие в создании народного кооператива по распределению бесплатного продовольствия среди наиболее нуждавшихся семей эмигрантов. Вскоре кооператив стал оказывать помощь и бедствующим коренным жителям Вашингтона.

— А как же иначе, — говорит Арана, когда я упоминаю об этом, — угнетенные всегда и везде братья. Борясь против несправедливости в Соединенных Штатах, мы боролись против диктатуры в Никарагуа и наоборот...

Адвокат Майкл Маджио — давнишний друг и соратник Араны. Это он добился для него иммиграционных документов, когда Арана только что прибыл в Штаты, и это он стал первым юрисконсультом нового никарагуанского посольства, когда вчерашний бесправный эмигрант превратился в правомочного и полномочного дипломатического представителя свободной республики Никарагуа.

— Я познакомился с Араной в кооперативе. Как сейчас помню, Саул нарезал крупными ломтями сыр. Саул любит все крупное, как и он сам... Эмигрировав в Штаты, он создал и возглавил организацию «Солидарность с Никарагуа», которая насчитывала около тысячи человек. Но вот что показательно: когда Саул выводил свои когорты на митинги и демонстрации, вместе с эмигрантами-никарагуанцами в них неизменно принимали участие эмигранты из других латиноамериканских стран, негры — жители Вашингтона, студенче-

ская молодежь. Саул умел находить общую платформу и фокусировать интересы тех, у кого общий враг и общие цели. Униженные и оскорбленные Вашингтона — даровая рабочая сила, живущая хуже бездомных крыс, — знали: Арана и его никарагуанцы, если понадобится, всегда придут к ним на помощь. И они тоже охотно помогали ему. Саул как никто другой умеет создавать дух солидарности. А здесь в национальной, этнической, расовой, отравленной всевозможными предрассудками чересполосице Адамс-Моргана это, поверьте мне, не так-то просто.

Я вспоминаю мою первую встречу с Майклом Маджио. Было это 7 сентября 1977 года, когда во дворце Панамериканского союза проходила торжественная церемония подписания соглашения о Панамском канале, на которую съехались главы многих диктаторских режимов, включая Пиночета в непременных черных очках. «Такой коллекции мясников, собравшихся под одной крышей, мне еще никогда не доводилось наблюдать. Единственное, что еще могло бы сравниться с ней, так это встреча Гитлера, Муссолини и Франко, если бы их пригласили в Вашингтон незадолго до начала второй мировой войны», — кричал Майкл в громкоговоритель под одобрительный рокот толпы.

— Как же, конечно помню, — говорит, улыбаясь, Майкл. — А вы помните Арану? Он со своими никарагуанцами тоже был там, на 17-й стрит и Конститюшн-авеню. А где же еще? Он стоял рядом с Изабель Летельер. У Изабель фашисты убили мужа, у Саула — отца. Они понимают друг друга с полуслова.

Я рассказываю Аране о Майкле Маджио, о нашей встрече два года назад перед дворцом Панамериканского союза, где находится штаб-квартира ОАГ.

— Майкл хороший парень и настоящий друг. Я искренне рад за него. Сколько лет ему приходилось защищать в судах проигрывающую сторону. Теперь он «для разнообразия» все чаще выступает от имени победителей, — шутит Арана. — Это он выкорчевывал Севилла-Саказу с Элликотт-стрит и извлекал меня из тюрьмы...

В Вашингтоне буквально бок о бок функционируют две ОАГ — одна, которая заседает во дворце Панамериканского союза, и другая, «теневая», которая митингует перед дворцом. И если говорить по существу, то эта вторая куда более представительная. Противостояние двух ОАГ — официальной и «теневой», вернее, народной — как в капле воды отражает борение страстей на латиноамериканском континенте. И все чаще чаша весов склоняется в пользу «теневой».

— Когда-то ОАГ была послушным орудием империализма янки. Помните исключение Кубы из ее рядов в 1962 году? Сейчас положение значительно изменилось. Будь все по-старому, Вашингтон без колебания послал бы морскую пехоту на помощь Сомосе. Но нынче времена иные. Набирают силу страны Андского пакта. Панама, Мексика, Коста-Рика

и ряд других республик уже не те, что были в прошлом. Правда, дядюшка Сэм все еще пытается играть роль классного наставника, но послушание уже далеко не то, — говорит Арана.

Дуэль Дионисио Саула Арана-Кастеллон и Гуиллермо Севилла-Саказы в ОАГ — персонифицированная сага об этой организации. Сколько раз в самый разгар патетической декламации «столпа» из рядов публики поднималась и впрямь монументальная фигура Араны и «от имени народа Никарагуа» прерывала оратора как «полномочного представителя неполномочного Сомосы».

— Многие считали, что это жест отчаяния, что Сомосу невозможно свалить, ибо у диктатора много иностранного оружия, а у народа много своих страданий. Они не понимали, что **свои** страдания сильнее **чужого** оружия. Революция в Никарагуа победила, и я счастлив, что наше движение здесь, в Соединенных Штатах, внесло свой вклад в эту победу. Мы с Саказой поменялись местами — теперь он на улице, а я во дворце Панамериканского союза. Какое это счастье — представлять Свободную страну! Рано или поздно не только мы с Саказой поменяемся местами. Верю, рано или поздно и другие мои друзья по уличным митингам и демонстрациям войдут с высоко поднятой головой в этот дворец и как победители, и как законные представители своих народов!

...Новорожденный дипломат — профессиональный революционер. Правда, он урывками преподавал математику в университете округа Колумбия, работал клерком в «драгсторе» — гибриде аптеки и универмага — на Ф-стрит, но служил только одной Революции. Когда гражданская война в Никарагуа вступила в свою заключительную стадию, Арана буквально переселился на вашингтонские улицы. Хозяин «драгстора», которому надоели вечные отпрашивания и отлучки Саула, сказал своему непоседливому клерку:

— Ты уж лучше возьми отпуск за свой счет. А когда все это кончится, возвращайся.

Арана улыбается, вспоминая слова менеджера.

— Все это кончилось, но в «драгстор» я уже не вернусь. Если обстоятельства позволят, возобновлю преподавательскую деятельность, конечно не здесь, а в Никарагуа. Я был профессором всего лишь один полный семестр. Маловато. Второй семестр прервала революция. Пришлось доучиваться самому. Доучиваться для победы, на диплом свободы и независимости. Не успел сдать один экзамен, как приходится держать другой — на дипломата. А какой я дипломат? Я привык носить транспаранты, а не портфель, вручать петиции, а не ноты...

Ламентации Араны вызывают в моей памяти образы революционных матросов, которых Октябрьская революция сорвала с палуб крейсеров и бросила — еще опаленных огнями сражений, еще опоясанных патронташами и увешанных гранатами — на паркет дипломатии. Я говорю об этом Саулу,

говорю о том, как некоторые из этих дипломатов в бескозырках упражнялись в стрельбе из пулеметов в коридорах Наркоминдела, чтобы не «дисквалифицироваться».

Большие черные глаза Араны загораются от восхищения и зависти.

— Вот это люди, — говорит он. — Революцию надо защищать любыми средствами от любых врагов. Борьба продолжается — против военных интервенций и дипломатических интриг, против монополий, вроде «Интернэшнл телефон энд телеграф», на руках которой кровь не только Альенде, но и многих никарагуанцев. Да, борьба продолжается — против голода, нищеты, безграмотности. В этой борьбе очень важно знать, кто твой друг, а кто враг. И по-моему, в этом главнейшая задача дипломатии победившей революции...

Революция омолаживает любую страну, даже пораженную склерозом античности. Она — весна человечества. А Никарагуа вдвойне молода — и революцией, и народом. Молодежь в Никарагуа составляет значительное большинство населения. Об этом говорит мне Арана и добавляет:

— Быть может, поэтому Сомоса и не смог удержаться. И не удивляйтесь, что у нас сейчас такие молодые министры и дипломаты. Говорят, что у нас нет опыта, а один энтузиазм, граничащий с авантюризмом. Это или чепуха, или злонамеренная клевета, смотря по источникам. За нами опыт революции, идеи Сандино, которые не погибли вместе с ним. Он для нас не только герой, а дух, знамя, факел. Сейчас клеветники обвиняют нас в экспорте революции, как будто бы она товар из «драгстора» на Ф-стрит. Впрочем, это обвинение неново. Его выдвигали и против России, и против Кубы. Мы не импортировали революцию, а выстрадали ее. И мы не экспортируем революцию, а защищаем ее. А вот дух Сандино, его антиимпериалистические идеи мы проповедуем и не скрываем этого, гордимся этим. Те, кто хотят опорочить революцию, утверждают, что ее суть — голое насилие, разрушение. Но революция не насилие ради насилия, не разрушение ради разрушения. Ее цель — положить конец насилию и эксплуатации, построить общество свободных людей...

Я слушаю Арану и любуюсь им. Он снова в своей стихии, словно митингует в кварталах Адамс-Моргана, в скрещениях 18-й стрит и Коламбия-роуд, словно ведет свои когорты на штурм дворца Панамериканского союза на 17-й стрит и Конститюшн-авеню, словно бьет победоносным прибоем в парадные двери дома № 3200 на Элликотт-стрит в никарагуанской миссии на Нью-Гэмпшир авеню. Я слушаю Арану и любуюсь им. Он снова в своем элементе, как сказал бы великий знаток человеческих душ и их метаморфоз Тит Лукреций Кар. Недаром под гипнотическим влиянием голоса Араны перед моим взором неожиданно, хотя и закономерно, возникают образы русских революционных матросов, которых Октябрьская революция сорвала с палуб крейсеров и с бронепоездов, еще не успевших встать на запасные пути, и бросила их, еще

опаленных огнями сражений, еще опоясанных патронташами и увешанных гранатами, на паркет дипломатии. Не в пример дипломатам прошлого, язык был им дан не для того, чтобы скрывать свои мысли, а для того, чтобы проповедовать свои идеи. Они обучались дипломатии, как и диалектике, не по Гегелю и поэтому были вынуждены упражняться в стрельбе из пулеметов в пустынных коридорах Наркоминдела, который еще никто не хотел признавать. Они, не читавшие ни при какой погоде «Метаморфозы» Тита Лукреция Кара, творили величайшие метаморфозы на земле...

Резкий телефонный звонок вернул меня к яви. Арана вновь в который уже раз с жестом извинения поднял трубку. Несколько минут он говорил с кем-то по-испански, быстро, возбужденно. Затем, повесив трубку и обращаясь ко мне, сказал:

— Прости меня, компаньеро, но мне надо ехать в штаб-квартиру ОАГ.

Мы вышли с Араной на улицу. Он сел в свой старенький, проржавленный, штопаный-перештопаный «бьюик», купленный за гроши на автомобильном кладбище, и стал заводить мотор.

— Саул, а где твой лимузин с дипломатическим номером и шофером в форменной ливрее и с картузом с лакированным козырьком? — спросил я, поддразнивая.

Арана весело захохотал, обнажив из-под усов «а ля Запата» белые, ровные, крепкие зубы. Затем, внезапно посерьезнев, сказал:

— Я был и есть компаньеро и, надеюсь, останусь им и в будущем. Навсегда, до самой смерти.

Мы еще раз пожали друг другу руки через автомобильное стекло. Арана включил зажигание, дал световую отмашку, отпустил тормоз и двинулся с места. Я смотрел ему вслед, пока его старенький «бьюик» не скрылся за поворотом. Посол свободной республики Никарагуа Дионисио Саул Арана-Кастеллон поехал в штаб-квартиру Организации американских государств защищать завоевания революции.

Я бросил последний прощальный взгляд на здание миссии и увидел в окне первого этажа прелестную головку пятилетней Анны-Селии. Видимо, она тоже провожала отца. Я помахал рукой Анне-Селии и зашагал по Нью-Гэмпшир авеню в сторону сквера на Дюпон-сайркл. Было нестерпимо душно и жарко. Вашингтон словно кипел в гигантском котле августовского зноя и марева.

Вашингтон, август—сентябрь 1979 г.

Вербное воскресенье в Сан-Сальвадоре

I

Этот вечер в Сан-Сальвадоре выдался на редкость жарким и влажным. Сумерки не принесли освежающей прохлады. Нечем было дышать. Предгрозовое ощущение, витавшее в воздухе, было делом рук людей, а не природы...

В этот вечер несколько десятков прихожан собрались в маленькой, модернистской архитектуры часовне госпиталя Божественного провидения, находящегося на окраине столицы Сальвадора. Архиепископ Оскар Арнульфо Ромеро, седовласый, хрупкого телосложения, в очках, служил заупокойную мессу по только что скончавшейся матери своего близкого друга. Прелат был немногословен. Несколько минут он говорил тихим голосом, почти шепотом, о таинствах смерти и о необходимости посвящать жизнь делу мира и справедливости, которых вот уже давно нет в Сальвадоре, как нет прохлады по вечерам в его столице.

Закончив проповедь, архиепископ шагнул к алтарю и поднял перед собой кубок-потир, наполненный вином для причастия. В этот момент Ромеро очень напоминал мишень с пририсованным к ней силуэтом священника, на которой практикуются в стрельбе члены «союза белых воинов», или ОРДЕН, ультраправой полувоенной-полуфашистской террористической организации. Знал ли в тот момент архиепископ Сан-Сальвадора, что и он сам был живой мишенью? Дверь часовни неожиданно распахнулась, и на ее пороге появился человек с ружьем. Он быстро, профессионально прицелился и выстрелил. Архиепископ рухнул у подножия алтаря, обливаясь кровью и выплеснувшимся из кубка вином. Красные пятна стали расползаться по его ризе и белому алтариому покрытию. Пуля поразила архиепископа прямо в сердце. «Да простит господь покушавшегося», — успел сказать архиепископ склонившимся над ним рыдавшим и причитавшим монахиням. Он умер по пути в госпиталь. Покушавшийся бросился в поджидавший его автомобиль — тоже красного цвета, нажал на акселератор — и был таков. В современном Сальвадоре даже небеса покровительствуют убийцам...

Злодейское убийство архиепископа Ромеро с новой силой привлекло внимание мировой общественности к трагедии Сальвадора, небольшой республики в Центральной Америке, где сейчас, по словам одной мексиканской газеты, «террор

крепче, а жизнь чернее знаменитого сальвадорского кофе». Да, не кофейные зерна, а семена смерти всходят на многострадальной земле Сальвадора, и не кофе, а человеческая кровь обагряет ее землю. Только за последнее время и только по официальным данным было убито более восьмисот человек. Подавляющее большинство жертв — из числа беднейших крестьян — кампесинос, из числа обитателей городских трущоб — барриос. Реакция — олигархия помещиков, фашистские молодчики, армия и карательные органы военно-гражданской хунты — ведет точный, классово прицельный огонь по трудовому люду, стреляет в народ, которого она боится, который она угнетает и ненавидит.

Как символично, до жути символично, что молодых новобранцев сержанты-инструкторы муштруют на военных плацах не под скандирование обычного «раз, два, три» или «левой-левой», а под леденящий кровь, душераздирающий рев: «Убивай людей! Стреляй в народ!» Если эксплуатация — существо правления режима хунты, то террор, убийство — его форма. Правда, об этой форме правления ничего не говорится в буржуазных учебниках государственного права, но она упрямо — взрывами динамитных шашек и пулеметными очередями, истошными воплями истязуемых и причитаниями их близких — врывается в повседневную реальность, опрокидывая карточные домики «свобод», сметая потемкинские деревни «прав человека», обнажая всю эту омерзительно лицемерную бутафорию буржуазной демократии в ее, быть может, наиболее отталкивающем латиноамериканском варианте, на котором тем не менее красуется клеймо: «Сделано в США».

Незадолго до своей смерти архиепископ Ромеро обратился с посланием к президенту Соединенных Штатов Картеру. Он требовал прекращения американского вмешательства во внутренние дела Сальвадора, требовал прекращения военной помощи, которую оказывают хунте конгресс, Пентагон и ЦРУ. «Мы по горло сыты оружием, пулями и снарядами», — говорилось в послании сальвадорского архиепископа американскому президенту. Ромеро знал, о чем говорил. Недаром каждое воскресенье он зачитывал с амвонов церкви Священного сердца и еще не достроенного главного кафедрального собора Сан-Сальвадора списки имен и фамилий людей, убитых за прошедшую неделю. И недаром с каждой неделей эти списки становились все длиннее и длиннее, а толпы людей, приходивших к нему с фотографиями своих близких и знакомых, «пропавших без вести» в застенках хунты, все больше и больше. Архиепископ прекрасно отдавал себе отчет в том, что эта хунта, пришедшая осенью прошлого года на смену диктатуре его однофамильца Карлоса Умберто Ромеро, продолжает прежнюю политику террора и насилий, лишь слегка прикрыв ее фиговым листом аграрной и финансовой «реформы». В том же послании президенту Картеру на этот счет говорилось, что «американская военная помощь будет

использована против населения Сальвадора».

Президент Картер не удостоил ответом послание архиепископа Ромеро. Ему, видимо, было недосуг. Он был по горло занят сколачиванием «сил быстрого развертывания» для защиты «прав человека» в районе Персидского залива, в горах и песках Афганистана, на Западном берегу реки Иордан и во многих других столь же отдаленных от Соединенных Штатов местах. И вообще у американских президентов всегда забот полон рот. На то Вашингтон и есть мировой жандарм, то бишь мировой чемпион по части всех и всяческих «свобод». Вместо президента архиепископу ответил государственный секретарь Вэнс. В этом ответе, доставленном Ромеро буквально накануне его убийства, утверждалось, что военная и иная американская помощь хунте осуществляется исключительно в интересах «защиты прав человека» и «принципов демократии». Отвлекаясь от этой словесной аранжировки, Вэнс недвусмысленно давал понять, что Вашингтон не прекратит вмешательство во внутренние дела Сальвадора и будет и впредь поддерживать хунту, ибо, как это ни прискорбно, но кроме нее ему не на кого ставить.

Точку в послании вашингтонского дипломата поставила пуля сальвадорского убийцы. Правда, главари хунты и американский посол в Сан-Сальвадоре Роберт Уайт утверждают сейчас, что, возможно, покушавшимся был нанятый правыми профессионал — «кубинский ультра». А член хунты и лидер христианско-демократической партии Сальвадора Хосе Наполеон Дуарте договорился даже до такой нелепицы, что якобы «в Сальвадоре нет никого, кто мог бы организовать и совершить столь эффективное убийство»(!). Побойтесь бога, сальвадорский Наполеон! Как можно городить подобную чушь, да еще под непрерывный аккомпанемент выстрелов, взрывов, непрекращающихся террористических актов, приведших вашу страну на грань гражданской войны?!

Но ханжеские, хотя и неуклюжие, выкрутасы с кубинским наймитом не меняют сути дела ни на йоту. Зачастую клеймо орудия убийства важнее национальной принадлежности убийцы. Важны не столько наемники, сколько те, кто их нанимает. Любопытный штрих: несмотря на обилие полиции, жандармерии, разведки и прочих карательных органов, хунта обратилась к Интерполу с просьбой «разыскать» убийцу архиепископа. Этим жестом главари хунты как бы хотят сказать, мол, наша хата с краю, мол, мы к этому непричастны. Какое гнусное кривлянье! Никакой убийца никаким Интерполом, конечно, не найден, а посему комедия-балаган его поисков продолжается.

Кстати, на архиепископа Ромеро, смело бросившего вызов хунте и разоблачившего ее террористическо-лицемерное правление, покушались и раньше. Однажды взрывное устройство, вмонтированное в алтарь, было обнаружено и обезврежено буквально за несколько минут до начала службы. В другой раз «ультра» взорвали радиостанцию Католического

университета в Сан-Сальвадоре, передававшую на всю страну призывы Ромеро в защиту свободы и независимости его родины. Видимо, террористы не знали, что это были магнитофонные записи, что самого Ромеро не было в студии. А быть может, им хотелось заглушить любой источник правды. «Если защита прав человека — подрывная деятельность, то сознаюсь: я — преступник», — заявил по этому поводу Ромеро.

Сейчас убийство архиепископа Ромеро сравнивают с убийством Мартина Лютера Кинга. В их судьбе и впрямь было много общего. И тот, и другой были священниками, но посвятили свою жизнь не столько служению богу, сколько своим народам, угнетаемым и истязаемым. И тот, и другой пали жертвами заговора реакции. Убийство и того, и другого повлекло за собой новую вспышку насилия со стороны властей и новый взрыв негодования со стороны трудящегося люда. Была в судьбе Кинга и Ромеро еще одна общая черта. Кинг, как известно, являлся лауреатом Нобелевской премии мира. Ромеро был недавно выдвинут на ее соискание. По иронии судьбы, среди выдвинувших его на эту премию были двадцать три члена конгресса США.

Почему по иронии судьбы? А потому, что именно конгресс вотировал ассигнования сначала для сальвадорского диктатора, а затем для хунты, вотировал предоставление той самой военной помощи, которая продлевает и агонию террористического режима, и муки попираемого им народа. Так было до убийства Ромеро, так продолжается и после его смерти. Буквально через два дня после похорон архиепископа, превращенных в очередное побоище, подкомиссия палаты представителей США по ассигнованиям на иностранные операции проштемпелевала решение президента Картера предоставить сальвадорской хунте военную помощь еще на семь миллионов долларов. Полмиллиона долларов из этого «пакета» пойдут на приобретение оборудования и снаряжения «для контролирования уличных беспорядков», то есть на оснащение карательных отрядов. Как заявил председатель подкомиссии конгрессмен Кларенс Лонг, помощь хунте «одновременно слишком мала и слишком велика». Как это? А вот как, поясняет мистер Лонг: «Ее, этой помощи, недостаточно, чтобы навязать стране военное решение политических вопросов. Но ее более чем достаточно для того, чтобы показать: мы вновь братаемся с репрессивным правым диктаторским режимом в Латинской Америке».

Да, уроки прошлого вновь прошли даром для Вашингтона. Даже недавний крах правления Сомосы в Никарагуа. Чем объяснить столь навязчивую слепоту «недремлющего ока» дядюшки Сэма? Ответ один — патологическим антикоммунизмом, нежеланием считаться с ходом истории и волей народов, преступным стремлением превращать целые нации в пешки гегемонистской игры. Вашингтон отнюдь не отказался от попыток навязать Сальвадору так называемое «доминиканское» решение. (В 1965 году США прибегли к открытой

интервенции против Доминиканской Республики.) В недрах Пентагона разрабатываются «альтернативные» планы вторжения в Сальвадор. Как явствует из сообщений представителей Народных сил освобождения имени Фарабундо Марти, у берегов Сальвадора происходит сосредоточение военных кораблей США с морской пехотой на борту. Ее отдельные отряды уже высадились в порту Ла-Уньон. В ряде районов страны строятся новые взлетно-посадочные полосы, рассчитанные на прием тяжелых транспортных самолетов с авиадесантными соединениями. В сальвадорской армии хозяйничают американские советники—специалисты по «противоповстанческой борьбе», в сальвадорской полиции — специалисты по обучению методам «борьбы с беспорядками». Сколачиваются отряды наемников в пограничных с Сальвадором районах Гватемалы и Гондураса. В них входят не только местные «гориллы», но и всевозможный сброд ландскнехтов, включая кубинских и никарагуанских эмигрантов и даже недобитое воинство сайгонского режима. Всеми этими операциями дирижирует военно-политический дуэт в составе пентагоновского генерала Р. Швейцера и помощника государственного секретаря США по межамериканским делам У. Боулдера.

Волна репрессий, захлестывающих Сальвадор, преследует двоякую цель: сломить народное сопротивление и одновременно вызвать в стране хаос, спровоцировать неподготовленное выступление демократических сил, чтобы, говоря словами журнала «Нейшн», использовать его «в качестве повода для посылки морской пехоты США и подавления революционного подъема в этом районе». С этой же целью крайняя реакция и американские спецслужбы исподволь готовят государственный переворот. «Сальвадор ожидает не бегство Сомосы, а приход Пиночета», — угрожающе пророчествуют представители ОРДЕН, объединяющего олигархов—латифундистов и фашистов. По некоторым данным, они уже создали на территории США «правительство в изгнании» и ждут, когда их, как Бурбонов, повезут в раззолоченной карете в Сальвадор. «Правительство в изгнании» похваляется, что оно уже «признано» многими обитателями Капитолия. Любопытно, нет ли среди них тех, кто выдвигал покойного архиепископа Ромеро на Нобелевскую премию мира?

Когда подкомиссия конгресса обсуждала вопрос о предоставлении военной помощи хунте, к ней с призывом наложить вето на соответствующее решение президента Картера обратились Национальный совет церквей США, католические лидеры Америки и представители других религиозных групп Соединенных Штатов. Их делегация находилась в Сан-Сальвадоре как раз в те дни, когда был убит Ромеро. В своем обращении к конгрессу церковные деятели подчеркивали, что «нынешнее правительство Сальвадора еще более насильственно и репрессивно, чем режим генерала Карлоса Умберто Ромеро, свергнутого 15 октября прошлого года». Авторы обращения писали, что они были «особенно потрясены вар-

варским характером репрессий... Мы слышали показания очевидцев об изнасилованиях, пытках, обезглавливании, удушении железными ошейниками, четвертовании безоружных и беззащитных людей, включая женщин и детей». Число жертв недолгого правления хунты уже значительно превзошло кровавый урожай трехлетней диктатуры генерала Ромеро.

И еще одно обстоятельство. В обращении церковных деятелей говорилось, что все эти зверства совершались не только полувоенными фашистскими отрядами, но и «регулярными вооруженными силами, зачастую в военной форме. Военные прочесывали деревни и выбирали свои жертвы по спискам, заранее составленным верхушкой ОРДЕН, который контролирует значительную часть вооруженных сил и полиции Сальвадора». Да, месть фашистов и милитаристов была ужасной, но не слепой. «При нынешнем режиме было убито в восемь с половиной раз больше левых деятелей, чем обычных граждан», — заявил один из членов церковной делегации преподобный Алан Макклой.

Несмотря на все эти показания и свидетельства — а быть может, благодаря им? — конгрессмены проголосовали... нет, не за посмертное присуждение Нобелевской премии мира мученику Ромеро, а за предоставление военной помощи его убийце — хунте. Не помог и телефонный разговор архиепископа Сан-Франциско Джона Квинна, главы американской католической иерархии, с президентом Картером. Президент позвонил ему, чтобы выразить соболезнование по поводу убийства Ромеро. «Я поблагодарил его (Картера), но одновременно воспользовался случаем и сказал, что мы сейчас еще более заинтересованы в положительной реакции на письмо, которое архиепископ Ромеро направил ему, и выразил надежду, что президент пересмотрит негативный ответ на него», — заявил Джон Квинн.

Ответ не был пересмотрен. Голосование конгресса и решение президента остались в силе...

II

Через несколько дней после убийства архиепископа Ромеро американский посол в Сальвадоре Роберт Уайт выступил с лекцией перед собранием наиболее консервативных сальвадорских бизнесменов. Это была весьма примечательная лекция. Оратор, явно озабоченный ходом событий, строго выговаривал своей аудитории за ее необузданные репрессии! Он требовал, чтобы карательные меры осуществлялись полувоенными отрядами, а не частями регулярных войск. Он требовал — во избежание худшего, — чтобы вооруженные силы поддерживали иллюзию пребывания «над политикой», «над схваткой». Посол говорил: «С точки зрения Соединенных Штатов, на офицерский корпус вооруженных сил ложится тяжелая обязанность положить конец злоупотреблени-

ям. Если злоупотребления будут продолжаться, вы столкнетесь с тем же, что произошло в Никарагуа, — ваши варварские акции приведут к радикализации страны». Знаменательное признание!

Посол Уайт настолько встревожен «никарагуанской болезнью» хунты, что даже выступает против предоставления ей военной помощи! Он считает, не без веского на то основания, что подобная помощь лишь «подольет масла в эксцессы». Заботит господина посла и «доброе имя», так называемый «имидж», Вашингтона. Читая нотацию сальвадорским бизнесменам, он, например, говорил: «Перед нами стоит задача не создавать впечатления, что мы полностью поддерживаем ваши вооруженные силы в их нынешнем виде. В некоторых кругах это может быть расценено как наше одобрение эксцессов». Но и отказать в военной помощи палачам, облаченным в военную форму, не так-то просто. По признанию Уайта, подобный шаг может привести или к падению хунты, или к ее неуправляемости.

В этой дилемме — суть взаимоотношений Вашингтона с диктаторскими режимами. Без его помощи они обречены на гибель. С его помощью им тоже не устоять, ибо американские доллары усиливают репрессии, а репрессии в свою очередь еще больше революционизируют ситуацию. Короче, куда ни кинь — везде клин. В этой безвыходности как раз и заключается историческая обреченность диктаторских режимов и их вашингтонских покровителей, историческая обреченность колониализма, который уже не подпереть ни долларами, ни канонерками, ни их современным эквивалентом в виде «сил быстрого развертывания». Так было во Вьетнаме, так было в Никарагуа, так было в Иране. Так будет рано или поздно и в Сальвадоре. Вот что пишет по этому поводу газета «Вашингтон пост»: «Говоря по правде, насилие в виде систематического и официально санкционированного террора всегда было наиболее ходким методом для решения экономических и социальных проблем Сальвадора. Десятилетия нашей политики поддержки диктаторов и военных хунт в Латинской Америке во имя охраны наших жизненных интересов неизбежно приводили к массовым кровопролитиям в одной стране за другой, а не к «региональной стабильности», иллюзией которой продолжают тешить себя аналитики Пентагона».

Ну, а «права человека» и прочие высокие материи? Здесь невольно вспоминается такая весьма символическая история. Сравнительно недавно оппозиционная газета «Индепендьенте» и Национальная комиссия Сальвадора по правам человека сообщили, что на севере страны в отдельных деревнях каратели применяли напалм. На следующий день редакция «Индепендьенте» и штаб-квартира комиссии были взорваны. Сколько лжи, густо заквашенной на лицемерии, извергает сейчас американская пропаганда на Советский Союз в связи с событиями в Афганистане. Здесь клеветнические обвинения

и в геноциде, и в массовых казнях, и в применении химического оружия, и многие другие страсти-мордасти. Американская пропаганда малюет их с натуры, но только не афганской, а сальвадорской, пытаясь пустить по ложному следу возмущение мировой общественности. Тщетные попытки. Правду не подорвать, как газету «Индепендьенте». Четвертованная и колесованная, удавленная и обезглавленная, она все равно поднимается из пепла, из напалма, из братских могил и ставит к позорному столбу «защитников прав человека» с обагренными по локоть кровью ручищами.

...Около ста тысяч человек собрались у недостроенного здания кафедрального собора в Сан-Сальвадоре, чтобы проводить в последний путь архиепископа Оскара Арнульфо Ромеро. Несмотря на то, что атмосфера была накалена до предела, нигде не было видно сил порядка. Их заменили отрядами... бойскаутов. Эта «беспечность» властей за версту отдавала провокационным приглашением к насилию. Заупокойную мессу служили на вершине лестницы, ведущей к собору. Здесь, огражденные от людского моря высокой стеной и наглухо запертыми воротами, собрались около пятидесяти глав католических церквей, прибывшие на похороны со всех концов мира.

В воздухе висел нестерпимый полдневный зной. Было вербное воскресенье, последнее воскресенье перед пасхой. Люди в толпе и на балконах зданий, окружающих собор, обмахивались ветками верб. Народный хор у подножия кафедральной лестницы пел церковный гимн: «Ты — господь бедных». Но господь бедных в это вербное воскресенье был очень и очень далеко от Сан-Сальвадора. Во всяком случае, фашисты были куда ближе. Господь собирался на Голгофу, фашисты готовили провокацию. Над площадью Барриос угрожающе звенел пасхальный хорал, обещая распятие, но не воскрешение.

...Никто не знает точно, как все это началось. Даже очевидцы. Первая бомба взорвалась в тот самый момент, когда представитель папы римского Иоанна-Павла II мексиканский архиепископ кардинал Эрнесто Коррипто Ахумадо зачитывал надгробное слово. За первым взрывом последовал второй, затем третий. Затем началась стрельба. Охваченная паникой, толпа рванулась, заметалась. Но бежать было некуда. Некуда было укрыться от пуль, некуда, как от солнца. Стреляли со стороны Дворца наций, где засели солдаты и гвардейцы, вооруженные американскими автоматами М-16.

Кардинал Ахумадо прервал молитву и обратился к толпе с призывом сохранять спокойствие. Но никто не слушал, да и не слышал пастыря. Стрельба усилилась. Во всех концах площади одна за другой стали взрываться объятые пламенем автомашины. Это послужило сигналом к началу «ходынки». Пытаясь укрыться от пуль, люди бросились к зданию собора, лезли на стены ограды, ломились в ворота. Наконец ворота поддались, и обезумевшая толпа ворвалась в собор. Людское

море разлилось по лестнице, сметая все на своем пути, опрокинув высокое кресло архиепископа и другие церковные декорации. Застекленный гроб с телом архиепископа Ромеро уцелел каким-то чудом и был поспешно захоронен в склепе. Наблюдая эту душераздирающую сцену по телевидению, я невольно вспоминал бессмертные кадры на лестнице в Одессе из «Броненосца «Потемкин» Сергея Эйзенштейна. Но это была сама жизнь, не кино.

В течение каких-нибудь нескольких минут в собор набилось около семи тысяч человек. Люди давили друг друга, душили. Истерически орали дети, которых родители тщетно пытались поднять на руки, чтобы спасти от неумолимых жерновов вышедшей из берегов человеческой стихии. Некоторые, отчаявшись и перестав бороться, падали на колени и молились, прося пощады и защиты у всевышнего. Люди рвали на себе одежду, теряли сознание, умирали не столько от пуль, сколько от удушья.

— Что ж, зато мы теперь знаем, как умер Ромеро и как живет его народ, — бормотал сквозь слезы епископ мексиканского города Гуернавака Серджио Мендес.

Паника продолжалась более часа. Потом начала спадать. Площадь перед собором опустела. На земле валялись листовки, обрывки газет и одежды, башмаки, сотни башмаков. И ветки верб.

В близлежащий госпиталь Розалес свозили раненых. Их было много, очень много. Они забили палаты, коридоры, двор. Одни метались в бреду, другие истошно кричали от нестерпимой боли. Врачи не успевали оказывать пострадавшим первую помощь, делать хотя бы обезболивающие уколы. Врачей было слишком мало. Уборщицы тщетно пытались смыть кровь с госпитальных полов. Тряпки в их руках то и дело набухали, становились непригодными. Душил смрад.

Вербное воскресенье 30 марта в Сан-Сальвадоре стало кровавым воскресеньем...

Трагедия на площади Барриос потрясла всю страну. Прогрессивные силы объявили всеобщую забастовку. Хунта — в который уже раз — ввела чрезвычайное положение и комендантский час... на тридцать дней. Государственный департамент США отозвал посла Уайта в Вашингтон для «консультаций». Одновременно из Сан-Сальвадора спешно эквакуируются семьи американских дипломатов и вспомогательный персонал посольства США. В связи с этим распространились тревожные слухи о возможном американском вооруженном вторжении в Сальвадор.

Попытки хунты возложить вину за кровавое воскресенье на революционные и демократические организации с треском провалились. Они были слишком неправдоподобны, и слишком много свидетелей было в тот день на площади у Кафедрального собора Сан-Сальвадора. Вот что сказал один из них — архиепископ Сан-Франциско Джон Квинн: «Утверждают, что во взрыве насилия на похоронах Ромеро виновны

левые. Поверить в это очень и очень трудно. Наоборот, бомбы бросали в левых. Толпа состояла из крестьян, а не из представителей олигархии. Я не собираюсь защищать левых, но как можно поверить в то, что они бросали бомбы в своих». Здесь невольно вспоминаются сержанты-инструкторы хунты, муштрующие новобранцев на военных плацах под скандирование человеконенавистнических команд: «Убивай людей! Стреляй в народ!»

III

...Дон Рауль Салаверрия — представитель сальвадорской олигархии. Ему принадлежат тысячи акров земли в Ахуачапане, на западе страны, где на него гнут спину тысячи кампесинос-крестьян. Правда, сам дон Рауль считает, что подобная система — не олигархия, а, как он изящно выражается, «демократия а-ля сальвадорена», то есть «демократия по-сальвадорски». Аграрная реформа хунты ничего не изменила в жизни дона Рауля. Он по-прежнему живет в своей роскошной гасиенде, утопающей в тропическом саду и окруженной рощей кокосовых пальм. Гасиенда, словно в насмешку, носит название «Труд». (Прямо как в маутхаузенском лагере смерти, над входом в который висела надпись: «Труд делает человека свободным!») Вот уже сто семнадцать лет гнут спину кампесинос на семейство дона Рауля. Но труд, рабский труд, не сделал их свободными. Годовой доход дона Рауля — сто пятьдесят тысяч долларов, доля его батраков — тридцать долларов на каждую семью. Так выглядит «демократия а-ля сальвадорена».

Да, жульническая аграрная реформа хунты ничего не изменила в жизни Ахуачапана, как, впрочем, и во всем Сальвадоре. Дон Рауль по-прежнему сидит на балконе своей роскошной гасиенды, как на капитанском мостике, и отдает приказы кампесинос, почтительно величающим его «патроне». Собственно, так называют олигархов не только крестьяне. У них, у подлинных патронов страны, находится в подчинении и армия. А она из тех, что патронов не жалеет. К сожалению, не латифундистов, а боеприпасы. Но и среди этих патронов дон Рауль выделяется особой жестокостью. «Семейство Салаверрия не только могущественно, но и безжалостно, — жалуются даже правительственные чиновники. — Это люди, которые не терпят никого на своем пути, которые способны на любое насилие, чтобы усмирить и устранить строптивых». Еще бы! Ведь недаром дон Рауль один из основателей полувоенно-полуфашистской организации ОРДЕН, которая в 1972 году выдвигала его в вице-президенты.

Очередное кровавое побоище на землях, принадлежащих семейству Салаверрия, произошло в декабре прошлого года. «Это была настоящая резня, — говорит капрал, руководивший экзекуцией, говорит с деловитыми нотками в голосе, без особых эмоций, «просто» констатируя факт. — Кто был убит?

Конечно, левые, — продолжает свой рассказ капрал. — Было ли у них оружие? Да, было — пулеметы, ружья, гранаты. Пострадал ли кто-нибудь из солдат? Нет, мы не потеряли ни одного человека. А левые? Может, двадцать, а может быть, и больше. Уже не помню».

Тут вмешивается дон Рауль, пытаясь подкрепить неправдоподобный рассказ капрала, выдающего убийство безоружных крестьян за сражение. «Дело в том, что бог всегда на нашей стороне, — говорит дон Рауль. — Например, когда один из мятежников пытался выстрелить в меня, его ружье дало осечку. А вот ружье стрелявшего в Ромеро сработало». Вы слышите, представители всех церквей мира, оказывается, в Сальвадоре бог не на стороне архиепископа Ромеро, а на стороне его убийц!

...Кажется, это было совсем недавно. По всей планете прозвучали названия труднопроизносимых и мало кому известных никарагуанских городов: Масая, Матагальпа, Чинандега, Дирьямба, Леон, Эстели... Они предстали перед миром не подернутые дымкой бананово-лимонной сентиментальности, не как ожившие цветные картинки из аляповатых туристических проспектов, Масая, Матагальпа, Чинандега, Дирьямба, Леон, Эстели... В названиях этих никарагуанских городов звучали не струны гавайской гитары, а похоронный звон и истошные крики умиравших под пытками людей. Сейчас на весь мир вновь звучат названия труднопроизносимых и незнакомых городов: Сояпанго, Сонсонат, Чалатенанго, Кускатлан... Это пригороды Сан-Сальвадора, где хунта вершит свою кровавую тризну. Один из главарей хунты, уже упоминавшийся нами Хосе Наполеон Дуарте, угрожающе заявляет: «Архиепископ Ромеро был не первой жертвой. Не будет он и последней».

Да, еще много крови прольется на улицах далеких и труднопроизносимых Сояпанго, Сонсоната, Чалатенанго, Кускатлана и других городов и сел Сальвадора. Но день отмщения грядет. Он не за горами. Он неминуем, как в Никарагуа, как везде, где народ подымается на борьбу за хлеб и свободу. Недаром хунта страшится раскаленного лета, которое должно последовать за жаркой весной. Ожидается, что летом число безработных достигнет тридцати трех процентов и котел взорвется. Не будем загадывать, когда это произойдет — рано или поздно. Видимо, скорее рано, чем поздно. И тогда не удержаться хунте на американских штыках, не усидеть дону Раулю на балконе своей гасиенды!

Кровавое вербное воскресенье в Сан-Сальвадоре будет отмщено!

Март — апрель 1980 г.

•Бульдозер•

Каждое утро, входя в свой рабочий кабинет, он начинал «трудовой день», вычеркивая фамилии из списка, приколотого к стене за его массивным письменным столом. В список — проскрипционный — были внесены девяносто палестинцев, подлежавших уничтожению. Карандашный штрих на заре подводил итоги очередной ночной охоты. Отстрел шел с перевыполнением плана. Когда операция закончилась, число убитых перевалило за двести человек. Но генерал никак не хотел подводить черту. Он распорядился изолировать почти весь район Газы. За стокилометровой колючей проволокой оказалось почти полмиллиона беженцев. Подъездные пути взрывались саперами вместе с домами, бараками и хижинами. И с теми, кто жил в них. Снайперы, залегшие в апельсиновых рощах, стреляли согласно генеральскому списку и помимо — не мимо — его. Шел конец шестидесятых годов. Ариел Шарон тоже шел. По колено в крови.

Генерал сеял смерть и пожинал скандалы. «Карандашные забавы» Шарона поставили Тель-Авив в щекотливое положение. Премьер-министр Голда Меир вынуждена была отозвать его. «Если Шарон будет по-прежнему носить военную форму, я стану лично пикетировать здание министерства обороны», — сказала она начальнику генерального штаба Хайму Барлеву. Последний покряхтел, но признался: «Конечно, Шарон — бравый генерал, но он не человек». Впрочем, были у Шарона и заступники. «Мы должны гордиться им. Он совершил в Газе то, чего не удалось сделать французам и американцам во Вьетнаме», — говорили они. А ведь это было еще задолго до Сабры и Шатилы!

— Арик, друг мой, идите лучше в политику, — напутствовала тем не менее генерала Голда Меир. Ни о каком другом наказании кровавого палача не было и речи.

Меир была не первым и не последним премьером Израиля, журившим «шалунишку Арика» за его палаческие забавы. А начал он заниматься ими еще с 1948 года, будучи двадцатилетним пареньком.

— Арик, друг мой, неужели тебя не учили в начальной школе арифметике? — сокрушался Бен-Гурион несколько лет спустя.

На сей раз Шарону поручили «наказать» жителей деревушки Кибия на Западном берегу реки Иордан, но так, чтобы «число жертв не превышало десяти — двенадцати человек». Отряд Шарона — знаменитая «часть № 101» — перестарался. Были взорваны сорок шесть домов и школа, убиты шестьдесят девять жителей. Большинство из них — женщины и дети. Дело дошло до Совета Безопасности ООН. Шарон мог гордиться — первое осуждение Израиля этой международной

организацией было связано с его преступными деяниями.

«Добряк» Бен-Гурион, вопреки требованию Совета Безопасности, отказался наказать Шарона и даже расследовать трагедию Кибии, где уже зрели семена Сабры и Шатилы...

Карьера Ариела Шарона — при всей ее авантюрно-детективной завихренности — носила однообразный характер. Палач совершал очередное преступление, международная общественность требовала его наказания, сердобольные премьеры «слегка за шалости бранили» Арика и или повышали его в чине, или отправляли... нет, не в изгнание, а в политику, в кнессет. Но было бы ошибочным, исходя из этого, применить к Шарону каноническое «мавр сделал свое дело, мавр может уйти». Ибо, и уходя, «друг Арик» делал весьма важное дело — палач становился козлом отпущения. Он списывал в расход свои жертвы, а Тель-Авив списывал за его счет свои преступления.

С каждой новой агрессией Израиля Шарон забирал все большую власть. Суэцкая авантюра 1956 года, «шестидневная война» 1967 года, война 1973 года и, наконец, ливанская авантюра 1982 года... Даже в стане захватчиков, даже среди вояк, покрытых пылью Синайской пустыни и кровью арабов, Шарон отличался своей жестокостью, своим неистовством, своей беспощадностью. И вот кличка «суперъястреб» перестала быть адекватной применительно к нему. Ведь «суперъястребов» в Израиле целые стаи. Тогда специально для Шарона была изобретена новая кличка — «бульдозер». Она удивительно шла к нему и закрепилась. Навечно. Он и внешне чем-то напоминает бульдозер: невысокий, приземистый, сильно располневший, с огромным животом, откровенно свисающим над брючным поясом. (Шарон любит разъезжать в танке, основательно снабженном не только боеприпасами, но и водкой с икрой.)

Бульдозер агрессии, бульдозер террора, бульдозер политиканства... Первые уроки науки убивать преподал ему отец — Шмуэль Шарон. Далее он совершенствовался в органах разведки и контрразведки Израиля. Изучал историю Ближнего и Среднего Востока в Иерусалимском университете, чтобы кроить и перекраивать ее по лекалам сионизма. Изучал стратегию обходных маневров в английском штабном колледже в Кэмберли и тактику обхода законов — на юридическом факультете Тель-Авивского университета. Так что к карьере карателя он приступил во всеоружии. В прямом и переносном смысле слова.

Никакие злодеяния, совершенные Шароном на полях сражений, не идут в сравнение с теми, которые он творил в качестве проконсула на захваченных Израилем арабских землях, в особенности на Западном берегу Иордана и в районе Газы. Он терроризировал палестинских беженцев, словно бульдозером, корчевал их дома, их очаг, а главное — их национальные корни. Это был самый настоящий, неприкрытый геноцид. В Тель-Авиве не имели ничего против геноцида.

Ведь он давно стал официальным курсом израильских правителей. Но в Тель-Авиве хотели геноцид ползучий, геноцид, прикрытый лавровыми листьями и оливковыми ветвями. А «бульдозер» сгребал листья и ветви вместе с трупами и развалинами. Вот почему пришлось отказаться от создания министерства «безопасности и борьбы с терроризмом», которое должен был возглавить Шарон.

— Арик, друг мой, — сказал ему Ицхак Рабин, очередной премьер-министр, — ты слишком уж одиозная фигура. Давайка лучше назначим тебя министром сельского хозяйства.

И назначили.

Сельское хозяйство. Самая мирная человеческая профессия. Но Шарон взрыхлял не землю, а ненависть; сеял не хлеб, а зубы дракона в виде израильских поселений; культивировал не апельсины, а «лимонки». Окруженный толпами приверженцев-фанатиков, которых он называл «мои хасиды» и которые в свою очередь называли его «мелех Исраэль», то есть «король Израиля», Шарон шел не с плугом, а с огнем и мечом по арабским землям. Он хотел увековечить плоды агрессии, сделать ее результаты необратимыми.

Когда премьер-министром Израиля стал Менахем Бегин, Шарон начал добиваться поста министра обороны — второго по значению в его кабинете.

— Арик, друг мой, чем тебе не нравится земледелие? Порадей и дальше на этой ниве, — говорил хитрый Бегин. А в кругу доверенных лиц делился такими опасениями: — Став.военным министром, Арик, чего доброго, окружит мою резиденцию танками.

Бегин был недалек от истины. Шарону и впрямь хотелось стать «мелех Исраэль». Танки ему были нужны, разумеется, не только для транспортировки водки с икрой.

Когда в 1980 году Вейцман подал в отставку с поста министра обороны, Бегин поспешил присвоить его портфель. Но долго сопротивляться «бульдозеру» он не смог. В июне 1981 года Шарон стал шефом израильского Пентагона. Власть в Тель-Авиве все больше сосредоточивалась в ковше «бульдозера». Власть пьянила Шарона похлестче водки. Он обрубал руки непокорным и даже осмеливался кусать неоскудевающую руку дающего — Вашингтона. Его не удовлетворяли ни кэмп-дэвидские соглашения, ни «план Рейгана». У него был свой собственный план — заселить к 2000 году Западный берег и район Газы двумя миллионами еврейских колонистов, чтобы раз и навсегда покончить с «идеей арабского государства Палестины». С этой целью он вошел в сговор с ультраправой группировкой «гуш-эмуним». Впрочем, он готов был заключить сделку с самим чертом и дьяволом. Ведь «бульдозеры» водятся и в аду...

Агрессия против Ливана замышлялась Шароном давно. Он планировал ее исподволь и методически. Все было готово для вторжения еще за несколько месяцев до того, как в то кошмарное, хотя и солнечное, воскресное утро израильские

полчища, прикрываемые сотнями танков, ворвались в Ливан, нарушив его неприкосновенность по всей границе от средиземноморского побережья до склонов горы Хермон. Дело было за небольшим — за поводом. И он, конечно же, представился. В Лондоне перед входом в фешенебельный отель «Дорчестер» был ранен израильский посол при Сент-Джеймсском дворе Шломо Аргов. Стрелявший не имел никаких связей с ООП, но это, в свою очередь, не имело никакого значения.

— Арик, друг мой, можно начинать, — сказал Бегин Шарону, прибывшему в его резиденцию на Бальфур-стрит в Иерусалиме. (На сей раз Шарон явился без танков.)

Символическое совпадение: агрессия против Ливана началась в тот самый день, когда пятнадцать лет назад Израиль начал «шестидневную войну» против арабов. И совсем не символическое совпадение: план агрессии против Ливана носил название — операция «Мир для Галилеи»...

Стояла идеальная июньская погода. Ласковое солнце и освежающий ветерок; пляжи, заполненные купальщиками; синагоги, забитые молящимися; улицы, запруженные туристами... Все просыпалось после святой субботы, но лишь для того, чтобы ужаснуться кровавому воскресенью. Ибо не было мира ни для Галилеи, ни для Ливана, ни для всего Ближнего Востока. Стальные «центурионы» разутюживали своими гусеницами оливковые рощи и апельсиновые плантации, громыхали мимо бессильных и бесполезных войсковых соединений в голубых касках ООН.

Незадолго до начала агрессии «бульдозер» исчез из поля зрения. Позже выяснилось, что он тайно ездил в Ливан инспектировать свою «пятую колонну» — фалангистов, фашистов и прочий сброд, которому впоследствии была поручена грязная работа в Сабре и Шатиле. Накануне вторжения Шарон находился в своем подземном бункере на севере Израиля. Его подручный — предатель ливанского народа майор Саад Хаддад открыл агрессорам буферную зону. Бездействовали и голубые каски ООН. Всю силу удара израильской военной машины приняли на себя бойцы палестинского сопротивления и национально-патриотических сил Ливана. Запылали превращенные в руины древние Тир и Сайда. Пал замок Бофор, построенный еще крестоносцами.

— Арик, друг мой, это просто великолепно! Теперь я могу спокойно спать! — похвалил своего министра Бегин.

А «бульдозер» рвался вперед — на Бейрут. Одновременно он вынашивал планы распространения агрессии и на Сирию. Его молодчики прощупывали танками автостраду Бейрут — Дамаск, а сам он носился над ней в вертолете, словно стервятник. (В 50-х годах, будучи еще в чине полковника, Шарон лично затеял провокационную перестрелку на сирийской границе с целью вызвать военный конфликт.)

Не дотянувшись до Сирии, «бульдозер» с еще большим остервенением терзал землю Ливана. Трагедия Бейрута, бес-

пардонно нарушаемые соглашения о перемирии, зверские бомбардировки и, наконец, Сабра с Шатилой. За всем этим стоял он — Ариел Шарон, неистовая фурия сионизма. Когда палачи двинулись на «дело», генерал Дрори, командовавший израильскими войсками в Ливане, сообщил по телефону Шарону, находившемуся в Тель-Авиве: «Наши друзья входят в лагеря. Я координирую их вступление». Шарон ответил: «Операция друзей имеет мое добро. Поздравляю!»

Буквально накануне резни израильский кабинет сделал заявление, в котором говорилось: «Оборонительные силы Израиля заняли позиции в Западном Бейруте, чтобы предотвратить угрозу насилия, анархии и кровопролития». О, лицемеры! Резня началась под еврейский новый год — Рош-га-Шана и длилась три дня — с 16 по 18 сентября. Мир содрогнулся... Пытаясь защитить незащитимое, Бегин выступил в кнессете с самой пространной за всю свою политическую карьеру речью. Она длилась 87 минут. «Никто не смеет учить нас морали и уважению к человеческой личности!» — восклицал этот профессиональный террорист. Но чем больше он говорил, тем меньше становилось верующих. «Менахем, шалом!» — подбадривал его Рейган по прямому проводу из Белого дома. Но не было мира в Ливане, не было мира на Ближнем Востоке. Были Сабра и Шатила — арабские Хатынь и Сонгми.

Ну, а «бульдозер»? Шарон претерпевал очередную метаморфозу: послужив сионизму огнем и мечом, он стал служить ему козлом отпущения. Заседания комиссии по расследованию проходили в актовом зале Иерусалимского университета, того самого, где Шарон когда-то изучал историю Арабского Востока. Ныне он влип в нее. С кровью. С позором и грязью.

В Тель-Авиве решили пожертвовать фигурой, чтобы выиграть партию. Шестнадцатью голосами против одного — самого Шарона — израильский кабинет постановил уволить его с поста министра обороны.

— Арик, друг мой, войди в наше положение. Ведь входил же ты в Сабру и Шатилу!

И «бульдозер» вошел. Но из кабинета не вышел. Человек без совести остался в нем в качестве министра без портфеля. Но не без дела. Сообщают, что Шарону поручат вопросы «национальной безопасности» и даже «главную роль в определении позиции Израиля на переговорах с Ливаном»! По другим сведениям, «бульдозер» вновь будет надзирать над Западным берегом реки Иордан и районом Газы. Не исключено, что в скором времени он, как в былые годы, будет начинать свой «трудовой день», вычеркивая из проскрипционных списков имена и фамилии очередных жертв...

«Бульдозер» еще далеко не сдан на слом. Он еще сам наломает дров. Из которых складываются очаги агрессии на Ближнем Востоке.

26 февраля 1983 г.

• Прощальная • симфония

Сравнение это возникло как-то внезапно, и было в нем нечто капризно-зыбкое. В самом деле, что общего между рекой Потомак и Нейзидлерским озером, между столицей Соединенных Штатов Вашингтоном и захолустьем австро-венгерской монархии — деревушкой Сюттер, между строгими контурами Белого дома и дворцом князя Николая Эстерхази, смахивавшим в свою блистательную пору скорее на Версаль изысканностью позднего барокко, фонтанами, эрмитажами, китайскими павильонами и интимными беседками, храмами Солнца и Дианы, Фортуны и Венеры, питомниками оленей и фазанов, розариями и аллеями, жеманными купидонами, поддерживающими фонари, и кокетливыми балконами, украшенными вазами? Что общего между пластиковыми пропусками, выдаваемыми секретной службой Белого дома, и веерами с нарисованными на них планами дворца и поместья Эстерхаз, чтобы гости не плутали в нем?

Но пути-дороги наших ассоциаций еще более извилисты и прихотливы, чем лабиринты волшебных садов канувших в Лету вельмож...

Несмотря на то что дворец Эстерхаз был нашпигован всеми чудесами света, его главную достопримечательность составлял капельмейстер князя Эстерхази великий австрийский композитор Йозеф Гайдн. Целый ряд выдающихся произведений был создан им как раз в пору пребывания на берегах Нейзидлерского озера, где он честно отрабатывал полновесные княжеские «рейнские гульдены» и «кошт с офицерского стола».

Именно в Эстерхазе в 1772 году Гайдн сочинил симфонию — сорок пятую по счету, — получившую название «Прощальной» или «Симфонии со свечами». Ее первое исполнение произвело фурор. И не только своей музыкальной фактурой. В заключительной части симфонии оркестранты, гася свечи над пюпитрами, стали один за другим покидать сцену. Сначала первый гобоист и второй валторнист, затем фаготист, контрабасист, виолончелист и так далее. Финал доигрывали уже почти в полном мраке — в терцию и сексту — две оставшиеся скрипки. С последним тактом погасли последние свечи.

Я вспомнил об этом, пробежав глазами телетайпную ленту агентства Рейтер, в которой говорилось, что премьер-министр Израиля Менахем Бегин в четверг, 15 сентября, подал заявление об отставке президенту страны Хайму Герцогу.

Если быть абсолютно точным в фиксировании вихря ассоциаций, промелькнувших в моем мозгу, то передо мной сначала возникла лужайка Белого дома, ее северная сторона. 26 марта 1979 года в два часа дня с минутами — их было

одиннадцать — там был подписан так называемый «мирный договор» между Египтом и Израилем, вошедший в историю международных отношений как кэмп-дэвидская сделка.

Документы, переплетенные в синий сафьян с тремя золотыми полосками, лежали на столе из красного дерева работы мастеров XIX века. Ценность стола была не столько художественной, сколько исторической. На нем в 1928 году был скреплен пакт Келлога-Бриана, который торжественно проклинал войну как средство решения споров между государствами и не менее торжественно объявлял ее вне закона в международной жизни. Конечно, этому пакту было еще далеко до мюнхенских соглашений, но в нем уже зрели первые семена второй мировой войны, как в кэмп-дэвидском сговоре — зародыши ближневосточного плана Рейгана и агрессии против Ливана.

Главные действующие лица — президент Картер, президент Садат и премьер-министр Бегин сияли, как луна в четырнадцатый день своего рождения. Заразившись от египтянина фамильярностью, они величали друг друга «брат Джимми», «брат Анвар», «брат Менахем» и в унисон цитировали затертые слова пророка Исайи о перековке мечей на орала, посыпая ими, как песком Синайской пустыни, свое пустопорожнее красноречие. Гремели военные оркестры, исполнявшие, разумеется, не музыку Йозефа Гайдна, а бравурные военные марши, под которые американские «джи-ай» несут на своих штыках свободу и демократию остальному человечеству, все еще барахтающемуся в трясине неолита.

После торжественного подписания договора, занявшего сорок пять минут, «братья» еще раз скрепили его тройным рукопожатием и замерли, словно античные статуи, чтобы дать возможность фотографам запечатлеть для благодарного потомства это неповторимое историческое мгновение. Затем, обнявшись, как рыбаки-греки, пляшущие после удачного улова, «братья» перешли на южную лужайку Белого дома, где уже были разбиты шатры для «государственного обеда», оплаченного в складчину — по подписке — крупнейшими американскими корпорациями — этаким многоголовым, как гидра, монополистическим князем Эстерхази, тратящим полновесные «потомакские доллары» на гонку вооружений и бросающим, как кость, «кошт с офицерского стола» своим марионеткам...

Фотография трех «братьев»... Первым выцвел на ней «брат Джимми». На президентских выборах 1980 года он потерпел сокрушительное поражение. Когда тогдашний пресс-секретарь Белого дома Джоди Пауэлл сообщил своему патрону, что его песенка спета, тот разрыдался как младенец и процедил сквозь слезы: «Я хочу уйти в «хорошем стиле». Уходил он «в хорошем стиле» в бальном зале отеля «Шератон». Оркестр — опять-таки не по Гайдну и словно в насмешку — играл марш под названием «Снова вернулись счастливые дни». Сам Картер вернулся из «Шератона» в горы Катоктин

в Кэмп-Дэвид доживать свои последние президентские дни, прежде чем вернуться к арахису.

Крепко досталось на орехи «брату Джимми». Он начинал утро бегом трусцой и укладывался спать с молитвой на устах. Но не смог ни убежать от судьбы, ни замолить свои грехи, среди которых одним из тягчайших был кэмп-дэвидский сговор. Недаром помост, на котором был установлен стол для подписания египетско-израильского «мирного договора», был окрещен арабской прессой «эшафотом палестинской независимости». Тень Сабры и Шатилы уже ложилась на синий сафьян, в который был переплетен ближневосточный Мюнхен.

Фотография трех «братьев»... Вслед за «братом Джимми» выцвел на ней «брат Анвар». Его не забаллотировали, а забуллитировали. (Буллит — пуля.) Свеча Садата погасла 6 октября 1981 года. Он был убит во время парада, посвященного — история любит сардонические ужимки — очередной годовщине начала арабо-израильской войны 1973 года. Путь Садата на небеса лежал через Иерусалим и Кэмп-Дэвид. Уже после заключения кэмп-дэвидского договора президент Сирии Асад пророчески предсказал, что Садат «подписал свой собственный смертный приговор». А когда врачи военного госпиталя под Каиром констатировали смерть «брата Анвара» от огнестрельных ран, тогдашний премьер-министр Ливана Ваззан поставил иной, более точный диагноз: «Садата убил Кэмп-Дэвид».

На похороны египетского президента прибыли три американских экс-президента — Никсон, Картер и Форд. Прибыли на самолете президента Рейгана. Что ж, каждый из них, вбивая по гвоздю в гроб арабского единства и правого дела Палестины, логически подталкивал шаг за шагом Садата к трагическому концу — сначала политической смерти, а затем физической. Ведь его звезда на международном небосклоне уже гасла, когда автоматчики, соскочившие с рокового бронетранспортера, затушили свечу «брата Анвара».

Мне вспоминается фотография рухнувшего и обливающегося кровью Садата. Вокруг него пустота. Нет ни ближайших соратников, ни даже телохранителей. Только вакуум. Говорят, что когда Картер изредка появляется на сборищах демократов, вокруг него тоже образовывается пустота, хотя грозят ему не бронетранспортеры, а транспаранты, грозят очереди не автоматов, а пикетировщиков.

Пустота, которая заквашивается вокруг политического деятеля, безошибочный признак его неминуемо надвигающегося заката. В последнее время в газетах и журналах все чаще стали появляться фотографии Менахема Бегина, сидящего в отнюдь не гордом одиночестве на правительственной скамье в опустевшем кнессете. И вот Бегин ушел. Ушел последний участник кэмп-дэвидского трио. И вновь история не удержалась от символического жеста — отставка Бегина совпала с первой годовщиной резни в Сабре и Шатиле. Впрочем, слово

«совпала» здесь не совсем, а вернее, совсем неуместно. Между этими двумя событиями кровная связь.

Бегин начинал как террорист. И террористом кончил: от массового убийства в деревне Дейр-Ясин, расположенной у шоссе Иерусалим — Тель-Авив, в апреле 1948 года до кровавой вакханалии в Сабре и Шатиле — в сентябре 1982 года. Хотя, если быть скрупулезно точным, Бегин был террористом и до Дейр-Ясина и после Сабры с Шатилой. В 1977 году Бегин стал премьер-министром Израиля, приведя к власти партию «Херут», которую даже Бен-Гурион называл шайкой «головорезов и политических убийц». Он то взрывал крупнейший иерусалимский отель «Царь Давид», то принимал в нем вашингтонских эмиссаров. (Результаты второго были пострашнее первого.) Его «генеральный план создания поселений в Иудее и Самарии» — крест на единстве и независимости Палестины. Его ливанская авантюра — бикфордов шнур империалистической агрессии на Ближнем Востоке. Но как поучительно, как нравоучительно: свеча Менахема Бегина погасла, хотя американская морская пехота наращивает свои мускулы в Бейруте, хотя боевые корабли 6-го флота США во главе с атомным авианосцем «Эйзенхауэр» подошли к побережью Ливана, хотя израильское лобби на Капитолии неистовствует, пристегивая южнокорейский «Боинг-747» к АВАКСам для Ближнего Востока...

Одна из версий создания Гайдном «Прощальной симфонии» такова. Князь Эстерхази, щедрый до расточительности, когда речь шла об украшении его дворца, проявлял отнюдь не вельможную прижимистость по отношению к музыкантам, которые, кстати сказать, по своему статусу были приравнены к слугам. Жилые помещения для музыкантов напоминали клетушки. Они едва вмещали членов капеллы, а вот для их семей «жизненного пространства» уже не хватало. Князь запретил им появляться в Эстерхазе, и они тосковали в городке Эйзенштадт, надолго разлученные с мужьями и отцами взбалмошным меценатом. Доведенные до отчаяния оркестранты обратились за помощью к прославленному маэстро, и Гайдн в качестве «намека» сочинил «Симфонию со свечами». Музыка якобы размягчила князя, и он смилостивился.

Не исключено, что в этой версии есть доля истины. Ведь и музы не застрахованы от прозы жизни. Однако серьезные толкователи творчества Гайдна рассматривают «Прощальную» в трагедийном плане. Именно как прощание, а не как предвкушение встречи. Недаром Роберт Шуман, прослушав симфонию гаснущих свечей, писал: «Никто не смеялся при этом, так как было не до смеха».

Я далек от мысли, что американский империализм — вашингтонский капельмейстер агрессии — загасил свечи Картера, Садата и Бегина, идя навстречу пожеланиям их чад и домочадцев. Крах карьеры этого трио — отголосок краха политики самого «капельмейстера». Он был запрограммирован уже в партитуре Кэмп-Дэвида. Но авторы ближнево-

сточной трагедии не желают расставаться с опасными иллюзиями перекройки карты арабского мира. Они расчертили ее этакими нотными линейками агрессии и аннексии и вписывают между ними старую тему диктата, слегка подновленную для слуха «утомленной» аудитории. Ведь не секрет, что «план Рейгана» так же отличается от Кэмп-Дэвида, как Шамир — от Бегина. И на каждую задутую свечу приходится новый раздутый пожар. Да, здесь и впрямь не до смеха.

И тем не менее пример кэмп-дэвидского трио — другим наука. Гася свечу и складывая в футляр свою виолончель, Картер сказал: «Силы, которые разбили меня, сделают то же самое с Рейганом. Неумолимое движение истории привело к тому, что мы потеряли контроль за ходом событий. Я не могу сказать, удастся ли кому-нибудь восстановить его в будущем». Мистеру Рейгану страсть как хочется проделать подобный фокус. И не только на Ближнем Востоке. А что, если вместо обычной виолончели расчехлить ракетно-ядерный контрабас? — прикидывают поклонники милитаристского контрапункта.

Мой им совет: пусть почаще поглядывают на фотографию Картера, Садата и Бегина, обменивающихся рукопожатием на северной лужайке Белого дома. Поглядывают, прислушиваясь одновременно к «Прощальной» Йозефа Гайдна.

17 сентября 1983 г.

Азбучное убийство

Этот день — 22 ноября 1963 года — навсегда останется в моей памяти. Я только что вернулся домой из редакции, выпустив очередной номер «Известий», и залез под душ, предвкушая заслуженный уик-энд. Неожиданно в ванную комнату влетела жена и срывающимся от волнения голосом проговорила-прокричала:

— Звонили с работы! В Далласе убит президент Кеннеди! Телеграфные агентства сообщают, что убийца — коммунист! Вооруженным силам Соединенных Штатов отдан приказ быть в состоянии повышенной боевой готовности!

Затем, перейдя на шепот, добавила:

— Что это, Мэлор, война? Быть может, одеть детей и спуститься на станцию «Площадь Маяковского»?

Мы тогда жили от нее в двух шагах — на Третьей Тверской-Ямской возле старого здания кукольного театра Образцова...

Отчитав жену («паникерша!»), я быстро оделся и побежал в редакцию. Сведения подтверждались. О них гудел эфир,

стрекотали телетайпы. Весь тираж «Известий» был уже отпечатан и развозился по городу, поэтому весть об убийстве Кеннеди с его фотографией — большой, почти на всю полосу, — мы срочно дали в «Неделю», которая находилась на подписи и вот-вот должна была выйти в свет.

Между Москвой и Далласом тысячи километров, Атлантический океан и временная разница в восемь часов. Москву окутывал зимний вечерний сумрак. Даллас нежился в утренних лучах по-техасски знойного солнца, не сдававшего своих позиций даже в ноябрьском эпилоге осени. Солнечные блики играли и на серебристых крыльях «боинга» с буквами «ВВС США-1» на фюзеляже — личного самолета президента. Кеннеди прибыл в ковбойско-нефтяной Даллас вопреки предостережениям профессиональных гадалок и еще более профессиональной секретной службы. Законы предстоящих предвыборных баталий властно заглушали тему рока, а массачусетский скептик, гарвардский выпускник, автор «Профилей смелых» и сам герой второй мировой войны, в глубине своей сложной и замкнутой души был фаталистом, узником позы и роли, навязанной ему американским обывателем, изголодавшимся по античным статуям в заповедниках посредственного политиканства и заземленной серятины здравого смысла.

Короче, Джон Фитцджеральд Кеннеди в 1036-й день своего президентства прибыл в Даллас, как персонаж известной сказки-притчи — в Самору, на рандеву с неизбежной смертью. Последние минуты его жизни и последние метры, пройденные его бессмысленно бронированным и легкомысленно открытым «линкольном», пожалуй, наиболее изученные минуты и метры в истории Соединенных Штатов, наиболее драматические в летописи этого общества насилия и тем не менее наиболее таинственные. Хотя сразу же спешу добавить: таинственность относится исключительно к детективной стороне преступления; его политическая, социальная и нравственная подоплека ясна, как божий день в солнечном Далласе. Недаром убийство Кеннеди называют «азбучным убийством». Конечно, не только и не столько потому, что в него стреляли из окон семиэтажного оранжевого здания «Тексас скул бук депозитори» — склада школьных учебников.

Мне кажется в высшей степени символическим, что до сих пор не найдены конкретные убийцы Кеннеди — жалкая, ощипанная фигура Освальда не в счет! Отсутствие конкретных злодеев, так и оставшихся безнаказанными, с особой силой подчеркивает: на скамье подсудимых не отдельные личности, а все общество. Винтовку — или винтовки? — с оптическим прицелом держали в руках не Освальд и его безымянные сообщники, а те, имя которым легион, а если хотите точнее — Американский легион, не просто реакционная ассоциация ветеранов бесчисленных войн, которые вела и ведет Америка, а мировой жандарм, исповедующий насилие внутри страны

и агрессию — вне ее пределов. Не только исповедующий, но и осуществляющий огнем и мечом.

Ружье с оптическим прицелом, найденное в азбучном депозитарии, быть может, и было подброшено кем-то в целях оптического обмана, но вот стрелковое оружие в руках американцев — по некоторым подсчетам, до двухсот миллионов единиц — леденящая кровь реальность, как и пятнадцать тысяч ядерных боеголовок в ракетных руках Пентагона. С начала века до убийства в 1968 году другого Кеннеди — сенатора Роберта — в Соединенных Штатах от огнестрельного оружия погибло около восьмисот тысяч человек — больше, чем во всех войнах, которые США вели за это же время (полмиллиона солдат). Если Вашингтон нажмет кнопку и приведет в действие десятки тысяч Хиросим, таящихся в его ядерном арсенале, то с лица земли исчезнут и азбучный депозитарий в Далласе, и сам Даллас, и все человечество. И тогда некому будет писать ядерный эквивалент доклада комиссии Уоррена, допрашивать чудом спасшихся свидетелей атомного апокалипсиса, с пристрастием изучать траектории межконтинентальных ракет «Минитмен» и МХ и их среднего брата — «першинг-2», скрупулезно взвешивать данные акустических экспертиз вселенского грохота ядерных взрывов и рушащейся цивилизации.

Далласская трагедия, по сути дела, комедия вроде «Божественной» — Данте и «Человеческой» — Бальзака, комедия, в которой разверзаются все круги ада и обнажаются все людские пороки. «Кеннедиана» безгранична, как космос. Прочесть ее от корки до корки физически невозможно. Чего стоит один доклад комиссии Уоррена — протоколы допросов 552 свидетелей, 3154 письменных показания, занимающие тридцать тысяч страниц, отпечатанных 44 машинистками и сведенных в двадцать семь толщенных томов, даже сжатое изложение которых занимает 888 листов! Я уже не говорю о литературе по этому предмету, одна лишь библиография которой напоминает хвост кометы Галлея.

Но «Кеннедиана» не только безгранична, как космос, она черна, хоть глаз выколи, как изрешеченная дырами Вселенная. Эрл Уоррен, бывший в то время председателем Верховного суда США, предупреждал любопытных и любознательных: «Определенные обстоятельства и факты, относящиеся к убийству президента Кеннеди, общественность, по соображениям государственной безопасности, сможет узнать только через 75 лет». С того дня, как на операционном столе Парклендского госпиталя в Далласе скончался, не приходя в сознание, Джон Кеннеди, кстати, четвертый президент США, павший от пули наемных убийц, прошло двадцать лет. Ничего конкретного в отношении далласской трагедии не прояснилось. Скорее, наоборот: черных дыр стало еще больше.

Отправились в мир иной — кое-кто при весьма таинственных обстоятельствах — многие ее действующие лица. От статиста Освальда до премьера Ханта, техасского нефтяно-

го короля, от бывшего солдата морской пехоты до «самого богатого человека в мире». Давным-давно затянулась рана, полученная губернатором Джоном Коннэли, сидевшим в президентском «линкольне» в тот роковой день. А Жаклин Кеннеди умудрилась еще раз стать вдовой другого «самого богатого человека в мире» — судовладельца Аристотелеса Онассиса. Умер, как говорят, от рака убийца Освальда Джек Руби, владелец далласского ночного кабаре «Карусель». Агрессия во Вьетнаме привела к политической смерти Линдона Джонсона, хозяина Белого дома и вашингтонской карусели.

Но вот в американской трагикомедии многое прояснилось. Ее расплывчатые контуры приобрели более четкие очертания, как гранитные грани Пентагона. Ограничусь лишь беглым перечнем некоторых вех, ибо нельзя объять необъятное, как невозможно проштудировать от корки до корки все тома комиссии Уоррена:

«Грязная война» во Вьетнаме, перекинувшаяся на Лаос и Камбоджу. Расстрелы студентов в Кенте и Джексоне. Истребление лидеров «черных пантер» автоматчиками Гувера.

Убийство Роберта Кеннеди в Лос-Анджелесе и Мартина Лютера Кинга в Мемфисе.

«Уотергейт» Никсона.

Одиссея американских заложников в Тегеране и сокрушительное фиаско Картера.

Фашистское затмение в Чили.

Массовое культовое самоубийство в Гайане.

Водворение «калифорнийской мафии» в Белом доме. Покушение на Рейгана. Убийство «битлза» Джона Леннона.

Сабра и Шатила в Ливане.

Сальвадор, Никарагуа, Гренада.

Шпионский рейс «Боинга-747».

Транспортировка «першингов-2» и крылатых ракет в Западную Европу.

Антикоммунистический крестовый поход Рональда Рейгана...

Калейдоскоп дат, событий, имен. Второстепенных и важнейших. Преходящих и определяющих. Буффонада нравов и нравственные драмы... Но через все эти калейдоскопические сплетения красной, как струйка крови, брызнувшая из расколотого черепа Кеннеди, нитью проходит нечто, скрепляющее и цементирующее зыбкое, желеобразное колыхание повседневности, придающее ей строгую закономерность.

В качестве иллюстрации приведу такой пример. До сих пор многие авторы «Кеннедианы» спорят о том, знали ли ФБР и его шеф Гувер о готовящемся на Кеннеди покушении? Одни считают, что не знали, но догадывались; другие — что знали, но умышленно споспешествовали преступлению; третьи придерживаются взгляда о прямом участии ФБР в заговоре. Существенны эти «оттенки» или нет? Разумеется, существенны. Да еще как! Но сейчас все они, отодвинутые событи-

ями злобы дня на задний план, выглядят деталями. На дно жизни оседает нечто другое.

Когда я в последний раз посетил музей ФБР в Вашингтоне, мое внимание привлекла диаграмма динамики преступности в Соединенных Штатах: буквально каждую минуту в стране, раскинувшейся от Атлантического океана до Тихого, совершается то или иное злодеяние — убийство, изнасилование, грабеж и так далее. Под диаграммой был установлен экран-мигалка. Как только в штаб-квартиру ФБР поступало сообщение об очередном преступлении, экран вспыхивал красным цветом и на нем появлялась новая порядковая цифра. Пока я стоял перед этим экраном, по сравнению с которым блекнут все экраны американского кино и телевидения, он вспыхнул дважды. Любопытства ради я зафиксировал возникшие на нем цифры 4.446.601—4.446.602. Было это в середине года. (С наступлением нового года мигалка ФБР начинает отсчет с «белого листа» — от нуля.)

Там же, в музее ФБР, я увидел еще одну диаграмму, отражавшую рост картотеки отпечатков пальцев — красы и гордости гуверовского сыска. Число карточек было астрономически умопомрачительным — 197.171.242!

Преступность (экран-мигалка) и слежка (картотека) носят в Соединенных Штатах тотальный характер. Так выглядит **всеамериканский базис далласской надстройки.** Вот почему **вопрос** — кто стрелял в Кеннеди? — неизбежно растворяется **в утверждении,** что Кеннеди стал жертвой общества насилия.

Далласская трагедия — итог одной жизни и урок всей нации, конец одного звена президентства, продолжение цепи преступлений. Азбучное убийство было всего лишь частным случаем капиталистической высшей математики...

Однажды — дело происходило на дальних подступах президентских баталий 1980 года — я заглянул в капитолийский офис сенатора Эдварда Кеннеди. Девушки из его штата были заняты разбором необъятной почты последнего из оставшихся в живых наследников массачусетского мультимиллионера. Мы разговорились. Речь вполне естественно (в США это вполне естественно!) зашла о шансах сенатора Кеннеди быть, нет, не избранным, а убитым.

— Знаете, — сказала одна из девушек, похлопывая рукой по стопке еще не разрезанных конвертов, — мы установили весьма любопытную закономерность. С увеличением шансов Тэдди быть избранным президентом увеличивается и количество писем, содержащих угрозы расправиться с ним. Падают его шансы — мелеет и угрожающая корреспонденция.

Закономерность и впрямь любопытная, хотя отнюдь не удивительная. Конечно, в Соединенных Штатах хоть пруд пруди геростратов, алчущих обеспечить себе бессмертие убийством Кеннеди, «желательнее» в роли президента, а не сенатора. Так масштабнее! Но не в этом суть дела, хотя число душевнобольных в Америке поразительно высоко, а по коли-

честву употребляемых транквилизаторов американцы побили все и всяческие рекорды, и это тоже — образ жизни, результат социальных и политических катаклизмов. Суть дела в том, что насилие в США не просто шизофреническая аберрация, а политическая институция. Свинцовая пуля тоже избирательный бюллетень.

За годы, прошедшие только между убийством президента Дж. Кеннеди и сенатора Р. Кеннеди, конгресс рассмотрел более ста законопроектов, ограничивающих в той или иной степени свободу торговли оружием и правила владения им. И все они были похоронены по первому разряду, включая законопроект, внесенный лично Робертом Кеннеди, под давлением всесильного оружейного лобби — «торговцев смертью» в лице «Нэшнл райфл ассошиэйшн» — «Национальной стрелковой ассоциации», ультрареакционной и ура-патриотической организации, присвоившей себе право раздавать патенты на «стопроцентный американизм».

В этом отношении мало что изменилось со времени убийства Роберта Кеннеди по сегодняшний день. Воз и ныне там. Еще более нагруженный орудиями убийства. Что же касается авторов законопроектов, пытающихся надеть смирительную рубашку на «торговцев смертью», то их бомбардируют письмами, вроде тех, что я видел в сенатском офисе Тэда Кеннеди. Письма не только анонимные. Печатный орган «Нэшнл райфл ассошиэйшн» открыто обратился к конгрессменам — авторам «обуздывающих» законопроектов со следующим отнюдь не парламентским предостережением: «Пока не поздно, вы, предатели, поостерегитесь! А то приклад винтовки размозжит вам череп!» Коротко и ясно. И чертовски убедительно.

Но даже это — кончик айсберга, ибо торговцы стрелковым оружием лишь мелкие коробейники и лотошники всемогущего военно-промышленного комплекса. Когда конгресс вотирует один за другим гигантские бюджеты гонки вооружений, когда он штемпелюет посылку морской пехоты в Ливан и на Гренаду, когда он, запуганный антисоветской свистопляской вокруг шпионского рейса «Боинга-747», выдает Рейгану карт-бланш на ведение крестового похода против стран социализма, он не в последнюю очередь заботится о целостности своего черепа, над которым занесен незримый, а порою и весьма зримый винтовочный приклад. Недаром за последнее время в американской прессе участились тревожные сообщения о том, что рейгановская администрация все больше и больше становится пленницей военного истеблишмента, что генералы взяли штурмом Ситуационную комнату Белого дома и диктуют его обитателям свой милитаристский катехизис. Разве такое снилось бывшему морскому пехотинцу — «кожаному затылку»* Освальду!

---

*Так величают солдат корпуса морской пехоты США.

И — под занавес — еще одно воспоминание — личное ощущение двадцатилетней давности. Мы сидим дома перед телевизором и смотрим церемонию похорон тридцать четвертого президента Соединенных Шатов Америки Джона Фитцджеральда Кеннеди, которую транслируют по космическому спутнику связи «Телестар». Вот президент Франции генерал де Голль. Его исполинская фигура возвышается над всеми, даже над техасским великаном — новым президентом США Линдоном Джонсоном. Вот крохотный карапуз в матроске Джон-Джон, сын покойного. Он по-детски неуклюже отдает честь гробу, накрытому звездно-полосатым флагом, гробу, в котором лежит его отец. Вот Жаклин Кеннеди. Ее с обеих сторон поддерживают Роберт и Эдвард. На ней уже не белый, забрызганный кровью мужа туалет, в котором она была в Далласе, а строгий черный английский костюм и черная траурная вуаль. (Убийство мужей на глазах у жен стало воистину американской политической институцией. А ведь такое запрещено даже у итальянской мафии!)

И, наконец, Черный Джек — прекрасный, благородных кровей конь. Он торжественно и величаво шел за пушечным лафетом, на котором слегка вибрировал гроб с телом президента. Траурная попона рвалась из-под седла, возмущенная холодным ветром с Потомака. В такт заданному ритму похоронного кортежа позвякивала сабля, свисавшая с правой стороны седла. И душераздирающая пара пустых сапог, аккуратно вдетых в стремена.

Черный Джек — его давно усыпили — был самой знаменитой лошадью в Соединенных Штатах, хотя он не выиграл ни одного дерби и вообще никогда не принимал участия в скачках. В течение многих лет он принимал участие в совершенно ином — бесчисленных военных похоронах и «перетащил» на Арлингтонское национальное кладбище не одну жертву войн, которые вела Америка. Президент Кеннеди, который, согласно конституции США, был главнокомандующим вооруженными силами, тоже оказался в их числе. Именно так. И для подтверждения этого можно не ждать, когда же наконец Национальный архив на Пенсильвания-авеню в Вашингтоне рассекретит все материалы о вскрытии его тела.

Полумифического и рокового коня прозвали Черным Джеком в честь генерала Джона Першинга по кличке «Черный Джек», командовавшего американским экспедиционным корпусом на европейском театре военных действий в первую мировую. Сейчас имя Першинга носят ядерные ракеты, которые как раз в двадцатую годовщину со дня убийства президента Кеннеди развертываются в Западной Европе. Не только в Америке, не только в Европе, но и во всем мире не найдется достаточно лошадей, чтобы выполнить мрачную миссию Черного Джека, если эти «першинги» заговорят.

13 ноября 1983 г.

Два Вестминстера

Два Вестминстера... Тысячи километров и десятки лет пролегли между ними. Первый — Вестминстерский колледж в небольшом городке Фултон в штате Миссури. Второй — Вестминстерский дворец в столице Великобритании Лондоне. Что сопрягает затрапезную американскую провинцию с блестящим имперским метрополисом? Где общая тема «Миссурийского вальса» и марша шотландских волынщиков?

Тридцать шесть лет назад — 5 марта 1946 года — Уинстон Черчилль произнес в Фултоне знаменитую речь, ставшую впоследствии печально знаменитой, которая прозвучала выстрелом стартового пистолета, возвестившим о начале «холодной войны». (Термин, пущенный в оборот несколько позже Уолтером Липпманом.) Президент США Гарри Трумэн, коренной миссуриец и закоренелый антикоммунист, остался «очень доволен» речью маститого англичанина, как писал сам Черчилль Клементу Эттли, бывшему тогда британским премьером. Еще бы! Ведь Трумэн был не просто слушателем, а соавтором. Черчиллю принадлежало скорее словесное обрамление речи. (Недаром же он стал затем лауреатом Нобелевской премии по литературе!) Кроме того, его «пай» в фултонскую речь состоял в личном авторитете и опыте. (Иное дело, что авторитет был основательно подмочен, а опыт потрачен зря, по-бурбоновски.)

И все-таки «контрольный пакет акций» находился в руках невзрачного миссурийца, вернее, в руках правящих кругов Соединенных Штатов, которые он представлял. (По меткому выражению лондонской «Таймс», фултонская речь была «американским событием».) Именно им надлежало осуществить то, о чем разглагольствовал Черчилль в Вестминстерском колледже. Он месмеризовал аудиторию советской военной угрозой, малевал перед нею апокалиптические картины «железного занавеса», который якобы опустился на европейский континент, разделив его от «Штеттина на Балтике до Триеста на Адриатике», призывал применить силу против «Советов», пока Вашингтон располагает монополией на атомное оружие, трактовал в ультимативном тоне «взаимопонимание с Россией» как нашу безоговорочную капитуляцию и проповедовал обнаженный культ силы.

В свете злобы дня сегодняшнего особый интерес представляет следующий аспект фултонской речи. «Наша старая доктрина равновесия сил является несостоятельной. Мы не можем позволить себе полагаться на незначительный перевес в силах», — говорил Черчилль. Он предупреждал против «шаткого и опасного соотношения сил» и требовал превосходства для «продвижения вперед». Этот пассаж воспринима-

ется словно нынешние инструкции Рейгана и Уайнбергера руководителям американских делегаций на переговорах в Женеве и Вене. Впрочем, не будем забегать вперед.

Из фултонской речи, как из гоголевской, вернее, милитаристской шинели вышли и «доктрина Трумэна», и даллесовская политика «с позиции силы» и балансирования на грани войны со всеми ее оттенками — от «массированного возмездия» через «освобождение» до «отбрасывания» и «сдерживания», а более опосредствованно и такие инструменты этой политики, как Западный союз и НАТО. Прав был соотечественник Черчилля великий драматург Бернард Шоу, сказавший, что речь в Фултоне была равносильна неофициальному объявлению войны Советскому Союзу. Эта речь, говорил Шоу, «закладывала основы предстоящей войны» с целью «разгрома и уничтожения коммунистической России».

В своих мемуарах Трумэн, вспоминая о фултонском выступлении Черчилля, пишет, что он «поручился за эту речь». Поручительство сие было весьма серьезное и опасное. Но вот поручиться за то, как будет развиваться ход событий, ни Трумэн, ни другие его преемники в Белом доме не могли. Это было выше их сил, ибо история не пляшет ни под миссурийский вальс, ни под шотландскую волынку. Ядерная монополия Вашингтона испарилась, «как дым, как утренний туман». Мечты Черчилля «создать кольцо сил — политических, экономических и военных — вокруг района, находящегося под советским контролем... чтобы довести Советский Союз до такого состояния, когда он будет вынужден перестроиться», оказались неосуществимыми. Советский Союз строился, а не «перестраивался» и отпраздновал недавно свое шестидесятилетие в ореоле небывалой мощи, славы, творческой устремленности в коммунистическое будущее. «Бульдог опять упустил свою кость», — как сказал о Черчилле, правда, по иному поводу, Эмрис Хьюз. Упустили «кость» и те, кто поручался за него. А кое-кто и подавился ею...

Прежде чем перенестись из провинциального Вестминстерского колледжа в первопрестольный Вестминстерский дворец, из 1946 года в год 1982, я хотел бы сделать небольшое отступление. Оно мне кажется оправданным потому, что не столько уводит в сторону, сколько помогает нащупать обычно предательски распадающуюся «связь времен».

Выражение — «железный занавес» стало крылатым после фултонской речи. Его даже поспешили объявить «жемчужиной» ораторского искусства Черчилля. Но «жемчужина» эта была не подлинной, а поддельной. И Черчилль в данном случае выступал не в качестве ее ловца-первооткрывателя, а... плагиатора. Как выяснилось, пустил ее в оборот шеф нацистской пропаганды Геббельс в передовой статье газеты «Дас рейх» от 25 февраля 1945 года. «О нацистском происхождении упоминаний, конечно, не делается. Если бы за каждое употребление этих слов западные публицисты и политики платили бы гонорар их подлинному автору, тень Геббельса была бы

теперь самой богатой тенью в аду», — иронически замечал ныне покойный Палм Датт.

Тень Геббельса, несомненно, стала бы еще богаче, если бы ей выплачивали гонорар не только составители речей британских премьеров, но и «спичрайтеры» американских президентов. Вот всего один, но весьма разительный пример. Сравнительно недавно, выступая на очередной пресс-конференции, президент Рейган, пытаясь очернить теорию и практику социализма, обрушил на своих слушателей «десять заповедей» нет, не Моисея, а... Ленина! Выглядели они следующим образом: «Никогда не отвергайте террор как принцип. В политике нет морали, только выгода. Наша тактика — абсолютное недоверие. Обещания, как корка пирога, существуют для того, чтобы их ломать»... и так далее, в том же роде.

На склонах каких библейских гор были найдены эти «заповеди»? Во всяком случае, ни в одном томе ни одного издания Сочинений В. И. Ленина никому обнаружить их не удалось. И это вполне естественно. Нельзя найти то, чего нет. Быть может, «заповеди» померещились ослепленным антикоммунизмом составителям речей президента Рейгана? Тоже нет. Они хотя и ослепленные, но весьма практичные люди. Знают, что делают и почему. И вот недавно известный английский публицист Э. Кук, «облагораживающий» Соединенные Штаты британской культурой — он читает вводные лекции к шедеврам английской драматургии, которые показывают по американскому телевидению, — в своей очередной передаче — «Письма в Америку» на сей раз по всемирной радиослужбе Би-би-си сообщил, что первоисточник «заповедей» — геббельсовский антисоветский памфлет, опубликованный в годы второй мировой войны! Позубоскалив насчет того, что подобный источник так же «сомнителен, как и протоколы Сиона», автор «Писем» в заключение передачи сказал, что «Рональд Рейган — поистине Уинстон Черчилль нашего времени».

И вот тут самое время вернуться к нашему повествованию, которое мы довели до Вестминстерского дворца в Лондоне. Содержание речи, с которой выступил под сенью «матери всех парламентов» в июне прошлого года президент Рейган, хорошо известно и неоднократно комментировалось в иностранной и советской печати. Вестминстерский спич был апофеозом западноевропейского турне президента. «С тех пор как я пожил десять дней во дворцах и замках, обыкновенные отели кажутся мне захудалыми и убогими», — подытожил свои «впечатления» Рейган.

Да, чего-чего, а дворцов и замков и впрямь хватало. Даже с излишком. Был Версаль с его Большим и Малым Трианоном, где американский президент занимал покои, принадлежавшие когда-то королю Луи-Филиппу. Переговоры проходили в Зеркальном зале, и янки при дворе «короля Солнца» многозначительно намекали своим европейским партнерам, что этот зал дважды — после первой и второй мировых войн —

реставрировался на деньги Рокфеллеров. Были сады и дворцы Ватикана, куда Рейгана доставили на вертолете из аэропорта Къиампино, показав ему с птичьего полета водопровод, «сработанный еще рабами Рима», и легендарную Виа Аппиа Антика. Была суровая тишина знаменитой Ватиканской библиотеки, где Рейган, к ужасу своих советников и на радость телевидению, задремал, убаюканный словами папы римского о необходимости уберечь человечество от ядерной войны. Были два прекрасных дворца эпохи Возрождения — Квиринальский и Киджи.

Завтрак в Версале, обед в Риме, ужин в Виндзоре. Американская пресса трубила, что Рейган — первый президент США, имевший честь быть гостем Виндзорского замка, что даже Вудро Вильсон дальше Букингемского дворца не пошел. Верные себе янки — на сей раз при дворе короля Артура — захотели обследовать личные покои королевы и заменить английского виночерпия своим. Более того, на время пребывания Рейгана они нарекли Виндзорский замок «выездным Белым домом». Ах уж эти «виндзорские кумушки»!

В 1215 году король Джон поехал из Виндзорского замка в близлежащий Раннименд, чтобы объявить Великую хартию вольностей. Но президента Рейгана, видимо, больше вдохновил пример его брата — Ричарда, отправлявшегося из Виндзора в крестовые походы. Правда, сам президент отправился не столь далеко — на королевскую галерею еще до одного дворца — Вестминстерского, где в окружении йоменов-бифитеров в тюдоровской униформе и парламентариев в париках и робах-накидках он объявил очередной крестовый поход против коммунизма, против марксизма-ленинизма. И все-таки, несмотря на свой богатейший голливудский опыт, Рейган смотрелся не как Ричард Львиное сердце, а, говоря словами ядовитого комментатора Би-би-си, «как киноактер-ковбой Джон Уэйн в свои нелучшие дни».

Тем не менее и форма, и в особенности содержание речи Рейгана были не уэйновскими, а черчиллевскими. (Хотя, как писала газета «Гардиан», создавалось впечатление, что президентский спич «был написан компьютерами ЦРУ».) Рейган щедро черпал слова и мысли фултонской речи. Не обошел он, разумеется, темы «железного занавеса», внеся в нее «многозначительную» поправку — «От Штеттина на Балтике и до Варны на Черном море...»

Было нечто комичное в том, что человек, стоявший лицом к портрету короля Георга III и спиной к позолоченной скульптуре королевы Елизаветы I, говорил о «тоталитарных силах» социализма и пророчил «свалку истории» марксизму-ленинизму. Более того, он взывал, навязываясь им в духовные братья, к героям варшавского восстания против нацистов, к санкюлотам, штурмовавшим Бастилию, и даже, хотите — верьте, хотите — нет, к вождю восставших римских гладиаторов Спартаку! (Я, видимо, не ошибусь, предположив, что за всю многовековую историю британского парламента имя

Спартака никогда доселе не произносилось под его сводами.)

На какой-то момент Вестминстер был превращен в гигантскую камеру-обскуру, где все — и прошлое, и настоящее, и будущее — было поставлено с ног на голову. Но сеанс массового гипноза не удался. Человечество — не стадо легковерных. Недаром с совсем иным, неожиданным подтекстом прозвучали вопрошающие слова Черчилля, процитированные Рейганом: «За кого же вы нас принимаете?»

Не за героев варшавского восстания, а за вдохновителей начавшегося как раз накануне израильской агрессии в Ливане...

Не за санкюлотов, штурмовавших Бастилию, а за колонизаторов, которые как раз в те дни обагряли кровью Фолклендские острова.

Не за римских гладиаторов во главе со Спартаком, а за душителей латиноамериканских «гладиаторов» в Чили, Сальвадоре, Гондурасе...

Подобно тому как речь Черчилля в Вестминстерском колледже положила начало «холодной войне», речь Рейгана в Вестминстерском дворце ознаменовала начало нового этапа в «психологической войне» империалистических сил против Советского Союза, социалистического содружества, коммунизма. Внешне это выглядело и звучало весьма пристойно и даже благородно — «крепить инфраструктуру демократии». Но в действительности речь шла о расшатывании инфраструктуры стран с неугодным для Вашингтона общественно-политическим строем. После опубликования госдепартаментом США пресловутой «Программы демократии и публичной дипломатии» ни у кого не осталось на сей счет ни малейшего сомнения. Это воистину уникальный документ даже в анналах империализма янки. Столь циничное и одновременно громогласное (публичное?) провозглашение права (произвола?) вмешиваться во внутренние дела других стран, подкупать их печать, профсоюзы, партии, чтобы насаждать в них выгодные и угодные Вашингтону порядки, не имеет, пожалуй, прецедента в истории дипломатии — и публичной, и тайной. Это — глобальная диверсия, попирающая все и всякие нормы международного правопорядка. Здесь вполне уместно напомнить президенту США его же собственные слова из вестминстерской речи: «История показывает нам, насколько опасной может быть власть правительства, когда оно хватает через край»...

Сравнение — не доказательство, говорят французы. Возможно. Но все дело в том, какое сравнение. Так, сравнение двух вестминстерских речей — Черчилля и Рейгана — многое доказывает. И весьма убедительно. В первую очередь оно доказывает, что цели и даже методы американского империализма не изменились за те тридцать шесть лет, которые разделяют эти две речи. Та же неутолимая жажда мирового господства. Та жа неразборчивость в средствах ради его достижения. Та же «советская угроза» в качестве предлога. Те же несбыточные мечты о военном превосходстве в качестве

инструмента. Даже плескание в зловонной геббельсовской луже, и оно то же!

Нет, вопреки врожденному галльскому скепсису, сравнение иногда весьма и весьма веское доказательство! Разве не доказывает сравнение двух вестминстерских речей — Черчилля и Рейгана, — что империализм мало чему научился у истории? А ведь, говоря опять-таки словами господина президента, «самообман перед лицом неприятных фактов — это безумие». А в наш ракетно-ядерный век — самоубийственное безумие. Даже в «фултонское» время, когда Вашингтон владел монополией на атомную бомбу, когда еще не сложилось социалистическое содружество, когда система колониализма еще не развалилась в прах, американский империализм уже не мог вращать колесо истории как ему заблагорассудится. Тем более не под силу это ему сейчас. Недаром редактор английского журнала «Экономист» Эдрю Найт сразу же после вестминстерского шоу Рейгана обратился к составителям его речей с советом «поменьше ссылаться на Черчилля», поскольку, мол, сие «уже не переваривается». А все великие империи, предупреждал еще Наполеон — большой дока по этой части, гибли как раз от несварения желудка...

Следуя совету Найта, я сошлюсь в заключение не на Черчилля, а на другого покойного британского премьера — Гладстона. «Нельзя сражаться с будущим», — предупреждал он. Во всяком случае, победителем из подобного поединка еще никто и никогда не выходил. В том числе и автор фултонской речи.

Здесь есть над чем поразмыслить и автору речи вестминстерской.

1 марта 1983 г.

Европейская ·косточка·

Это было несколько лет назад в Париже. Я осматривал Лувр в сопровождении старого приятеля — бывшего военного, присутствовавшего в свите главнокомандующего французской армии генерала Делатр де Тассиньи на церемонии подписания акта о безоговорочной капитуляции фашистской Германии в Карлхорсте на восточной окраине Берлина.

Как всегда, времени было в обрез, и волей-неволей приходилось бежать галопом по залам музея, задерживаясь лишь перед его «жемчужинами». У статуи Ники Самофракийской инициатором остановки был француз-ветеран.

— Сколько раз я вижу Нику — реальную или в репродукциях, столько же раз мне хочется насадить на ее обезглавленный торс лицо русской регулировщицы, промелькнувшее

перед моими глазами, когда я однажды проезжал по улицам развороченного Берлина в мае 1945 года. Плащ-палатка за плечами девушки развевалась, надуваемая ветром, словно одеяния Ники, напоминающие крылья большой красивой птицы. Девушка стояла лицом к ветру, и майский зефир плотно облеплял ее юбку, подчеркивая стройность молодой, крепкой фигуры. Посмотрите, то же самое и у Ники. Вот только, по замыслу скульптора, это дело рук не ветра, а воды. Недаром пьедесталом Ники был нос корабля.

— Ну, а черты лица?

— Вот это-то самое любопытное. Наши глаза встретились лишь на мгновение, но я успел прочесть во взоре девушки такую радость и гордость победы, что ассоциация с Никой буквально рванулась из подсознания, хотя в самих чертах лица регулировщицы не было ничего греческого. Это был классический славянский тип. Но воображение, взвинченное грандиозностью происходивших вокруг событий, навеки запечатлело в моей памяти гибрид Ники Самофракийской из Лувра и неизвестной русской регулировщицы из Берлина...

Скульптура Ники была изваяна одним из безымянных мастеров родосской школы в честь победы, одержанной в 306 году до нашей эры Деметрием Полиоркетом над флотом Птолемея. «Скульптура» русской регулировщицы не была изваяна в честь победы над гитлеризмом. Она сама ковала эту победу. Ее жезл указывал на Берлин еще с московских улиц, когда из немецких репродукторов доносились экзальтированные слова фюрера: «Солдаты! Перед вами Москва!.. Заставьте ее склониться... Пройдите по ее площадям. Москва — это конец войны, Москва — это отдых...»

Конец войны наступил в Берлине. Жезл русской Ники перебил хребет нацистскому хищнику. И когда прямой как жердь Кейтель, подписывая акт о безоговорочной капитуляции под суровым взглядом маршала Жукова, в славянском лице которого тоже внезапно прорезались мраморные античные черты, начал манипулировать своим фельдмаршальским жезлом, это стало неистребимым, необратимым фактом Истории.

Русская Ника, спасая мир от коричневой чумы, спасла и свою знаменитую тезку—Нику Самофракийскую из парижского Лувра, спасла великую европейскую культуру и цивилизацию от фашистского варварства. Впрочем, тем самым она спасала и себя, плоть от плоти, кровь от крови этой цивилизации. Напомним некоторым тугодумам: русские — самая многочисленная европейская нация. Андре Вюрмсер, восхищенный героизмом жителей города Ленина, говорил: «Культура, искусство, красота... Ленинград не только защитил их, укрывая мешками с песком творения Фальконе — Петра Великого и коней Клодта. Он защитил выставленные в Эрмитаже шедевры Ренуара, Монэ, Матисса, Пикассо. У вас, дети Ленинграда, гораздо больше прав на обладание этими шедеврами, чем у всех коллекционеров, торговцев произведениями

искусства и искусствоведов, вместе взятых... Вы спасли эти шедевры и вместе с бесценными сокровищами Эрмитажа вы спасли сокровища парижского Лувра и флорентийского Уффици. Вы сохранили самую сущность искусства, которое в мире, достойном Человека, делает его жизнь более радостной, являясь единственной роскошью, которую следует уважать. Вы спасли всю человеческую культуру!»

За девятьсот адских дней Ленинградской блокады погибло столько жителей и защитников города на Неве, сколько погибло американцев в ходе всех войн, которые вели Соединенные Штаты за всю свою историю. Я привожу это сравнение не из зависти перед заокеанскими «счастливчиками». Упаси боже. Чем меньше людей приносится в жертву богу войны, тем лучше. Мне хочется подчеркнуть иное — европейские народы особенно близки друг к другу общностью колоссальных испытаний, выпавших на их долю. Достаточно упомянуть о двух мировых войнах, которые вызрели и пробушевали в основном на европейском континенте.

Вот почему, между прочим, луковицы Василия Блаженного находят общий язык с химерами Собора Парижской богоматери, вот почему понимают друг друга с полуслова Исаакий, Кёльнский собор и собор в Реймсе. И вот почему их речь непонятна нью-йоркскому супернебоскребу «Эмпайр стейт билдинг». Культуре многоэтажья еще долго расти до многовековой культуры. Да и дорасти ли?

После прошлогоднего турне по Западной Европе президент Рейган, делясь своими впечатлениями, сказал, что, хотя дворцы в Париже, Риме и Лондоне, в которых он останавливался, великолепны, но вот «туалеты в наших отелях куда лучше». Этот, так сказать, «туалетный» подход характерен для янки не только в области культуры, но и политики. Обозреватель газеты «Вашингтон пост» Лу Кэннон пишет: «Когда президент Рейган в настроении предаться воспоминаниям, он любит рассказывать, как когда-то заключил контракт, выгодный для гильдии киноактеров, во время случайной встречи в туалете с человеком, который вел переговоры от имени другой стороны. Далее автор статьи пишет, что «гений коммуникабельности» хотел бы совершить нечто подобное на переговорах в Женеве и Вене. Да, надо быть янки, чтобы проводить подобные аналогии с городом Жан-Жака Руссо и городом Моцарта. Я уже не говорю о сути дела. Впрочем, стиль — это сам человек, утверждают французы. (Кстати, «нулевые» варианты Вашингтона явно «туалетного» происхождения.)

Ника из Москвы, дошедшая до Берлина, спасла Нику из Греции, стоящую в Париже. Пентагон, звучащий вполне по-гречески, окрестил «Никой» свои ядерные ракеты в Европе. Он дал имена греческих героев и божеств и другим орудиям массового уничтожения. Это не только безвкусица. Это бессознательное выражение пренебрежения к Европе, к ее культуре, ее судьбе. Петр Первый прорубил в Европу окно с помощью торговли. Рейган, сороковой президент США,

намерен законопатить мнимое «окно уязвимости» ракетно-ядерной замазкой. Когда американский империализм раскрывает свой «ядерный зонтик» над Западной Европой, его очертания поразительно напоминают ядерный гриб над Хиросимой.

Приказ о ядерном налете на Хиросиму и Нагасаки был отдан президентом США Гарри Трумэном. В свете этого мне не кажется случайным, что именно он, будучи еще сенатором в первые годы мировой войны, стал автором знаменитой формулы: «Если мы увидим, что выигрывает Германия, то нам следует помогать России, а если выигрывать будет Россия, то нам следует помогать Германии, и, таким образом, пусть они убивают друг друга как можно больше».

Если отвлечься от некоторых «примет времени», эта «доктрина Трумэна», по сути дела, возрождена в еще более грандиозных масштабах нынешними вашингтонскими стратегами. «Довооружение» НАТО, размещение на западноевропейской территории «першингов-2» и крылатых ракет грозит превратить колыбель современной цивилизации в радиоактивное кладбище. Негоже забывать европейцам, что под седыми камнями их континента спят вечным сном десятки миллионов их отцов, «убивавших друг друга как можно больше» не без помощи третьего радующегося из-за океана. Какое дело было сенатору с берегов Миссури, что Волга и Рейн, Дунай и Сена набухали кровью сынов Европы? «Миссурийский вальс» так же далек от симфоний Бетховена и Чайковского, как туалет в отеле «Хилтон» от «Мыслителя» Родена.

А теперь несколько слов о личном. Линдон Джонсон, техасский сенатор, который, подобно миссурийскому, тоже впоследствии стал президентом США, заявил 8 августа 1943 года, что разгром гитлеровских армий под Курском «представляет собой решающую неудачу для Германии», и воздал должное героизму советских воинов. Но вот тот же Джонсон, едва переступив порог Белого дома, возвестил о том, что «когда двадцать лет назад наступил рассвет, он был сумрачным», так как, мол, «над Европой нависла тень советских притязаний».

В великой танковой битве на Курской дуге погиб мой старший брат Борис. Уже после войны мы с отцом отыскали его могилу, перевезли и захоронили урну с его прахом в Тбилиси. У Бориса, как и у всех советских людей, не было никаких притязаний к Западной Европе. Он шел, неся свободу своей Родине и ее европейским соседям, неся свободу Нике Самофракийской, запертой в Лувре парижским гестапо. Он не встретил рассвета Победы, который показался мрачным президенту Джонсону, но который вернул греческой Нике голову с улыбающимся лицом ее русской сестры.

Другой мой брат — Георгий, севастопольский моряк, некоторое время участвовал в конвоировании американских судов, доставлявших нам военное и иное снаряжение. Мы

говорили и говорим за это: спасибо. Но невозможно молиться на ленд-лиз, как на Мону Лизу. И не в «студебеккерах» прикатила Победа в Берлин, не со свиной тушенкой за плечами. Она пришла в кирзовых сапогах советского солдата — самой «модной» обуви весны 1945 года. А за плечами его были разбитые и сожженные города и села, миллионы убитых, взывавших о мщении, сотни миллионов, взывавших о свободе.

Опустошенная войной Европа почудилась Вашингтону Диким Западом, жаждущим «освоения». Пока «джи-ай» (американские солдаты) покупали за пачку сигарет «кэмел» и нейлоновые чулки обитательниц Плас-Пигаль, Сохо и Репербана, монополии занимались оптовыми операциями. Планомерно. По Маршаллу. В ходе этой купли-продажи у Вашингтона выработался комплекс презрения к Европе. Имея дело с проститутками — уличными и политическими, дядюшка Сэм решил, что на старом континенте все возможно. Была бы цена предложена. И вот этой ценой стала сначала независимость Западной Европы, а затем само ее существование. Ведь и для покорения Дикого Запада было необходимо истребить его коренное население — индейцев. Так почему же не сражаться за Европу до последнего европейца, переводя демократию на язык «першингов» и прилаживая крылатые ракеты к «публичной дипломатии»?

Но в Вашингтоне понимают: прежде чем усеять Европу костями, необходимо разгрызть европейскую «косточку» — натравить друг на друга народы Европы — Восточной и Западной, посеять между ними недоверие и вражду. Вот почему за океаном не отмечают День Победы. Там больше в чести Вальпургиева ночь антисоветизма. Оно и понятно: День Победы освежает память, Вальпургиева ночь антисоветизма отшибает ее. Этот День Победы, пропахший порохом, принес Европе свободу. Вальпургиева ночь антисоветизма, пропахшая радиоактивной гарью, несет Европе смерть. А ведь у старушки Европы, несмотря на ее преклонный возраст, способность сравнивать еще далеко не утрачена. Она хорошо знает, кто вывозит ценности ее искусства и кто возвращает их законным владельцам; кто ввозит ракеты и ядерные боеголовки, а кто предлагает навсегда вывезти их на основе подлинного, а не «туалетного» нулевого решения. Как может забыть, например, Дрезден, что американская авиация сровняла его с землей, а Советский Союз спас и вернул ему в целости и сохранности знаменитую галерею и ее красу — «Сикстинскую мадонну» Рафаэля? Как может забыть Мадрид, что Вашингтон и пальцем не пошевелил ради спасения реальной Герники и лишь под отчаянным нажимом мировой общественности нехотя «отписал» Испании «Гернику» Пабло Пикассо?

Европейская «косточка» — покрепче монолита. Я имею в виду подлинное европейское сообщество, а не то, кургузое, карикатурное, вызывающее в памяти не Стендаля, а Спаака, не Рембрандта, а Лунса. Европейская «косточка» — вещь

замечательная, фантастическая. Русский человек, ориентируясь по Бальзаку, Гюго и даже Эжену Сю, свободно бродит по Парижу. Француз или англичанин, читавшие Достоевского, не заблудятся в Ленинграде. Для нас Европа, которую мы освободили сорок лет назад, не театр военных действий, а Париж Тургенева, Рим Гоголя, Лондон Герцена. Американские ядерные стратеги, замышляющие развернуть «першинги-2» и крылатые ракеты в Западной Европе, видимо, запамятовали, что в ее земле лежат наши соотечественники, бежавшие из фашистского плена и примкнувшие к движению Сопротивления. Их пепел, как и пепел моих братьев, стучит в сердце и совесть западноевропейских братьев по оружию, по культуре: не допустить публичного позора братоубийства ради корыстных интересов «публичной дипломатии» Вашингтона!

Вспоминается рассказ моего английского коллеги Негли Фарсона из «Дейли мейл» о встрече с советскими летчиками в годы войны: «Трое из них имели орден Ленина, высшую награду Советского Союза. Они начали задавать самые удивительные вопросы: «Читал ли я Байрона?» «Какой поэт лучше — Байрон или Шелли?» Все оживились, когда мы начали говорить о поэзии. Оказалось, что эти русские летчики знали об английской поэзии больше, чем я когда-либо буду знать. Эти способные люди обнаружили удивительное духовное богатство... Один офицер настаивал на том, что Пушкин более велик, чем Шекспир. Это вызвало споры, продолжавшиеся два дня». Замечу от себя: календарь показывал январь 1942 года!

Вопрос о том, кто более велик — Пушкин или Шекспир, нельзя разрешить ни ограниченной, ни даже тотальной ядерной войной. И не стоит Англии цепляться за «национальные силы ядерного сдерживания», чтобы отстоять приоритет своего гениального драматурга. И Франции также незачем взрывать ядерные бомбы на тихоокеанских островах-атоллах с целью утверждения превосходства Гогена над Малявиным. Мы, европейцы, свои люди, сочтемся. Мы не с Дикого Запада и знаем разницу между древнегреческими атомистами и современными американскими атомщиками, между итальянским Возрождением и пентагоновской мегасмертью.

Когда страны Варшавского Договора обращаются к государствам НАТО с призывом заключить Договор о неприменении военной силы и поддержании отношений мира, то это, помимо всего прочего, призыв ко всем странам Европы, независимо от их социально-политической ориентации, усвоить уроки прошлого и внять голосу разума. «Странная война» не должна перерасти в страшную, а вот наследники Мюнхена должны прекратить свою воркотню об «умиротворении». Американский акцент не к лицу Европе, как не к лицу — отсутствующему — Ники Самофракийской косметические кунштюки Элен Рубинштейн.

Закат Европы не должен материализоваться. Ни по Шпенглеру, ни тем более по Уайнбергеру. В противном случае не

только наш континент, но и весь земной шар станет похожим на гигантский глобус Гитлера, разбитый вдребезги обвалившимися на него потолком и стенами берлинской рейхсканцелярии. Сегодня эта простая и одновременно великая истина все больше, все сильнее, все глубже овладевает помыслами европейцев. Пример тому — рост подписей под петициями мира, начало которым по праву положили советские воины, оставившие свои автографы на стенах поверженного рейхстага. Пример тому — рост антивоенного движения в Европе, в первых рядах которого идет ее будущее — молодежь — Ника Самофракийская из Лувра в обнимку с русской регулировщицей из Берлина.

Тысячелетия не властны над первой. Десятилетия не состарили вторую. Они идут в обнимку по всей Европе — от мыса Нордкин на Севере до мыса Тарифа на Юге, от мыса Рока на Западе до Полярного Урала на Востоке. Нет, они совсем не похожи на дочь финикийского царя Агенора, похищенную Зевсом, хотя она и звалась Европой. Очередное похищение Европы на сей раз олимпийцами с Дикого Запада с ядерными пистолетами за широким ковбойским поясом не должно состояться. Те, кто придумал кощунственный неологизм «Евросима», должны вычеркнуть его из словаря цивилизованных народов, пока народы не вычеркнули их самих из Истории.

...В ночь с 8 на 9 мая 1945 года, а точнее, в 0 часов 43 минуты 9 мая в Карлсхорсте, в двухэтажном здании бывшей столовой немецкого военно-инженерного училища, был подписан акт о безоговорочной капитуляции гитлеровской Германии. Европа лежала в развалинах, враг стоял на коленях, будущее поднималось на ноги.

Люди гадали: каким оно будет? Люди мечтали: пусть оно будет мирным. Но вот тридцать восемь лет спустя вашингтонский «суперъястреб» Юджин Ростоу заявляет, что, оказывается, «мы живем в предвоенное, а не в послевоенное время». А торопыга Уайнбергер, шеф Пентагона, конкретизирует: «Мы должны быть готовы, если нужно, уже сегодня вступить в войну и одновременно готовиться вести бои завтрашнего дня с завтрашним противником». Сами Ростоу и Уайнбергер надеются отсидеться за лазерным щитом, как их предки отсиживались за океанским. По их расчетам, расплачиваться по-прежнему придется Европе. Прямо скажем, недальновидные расчеты: ныне американский ядерный ковбой столь же уязвим, как и цивилизованный европеец.

Но миру, но Европе от этого не легче. Люди тянутся к самосовершенствованию, а не к самоубийству, к братству, а не к братоубийству. Восточная и Западная Европа — не Каин и Авель. Вот почему Ника Самофракийская из Лувра и русская регулировщица из Берлина никогда не уступят фуриям ракетно-ядерной войны.

5 мая 1983 г

Дядюшка Сэм куражится, или Блеск медалей и нищета духа

Сначала о той самой капле воды, в которой отражается океан. В данном конкретном случае — океан шовинизма.

Согласно сценарию голливудского продюсера и режиссера Дэвида Уолпера, которому была поручена аранжировка церемонии открытия XXIII Олимпийских игр в Лос-Анджелесе, орел, являющийся «национальной птицей» — символом Соединенных Штатов, должен был вонзить свои когти в пять переплетенных колец — символ Олимпийских игр. Не в переносном смысле, а на самом деле, реально. В сценарии Уолпера значилось: оркестр играет государственный гимн США, с западной трибуны лос-анджелесского мемориального стадиона «Колизей» взмывает в небо орел, совершает круг над стадионом и опускается на специальный насест, сделанный в форме олимпийских колец. Апофеоз.

Орла для церемонии нашли в заповеднике Патаксент в городке Лорел, штат Мэриленд. Звали его «Бомбардировщик». Тренировки с посадкой на кольца оказались весьма хлопотным предприятием, ибо «Бомбардировщик» за двадцать с лишним лет жизни в заповеднике фактически разучился летать. Дрессировщик — некто Стив Ходди стал кормить птицу «для поощрения» сырым мясом и постепенно восстановил ее летные качества. Но в канун открытия Игр стряслась беда — орел сдох, подхватив какую-то инфекционную болезнь. (Официальная версия гласила, что «Бомбардировщик» умер от стресса. Это звучало много благороднее.) Как быть? Наипервейшая заповедь Голливуда гласит: несмотря ни на что, шоу должно состояться. И оно состоялось. Нашли другого «Бомбардировщика» более современной конструкции, и в день открытия Игр он точно спикировал на олимпийские кольца под аккомпанемент государственного гимна США.

Символика этой истории как на ладони. Правящие круги Соединенных Штатов в лице рейгановской администрации превратили XXIII Олимпийские игры в свой пропагандистский насест. Международное спортивное состязание было низведено до уровня ярмарочной карусели янки. Вместо пяти олимпийских колец в Лос-Анджелесе непререкаемо царили три американских кольца: бизнес, шоу-бизнес и шовинизм.

Как писала в «Нью-Йорк таймс» обозревательница Флора Льюис, «американский «орленок Сэм» (эмблема Игр. — *М. С.*) имеет дерзкий вид, как будто вот-вот откроет клюв и начнет произносить нахальные речи, как утенок Дональд».

Нахальных речей и в канун, и в ходе Олимпийских игр было хоть отбавляй. Правда, они мало чем напоминали в общем-то безобидно-нечленораздельное кряканье утенка Дональда из мультипликационных лент Уолта Диснея. То были крупномасштабные пропагандистские утки Вашингтона, тоже своего рода «Бомбардировщики», сбрасывавшие на головы участников Игр, зрителей, да и всей международной общественности взрывчатку шовинизма, американской «исключительности», назойливого, непрошеного мессианизма и — простите за непроизвольный каламбур — низкопробного высокомерия. Впрочем, ничего иного и нельзя было ожидать от проповедников идеи «Америка юбер аллес». Как сказал поэт: «Из кувшина может вытечь только то, что было в нем». Если эти джентльмены провозглашают XX век веком американизма, то что стоит им прикарманить «сущий пустячок» — XXIII Олимпийские игры?

Да, узурпация Олимпийских игр — не самый тяжкий грех Вашингтона, не самый тяжкий грех общества, которое лишь на основании мании своей исключительности, помноженной на веру в пробивной «ядерный кулак», пытается навязать миру выгодные и угодные ему порядки и нравы, весьма сомнительно корреспондирующие с понятием цивилизованности. Но по какому праву? В том-то и дело, что не по праву, а по отрицанию прав и норм международного общежития.

Выше я упомянул Дэвида Уолпера как постановщика «олимпийской экстраваганцы». В действительности он был лишь мелкой птицей, в компетенцию которого входили орлы, голуби и «птички». (Когда в Лос-Анджелесе обнаружился недостаток по части хорошеньких герлс, дрыгающих ногами, то в качестве пополнения были срочно рекрутированы мастерицы раздевания из игорной столицы США Лас-Вегаса.) Но подлинным постановщиком нечистоплотной, бескрылой, несмотря на орлов, игры вокруг Олимпийских игр был Вашингтон, а не Голливуд. И возглавлял «постановочный коллектив» сам президент Соединенных Штатов Рональд (а не Дональд) Рейган.

Выступая в телепрограмме Эй-би-си незадолго до открытия Игр, президент США неожиданно вспомнил их многовековую историю. «В те давние времена бывало так, что, когда наступал олимпийский год и шла война, войну откладывали ради того, чтобы провести Олимпийские игры», — сказал он. В 1984 олимпийском году все было наоборот. Вашингтон воспользовался Олимпийскими играми, чтобы начать еще невиданную «психологическую войну» против сил мира, прогресса и социализма. Олимпийский дух буквально задохся в шовинистическом угаре, распространявшемся Вашингтоном, олимпийские идеи оказались под пятой бредовой идеи

превосходства «американского образа жизни», а идея всеобщности Игр была похоронена под плитой американской исключительности. Даже такие чисто спортивные понятия, как состязание и победы, трактовались не по-олимпийски, а по-пентагоновски. Словно лос-анджелесский «Колизей» был Колизеем древнеримским, на арене которого бились насмерть гладиаторы. Или, что ближе к нашим дням и явлениям, словно Вашингтон объявил стадионы и бассейны XXIII Олимпийских игр зоной своих «жизненных интересов» и бросил туда не спортсменов, а «силы быстрого развертывания». Впрочем, почему «словно»? В политическом смысле слова так оно и было на самом деле.

Да и не только в политическом. Вспомним хотя бы семнадцать тысяч полицейских и восемь тысяч охранников-«пинкертонов», оснащенных самым современным оружием и самыми совершенными средствами связи. Пентагон предоставил им 80 военных вертолетов, компания «Гудьир» — два дирижабля. Олимпийские деревни напоминают хорошо укрепленные лагеря, обнесенные тремя рядами колючей проволоки помимо внешнего проволочного заграждения. Все пространство между ними простреливалось телевизионными камерами дистанционного управления. Специалисты из Пентагона помогли переоборудовать кафетерий в «Олимпийский центр координации безопасности». Двухэтажное помещение напоминало командный центр Пентагона. Под его крышей расположились представители 37 ведомств, принимавших участие в обеспечении безопасности. Были установлены четыре больших экрана. А в нескольких километрах от «пентагоновского кафетерия» располагался второй бункер — «Оперативный центр по борьбе с терроризмом» под эгидой ФБР. Здесь находились представители разведывательных ведомств, включая ЦРУ и Агентство национальной безопасности. Последние преподнесли олимпийцам свой приз — «Феликса бесстрашного», робота с дистанционным управлением для обезвреживания бомб и вскрытия «подозрительных» чемоданов. Короче, не хватало лишь корпуса морской пехоты и линкора «Нью-Джерси» с его шестнадцатидюймовками.

Любопытная деталь: спортивные делегации враждующих стран, например Индии и Пакистана, Греции и Турции, селили вместе, мол «террористы», пожалев «своих», оставят в покое и других. Какая злая ирония! Вашингтон, проводящий политику «разделяй и властвуй», натравливающий друг на друга целые страны и народы, вдруг заботливо объединил их под одной крышей в одной Олимпийской деревне, правда, обнесенной колючей проволокой. Так дядюшка Сэм, сам того не желая, раскрыл истоки, питающие междоусобицу среди наций, а вместе с ней — и международный терроризм.

Но вернемся к основной теме нашего разговора. Президент Рейган и его советники не настолько наивные люди, чтобы размахивать на миру полотнищем со словами вроде «национализм» и тем более «шовинизм». (Для этого имеются

Американский легион, ку-клукс-клан, «моральное большинство» и прочие «безответственные» ура-патриоты.) Вашингтонский мозговой центр снабдил президента вполне респектабельным на слух, хотя и бессмысленным по существу эрзацем — «новый патриотизм». Как видите, звучит вполне благородно, если не углубляться в дебри. (Разве патриотизм — одежда или модель автомобиля?)

Однако суть дела не в семантике, а в политике. «Новый патриотизм» Рейгана — это слегка оштукатуренный старый, заматерелый шовинизм правящих кругов Америки, которым они, надо отдать им должное, весьма успешно потчуют своего обывателя. Термин «новый патриотизм» Рейган пустил в оборот накануне открытия XXIII Олимпийских игр, напутствуя в Южнокалифорнийском университете олимпийскую команду США. Если изъять из этого напутственного слова Рейгана чисто формальную «спортивную увязку», то оно немедленно превратится в своеобразный гибрид речи военачальника, идущего в поход, и политикана, ведущего предвыборную кампанию. Собственно в этих двух качествах и выступал Рейган. (Призывая аудиторию к «победе», он под конец сказал даже такое: «И если вы позволите мне быть немного самоуверенным, то сделайте это для меня! Да благословит вас бог!»)

В напутствии Рейгана было и такое место. «Когда я недавно был у вас в вашем олимпийском тренировочном центре в Колорадо-Спрингс, вы вручили мне форменный олимпийский тренировочный костюм. Хочу сообщить вам, что я уже тренировался в нем перед встречей с некоторыми членами конгресса». В этих или иных доспехах — сие не столь уж важно — Рейган выколачивает из конгресса новые ассигнования на гонку вооружений, на подрывную деятельность против «строптивых» стран Центральной Америки и других регионов, на ведение «психологической войны» против государств социалистического содружества. В отличие от «патриотизма» эти ассигнования и впрямь новые, хотя преследуют они старые цели Вашингтона — мировую гегемонию.

Тренировочные костюмы... Даже в этой мелочи перекрестились изломы «американского образа жизни». На реальных костюмах американской команды нажилась фирма «Ливай Страусс». (Газета «Ньюсдей» назвала церемонию открытия Олимпийских игр парадом изделий «Ливай Страусс».) На символических — стригли купоны Пентагон и ЦРУ...

У американцев бытует поговорка: «Ура-патриотизм — последнее прибежище подлеца». Мудрая поговорка. Когда подлецу уже нечем оправдывать свои «деяния», он, как утопающий за соломинку, цепляется за самое святое — патриотизм. И, подобно соломинке, подлинный патриотизм ломается в его нечистых руках. Остается шовинистическая труха. Пропагандистской машине Вашингтона удалось посыпать этой трухой беговые дорожки лос-анджелесского «Колизея» и — что еще хуже — припудрить ею мозги многих американцев. В печати подробно сообщалось о той шовинистиче-

ской свистопляске, которая была поднята вокруг XXIII Олимпийских игр американскими средствами массовой информации, в особенности телевидением. (И здесь происходило перекрещение бизнеса и политики.) Я не буду повторяться. Приведу лишь два-три высказывания. Австралийская газета «Файнэшнл ревью»: «Отвратительный, вызывающий тошноту осадок остается от просмотра шовинистических версий происходящего на Лос-Анджелесской олимпиаде». Западногерманская газета «Кёльнер штадтанцайгер»: «Даже у европейских знатоков Америки и приверженцев «американского образа жизни» волосы встают дыбом — волна национализма, захлестнувшая олимпийскую Америку, шокирует. Всемирный праздник спорта словно накрыт звездно-полосатым флагом. То, что об Олимпиаде показывает американское телевидение, скорее похоже на провокационное шоу. Главные актеры в нем — американцы. Роли статистов исполняют иностранные гости». Еще одна западногерманская газета— «Форвертс»: «Олимпиада в Лос-Анджелесе является не чем иным, как оргией национализма... Уже на церемонии открытия стало ясно, что международный характер этих олимпийских соревнований должен отойти на задний план. Америка образца 84-го года желает выставить себя в самом лучшем свете. И поэтому Олимпиада должна стать демонстрацией не столько спортивной, но и в первую очередь экономической и политической мощи США, отличной возможностью провести разнузданное пиршество национализма... В этом чугунке с эмоциями американские политики пытаются сварить свой предвыборный супчик». (Тот еще супчик, с тем еще привкусом!) Подобных высказываний в мировой прессе было больше, чем воздушных шаров над лос-анджелесским «Колизеем».

...На заключительной дистанции почетная роль факелоносцев была поручена Рэферу Джонсону и Джине Хемпхилл. Джонсона, выдающегося десятиборца, знает весь мир. Но кто такая Хемпхилл? Эта девушка — внучка легендарного Джесси Оуэнса, героя Берлинской олимпиады 1936 года, героя не только потому, что он завоевал на ней «кучу» золотых медалей, но в первую очередь потому, что он утер нос Гитлеру и его камарилье, пытавшимся превратить Олимпиаду в столице фашистского рейха в демонстрацию превосходства арийской расы. Представляю, каково было фюреру видеть то и дело на пьедестале почета «неполноценного негра»!

Но каково было Джине Хемпхилл нести факел, неоднократно проданный менялами и преданный фашистами, факел, побывавший в руках ростовщиков и куклуксклановцев?! Внучка Оуэнса, сама того не подозревая, символически сопрягла две Олимпиады — Берлинскую и Лос-Анджелесскую, высветив факелом, который она принесла в «Колизей», их удивительное, хотя и не удивляющее сходство.

Олимпийские игры. Вот где, казалось бы, напрашиваются слова поэта: «Все флаги в гости будут к нам»! Но звездно-

полосатый решил по-иному. В результате вполне целенаправленной подрывной деятельности далеко не гостеприимного хозяина стало невозможным участие в Олимпийских играх Советского Союза, ряда других социалистических стран и некоторых развивающихся государств. Но и те, кто участвовал, не были равноправными олимпийцами. Им отвели незавидную роль статистов, миманса, массовки. И не только на американском телевидении. И не только в чисто спортивном плане. Я имею в виду не просто недобросовестность телеобъективов и необъективность судей, не просто нахальное загребание медалей, что, кстати, было двойным воровством, ибо обесценивались и победы самих американских спортсменов, я имею в виду опять-таки шовинистическую вакханалию, превозношение исключительности Америки. Порою создавалось впечатление, что в Лос-Анджелесе проходили не Олимпийские игры, а проходило подобострастное шествие вассалов, преклоняющих свои флаги перед мессией-триумфатором. Здесь голливудская режиссура Олимпиады как бы отражала вашингтонское представление о Pax Americane — мире по-американски.

Но недаром Голливуд называют «фабрикой снов». Шовинистические сновидения дядюшки Сэма так же далеки от реальности, как римский Колизей от лос-анджелесского. И им свойственно похмельное пробуждение. Предательский и прельщающий блеск золотых медалей опьянил Желтого дьявола. Олимпийский девиз «Citius, altius, fortius» — «Быстрее, выше, сильнее» он вознамерился переиначить на «Америка быстрее, выше и сильнее всех». (Вот почему в памяти всплывает Берлинская олимпиада 1936 года.) Политика диктата, политика «с позиции силы», политика высокомерного пренебрежения к «the rest of the World», то есть «к остальному миру», прорвалась в Лос-Анджелесе гротесковым фонтаном. От этого она приобрела вид фарса, не потеряв, однако, ни капли своего трагического яда. Вашингтон хотел показать в Лос-Анджелесе «товар лицом». Что ж, он достиг этой цели. Соединенные Штаты предстали перед всем миром не в блеске олимпийских медалей, а духовно нищими, не в свете олимпийских факелов, а в отблесках горящих крестов ку-клукс-клана, не Зевсом-олимпийцем, а международным жандармом.

С другой стороны, в нервически взвинченном, доходившем до абсурда эгоцентризме Вашингтона, независимо от воли американских постановщиков олимпийского шоу, сквозила их глубоко запрятанная неуверенность в себе. Комплекс неполноценности проступал оборотной стороной бравады, этакого залихватского «мы все могем». К тому же грешнику всегда страшно, вот он и хорохорится: то особливо суетлив в своем благолепии, то омерзительно разнуздан в своем нахальстве, замешенном на трусости и вине.

Привнесение политики в спорт жестоко отомстило за себя, тем более что это была политика человеконенавистничающего сверхчеловека. Можно было еще пройти мимо уличных

торговцев, напяливших на себя майки с надписью: «К черту Россию!»(хотя и эта деталь говорит о многом). Но уж никак нельзя оставлять без внимания тех джентльменов, которые ради своих корыстных интересов готовы отправить в тартарары всю планету. Факел в их руках не олимпийский, а поджигательский. Вот почему с окончанием золотой лихорадки в Лос-Анджелесе мир по-прежнему лихорадит. Пентагон, лишь на короткое время передавший факел Голливуду, вновь гнет свое «Citius, altius, fortius», а Вашингтон одаряет его такими бюджетами гонки вооружений, по сравнению с которыми все олимпийское золото — медяки в ржавой консервной банке нищего.

«Меня распирает от гордости», — заявил президент Рейган после церемонии открытия Олимпийских игр. Американский империализм распирает от шовинистической спеси, от гегемонистского аппетита, от неутоленной жажды мирового господства. «Все мое», — сказало уолл-стритовское злато и купило Лос-Анджелесскую олимпиаду. «Все возьму», — твердит, как сомнамбула, пентагоновский булат. Но, к счастью для человечества, планета наша — не «Колизей», и «Бомбардировщику» — американскому орлу не ухватить своими когтями ее пять колец-континентов.

12 августа 1984 г.

Августовский дневник

«Проба голоса» с ядерным акцентом

Мировая общественность возбуждена и возмущена. Слова, произнесенные в прошлую субботу президентом Соединенных Штатов Рональдом Рейганом в калифорнийском городке Санта-Барбара, всколыхнули всех, хотя и по-разному. Одни — из президентского окружения — пытаются в поте лица своего замять инцидент, сделать вид, что ничего не произошло. Другие — а их подавляющее большинство — бьют обоснованную тревогу по поводу авантюристического курса Белого дома.

Что же сказал президент США в прошлую субботу? Готовясь к записи своего регулярного радиообращения к стране, Рейган, пробуя голос и микрофон, изволил пошутить. Шутка оказалась не столько с перцем, сколько с пеплом. Радиоактивным. Рейган сказал буквально следующее: «Дорогие американцы! Я рад сообщить вам, что только что подписал закон, навсегда объявляющий Россию вне закона. Бомбежка начнется через пять минут».

«Проба голоса» попала на магнитофонную пленку. И хотя она, естественно, не выскользнула в эфир, но достоянием гласности все-таки стала. Сказанное на ранчо разошлось широкими кругами сначала по Америке, а затем по всему миру. Все старания аппарата Белого дома «отмотать ленту назад» и выдать чудовищное заявление за «безобидную шутку» успеха не имели. С огнем не шутят, и администрация больно обожглась, еще раз представ перед всем миром в качестве поджигателя войны и главного виновника гонки вооружений.

То, что непроизвольно слетело с кончика языка американского президента, не просто образчик «черного юмора» или неуклюжая шутка. Его слова — отшелушенное от пропагандистского камуфляжа кредо американского империализма, кредо наиболее воинственного и безответственного крыла. Аппаратчики Белого дома тщетно напирают на «неофициальный» характер президентской реплики. Допустим. Но разве не был вполне официально объявлен им антикоммунистический «крестовый поход»? Разве не официально было заявлено о намерении «отправить марксизм-ленинизм на пепелище истории»? Или, быть может, его выступление в Вестминстерском дворце — английском парламенте, где были произнесены вышеприведенные слова, одна сплошная шутка? Конечно же, нет. У кого что болит, тот о том и говорит. Вот почему Вашингтон, подобно Пальмерстону, мечтает «поразить на карте» Русь, правда, не «указательным перстом», а ракетно-ядерным оружием.

«Проба голоса»... Ах, если бы так! Однако все дело в том, что американский империализм играет не только голосовыми связками, но и военными мускулами. «Проба голоса» на калифорнийском ранчо лишь эхо агрессивной политики, проводимой Вашингтоном против Советского Союза, других социалистических стран, против народов, ведущих национально-освободительную борьбу, наконец, против всего миролюбивого человечества. В «пробе голоса» на калифорнийском ранчо явно прослушивались взрывы «першингов» на флоридских полигонах и пальба шестнадцатидюймовок линкора «Нью-Джерси» в Ливане, прослушивались террористические взрывы мин в водах, омывающих Никарагуа, и рев бомбардировщиков над Индийским океаном. «Проба голоса» на калифорнийском ранчо была лишь продолжением бряцания оружием, на силу которого уповают проводники политики «с позиции силы».

Комментируя «шутку» Рейгана, американский сенатор Харт подчеркивает ее «пугающую причину». Какую именно? «Возможно, — заявляет сенатор, — именно в такие моменты находят выход его подлинные чувства — а это наиболее пугающая и настораживающая нас возможность». Чувства Рейгана к Советскому Союзу, к социализму и коммунизму хорошо известны. Выражение «империя зла» не было «пробой голоса», а вошло в официальные тексты его речей.

Но опять-таки вопрос стоит и шире и глубже. Дело не просто в чувствах одного человека, пусть даже облеченного президентской властью. Дело в том, что сами эти «чувства», подобно «шуткам», коренятся в политическом курсе современного Вашингтона.

Конечно, президент не подписывал закон, «объявляющий Россию вне закона». Но он подписывает четвертый год подряд астрономические бюджеты гонки вооружений, подписывает такие инструкции своим делегациям в Женеве, Вене, Стокгольме и в других географических точках земли, которые делают невозможным прогресс на ниве ограничения и сокращения оружия массового уничтожения. Недаром его директор Агентства по контролю над вооружениями и разоружению Кеннет Эделман заявил недавно, что «проблема отсутствия соглашения с Советским Союзом о контроле над вооружениями — это по сути дела псевдопроблема». А вот слова генерала Рауни, главного рейгановского советника на переговорах о сокращении стратегических вооружений: «Мы в рейгановской администрации пытались отмежеваться от превращения контроля над вооружениями в стержень нашей внешней политики. В известной степени нам это удалось». Что это — тоже «проба голоса»? Сказанное Рейганом в прошлую субботу в Санта-Барбаре подкреплено военным бюджетом в 313 миллиардов долларов, запрошенных им на 1985 финансовый год, крупнейшим военным бюджетом в истории США, превышающим на 72 процента бюджет 1981 года. Сказанное Рейганом в прошлую субботу в Санта-Барбаре не просто осело на магнитофонную ленту телекомпании Си-эн-эн. Оно вопиет к небу проектами «звездных войн»; оно вгрызается в землю шахтами для МХ; оно уходит под воду «трайдентами».

То, что было понятно и прежде, становится кристально ясным после геростратовски знаменитой «шутки». Я имею в виду монотонное и перманентное «нет», которым встречает Вашингтон все без исключения миролюбивые инициативы СССР, всех стран — участниц Варшавского Договора. Эта бесконечная вереница «нет», наматываемая американской дипломатией на ленту международных отношений, тоже не «проба голоса» и даже не испытание нашего терпения. Идет планомерное и преступное минирование тех внешнеполитических акций, которые способствовали бы упрочению мира и безопасности народов, которые отвели бы от человечества угрозу ядерной катастрофы, гарантировали бы его будущее.

Безответственная «шутка» американского президента, кстати, верящего в «конец света» по библии, сыграла злую шутку с пропагандистской машиной Вашингтона. Рейган, сам того не желая, перечеркнул все ее попытки создать видимость коренных перемен во внешней политике Соединенных Штатов. Одновременно была разбита вдребезги и статуя «нового Рейгана», якобы перевоплотившегося из рыцаря «хо-

лодной войны» в поборника мира. Телекомпания Си-эн-эн не выдает пленки с «шуткой» президента, но если мысленно проиграть ее, то вполне можно услышать слова: «Каким ты был, таким ты и остался».

В этом смысле «прокол», допущенный хозяином Белого дома, помогает рассеять те иллюзии, которые начали заквашиваться кое-где на Западе в отношении истинных намерений Вашингтона. Отклики мировой печати на поджигательский пассаж из Санта-Барбары достаточно красноречиво свидетельствует об этом. Парижская газета «Монд» в статье под заголовком «Неуместное замечание» высказывает предположение, что «шутка» Рейгана является «отражением подавляемого желания». Голландская информационная служба «Телетекст» саркастически подчеркивает: «Хочется надеяться, что свои ракеты Рейган проверяет более тщательно». А вот что пишет западногерманская газета «Вестдойче цайтунг»: «Многие американцы не верят, что это была лишь оговорка. У них пробежала дрожь по спине. Ведь самый влиятельный человек западного мира своим заявлением о бомбардировках, по-видимому, разоблачил свои скрытые желания и настроения». Другая западногерманская газета — «Бремер нахрихтен»: «Еще раз стало ясно, какие последствия могут иметь технические неисправности. Если удалось «случайно» записать пробу перед выступлением на радио, то вполне возможно, что ее также случайно можно было передать в эфир. А тогда уже было бы не случайно, если бы доверчивые радиослушатели поверили в эту зловещую шутку. Если бы американцы услышали по радио, что Россия через пять минут подвергнется бомбардировке, по всей стране, по всей вероятности, началась бы паника. А если учесть скорость, с которой сегодня распространяются вести, стала бы даже возможной мировая катастрофа — ужасная картина, которую уже изображали в утопических фильмах. Американский президент, который не отдает себе отчета в каждом своем слове, говорит ли он в микрофон или нет, олицетворяет собой поэтому недопустимую опасность».

Давайте в заключение еще раз «проиграем» запоздало засекреченную пленку телекомпании Си-эн-эн: «Дорогие американцы! Я рад сообщить вам, что только что подписал закон, навсегда объявляющий Россию вне закона. Бомбежка начнется через пять минут». Эти кощунственные слова уже вошли, вернее, влипли в историю. Стереть их, как стереть пресловутые уотергейтские записи, невозможно. Но, как говорится, нет худа без добра. Пусть и «дорогие американцы», и все человечество хорошо запомнят, как умеют шутить, над чем потешаются в вашингтонских коридорах власти. Пусть запомнят не в качестве образчика ковбойского юмора, а как недвусмысленное предупреждение, диктующее настоятельную необходимость действовать. Решительно и без промедления. На шутки с огнем народы должны ответить повышением бдительности, на «пробу голоса» — возвышением голоса в за-

щиту мира и будущего. Бредовые замыслы поджигателей войны ни в коем случае не должны сойти в жизнь с телевизионной пленки и тем более с конвейера войны.

15 августа 1984 г.

«Шутка» на бис

Внешне могло создаться впечатление, что президент Соединенных Штатов вновь поскользнулся на «эфтом самом месте». В пятницу он принимал в Белом доме представительниц сионистских организаций. Прощаясь с аудиторией, президент, согласно свидетельствам очевидцев, «сказал непринужденно и с широкой улыбкой, что идет на заседание кабинета и поэтому, безусловно, не будет бомбить Россию в течение следующих пяти минут». Нетрудно догадаться, что президент «намекал» на инцидент, имевший место в прошлую субботу, когда он под видом «шутки» сделал провокационное заявление, «пробуя голос» перед микрофонами компании Си-эн-эн.

Это заявление возмутило всю мировую общественность, включая американскую. «Президенты не могут участвовать в подобном шутовстве, — писала, например, «Вашингтон пост». — У нас слишком мрачное отношение к этому вопросу (к ядерной войне). И это было не смешно».

Так почему же президент повторил нешуточную репризу, которая уже столь дорого обошлась и без того основательно подмоченной репутации хозяина Белого дома? Видимо, в его «мозговом центре» решили выбить клин клином. Как известно, шутки, даже самые остроумные, когда их часто повторяют, теряют свою соль и свежесть, становятся затрепанными и затасканными, перестают привлекать внимание. Вот именно этот психологический эффект и решили использовать «мозговики», пытаясь склеить «осколки разбитого вдребезги».

Но операция «Затасканность» успеха не имела, да и не могла иметь. Есть вещи, которым не дано примелькаться от назойливого повторения. Неужели в Вашингтоне кто-то серьезно считает, что, скажем, агрессия против Гренады сделает «более допустимой» агрессию против Никарагуа? Что постоянно негативная реакция на советские предложения, преследующие цели обуздания гонки вооружений, будет вызывать на себя все меньший огонь мировой общественности? Что повторение, правда, в нарастающих масштабах, военных бюджетов Пентагона будет проходить незамеченным? Что после того, как первые «першинги» и крылатые ракеты уже попирают землю Западной Европы, никто не обратит внимания на транспортировку последующих?

Режиссеры операции «Затасканность», лихо путающие человеческое долготерпение с короткой памятью, явно упустили из виду еще одно свойство повторения. Оно — мать учения. Повторяя свою «шутку века» (видимо, каменного) о начале ядерной войны «через пять минут», президент США

не убаюкивает людей, а помимо своей воли открывает глаза тем, кто, хромая в политической орнитологии, все еще принимает американского имперского орла за голубя мира.

15 августа 1984 г.

Извиняются или извиваются!

До надменного американского орла наконец дошло, что слово не воробей, вылетит — не поймаешь. Провокационная антисоветская выходка, допущенная президентом США перед микрофонами компании Си-эн-эн, когда он ошарашил «соотечественников-американцев» вестью о своем намерении объявить «Россию вне закона» и начать ее бомбежку «через пять минут», вызвала гневное возмущение международной общественности, включая американскую. Иначе и быть не могло. В нашем и без того взрывоопасном мире подобные шутки с огнем высекают не смех, а тревогу.

В официальном Вашингтоне сообразили, что президент допустил непростительный пропагандистский промах, дав волю обуревавшим его чувствам и выплеснув наружу то, что должно таиться на самом дне военной кухни Пентагона. Были предприняты поистине гомерические усилия, чтобы замять скандал, локализовать его значение, свести суть дела к «хотя и неуклюжей, но в общем-то невинной шутке», а реакцию на нее изобразить как бурю в стакане воды. Не получилось. Буря оказалась настоящей, «стаканом воды» — вся планета. И выйти сухим из этой воды президенту Соединенных Штатов не удалось. Не сбылись упования аппарата Белого дома и на «тефлоновые» качества своего хозяина. Защитный «тефлон» на сей раз не сработал. Он не смог отразить справедливый гнев, который хлынул мощным потоком сквозь образовавшиеся в нем бреши.

Как тут быть? Здравый смысл, казалось бы, подсказывал: коль скоро не удалось выдать провокацию за шутку, следует хотя бы извиниться за нее, сделав хорошую мину при плохой игре. Но нынче здравый смысл не в чести в Вашингтоне. Там ослеплены имперскими, гегемонистскими видениями, там опьянены культом голого насилия, там отравлены высокомерным чувством собственной непогрешимости и исключительности, там так и рвутся от «пробы голоса» к пробе сил.

И вот на Потомаке приняли «соломоново решение»: извиниться так, чтобы волки были сыты, а овцы... съедены. Для этого было разыграно очередное шоу. Президент принял в Белом доме корреспондентку газеты «Вашингтон пост» Рэдклиф. Беседа шла в русле скорее семейном, чем политическом, — о роли супруги президента — Нэнси в его многотрудной деятельности. (Весьма показательно и то, что интервью было опубликовано в отделе светской хроники газеты, а не на отводимых политическим новостям страницах.) Постановщики шоу явно сделали ставку на сентиментальное отношение

американцев к семейным устоям, на умение Рейгана вести «доверительные беседы». Как бы «случайно» всплыл и вопрос о провокационном заявлении президента. Как пишет «Вашингтон пост», Рейган «несколько сконфуженно» сказал: «Лучше бы я этого не говорил», — а затем отнюдь не сконфуженно обрушился на средства массовой информации, предавшие гласности его слова. «Если бы они не разнесли этого по всему свету, это не разрослось бы до масштабов международного инцидента», — «пожаловался» Рейган.

Итак, извинение обернулось обвинением. «Виновником» оказался инструмент, а не тот, кто им воспользовался. Впрочем, было бы сверхнаивным ожидать чего-нибудь другого. Вспомним хотя бы принятую на днях в Далласе предвыборную платформу республиканской партии. В ней прямо сказано, что «сегодня Америка не приносит извинений за свою внешнюю политику». Коротко и ясно, без успокоительного потрескивания семейного очага. «Потрескивания» в Далласе были совсем иного рода: грубый антисоветизм, открытая враждебность по отношению к миру социализма, злопыхательские измышления в духе рейгановской тирады об «империи зла», потрясание ракетно-ядерной палицей в качестве главного аргумента в международных делах — короче, игра с огнем, причем не с тем, что оживляет домашний очаг, а с тем, что грозит человечеству катастрофой небывалых масштабов.

О том, что провокационная выходка Рейгана в Санта-Барбаре и поджигательская риторика республиканских «суперъястребов» в Далласе дело далеко не шуточное, свидетельствует и содержание недавно рассекреченных документов Пентагона, с которыми как раз в эти дни удалось ознакомиться представителям ассоциации юристов Западного побережья США за контроль над ядерными вооружениями. В них речь идет о «чрезвычайных мерах», разрабатываемых Белым домом и Пентагоном на случай ядерной войны, после развязывания ядерного конфликта. «Чрезвычайные меры» Пентагона четко состыкуются и с предвыборной платформой республиканской партии, и с безответственным антисоветским выпадом Рейгана. Их объединяют преступная безответственность и опасный авантюризм, силовой и конфронтационный подход к сложному комплексу советско-американских отношений, от состояния которых в огромной — если не решающей — степени зависят судьбы нашей планеты.

Серьезная озабоченность и глубокое возмущение международной общественности в связи с провокационной выходкой президента США вызваны в первую очередь и главным образом ее существом. Наигранная сконфуженность перед газетным интервьюером не может замаскировать беспардонную военную истерию, раздуваемую Вашингтоном наряду с гонкой вооружений. «Лучше бы я этого не говорил», — сказал Рейган. Но ведь это опять о словах. «Лучше бы вы этого не делали», — говорят народы Вашингтону, имея

в виду его агрессивный курс, чреватый ракетно-ядерной войной. Однако, поскольку у Вашингтона есть «дела поважнее мира», он позволяет себе сомнительную роскошь несомненно пещерного юмора. И в этом, как в капле воды, отражаются и его моральный облик, и его хищный оскал.

23 августа 1984 г.

А все-таки она вертится!

Триста шестьдесят пять дней вокруг солнца, двадцать четыре часа вокруг своей оси... Крутится, вертится шар голубой. Впрочем, голубым он кажется лишь из космических далей. Вблизи планета наша многоцветна, и на ее социально-политической палитре, к сожалению, голубая краска еще не реальность, а надежда, мечта.

Триста шестьдесят пять дней вокруг солнца, двадцать четыре часа вокруг своей оси... Крутится, вертится шар совсем не голубой в Лэнгли — штаб-квартире Центрального разведывательного управления Соединенных Штатов. Выступая недавно в Чикаго, директор ЦРУ Уильям Кейси поведал своей аудитории — членам Американского легиона, что с «шариком» творятся пренеприятнейшие истории.

— Я поручил нашим картографам начертить карту мира, чтобы выявить, какие страны находятся под влиянием Советов, — говорил «шпион № 1». — Картина получилась страшенная. Красного цвета хоть отбавляй. Когда работа над картой была завершена, выяснилось, что пятьдесят стран окрашены красной краской. А ведь всего лишь десять лет назад, когда я составлял подобную же карту, красных стран на ней было не более сорока...

Чикагская история с политической географией взбудоражила умы. В адрес ЦРУ посыпались вопросы. Дэйл Петерсон, представитель разведупра по делам печати, припертый к стене и выведенный из равновесия, отбивался как мог:

— Никаких деталей, никакой статистики. Обе карты, упомянутые шефом, строго засекречены. Строго засекречено даже распределение оттенков красного цвета, отражающих различные степени советского влияния.

Один из журналистов, присутствовавших на брифинге, иронически осведомился:

— А не находятся ли Соединенные Штаты в числе пятидесяти стран, упомянутых мистером Кейси? Не покрыты ли они если не красным, то хотя бы розовым цветом?

Дэйли Петерсон или не понял иронии, или счел ее неуместной. Проконсультировавшись с засекреченной картой, он

с мажорными нотками в голосе ответил:

— Соединенные Штаты не красные и даже не розовые. На нашей карте они выкрашены в белый цвет...

Пресс-конференция разведчика-оптимиста Петерсона состоялась до того, как миллионы американцев проголосовали за «замораживание», а палата представителей США — против межконтинентальных баллистических ракет MX. Удрученный этим обстоятельством, президент Рейган, шеф Петерсона и шеф его шефа Кейси, во всеуслышание заявил, что все это дело рук коммунистов, «льет воду на их мельницу» и «радует Москву». Президент не шутил. Он сказал, что пришел к подобному выводу после того, как «вник в некоторые из появившихся статей, которые, судя по полученным докладам, действительно основаны на фактах».

Более полутора сотен знамен развеваются перед зданием ООН в Нью-Йорке. Они всех цветов, всех оттенков. В их шелесте звучит голос планеты, человечества. Когда Генеральная Ассамблея голосует за разоружение, за прекращение ядерных испытаний, за неприменение силы в международных отношениях, когда она клеймит южноафриканских расистов и израильских агрессоров, палачей Намибии и Лесото, Сабры и Шатилы, то ее резолюции поддерживают почти в три раза больше государств по сравнению с теми, что окрашены в красную гамму на карте мистера Кейси. Означает ли сие, что планета наша стала сплошь коммунистической? Конечно, нет. Но это означает, что с каждым витком Земли вокруг Солнца и даже вокруг своей оси растет изоляция сил войны и реакции, растет влияние сил мира и прогресса. Не секрет, что такое вращение нашей планеты печалит кое-кого в Вашингтоне. Не секрет и то, что оно радует Москву. Ведь еще Владимир Ильич Ленин говорил, что разоружение — идеал социализма. Но земной шар раскручивает не «рука Москвы», а рука Истории, и надо быть политическим дальтоником, чтобы не разбираться в цветах его карты.

«Остановись, мгновение, ты — прекрасно!» — восклицал гётевский Фауст — дитя и символ нарождавшейся буржуазии, срывавшей с планеты обветшалый камзол феодального абсолютизма. «Остановись, мгновение, ты — ужасно!» — так расшифровывается истерия загнивающей буржуазии, пытающейся заковать планету в ядерные доспехи и цепи неоколониализма.

Наполеону и Фуше не снились те средства разрушения и подавления, которыми обладают Рейган и Кейси, но даже Бонапарт и герцог Отранский, несмотря на их Ватерлоо, выглядели бóльшими оптимистами, чем американские претенденты на мировое господство. Ведь первые еще могли надеяться завоевать шар земной, вторые могут лишь взорвать его, погибнув, подобно библейскому Самсону, под обломками мироздания.

Кажется, у Герберта Уэллса есть рассказ о человеке, остановившем вращение Земли вокруг ее оси. Автор описыва-

ет леденящие кровь циклопические ураганы и океанские наводнения, вызванные этой остановкой. Империализм, подобно уэллсовскому маньяку, тоже кокетничает с идеей «тормознуть» земной шар. Мы знаем, к чему ведет подобное торможение в социально-политическом плане — многомиллионные армии безработных, летящие вверх тормашками валюты и бюджеты, балансы бухгалтерские и экологические, ползучий маккартизм и галопирующая инфляция, развенчанное кейнсианство и разнузданное кейсианство[1], падение нравов и взлет преступности, расизм и человеконенавистничество, по сравнению с которыми даже шерсть неандертальцев кажется на ощупь шелковистой шевелюрой проказников-херувимов. И, наконец, на самой вершине этой пирамиды империалистического Хеопса — ядерный апокалипсис, термоядерный армагеддон.

Бурное развитие техники, неразумно обгоняющей социальное созревание общества, еще больше обнажило моральное одряхление империализма. Роботы и автоматы вытесняют человека, война перестает быть продолжением политики иными средствами. И то, и другое таит в себе угрозу гибели цивилизации, угрозу вращению Земли вокруг своей оси и Солнца. Невольно задаешься вопросом: а не правы ли были боги, наказавшие Прометея за то, что он нарушил «график прогресса» простых смертных? Ведь ускорение вращения Земли не менее опасно, чем его остановка. В оправдание титана-торопыги можно сказать, что он не мог провидеть появление в одном и том же столетии Эйнштейна и Уайнбергера, Бора и Теллера. Чем больших успехов добивается империализм в области науки и техники, тем неуютнее чувствует себя на земле человек и человечество. Уже в одном этом сопряжении — приговор Истории строю отживающему. И сейчас главная задача состоит в том, чтобы мертвый не схватил, не увлек за собой живого.

...Недавно, выступая на ежегодной конференции Ассоциации американских психологов, профессор Гарвардского университета Роджер Фишер изложил весьма оригинальный план предотвращения всеобщей ядерной войны. Он предложил объявить поиск добровольца, который согласился бы, чтобы ему вживили рядом с сердцем капсулу с кодом, приводящим в действие все стратегические ядерные силы Соединенных Штатов. Доброволец со вживленной капсулой и ножом должен неотступно следовать за президентом. Если последний решится начать ядерную войну, то ему придется «собственноручно» убить добровольца ударом ножа в сердце для приведения в действие американской стратегической триады — наземных ракет, подводных лодок и бомбардировщиков.

Спрашивается, зачем прибегать к столь мелодраматической, напоминающей дешевые фильмы ужасов форме, если уже функционирует куда более «цивилизованная» система?

---

[1] Кейси — директор ЦРУ.

Президента США везде — даже в туалет — сопровождает военный адъютант с черным чемоданчиком, нашпигованным роковой кодовой установкой (чемоданчик уже успели окрестить ящиком ядерной Пандоры), приводимой в действие не ножом, а внешне абсолютно безобидной пластиковой карточкой, размером не более игральной карты.

В том-то и дело, поясняет суть своей идеи профессор Фишер, что решения, от которых зависят судьбы сотен миллионов людей, если не всего человечества, принимаются в «психологическом вакууме», со «стерильной дистанции», в тиши Овальной комнаты — президентского кабинета в Белом доме или ситуационной комнаты — подвального помещения, где заседает совет национальной безопасности США. Хозяин этих комнат, продолжает Фишер, может с легким сердцем принять фатальное решение, не отдавая себе отчета в том, что он совершает массовое убийство. «Иное дело, когда перед президентом будет стоять конкретный человек, во плоти и крови, которого ему надлежит убить. Взглянув в глаза добровольцу, президент поймет, что такое смерть, не абстрактная, а реальная, ибо кровь прольется не где-нибудь за тридевять земель, а рядом, на ковер Белого дома». Для вящего эффекта гарвардский профессор предлагает, чтобы орудием убийства был не изящный стилет или кинжал, а грубый мясницкий нож. («Не просто убить, а зарезать».)

Как и следовало ожидать, Белый дом отмахнулся от идеи профессора Фишера, объявив ее «нерациональной». И здесь нельзя не согласиться с его обитателями. Если рассматривать предложение гарвардского психолога не как притчу, а как практический совет, то оно по меньшей мере наивно. Общество насилия, лишающее жизни миллионы людей у себя дома и далеко за его пределами — в Юго-Восточной Азии и на Ближнем Востоке, в Африке и Латинской Америке, хладнокровно готовящее тотальную ядерную войну, вряд ли дрогнет перед перспективой принесения в жертву своим корыстным планам жизни одного-единственного человека. Джентльмены из военно-промышленного комплекса, которые вживили в свой мозг бредовые идеи мирового господства, а в сердце — код наживы, у которых за пазухой не нож, пусть даже мясницкий, а водородная бомба, не прилягут покорно на кушетку психоаналитика. Ведь их цель — положить на обе лопатки мир и прогресс, остановить фаустовское мгновение.

Недавно в программе английской телекомпании «Индепендент телевижн ньюс» выступал господин, лицо которого показалось мне удивительно знакомым. Но я не верил своим глазам, ибо не верил своим ушам. Он поносил фабрикантов оружия как «особенно вероломное и могущественное лобби, не только потому, что конгресс внимательно прислушивается к словам военачальников, не только тех, кто находится и сейчас на военной службе, но особенно адмиралов и генералов в отставке, которые стоят на позициях ярых «ястребов» и которые не несут никакой ответственности, жизнь которых не

будет подвергаться опасности, если начнется война, но которые всегда в своих показаниях упорно настаивают на том, что мы должны произвести колоссальное наращивание своего военного потенциала, наращивание, выходящее за рамки разумного».

Да, я не верил своим глазам, ибо не верил своим ушам. Господин на телеэкране говорил о том, что разоружение «противоречит интересам так называемого военно-промышленного комплекса», что именно этот комплекс является «двигателем гонки вооружений». А когда господин разразился нижеследующей филиппикой, то я совсем растерялся. И было отчего:

— Меня огорчили ложные утверждения военачальников о том, что мы слабы, а русские сильны. Это очень серьезное искажение фактов: мы не уступаем Советскому Союзу, если давать сбалансированную оценку. Почти по всем элементам военной мощи мы так же сильны, как русские. Но для того, чтобы добиться ассигнований в бюджете, получить которые трудно, военачальники всегда склонны говорить так: «Нам это нужно», «У нас нет денег» или «Мы отстаем от Советского Союза, нам нужно больше ракет, кораблей, самолетов, танков, новой электроники, противотанкового оружия» и т. д. ... Зная о том, насколько запутана и раздроблена система, как активны силы, которые готовы склонять нас к непродуманным решениям, и как ошибаются руководители, которые занимают государственные посты, кажется почти чудом то, что нашей стране удается уцелеть...

Человеком, резавшим правду-матку в телевизионный глазок, был не кто иной, как бывший президент Соединенных Штатов Джимми Картер! Да, да, тот самый Картер, который отдал распоряжение о производстве нейтронной бомбы, который навязал странам НАТО планы пресловутого «довооружения», планы развертывания «першингов-2» и крылатых ракет, который санкционировал военную провокацию с целью вызволения американских заложников из Тегерана и был архитектором кэмп-дэвидского сговора, тот самый Картер, наконец, который был автором печально знаменитой президентской директивы, освящающей ведение так называемой ограниченной ядерной войны.

Ах, Джимми, Джимми, где вы были раньше? Почему так поздно осенило вас прозрение? Или, быть может, профессор Фишер вживил вам устройство, заставляющее говорить правду и только правду?

Буквально через несколько дней после телевизионного выступления экс-президента США на голубых экранах Америки возникло лицо нынешнего президента Соединенных Штатов. Рейган говорил из Овальной комнаты. Ковер, застилающий ее пол, был идеально чист Никаких следов крови. Никакого добровольца с вживленным в сердце ядерным кодом. Никакого мясницкого ножа. Вместо них президент манипулировал электронными схемами. Красные линии —

советская военная мощь — угрожающе тянулись к небу. Голубые линии — американская военная мощь — бессильно клонились к земле. Очередной приступ политического дальтонизма? Огнюдь нет. То был очередной трюк с «советским военным превосходством» в качестве предлога для очередного и даже внеочередного витка гонки ядерных вооружений. Объявив весь стратегический арсенал Вашингтона «музейной древностью», президент призвал к его модернизации, разумеется, для того, чтобы «наши дети росли, не испытывая чувства страха», чтобы они «не боялись за свое будущее».

Чьей же заботе поручил Рейган детей Америки, их будущее? Зовут эту новую няньку MX, то есть «Миссайл Экспериментл» («Экспериментальная ракета»). MX — четырехступенчатая межконтинентальная баллистическая ракета, оснащенная разделяющейся головной частью с десятью боеголовками индивидуального наведения (с десятью, поскольку у семи нянек дитя без глаза?). MX имеет длину 71 фут, диаметр 92 дюйма и весит приблизительно 192 тысячи фунтов. Цена сотни таких «нянек» — 26 миллиардов долларов.

Рассказывают, что президенту пришлись по душе все параметры MX, кроме самого названия ракеты, которое, по его словам, «не вдохновляет и не вызывает доверия». (Им не то что детей, но и взрослых можно запугать до смерти.) И вот Национальный совет безопасности США засел за крестины ракетно-ядерной Арины Родионовны. Кто-то предложил назвать ее Фемидой в честь древнегреческой богини правосудия. Министр обороны Уайнбергер склонялся к «Ракете-опекуну», а советник президента Кларк настаивал на «Писмейкере», то есть «Миротворце» (так называют пистолет «Кольт-45», старинный образчик которого, принадлежавший еще деду Кларка, висит на стене офиса его благодарного внука). Последний вариант понравился президенту. Но, поскольку авторское право уже закреплено за кольтом, ракете MX дали несколько видоизмененное имя — «Пискипер», то есть «Страж мира».

В мифологии американизма «Кольту-45» принадлежит особое место. Некоторые историки считают даже, что именно вокруг него сложилась американская нация, что именно его дуло послужило стержнем современных Соединенных Штатов. Это, конечно, парадокс, но доля истины, вернее, лошадиная доза истины в нем, несомненно, присутствует. Во всяком случае, «Кольт-45» — один из главных символов общества насилия. Кое-кому в Вашингтоне конца восьмидесятых годов, видимо, страсть как хочется повторить фокус с «Кольтом» во всепланетном масштабе — сделать его ядерного внука MX стержнем мирового господства США, заложить вокруг него империю янки, Pax Amerikana. (Здесь вновь невольно вспоминаются слова «прозревшего» Джимми Картера об ошибках американских государственных руководителей и о чудом уцелевших Соединенных Штатах.)

Цинизм с крестинами MX лишь щепотка вашингтонского

лицемерия. (Кстати, оно вполне традиционно. Вспомним хотя бы уменьшительные детские имена, которые были даны атомным бомбам, стершим с лица земли Хиросиму и Нагасаки.) Человечество вступает в 1983, а не в 1984 год, пристегнутый к писаниям Джорджа Оруэлла, но Вашингтон уже перещеголял все его фантасмагории, в том числе по части проституирования слова и понятия «мир». Если МХ — страж мира, то кто осмелится назвать его Иоаннов-крестителей поджигателями войны? По словам Рейгана, развертывание МХ в Вайоминге — кратчайший путь к соглашению о сокращении стратегических вооружений в Женеве. «Нам необходимо продолжать работы над ракетой МХ, чтобы иметь надежду на достижение плодотворного прогресса на переговорах в Женеве», — говорилось в письме президента конгрессу. «Ракета «Пискипер» — надлежащая ракета в надлежащее время», — продолжал президент, ибо она служит «достижению общей цели — сохранению мира». Трубадуры от пропаганды не преминули подчеркнуть, что письмо Рейгана имело символическую дату — день очередной годовщины нападения японцев на Перл-Харбор. Но недаром все врут календари. По своей ядерной сути это письмо было датировано днем налета на Хиросиму.

Игра словами... Не слишком ли много внимания мы уделяем ей? Нет, нисколько. Пока пушки не заговорили, психологическая война, борьба за умы — главная форма наступления вашингтонской пропаганды. Недаром в священном писании сказано, что сначала было Слово. И оно тоже — дело. Герберт Сковилл, бывший заместитель директора ЦРУ и бывший помощник директора Агентства по контролю над вооружениями и разоружению, пишет в газете «Нью-Йорк таймс»: «Строительство МХ может лишь увеличить шансы на то, что самая страшная катастрофа в конце концов разразится. Белый дом, должно быть, страдал лунатизмом, когда назвал эту ракету «Пискипер».

Обычно, когда шеф Пентагона Уайнбергер является на Капитолий, его сопровождают четыре-пять советников. В день «продажи» палате представителей ракеты МХ Уайнбергер привел с собой тридцать генералов! То было единственное в своем роде шествие ядерных лунатиков, нечто, напоминавшее ожившую картину Брейгеля «Слепые». Уайнбергер говорил о том, что ему «доставляет удовольствие» презентация «Пискипера», обладающего одновременно «большей смертоносностью и большей живучестью». Особенно его восхищал принцип развертывания МХ, способный якобы вызывать «ракетное братоубийство» нападающей стороны. Ученые и инженеры ставят под сомнение этот принцип, именуемый «компактным базированием». Но меня интересует сейчас не техническая сторона дела. Я вновь о словах. Впервые слово «братоубийство» было применено не к людям, а к ракетам. И как логично, как показательно, что авторами этого неологизма являются господа, планирующие всемирное

ядерное братоубийство народов...

Время — великая тайна. Мы по привычке называем его четвертым измерением, хотя оно первое, самое главное. Оно вездесуще и одновременно неуловимо. Стрелки механических часов стригут его лишь в нашем ограниченном воображении. Электронные часы фиксируют не вечность бытия, быстротечность быта. Наверное, время подтрунивает над нами, когда мы ловко, как нам кажется, делим его на часы и минуты, на дни и годы. Смена лет — условность. Недаром у разных народов разное летосчисление, разные дни встречи Нового года и проводов старого. Но у смены лет помимо календарной условности есть и философская необходимость. С одной стороны, человеку необходимо ощущение того, что он идет вперед, обновляется. С другой стороны, он нуждается в привале, чтобы поразмыслить над пройденным. Недаром в Новый год люди подводят итоги сделанному и строят планы на будущее. Новогодняя пауза, когда стрелки часов сливаются под цифрой «12», — не просто бокал шампанского, а интенсивное сопряжение прошлого и будущего через настоящее.

Год 1982-й не баловал человечество. Он был суровым экзаменатором, а зачастую — даже жестоким. Он не допускал поблажек и не спускал промахов. Он не потакал большим ожиданиям без больших свершений, безжалостно дробя хрестоматийное блюдечко с голубой каемочкой. Да о какой голубой каемочке могла идти речь, когда небо над землей то и дело затягивалось свинцовыми грозовыми тучами. Спросите иранцев и иракцев, ливанцев и палестинцев, сальвадорцев и гондурасцев, жителей Фолклендских островов и многих других, спросите, если вопрос не застрянет у вас в горле комом: какого цвета свинец и смерть? Никто и никогда не видел их лазурными. Об этом денно и нощно пекутся мистер Кейси и ему подобные, на которых мир и прогресс действуют как красная тряпка на быка. (Помните засекреченную карту мира в Лэнгли?)

Время можно ускорять и замедлять. Единственное, что невозможно с ним сделать, так это обратить его вспять. Этот закон непреложен и в физике, и в политике. Но, к сожалению, в вашингтонской администрации нет гераклитов, а Потомак, на котором стоит столица Соединенных Штатов, мало напоминает мифологическую Лету. Иначе разве сидели бы у его берегов в ожидании «краха социализма» безграмотные, хотя и дипломированные пифии? На недавней — декабрьской — сессии совета НАТО его участники дискутировали на тему о том, «насколько близок к краху СССР». Голодной курице все просо снится. Впрочем, здесь это сравнение не совсем подходит. Ведь в данном случае речь идет не о курицах, а о «ястребах», и сидят они на берегах рек вашингтонских, отнюдь не сложа крылья.

Год 1982-й был годом «трубного эмбарго», вылетевшего в трубу. Я умышленно останавливаюсь на этом отнюдь не

самом главном событии уходящего года. Оно важно не столько своим масштабом, сколько моралью. Керзоны, черчилли, чемберлены, гуверы и иже с ними не раз пытались в прошлом душить нас костлявой рукой всевозможных эмбарго. Не вышло! А все-таки она вертится! И в совершенно определенном направлении. Был наш ответ Керзону, был наш ответ Чемберлену, получил наш ответ и Рейган. Вместо «отмены» Советского Союза пришлось отменить эмбарго; вместо краха социализма потерпела очередной крах политика его «сдерживания» и «отбрасывания».

Не могу отказать себе в некотором злорадстве: вашингтонские пифии не просто сели в лужу, они сели в нее, бухнув в колокола и не посмотрев в святцы. Год 1982-й был годом шестидесятилетия образования Союза Советских Социалистических Республик — СССР.

От Большого театра, где заседал I Всесоюзный съезд Советов, принявший Декларацию об образовании СССР, до Кремлевского Дворца съездов, где состоялось торжественное заседание, посвященное шестидесятилетию этого всемирно-исторического события, рукой подать — достаточно пройти Охотный ряд и пересечь Красную или Манежную площади. Но каково было покрыть эту дистанцию во времени! Здесь даже знаменитая квадрига на фронтоне Большого не вывезла бы. Достаточно сказать, что со дня основания СССР общий объем его промышленной продукции вырос в 530 раз! Уже сама по себе эта цифра фантастична. А ведь наша квадрига — локомотив истории — цокала не по глади Охотного ряда, не по отполированной мостовой Красной и Манежной площадей. Говоря словами поэта, мы шли «сквозь револьверный лай». И не только револьверный. Ведь были и «тигры», и «фердинанды», и кое-что похлеще. А все-таки мы выстояли, выдюжили. А все-таки она вертится! И совсем не в том направлении, как это хотелось бы империалистическому доктору Фаустусу.

Образование Советского Союза явилось одним из важнейших переломных моментов в ходе всемирной истории. Вспоминаются пророческие слова «всесоюзного старосты» Михаила Ивановича Калинина, произнесенные в заключении Первого, объединенного съезда советских республик: «Целые тысячелетия прошли с тех пор, как лучшие умы человечества бьются над теоретической проблемой в поисках форм, которые дали бы народам возможность без величайших мук, без взаимной борьбы жить в дружбе и братстве. Только сейчас, в этот сегодняшний день, практически закладывается первый камень в этом направлении».

Первый камень в фундамент нового общества — социализма... Затем стали появляться новые социалистические страны, начал складываться новый тип международных отношений, в основу которых был положен принцип социалистического интернационализма. Ныне содружество социалистических стран — это могучий, здоровый организм, который

играет огромную и благотворную роль в современном мире. И здесь не обходится без «револьверного лая». Вспомним хотя бы события уходящего года — вооруженную агрессию против Афганистана, заговоры против Кубы и Никарагуа, против Эфиопии и Анголы, наконец, попытки взорвать изнутри социалистическую Польшу. Но и здесь у империалистического доктора Фаустуса ничего не выходит. Волны реакции разбиваются о неприступную стену, сложенную из тех камней, о которых говорил М.И. Калинин в памятный декабрьский день 1922 года. А все-таки она вертится!

Вращение Земли вокруг своей оси — не географической, а исторической — очищает ее от скверны колониализма. И здесь опыт нашего государства, разбившего «тюрьму народов» и построившего на ее обломках союз нерушимый республик свободных, вдохновляет, стимулирует освободительную борьбу народов Азии и Африки, Арабского Востока и Латинской Америки. Неоколониальный держиморда, пытающийся реставрировать на пороге третьего тысячелетия «тюрьму народов» в ее американском варианте, под шумок разглагольствований о «руке Москвы» протягивает свою лапу к богатствам недр заморских стран. Буквально накануне Нового года Пентагон объявил о создании нового так называемого Центрального командования «для защиты интересов США от любых военных угроз» в огромном районе, простирающемся от Ближнего Востока через Персидский залив до Индийского океана. Это Центральное командование, которое вступило в действие 1 января, включит в себя и пресловутые силы быстрого развертывания. Ничего себе новогодний подарочек приготовил планете Вашингтон! И все-таки она вертится! Вертится, несмотря на «силы быстрого развертывания», которые тщетно пытаются остановить свертывание шагреневой кожи колониализма.

Каждый шаг на пути укрепления мира давался и дается нелегко, требуя напряженной борьбы против империалистических «ястребов». На пороге смены лет эта борьба еще более обострилась в связи с тем, что на Западе активизировались наиболее воинственные круги, чья классовая ненависть к социализму берет верх над чувством реальности, а подчас и просто над здравым смыслом. Политический курс Вашингтона обострил международную обстановку до крайне опасных пределов, пронзительно напоминающих даллесовскую «грань войны».

Пока фабриканты смерти насыщают планету ракетами и бомбами, их рекламная свора занята высшей формой морального разложения — приучением людей к мысли о приемлемости ядерной войны. Выступая по телевизионному каналу новостей Эй-би-си, глава американского агентства по управлению страной в кризисных ситуациях Луис Гиффрида заявил, что, конечно, ядерная война «повлекла бы за собой страшный хаос, но ее можно было бы проконтролировать... Американские институты в случае тотальной ядерной войны

с Советским Союзом в конечном счете уцелеют. Муравьи в конце концов всегда построят новый муравейник». Легкомыслие этой вашингтонской попрыгуньи стрекозы такого сорта, что о нем нельзя даже сказать: блажен, кто верует. Не для того оторвался человек своими передними конечностями от земли, чтобы вернуться в нее муравьем, не для того стал венцом природы, чтобы пасть жертвой ядерных мутаций.

Страсть к самозакапыванию ныне своеобразный род недуга в некоторых западных столицах. Вспомним хотя бы уже успевшее стать каноническим высказывание заместителя министра обороны США Томаса К. Джонса: «Если всем хватит лопат, то все уцелеют». Лопаты, по словам Джонса, нужны, чтобы вырыть укрытия в земле, которые затем следует ухитриться накрыть парой старых дверей и засыпать сверху слоем земли в три фута. «Главное спасение — это слой земли... Земля — отличная вещь», — проповедует Джонс. Не подумайте, что подобную чушь несет круглый невежда. Джонс заместитель шефа Пентагона по научным исследованиям и разработкам по стратегическим ядерным силам и ядерным силам ТВД. Ему по долгу службы положено все знать. А он прячет голову в песок, как страус, хотя в его кабинете висят фотографии Хиросимы и Нагасаки после атомной бомбардировки. Впрочем, по его же словам, эти фотографии для него — свидетельства не ужасов ядерной войны, а... «живучести японцев».

Земля — отличная вещь. Недаром люди называют ее матерью, кормилицей. Человек возделывает ее, стартует с нее в космические дали. Земля, наконец, наш пока что единственный дом. И люди хотят жить мирно в этом доме. Превращение его в руины, в кладбище противно естеству человека. А лопата мистера Джонса не орудие труда, а шанцевый инструмент гробокопателя.

Страна Советов идет в авангарде человечества, прокладывая новые, неизведанные пути в джунглях цивилизации. Но есть одна область, в которой мы не инициаторы, не первопроходцы. Это — гонка вооружений. Ее хроника свидетельствует — мы только отвечаем, реагируем. Неохотно, вынужденно. Мы совершенно не хотим подобного хода событий и делаем все, чтобы избежать его. Но империализм никак не может расстаться с иллюзией достижения военного превосходства над нами, чтобы поставить нас на колени, а в случае отказа — уничтожить. Вот что пишет на сей счет корреспондент агентства Юнайтед Пресс Интернэшнл Хелен Томас, старейшина репортеров, аккредитованных при Белом доме: «Рейган утвердил директиву по национальной безопасности объемом в восемь страниц, предусматривающую проведение кампании, чтобы добиться внутренних реформ в Советском Союзе и сокращения советской империи. Эту кампанию можно назвать «прессингом по всей площадке» против Советского Союза, использовав баскетбольную терминологию».

В этом пассаже, если не считать «баскетбольной» термино-

логии, нет ничего нового. Когда мир вступал в 1981 год, известный «кремлеолог» Пайпс заявил, что «советским руководителям придется сделать выбор: либо согласиться мирно изменить свою коммунистическую систему, либо вести войну». Мистеру Пайпсу, хотя бы как «кремлеологу», должно быть хорошо известно: мы уже сделали выбор в октябре 1917 года и в декабре 1922 года. И с этого курса нас никакие ядерные баскетболисты не собьют. Ракетный «прессинг по всей площадке»? МХ в Вайоминге, «першинги» и крылатые ракеты в Европе? Ну что ж, мы в долгу не останемся. Если в Вашингтоне действительно верят, что новые системы оружия будут для американцев «козырем» на переговорах, то пусть знают, что эти козыри липовые. Однако политика, основанная на стремлении достичь военного превосходства над Советским Союзом, не только бесперспективна, но и опасна. Она увеличивает угрозу войны, делает мир еще более хрупким.

Земля наша — не баскетбольный мяч, который можно забрасывать в корзину кому угодно и как угодно. На ядерный прессинг поджигателей народы отвечают своим прессингом — борьбой за мир, против гонки вооружений. На днях всю планету облетело обращение «К парламентам, правительствам, политическим партиям и народам мира», принятое от имени двухсот семидесяти миллионов советских людей участниками торжественного заседания в Кремле, посвященного 60-летию образования СССР. В нем говорится, что прочный, надежный, устойчивый мир — это первая и самая настоятельная потребность всех людей, всех народов, всего человечества. Эту потребность излишне искусственно вживлять в сердце человека. Она его естественное состояние. В обращении выражена уверенность, что государства и народы, объединив свои усилия, смогут победить военную угрозу, сохранить и упрочить мир на земле, обеспечить право человека на жизнь. Так сему и быть.

Хозяева, подлинные хозяева Земли — люди. Вот почему она вертится!

2 января 1983 г.

Мир, май, будущее

К приходу весны готовятся все — и природа, и люди. Особенно к приходу мая, когда победа вешних сил уже не вызывает сомнений, когда зима окончательно нокаутирована лопающимися почками, воспетыми в бессмертном стихотворении Генриха Гейне о «прекрасном мае месяце».

К приходу весны готовятся все. Дети учат буквы и цифры

для поступления в школу, девушки шьют новые наряды, земледельцы приступают к посевной. В парках и скверах, тронутых первой, еще нежной — не ядовитой — зеленью, заметно больше влюбленных, больше беременных женщин и бабушек с внуками. Шумят воды, сбросившие ледяное иго, и жаворонки в небе уже подняли трезвон. Весна — праздник обновления, жизни, молодости, и планета наша, несмотря на свой почтенный астрономический возраст, тоже невольно включается в этот праздничный хоровод. Создается впечатление, что и вертится она как-то бодрее и даже быстрее. Ведь недаром в мае светает раньше...

Готовилась к весне и знаменитая американская военная научно-исследовательская фирма «Рэнд корпорейшн» — самый влиятельный «думающий танк»[1] Соединенных Штатов. Учитывая весеннюю «специфику» — молодость, штаб-квартира «Рэнд корпорейшн» в городе Санта-Моника, штат Калифорния, провела на своих чудо-компьютерах изучение вопроса «о возможных последствиях для НАТО смены позиций нового поколения». (Цитирую по «Нью-Йорк таймс».)

О какой «смене позиций» идет речь? О появлении новой моды в одежде, в прическах, в поп-музыке? О новых идолах — кинематографических, телевизионных, эстрадных? И вообще какое дело до всего этого Североатлантическому блоку, у которого и одежда, и прически, и музыка всегда и только военные, как, впрочем, и идолы? А дело, оказывается, есть, и притом настоятельное, неотложное. Видите ли, молодежь Западной Европы все больше отворачивается от американского дядюшки Сэма, как от надоевшей и застоявшейся зимы. Атлантический совет — тоже «думающий танк», занимающийся проблемами отношений между США и Европой и тоже тщательно готовившийся к нынешней весне, следующим образом поясняет суть проблемы: «Нам необходимо навести мосты через тот провал памяти, который появился между европейцами прежних поколений и их детьми». Первые, по мнению Атлантического совета, боготворили Америку, вторые — ниспровергают этого заокеанского идола, ассоциирующегося для них с Вьетнамом и «Уотергейтом». В докладе «Рэнд корпорейшн» говорится, что именно это новое поколение «несет ответственность за появление в прошлом году в Европе антиракетного движения», источник которого «глубоко подозрительное отношение к американской политике и ее мотивам».

Так вот где — в каком «прошлогоднем снегу» — зарыта собака!

Весна 1983 года дала знать о своем приходе не только разливом рек, но и разливом антивоенных маршей, не только прилетом первых ласточек, но и протестами против появления первых крылатых ракет в Западной Европе, против «першингов-2», от которых несет не майским теплом, а пер-

[1] Думающий танк — мозговой трест по-американски.

шением декабрьских морозов. Пожалуй, никогда еще это традиционное весеннее наступление антивоенных сил не было столь мощным и представительным. В Англии оно штурмовало Гринэм-Коммон, где предполагается разместить крылатые ракеты, Олдермастон, где находится исследовательский центр ядерного оружия, и Бергфилд, где стоит завод, производящий ядерные боеголовки. Гринэм-Коммон, Олдермастон, Бергфилд — сельские, буколические пейзажи графства Беркшир, перекрещенные в «ядерную долину», пенились не только молодой зеленью, здесь бушевал гигантский человеческий водоворот.

Высоко поднялись вешние воды антивоенного движения и в Италии. Здесь, вопреки древней и гордой поговорке: «Все пути ведут в Рим», все пути вели в Комизо, небольшой городок на юге Сицилии, где ядерная мафия НАТО приступила к строительству стартовых площадок для 112 американских крылатых ракет в регионе давно заброшенного аэродрома Мальокко. В Комизо, где должна стартовать ядерная смерть, финишируют марши мира. Молодые итальянцы, которых «Атлантический совет» обвиняет в «провале памяти», разбили здесь международный лагерь мира. Натовские деятели, стремясь посеять рознь и сомнения, сорили в Комизо деньгами. В прямом смысле слова. Намекая, что военный бум оплодотворит золотым дождем скупую почву Сицилии. «Сеятелей» изгнали. Тогда власти сожгли лагерь, стерли его с лица земли. Остались одни пепелища. Что ж, в этом была своя логика — дал осечку подкуп, прибегли к насилию. А пепелища лагеря у Комизо — «намек» на радиоактивный пепел, под которым может оказаться погребенной вся Италия, вся Европа, вся планета. Так что натовские власти, сами того не желая, преподали европейской молодежи наглядный урок. Он весьма способствует ликвидации «провала памяти», хотя далеко не в том смысле, как это хотелось бы американским «думающим танкам».

Весна идет. Весне дорогу! Она пенится брюссельскими кружевами, расцветает тюльпанами Голландии. И, естественно, сильнее всего шумит на рейнских берегах. «1983 год не должен стать годом размещения новых американских ядерных ракет средней дальности!» — гласит девиз западногерманских борцов за мир. Сегодня он звучит по всей стране — от дюн Северного моря до предгорий Баварских Альп, от гамбургских верфей до боннского бундестага, куда впервые пробились «зеленые». Один за другим объявляют себя безъядерными зонами города, включая Нюрнберг. И даже третья рота тяжелой полевой артиллерии 31-го батальона бундесвера, расположенная в Люнебурге, объявила свою базу «безъядерной зоной»! Как видим, и у жителей печально знаменитого Нюрнберга, и у молодежи, одетой в военную форму, память функционирует отменно, хотя опять-таки не в соответствии с программами компьютеров «Рэнд корпорейшн».

Безрассудные ядерные маньяки и их «думающие танки» глубоко заблуждаются, считая антивоенное движение уделом Европы и молодежи. Воля к миру, как весна и май, не знает территориальных границ и возрастных пределов. Ей, как любви, все возрасты покорны. Ведь Япония — не Европа, а столетний индус, подписавший протест против превращения острова Диего-Гарсия в ядерный плацдарм, не «мальчик, резвый, кудрявый». В Японии с успехом прошел «День Бикини» в память о том страшном дне, когда 29 лет назад на палубу рыболовецкой шхуны «Фукурю-Мару № 5» выпал радиоактивный пепел, поднятый над тихоокеанским атоллом Бикини после проведенного Пентагоном испытания водородной бомбы. Там, где выпадает подобный пепел, нет места выпадению памяти. Недаром говорят: «Помни о Хиросиме, помни о Нагасаки!» Калифорнийские «думающие танки» могут запамятовать об этом. Могут запамятовать об этом и французские милитаристы, «приветствовавшие» приход весны и мая ядерным взрывом на еще одном тихоокеанском атолле — Муруроа. Но как забыть трагедию своих младших братьев многомиллионному Токио, жители которого выступают за объявление его безъядерной зоной?

Наконец, в самих Соединенных Штатах антивоенное движение «наводит мосты» между поколениями, расами, религиями. И опять же не те «мосты», которые хотели бы перебросить между Америкой и Европой североатлантические саперы от пропаганды. В тот самый день, когда президент Рейган, выступая во флоридском городе Орландо, объявил Советский Союз «центром зла», в Вашингтон нагрянул многотысячный марш мира, участники которого, представлявшие сорок семь штатов из пятидесяти, провозгласили главным злом термоядерную катастрофу.

Весеннее таяние льдов в природе не всегда совпадает с процессами весенних антивоенных наступлений. Я имею в виду движение за замораживание арсеналов ядерного оружия. От него, несмотря на краткое, опознавательное «фриз», все-таки веет весенним теплом. Ведь недаром рыцари «холодной войны», пытающиеся заковать в ее льды всю планету, приходят в неистовство от этого замораживания. С другой стороны, почти вся церковная иерархия Соединенных Штатов, среди которой молодежи «не наблюдается», поддержала своим моральным авторитетом «фриз», дав отнюдь не рейгановское истолкование библейско-вашингтонскому понятию «центра зла».

И тем не менее вопрос о детях, о молодежи возникает с особой силой в предмайские весенние дни. Ибо весна и молодость, когда их слагаешь, дают «в сумме» будущее. Ныне же проблема будущего — это вопрос вопросов, гамлетовское быть или не быть человечеству. Тем более что сейчас на такие думы наводит не череп шута Йорика, а ракетно-ядерное оружие массового уничтожения.

...Выступая с речью на Красной площади 1 мая 1919 года,

Владимир Ильич Ленин сказал, указывая на детей, которые толпились у трибуны: «До сих пор, как о сказке, говорили о том, что увидят дети наши, но теперь, товарищи, вы ясно видите, что заложенное нами здание социалистического общества — не утопия. Еще усерднее будут строить это здание наши дети». Слова Ильича потонули в бурных аплодисментах.

Дети, о которых говорил в мае 1919 года Ленин, победили гитлеровский фашизм и японский милитаризм, построили развитое социалистическое общество и идут сейчас в авангарде всемирной армии мира, став его надежным оплотом. У них за это время тоже родились дети и даже внуки и правнуки. Но ветераны, слушавшие в тот далекий май Ильича, не страдают выпадением памяти. Тем более не свойственно это их потомкам. Между ними нет необходимости наводить мосты. Они надежно спаяны эстафетой мира, созидания.

С тех пор как здание социалистического общества перестало быть утопией, перестала быть утопией и мечта людей о мире без войн. Мечтавшим о нем в прошлом было отчего впадать в уныние, предаваться отчаянию. Как свидетельствует только писаная история нашей цивилизации, за пять с небольшим тысяч лет над землей пробушевало пятнадцать тысяч войн, унесших четыре миллиарда жизней — почти столько, сколько населяют сейчас нашу планету! За все это время на долю мирной жизни пришлось лишь четыреста лет. Невольно вспоминаются строки поэта: «Я с сердцем ни разу до мая не дожили, а в прожитой жизни лишь сотый апрель есть». Неужели и сейчас «сотый апрель» надежд не воплотится в май свершений?

Президент Соединенных Штатов Рональд Рейган, выступая недавно с речью об ассигнованиях на нужды Пентагона, тоже говорил о детях. Не только о новых поколениях ракет, подводных лодок и бомбардировщиков, а о детях как таковых, которым предстоит жить в XXI веке. Он говорил, что полон тревоги за их судьбу. Но «наведение мостов» между ракетами и детьми плохо удалось даже этому голливудскому гроссмейстеру по части красноречия. Комментируя речь президента, сенатор Иноуэй иронически заметил: «А какова судьба сегодняшних детей? Со времени своего прихода к власти президент урезал программы бесплатного питания для детей на 33 процента, а программы образования — на 30 процентов». Да, Пентагон грабит нынешнее поколение молодых американцев, чтобы за счет награбленного поставить под смертельную угрозу существование будущих поколений. Не только американской молодежи, но и всего мира. Джентльмены, пытающиеся «довооружить» Западную Европу к декабрю 1983 года «першингами-2» и крылатыми ракетами, вряд ли заботятся искренне о мае XXI столетия. Их ядерный декабрь — антитеза маю будущего. Одно исключает другое.

...На днях после длительного и постыдного выкручивания рук рейгановская администрация вырвала у сената «добро» на утверждение «суперъястреба» Кеннета Эделмана директором

Агентства по контролю над вооружениями и разоружению. («Пустить козла в огород», — говорят в подобном случае.) Выступая на благодарственной пресс-конференции уже в своем новом качестве, мистер Эделман, которому 36 лет, попытался пошутить: «Некоторые считают, что я сравнительно молод для этого поста. Однако я хотел бы заверить вас, что больше не чувствую себя молодым».

По крайней мере в одном мистер Эделман может быть вполне уверен: молодежь мира, которая в эти весенние майские дни опоясала нашу планету меридианами и параллелями антивоенных маршей, не считает его за своего. Для нее он — человек вчерашнего дня, которому не место не то что в XXI веке, но и в веке нынешнем. Возглавляемое им ведомство, говорит известный комментатор телекомпании Эн-би-си Джон Чэнселлор, «по существу приведено в негодность в тот момент, когда напряженность в отношениях с Советским Союзом возросла, а президент произносит угрожающие речи в духе «звездных войн». Далее Чэнселлор излагает любопытные данные. Оказывается, сейчас на государственной службе США состоит больше людей, занимающихся погибшими в прошлых войнах, чем тех, в задачу которых входит предотвращение будущих войн. Так, Комиссия по американским военным памятникам, в ведение которой входят кладбища, имеет штат в 387 человек, а в штате возглавляемого быстро повзрослевшим молодым человеком Эделманом Агентства по контролю над вооружениями и разоружению числится всего 178 служащих. «Это говорит нам очень много о том времени, в котором мы живем», — меланхолически резюмирует Джон Чэнселлор.

Но подлинная беда в том, дорогой Джон, что сотрудники ведомства Эделмана куда опаснее кладбищенских сторожей. Последние караулят мертвых, первые роют могилу живым, последние строят надгробные памятники, первые разрушают позитивность переговоров в Женеве, последние делают под козырек дню вчерашнему, первые ставят под угрозу день завтрашний. И это действительно говорит о многом, об очень многом...

А теперь вернемся в штаб-квартиру американских «думающих танков», ломающих головы, вернее, компьютеры над тем, чтобы отучить думать молодежь Европы и всего мира. Журнал «Паблик опинион куотерли» публикует статью Уильяма Шнейдера, сотрудника Американского предпринимательского института, автор которой усматривает причины усиления антиамериканских настроений среди западноевропейской молодежи в росте высшего образования в послевоенный период. К аналогичным выводам приходит служба общественного мнения Луиса Харриса, выполнявшая заказ Атлантического института и газеты «Интернэшнл геральд трибюн».

Любопытные выводы: поджигатели ядерной войны видят угрозу своим планам не только в молодежи, но и в знании.

И уж тем более — в молодежи, овладевшей знаниями! Впрочем, справедливости ради заметим, что в антивоенных весенних маршах принимают участие не только люди разных возрастов, но и разных образовательных цензов. Угроза миру, которую несут человечеству заокеанские ядерные крестоносцы, весьма способствует ускорению политического просвещения народов. Они уже и без высшего образования понимают, что 1983 год, объявленный президентом Рейганом «Годом библии», в действительности мыслится им как год «першингов», крылатых ракет и монстров MX. Недаром крест атлантических миссионеров — бомба.

Помните натовских деятелей, которые «сеяли» деньги в сицилийском городишке Комизо? Директор информационного агентства США, личный друг Рейгана еще по голливудским дням Чарльз Уик занимается тем же, но во всеамериканском масштабе. Не довольствуясь бюджетными ассигнованиями, он объявил сбор частных пожертвований для финансирования глобальной операции по промыванию мозгов западноевропейской молодежи. Зачем сеять разумное, доброе, вечное, когда можно и нужно сеять невежество и ненависть?

До последнего времени Вашингтон приписывал рост антивоенного движения в Европе и движения замораживания в Соединенных Штатах «руке Москвы». Сейчас он «обнаружил» новую причину — провал памяти и рост образования молодежи. При всей несуразности этих пропагандистских построений в их фундамент заложена определенная логика. И Москва, и молодежь — символы будущего. А его-то больше всего и страшатся силы вчерашнего дня. Зима недаром злится — прошла ее пора. Но в слепой ненависти к наступающей весне она хотела бы увлечь ее за собой в пропасть ядерным обвалом. «Ястребы» знают, что одна ласточка не делает весны, но вот одна крылатая ракета может спровоцировать всемирную катастрофу. И вот почему девиз антивоенных маршей — мир, а пароль — бдительность.

В отличие от природы приход весны в жизни общества зависит не от вращения светил на небе, а от борьбы народов на земле. Только они способны сказать решительное «нет» фатальной неизбежности войн. Только в ногу с ними идет весна.

Весне дорогу!

Апрель 1983 г.

1984 и «1984»

I

«Телескрин соединял в себе приемник и передатчик. Он улавливал любой звук, едва превышавший самый осторожный шепот: больше того, пока Уинстон находился в поле зрения металлического диска, его могли так же хорошо видеть, как и слышать. Нельзя было, конечно, знать, следят за вами в данную минуту или нет. Можно было только строить разные догадки насчет того, насколько часто и какую сеть индивидуальных аппаратов включает Полиция Мысли. Возможно даже, что за каждым наблюдали постоянно. И, во всяком случае, ваш аппарат мог быть включен когда угодно. Приходилось жить, и по привычке, превратившейся в инстинкт, люди жили, предполагая, что каждый производимый ими звук — подслушивается и любое их движение, если его не скрывает темнота, — пристально наблюдается... Нетрудно придавать лицу бесстрастное выражение, можно при известном усилии контролировать дыхание, но контролировать биение сердца невозможно. А телескрин настолько тонкий аппарат, что способен уловить даже его...»

Телескрин — одно из главных действующих лиц, хотя он сам лицо неодушевленное, романа покойного английского писателя Джорджа Оруэлла «1984». Роман этот появился в 1949 году и завоевал огромную популярность на Западе, сделав взятый наобум год 1984-й своеобразным историческим рубежом — «промежуточным финишем» в глазах и писаниях целого легиона политологов, социологов, футурологов и журналистов. Заглавие романа стало нарицательным понятием даже для людей, не читавших его, а выражение: «Старший Брат охраняет тебя» или: «Большой Брат следит за тобой» вошло в поговорку.

Джордж Оруэлл, ренегат социализма, превратившийся из попутчика прогресса в лазутчика реакции, замыслил свой роман в жанре социально-политической утопии как карикатуру на наш строй на примере лейбористской Англии, «переродившейся» в коммунистическую. Но история сыграла — не могла не сыграть — злую шутку и с автором романа, и с его апологетами. Каждый год — от 1949 до 1984-го, — все явственнее, все убедительнее показывал, что Оруэлл, сам того не желая, сам того не ведая (впрочем, последнее можно и оспорить), нарисовал не карикатуру на социализм и коммунизм, а вполне реалистическую картину современного капитализма — империализма. То, в чем упражнялась изощренная фантазия Оруэлла, стало явью западного мира, и в первую очередь Соединенных Штатов Америки — подлинного, а не вымышленного «центра зла» наших дней.

Любопытное — и символическое! — совпадение: отрывок из романа, процитированный выше, я нашел вынесенным в конденсированной форме в качестве эпиграфа к недавно вышедшей книге Джеймса Бэмфорда «Дворец головоломок». Книга эта посвящена американскому Агентству национальной безопасности (АНБ). Оно известно широкой публике в Соединенных Штатах, а тем более за их пределами куда меньше, чем ЦРУ или ФБР, что по крайней мере несправедливо. Это ведомство по своей технической оснащенности, материальным ресурсам и количеству сотрудников превосходит все аналогичные американские службы, вместе взятые, и является бесспорным фаворитом-претендентом на звание «Старшего», или «Большого Брата», следящего за действиями и контролирующего мысли каждого американца.

Говоря о АНБ, сенатор Фрэнк Чёрч предупреждал: «Его возможности, направленные в любое время против американского народа, не оставят ничего от частной жизни американцев. Да, таковы его возможности следить за всем... Негде будет спрятаться». Чёрч подчеркивал, что «технологические возможности, которые разведывательное сообщество предоставило в распоряжение правительства, могут помочь ему установить тотальную тиранию». Да, именно к этому и идет дело. 1984 год уже на дворе, и оруэлловский телескрин, казавшийся фантастикой в 1949 году, выглядит допотопным монстром по сравнению с новейшими достижениями того, что Бэмфорд называет «технотиранией». Бывший министр юстиции США Ромсей Кларк пишет, что «аудиовизуальное вторжение», практикуемое карательными органами и спецслужбами, «грозит полным перерождением общества, превращением его в питомник, где никто не знает, следят ли за каждым его поступком, подслушивают ли каждое его слово...» То есть реальным перерождением и превращением в мир, созданный фантазией Оруэлла. (Слово «питомник» невольно воскрешает в памяти еще один его роман — «Ферма животных».)

Если другие американские ведомства мерят количество имеющихся у них компьютеров квадратными футами, то АНБ пользуется «аршином акров»! Нигде в США не сыщешь такой концентрации самых совершенных ЭВМ, как в подземных помещениях штаб-квартиры Агентства национальной безопасности. Об объеме их работы свидетельствует хотя бы такая деталь: количество подлежащей уничтожению секретной информации составляет сорок тонн бумаги в день! Объединенные компьютерной пуповиной с ЭВМ Центрального разведывательного управления, Федерального бюро расследований и других «Больших Братьев», эти электронные филеры могут наблюдать и наблюдают буквально за каждым американцем, знают о нем буквально все. От реального телескрина дядюшки Сэма нет укрытия, нет спасения. Он подслушивает твои телефонные разговоры, перлюстрирует твою почту, следит за твоими передвижениями, а главное — за движением твоей мысли.

В книге «Государственные секреты» ее авторы — американцы пишут: «Нельзя доверять ни одному телефону в США. Полиция может проследить даже разговоры из будок платных телефонов-автоматов и немедленно подслушать их. Лучи лазеров, направленные на стекла окон, дают возможность подслушать, о чем говорят в комнате. Из автомобиля с надлежащим оборудованием можно подслушать разговор шепотом, ведущийся в другом автомобиле, едущем впереди. Шпики имеют микрофоны в каблуках своей обуви. В подвалах телефонных станций записывают на магнитофонную ленту сотни разговоров...» Одна только «технотирания», взятая в чистом виде, уже перечеркивает знаменитую четвертую поправку к конституции США, гласящую: «Право народа на охрану личности, жилища, бумаг и имущества — от необоснованных обысков или арестов — не будет нарушаться». Не будет? И это обещают гражданам страны, правительство которой, по данным журнала «Пэрейд», завело на них 6723 различных видов картотек, содержащих 3,9 миллиарда индивидуальных досье, то есть приблизительно по 18 досье на каждого мужчину, женщину и даже ребенка!

Оруэлл писал в «1984», что телескрину и его хозяевам «при всей их изобретательности никогда не научиться читать мысли человека». Здесь он явно оказался лжепророком, явно «недотянул». Дело даже не столько в технической плоскости проблемы — в «детекторах лжи», в ЭВМ, раскодирующих голос, во всевозможных психологических тестах и «сыворотках правды», в десятках и сотнях миллионов отпечатков пальцев и всепроникающих досье. В конце концов вся эта «технотирания» — та же допотопная полицейская дубинка, лишь подтянутая до «уровня века». Главное — не техническая плоскость проблемы, а ее социально-политическая объемность, не тирания роботов, а тирания работодателей (или не дающих ее), контроль над мыслями, осуществляемый в первую очередь низведением мыслящего существа до уровня нерассуждающего производителя и потребителя.

В утопическом обществе, нарисованном Оруэллом в «1984», самую низкую ступень занимают так называемые «пролы» (от слова «пролетариат»). В глазах правителей пролы — «существа низшего порядка, которых, как животных, следует держать в повиновении. Они рождаются, растут на улице, в двенадцать лет идут работать, затем вступают в короткий период расцвета и полового желания, в двадцать лет женятся и выходят замуж, к тридцати годам достигают среднего возраста, а умирают в большинстве случаев около шестидесяти. Тяжелый физический труд, заботы по хозяйству и о детях, мелкие стычки с соседями, фильмы и футбол, пиво, а больше всего азартные игры — вот и весь их умственный горизонт... В Лондоне громадное количество воров, бандитов, проституток, торговцев наркотиками и гангстеров — целое государство преступников в государстве».

Как видим, знакомая картина. И не только по Лондону.

Нет, это не идеал социализма, это быт капитализма. А животное положение «пролов» — его цель. Добиться ее можно лишь в том случае, если стереть грань между человеком и животным, отучить первого мыслить. Капитализму это диктует закон самосохранения, закон выживания. Как говорит сам Оруэлл: «Пока их («пролов») сознание не проснется, они не восстанут».

«Технотирания» — важная, но не единственная форма подавления «пролов». Их надо еще разлагать, чем, собственно, и занято общество насилия. И, наконец, их надо обманывать. Недаром лозунг правителей оруэлловской утопии гласит: «Пролы и животные свободны».

Если собрать воедино все, что пишется на Западе о свободе и демократии, то получатся идеологические отходы, превосходящие компьютерные отходы ЭВМ Агентства национальной безопасности США. Эти писания, хотя и не столь откровенные и циничные, как оруэлловский лозунг, преследуют по существу аналогичную задачу. Свобода для немногих, для избранных обеспечивается животным положением большинства, а для него самого это положение объявляется свободой. В. И. Ленин писал: «Капитал, раз он существует, господствует над всем обществом, и никакая демократическая республика, никакое избирательное право сущности дела не меняют». Более того, «демократическая республика есть наилучшая возможная политическая оболочка капитализма, и потому капитал, овладев... этой наилучшей оболочкой, обосновывает свою власть настолько надежно, настолько верно, что никакая смена ни лиц, ни учреждений, ни партий в буржуазно-демократической республике не колеблет этой власти». Наконец, «буржуазная демократия... всегда остается — и при капитализме не может не оставаться — узкой, урезанной, фальшивой, лицемерной, раем для богатых, ловушкой и обманом для эксплуатируемых, для бедных».

Таковы исходные позиции, которые неминуемо, неотвратимо приводят капитализм к оруэлловскому обществу. Автор «1984», пытаясь опорочить социализм, на деле домыслил в художественных образах то, что в эмбриональном состоянии уже заключалось в капитализме. Возьмем для примера — классического — Соединенные Штаты. Конституция США, провозглашенная более двухсот лет назад, начиналась со слов: «Мы, народ...» Но это были не «пролы». 55 членов конвента, принявшего конституцию, состояли из пятнадцати плантаторов-рабовладельцев, четырнадцати крупных землевладельцев и стольких же финансистов. Остальные были торговцами, промышленниками и судовладельцами.

Нет «пролов» и в нынешнем конгрессе США. Недаром одну из его палат — сенат называют «клубом миллионеров», а популярная в Штатах поговорка гласит: «Конгресс — это самое лучшее из того, что можно купить за деньги». Естественно, подобные подарки делают себе те, кто имеет кучу денег, сравнимую с компьютерными отходами АНБ. «Я верю

в разделение труда, — говорил сенатор Пенроуз. — Вы посылаете нас в конгресс. Мы принимаем законы, которые дают вам возможность делать деньги. Из полученных прибылей вы вносите новые вклады в наши избирательные фонды, чтобы опять направить нас в конгресс для принятия законов, которые позволят вам делать еще больше денег». Это не из сатирической утопии Оруэлла. Пенроуз не персонаж романа «1984». Он действительно был членом сената США. Кстати, високосный 1984 год — год очередных президентских и парламентских выборов за океаном. Уже сейчас на дальних подступах к ним ясно, что они будут наиболее дорогостоящими выборами в американской истории с «призами» в несколько десятков, если не сотен миллионов долларов. «Пролы», разумеется, «свободны» участвовать в этих скачках с непреодолимыми для них препятствиями...

«Пролы и животные свободны...» Невольно вспоминается несколько пошловатый анекдот о некоей даме, не желавшей выходить замуж за гориллу лишь потому, что у нее нет денег. Оруэлл, как всякий стандартный ренегат социализма, отчаянно пытался развести причинно-следственные мосты между властью денег и демократическими свободами. Но как художник — воздадим кесарево кесарю — весьма незаурядный, он то и дело наводил эти мосты. Общество, нарисованное им в «1984», социальный слоеный пирог, на самом дне которого «пролы». И хотя автор подает его под, так сказать, партийноиерархическим соусом, вкус пирога от этого нисколько не меняется.

Недаром неоконсерваторы, как ныне величают себя «перековавшиеся» леваки и либералы всех мастей — от ультракрасных до пастельно-розовых, — никак не могут простить Оруэллу, ставшему во всем остальном их знаменосцем, что он, «подарив» свободу капитализму, «оставил» за социализмом равенство, ну, «хотя бы» в экономической области. Так, один из столпов американского неоконсерватизма, редактор журнала «Комментари» Нормон Подхорец, процитировав слова Оруэлла о том, что «капитализм, вероятно, обречен, поскольку он «ведет к очередям безработных, крахам на бирже и войне», с явным сожалением и даже неудовольствием присовокупляет: «Нет ничего более трудного для интеллектуалов в наш век, чем полный отказ от социализма». Не смог сделать этого даже Оруэлл, продолжает Подхорец, «хотя он и гордился своей силой смотреть в лицо неприятным фактам».

Здесь не место вдаваться в дебри вопроса о том, сколько социалистического «осталось» в Оруэлле. (Он умер в 1950 году сорока шести лет от роду.) Я остановился на высказывании Подхореца лишь потому, что оно содержит, во-первых, признание гигантского влияния идей социализма на интеллектуальную элиту Запада, а во-вторых, — «слабинки» Оруэлла. (Меня нисколько не удивило бы, если бы «детектор лжи» или телескрин «Большого Брата», вернее, дядюшки Сэма поставил Оруэллу, несмотря на его, казалось бы, животный, патологи-

ческий антикоммунизм, «неуд» по идеологическому поведению.)

«Сила смотреть в лицо неприятным фактам» — в данном конкретном случае видение художника, то и дело прорывающее им же самим воздвигнутую антисоциалистическую плотину и таким образом объективно подрывающее фундамент лживого капиталистического катехизиса, — как раз и является источником парадоксальной на первый взгляд метаморфозы, которую претерпевает «1984». Пасквиль на мир социализма превращается в «натурную съемку» капитализма.

«Факты, — говорил Владимир Ильич, — если взять их в их **целом, в их связи**, не только «упрямая», но и безусловно доказательная вещь». И вот эта упрямая и безусловная доказательность фактов, говоря ленинскими же словами, свидетельствует, что «в обществе, основанном на власти денег, в обществе, где нищенствуют массы трудящихся и тунеядствуют горстки богачей, не может быть «свободы» реальной и действительной».

Соединенные Штаты эпохи «имперского президентства» Рональда Рейгана — наиболее разительный тому пример. Возврат к первоначально дикой нахрапистости капитала, беззастенчивый демонтаж и без того худосочного социального законодательства, блеск злата и треск рубищ все реже обставляются фортификацией медоточивой демагогии. Как сказал сам Рейган, правда, по несколько иному поводу: «Если вы пытаетесь мешать соль с сахаром, то у вас не будет ни хорошей соли, ни хорошего сахара». В мире капитала «сладкая жизнь» немногих оплачена тем, что большинство общества возвращается несолоно хлебавши с пира «всеобщего благоденствия».

Год 1984-й только-только начался, он еще девствен, он еще не успел обрасти грехами статистики. Но вот несколько цифр за прошлые годы, которые не обессмертил Оруэлл, но которые тем не менее неплохо подоил «Большой Брат». В руках 350 промышленных монополий, составлявших всего 0,002 процента компаний капиталистического мира, находилось около 70 процентов всех активов и прибылей, и гнули на них спины две трети всей рабочей силы, то есть, по-оруэлловски, «пролов». В самих США ничтожная — 0,3 процента — доля населения владела 22 процентами богатств страны, а на счету 60 процентов граждан было всего лишь 7,5 процента этих богатств. В Англии, на родине Оруэлла, верхушка айсберга общества — 4 процента — обладала 28,1 процента личного богатства населения страны. За этими стерильно выглядящими процентами стоит тотальный грабеж, не менее тотальный, чем слежка, стоят десятки миллионов безработных и бездомных, голодных и холодных «пролов», балансирующих на грани нищеты и сваливающихся в ее пропасть, лишенных всех и всяческих свобод, ибо, «как подтверждает история, когда гражданин теряет экономическую свободу, он вместе с ней теряет и свободу политическую». Автор этого

умозаключения не социалист и даже не Оруэлл, а председатель совета директоров крупнейшего банка Соединенных Штатов Америки «Ферст нэшнл сити бэнк» Уолтер Ристон, отнявший у самого Дэвида Рокфеллера титул «Мистера Истеблишмент», то есть человек, которого даже Норман Подхорец, даже телескрин и «детектор лжи» не могут заподозрить в «подрывном инакомыслии».

Что же касается «всеобщего благоденствия», то о нем можно сказать словами незатейливой песенки, которая преследовала несчастных героев «1984»:

То была лишь мечта безнадежная,
Промелькнувшая ранней весной.

Мечта — для большинства, орудие обмана — для меньшинства...

Когда испаряется приторная и мутная влага социальной демагогии, то оказывается, что сахар и соль так и остались на разных полюсах. Нерастворенными и тем более неперемешанными.

II

Джордж Оруэлл обогатил английский язык словом «Newspeak». На русский оно переводится как «Новоречь». Что такое «Новоречь»? Вместо ответа приведем некоторые примеры из «1984». На фронтоне здания, в котором работал герой романа, висели лозунги:

Война — это мир
Свобода — это рабство
Невежество — это сила

В оруэлловской утопии делами войны ведало Министерство мира, заплечными делами — Министерство любви, а распространением лжи, разумеется, и вы уже, конечно, догадались, Министерство правды. «Новоречь» была формой философии двоемыслия, отрицавшей объективную действительность и «почитавшей ересь из ересей за здравый смысл». Ключевым словом «Новоречи» было «черно-белый», содержавшее два взаимоисключающих понятия. Оно «означало привычку нагло, вопреки фактам, настаивать на том, что черное — бело».

А теперь еще одна цитата. Не из романа Оруэлла, а из доклада специальной юбилейной комиссии, созданной для организации празднования 200-летия Соединенных Штатов: «При всем нашем богатстве и влиянии что-то сделано не так. Мы жаждем мира, однако находимся в состоянии войны. Мы верим в справедливость и равенство, однако в нашей стране существуют зло и несправедливость. Мы благоговеем перед данной нам богом природой, однако допускаем ее

загрязнение. Мы верим в братство людей, однако улицы стали ареной беспорядков... Может ли наше общество действительно добиться равных возможностей и полных гражданских прав для всех и посвятит ли оно себя этой задаче?»

Более недвусмысленное признание политики двоемыслия, прикрытой фиговым листом «Новоречи», трудно себе и вообразить!

Почти год назад, выступая по радио в связи с очередным днем рождения Авраама Линкольна, президент Рейган сказал: «Как-то мне говорили, что если смотреть на памятник Линкольну в посвященном ему мемориале с одной стороны, то увидишь профиль человека, для которого характерны сила и мудрость, а если смотреть на него с другой стороны, то увидишь профиль человека, для которого особенно характерно чувство сострадания. Я смотрел на него именно так, и это действительно правда. Он научил нас по-настоящему понимать значение слов «Мы, народ...» Он заставил нас понять, что ни один человек не может управлять другим человеком без его согласия. Он был верен своему девизу: «Я не обязан побеждать, но я обязан быть честным».

Вот вам еще один классический образчик «Новоречи»! Современные правители Соединенных Штатов в отличие от Линкольна не **двулики, а двуличны**. На одной стороне их лица красуется полумаска «Мы, народ...» Другая, обнаженная, чванливо объявляет: «Мы, монополии... Мы, военно-промышленный комплекс...» Одной стороной рта они шамкают о правах человека, другой вопиют: «Ату его!» Они навязывают свое иго не только отдельным личностям, не спросся их согласия, но и целым государствам. Последние примеры тому — Гренада и Ливан, «першингизация» Западной Европы. Они мечтают о мировом господстве, мечтают не о честности, а о победе в ракетно-ядерной войне. Если сжать афористически философию этих двуликих янусов империализма, то мы получим все те же оруэлловские лозунги:

Война — это мир
Свобода — это рабство
Невежество — это сила

Я нисколько не преувеличиваю. Не только по существу, но даже по форме. Так, девиз американских стратегических ВВС гласит: «Мир — наша профессия»; радиодиверсионные центры Вашингтона именуют себя «Свободой» и «Свободной Европой»; а президент Соединенных Штатов верит в библейские мифы. (Кстати о невежестве. Один из правителей оруэлловской утопии восклицает: «Ну, что там звезды! Огоньки, мерцающие в нескольких километрах от Земли. Стоит нам пожелать, и мы доберемся до них. Или потушим. Центр мироздания — Земля. Солнце и звезды вращаются вокруг нее... Вы видели останки мамонтов, мастодонтов, гигантских рептилий? Конечно, нет. Все это выдумки биоло-

гов девятнадцатого века». Ну, как тут не вспомнить «обезьяньи процессы» в США! Не только в 20-х годах, но и в конце 70-х. Как тут не вспомнить президента Рейгана, отказывающегося верить в динозавров, ибо их существование противоречит библейской космогонии?! Вот вам еще одно, хотя и частное, доказательство того, что Оруэлл был невольным самострелом — метил в одних, попал в других. В своих.

В августе прошлого года в один и тот же день в Соединенных Штатах произошли два события. В Вашингтоне, как раз у памятника Линкольну, о котором говорил Рейган, состоялся грандиозный митинг участников похода в честь 20-летия марша на столицу Мартина Лютера Кинга, требовавшего равных прав для негров. В Сиэтле открылся съезд реакционной, милитаристской организации Американский легион. Президент, находившийся на отдыхе, решил прервать его и выступить с речью, догадайтесь, перед кем? Впрочем, здесь особой догадливости не требуется. Как писал Джеймс Рестон в «Нью-Йорк таймс», «президент чувствует себя гораздо уютнее со старыми солдатами» и, добавим от себя, с новейшим оружием. Да, Рейган полетел в Сиэтл, забыв о Линкольне, о двух сторонах его профиля, о его понимании слов «Мы, народ...» и о его жизненном девизе. А ведь в тот день у памятника Линкольну собрались не только «цветные» Америки, но представители всех слоев населения страны, требовавшие не войны, а мира; не рабства, а свободы; не невежества, а образования. Но Рейгану было уютнее со старой гвардией империализма янки.

Речь, вернее, «Новоречь» президента в Сиэтле перед Американским легионом была словно написана под диктовку Оруэлла. Вот всего лишь несколько примеров, имеющих самое непосредственное, животрепещущее касательство к злобе сегодняшнего дня. Президент говорил, обращаясь к легионерам: «На вашем бостонском съезде в 1980 году я торжественно пообещал добиваться соглашений о сокращении вооружений... Мы сдержали и это обещание». Неужели президент исходил из того, что весь мир оглох от контузий, полученных в прошлых войнах? Конечно, нет. Он просто пользовался «Новоречью». Ведь «нулевое», «промежуточное» и прочие предлагавшиеся им решения были решениями-оборотнями, как «двойное» решение НАТО — плодом двоемыслия философии агрессии и гонки вооружений. Президент говорил, поглядывая на суфлерскую будку, в которой сидела, ухмыляясь, тень Оруэлла:

— В этом двойном подходе нет никакого противоречия, несмотря на то, в чем хотели бы убедить вас некоторые критики в Вашингтоне. (Намек на митинг у памятника Линкольну.) Возрождение впечатляющего потенциала сдерживания и поиски реального сокращения вооружений и реальной стабильности — это две стороны одной медали, на которой вычеканено: «Мир и безопасность». (Помните девиз американских стратегических ВВС?) Наши усилия направлены на поддержа-

ние мира, и этим сказано все. Мы не стремимся к гонке вооружений. В действительности мы стремимся обратить вспять тенденции, вызвавшие эту гонку...

На языке вашингтонской «Новоречи» провал женевских переговоров — это их успех. Такова логика двоемыслия. Недаром гонка вооружений объявляется «реальным сокращением вооружений». Недаром подобная политика проводится под девизом, с абсолютной точностью скалькированным с оруэлловского «1984». Я имею в виду формулу: «Сокращение через наращивание». Ни дать ни взять, чистой воды Джордж Оруэлл!

Но шедевр «Новоречи», ее кульминация были еще впереди. Рейган достиг их, когда провозгласил:

— Мир — прекрасное слово, но его используют слишком вольно, иногда даже злоупотребляют им. Как я уже говорил, мир — не политика, а цель. Те, кто не понимает этого, вредят сами себе. Невилл Чемберлен в 30-е годы мыслил себе мир как расплывчатую политику, и в результате приблизил нас ко второй мировой войне. Сегодняшнее так называемое «движение за мир» при всей своей современной пышной риторике и театральности допускает все ту же старую ошибку. Участники этого движения склонны бороться за мир, ослабляя тех, кто свободен. Это просто абсурд.

И, наконец, апофеоз:

— Мое сердце — с теми, кто участвует в манифестациях за мир. Я шел бы во главе таких манифестаций, если бы думал, что они действительно служат делу мира. Но участники подлинного движения за мир, настоящие миротворцы — это люди вроде вас. Вы понимаете, что мир должен основываться на силе...

Итак, Американский легион — подлинное движение за мир, а борцы за мир — этакое скопище чемберленов. Нет, не народы злоупотребляют прекрасным словом «мир», а это вы, мистер президент, злоупотребляете отнюдь не прекрасной «Новоречью», ставя все понятия вверх ногами, выдавая черное за белое и наоборот!

...Несколько лет назад, осматривая штаб-квартиру ФБР в Вашингтоне, слава богу, в качестве туриста, я увидел огромный плакат, на котором в угрожающей позе был изображен советский солдат в гигантской меховой шапке и с автоматом наперевес. Плакат выполнял неблаговидную функцию пугала. За годы работы в Соединенных Штатах я вдоволь насмотрелся этих пугал в печати, кино, на телевидении. Встретил я нечто подобное и на страницах оруэлловского «1984»: «Внезапно по всему Лондону был расклеен новый плакат. Никакой надписи на нем не было — он просто изображал идущего вперед звероподобного евразийского солдата, ростом в три или четыре метра, в громадных сапогах и с прижатым к бедру автоматом. Под каким бы углом вы ни смотрели на него, непомерно увеличенное передним планом дуло автомата было уставлено прямо на вас. Плакат был наклеен на каж-

дой стене, всюду, где еще имелось свободное место...»

Не знаю, кто первоисточник этого омерзительного творения: то ли ФБР прочло о нем у Оруэлла, то ли он подглядел его у ФБР. Скорее всего последнее. Ведь целью писателя были мы, а натурой — они. Назначение плакатов — и фэбээровских, и оруэлловских — вызывать ненависть. В утопическом мире «1984» культивация ненависти возведена одновременно и в науку, и в искусство. В учреждениях проводятся ежедневно так называемые «двухминутки ненависти». На экранах телескринов крутят «бесконечные колонны евразийских солдат», вид которых «превращает ненависть в исступление», в «отвратительный экстаз страха и мести, желание убивать, мучить, сокрушать кузнечным молотом чьи-то черепа». Это только на двухминутках. Но есть еще и «недели ненависти» — ее апофеоз. Невольно вспоминается свистопляска, поднятая на Западе в связи со шпионско-провокационным полетом южнокорейского «Боинга-747». Впрочем, то была даже не «неделя ненависти». Говоря словами моего известинского коллеги С. Кондрашова, это был — «месячник ненависти».

В реальном — похуже оруэлловского — мире империализма двухминутки, недели и месячники ненависти сливаются в один сплошной, непрерывный поток антисоветчины, антикоммунизма. Нас объявляют «центром зла», «империей зла», агрессором, аморальным и безбожным погубителем цивилизации и гонителем свобод. Этот мутный поток низвергается с телескринов и наводняет эфир, отравляет сознание людей и международную атмосферу. И кто верховодит им? Кто направляет его? Как раз те силы, на сторону которых трусливо перебежал Оруэлл, предав социализм, покинув баррикады республиканской Испании.

Он льстил новым хозяевам, обливая грязью старых друзей. Но, несколько перефразируя Маяковского, «искусство — пресволочнейшая штуковина». Сыграло оно злую шутку и с Оруэллом. Описанное им «загнивающее будущее» социализма обернулось отвратительной явью капитализма. И в области внешней политики, в кардинальных вопросах войны и мира. Иначе и быть не могло.

— Мы жрецы силы. Сила, властвование — наш бог, — говорит один из правителей оруэлловской утопии. — Вечно, запомните, вечно, будет существовать, расти и становиться все более изощренным опьянение силой... Угодно ли вам видеть образ будущего? Вот он: сапог, наступивший на лицо человека. Навеки наступивший!.. И мир гнета, гнета свыше всяких сил...

Нет, это не образ будущего, это — неистовство прошлого. Под вышеприведенными словами вполне могли бы поставить свою кровавую подпись палач чилийского народа Пиночет, главари «эскадронов смерти» из Сальвадора, мясники Сабры и Шатилы, расисты из Претории, гаитянский Дювалье, парагвайский Стресснер, короче, все диктаторствующие марио-

нетки империализма — эти калифы на «час ненависти». Час, который пробил или пробьет.

И, наконец, самое гнусное, самое злейшее, самое масштабное преступление империализма — подготовка к термоядерному побоищу. Это даже не «управляемое сумасшествие», как говорил Оруэлл, а сумасшествие неуправляемое, подобно реакции водорода, грозящее миру реальным, а не библейским Армагеддоном. Оруэлл предсказал это сумасшествие, но ошибся в выборе тех, кого оно поразило. Вот символ веры правителей его утопии: «Победа будет достигнута либо путем постепенного присоединения все новых и новых территорий, в результате чего создается преобладающий перевес в силе, либо благодаря изобретению нового оружия, против которого не будет защиты». Эти сумасшедшие правители преследуют две основные цели: «завоевание земного шара и полное уничтожение свободной мысли». Первое достигается военной дубинкой, второе — дубинкой полицейской. И телескрином.

В утопии Оруэлла «экономика существует только с помощью войны и для войны». Знакомая картина. И опять-таки не по эту, а по ту сторону социализма. «В громадных лабораториях Министерства мира и на опытных станциях, скрытых в лесах Бразилии, в пустынях Австралии или на затерявшихся в Антарктике островах неутомимо работают бригады специалистов, — живописует Оруэлл. — Некоторые из них просто планируют технику снабжения, передвижения и расквартирования войск в будущей войне; другие заняты изобретением все более крупных реактивных снарядов, все более мощных взрывчатых веществ, все более прочной брони; третьи стараются найти все более смертоносные газы или растворимые яды, которые можно было бы производить в таких количествах, чтобы иметь возможность уничтожить растительность целого континента, а также способы разведения бацилл, обладающих иммунитетом против всяких антител; четвертые прилагают усилия к тому, чтобы изобрести подземный движущийся снаряд по аналогии с подводной лодкой... пятые заняты изучением более отдаленных возможностей, вроде конденсации солнечных лучей с помощью линз, помещенных в пространстве в тысячах километров от Земли, или искусственных землетрясений и громадных морских волн путем использования температур центра Земли».

Как видим, довольно-таки точное описание очередных и перспективных программ Пентагона — и на текущий 1984 год, и на «пятилетку вооружений» с ее двухтриллионным бюджетом и «войной звезд», провозглашенной Рейганом. «В результате безудержной гонки вооружений Соединенные Штаты превратились в военный лагерь», — замечает другой писатель, американский — Гор Видал.

Характерная деталь: как раз в день подписания законопроекта об ассигнованиях на военные расходы в оруэлловском 1984 году президент Рейган выступил по радио «Голос Амери-

ки» с заявлением о том, что он «отстаивает дело мира». Но это не был голос Америки. То была «Новоречь» американского империализма.

...С некоторых пор у Оруэлла появился весьма напористый подражатель-соперник. В духе его «Новоречи» он изобрел свою собственную и окрестил ее «Адой». Группа ученых Института математических наук Каранта при Нью-Йоркском университете создала «Аду», а Пентагон взял ее на вооружение в качестве единого стандартного компьютерного языка. Первый компилятор, то есть программа, переводящая инструкции в необходимые сигналы, успешно выдержал испытания, предложенные министерством обороны. (Я чуть было не написал — Министерством мира.) В опять-таки оруэлловском 1984 году две калифорнийские корпорации — «Ролм» и «Уэстерн диджил» приступят к производству быстродействующих компиляторов, которые сведут в единую «Аду» компьютерную разноголосицу Пентагона. Его сотрудник — Роберт Мэтис, отвечающий за «Аду», поясняет: «ЭВМ, принятые в ВМС США, с трудом находят общий язык с компьютерами, находящимися на вооружении ВВС США, а ведь такое общение может оказаться критически важным при совместных операциях. Теперь программисты, которые составляют программы для РЛС в ВВС и ВМС, смогут общаться друг с другом, имея один и тот же язык».

«Язык мой — враг мой». Язык Пентагона — враг мира. Язык «Ады» — голос термоядерного ада. Вольтеровский Калибан говорил, что колонисты научили его языку, на котором он мог проклинать их. В языке «Ады» слышится проклятие роду людскому. Но, подобно тому как Оруэлл с его «Новоречью» не смог предсказать будущее человечества, Пентагон с его «Адой» не сможет перечеркнуть его.

Январь 1984 г.

Человек и время

Больше всего человек думает о времени. Больше даже, чем о хлебе насущном. Собственно, и дума о хлебе насущном есть дума о времени. (Недаром бытует выражение «голодное время».) Человек думает о времени постоянно. Даже тогда, когда его мысли заняты другим. Это ему лишь кажется, что мысли его о другом. Вся его жизнь — время, короткое до крайности, до отчаяния, до возмущения. И все-таки — время, еще более драгоценное в своей мимолетности.

Блаженный Августин Аврелий, баловавшийся манихейством и скептицизмом, прежде чем бросить якорь в бухте подновленного Платона, говорил: «Пока меня не спрашивают о времени, я знаю, что это такое. Но когда мне надо объяснить, то я не знаю, что такое время!»

И впрямь удивительное дело — то, о чем мы думаем больше всего, меньше всего знакомо нам. Недаром и человеческая жизнь — загадка. Ведь мы живем во времени!

Сколько вопросов о времени, столько и ответов. От самого элементарного, например, «сейчас двенадцать часов дня», до самого универсального, гласящего, что время — атрибут, всеобщая форма материи, выражающая бесконечную длительность бытия и последовательность смены состояний всех материальных систем и процессов во Вселенной. Оба эти ответа, как и множество других, правильны, взятые сами по себе. Но человек не может и не хочет ими удовлетвориться. Ведь на дворе не всегда полдень, и какое дело мне, смертному, до бесконечной длительности бытия!

Человек, отчаявшийся познать время, оказался более удачливым в его измерении. Взглянул на небо — изобрел солнечные часы, глянул себе под ноги — изобрел песочные. Затем пошли механические, кварцевые, электронные и, наконец, атомные. На этом основании зазнавшаяся «Омега» чувствует себя блаженней самого Августина. А «хозяевами жизни» считаются те джентльмены, которые носят ручные часы фирмы «Патек-Филипп», усеянные бриллиантами и стоящие иногда до миллиона долларов.

Но вот что любопытно и по-человечески досадно: чем точнее мы измеряем время, тем меньше его у нас остается. В его самом драгоценном для нас понимании — жизни. Пока часы были солнечными и песочными, люди убивали друг друга палицами и дротиками, мечами и копьями. С появлением механических часов человек стал проявлять удивительную изощренность по части создания орудий истребления себе подобных. А когда на арену вышли часы электронные и атомные, дело запахло всеобщей термоядерной катастрофой. Я далек — на кучу световых лет — от мысли, что во всем этом

виноваты часовщики. Они ведь даже не стрелочники истории. (Прошу прощения за невольный каламбур.) Недаром — и как символично! — первые «публичные» атомные часы были установлены в Даун-тауне, деловом квартале Нью-Йорка, на Рокфеллер-плаза. Недаром — и что еще более символично! — мечты и надежды народов на обуздание гонки ядерных вооружений зависят от событий, происходящих в Женеве, общепризнанной часовой столице мира. (Даже сегодня, когда ей бросает наглый вызов новоявленный захватчик «Сейко» из страны Восходящего солнца.)

Я не знаю, как устроены и как действуют атомные часы. (Знаю только, что они не «тикают».) Но я знаю, что в мире накоплено приблизительно пятьдесят тысяч ядерных и термоядерных боеголовок, общая взрывная мощность которых равна двадцати миллиардам тонн тринитротолуола. Много это или мало? Посудите сами — иногда сравнение — доказательство: речь идет об одном миллионе и шестистах тысячах хиросим!

В отличие от атомных часов эти миллион шестьсот тысяч хиросим «тикают». И они тоже, по-своему, отсчитывают время. Их незримый маятник качается между разумом и безрассудством, между жизнью и смертью человечества, более того, между бытием и небытием всей нашей планеты. Мы уже и сейчас живем в слишком хрупком мире. Он намного более хрупок, чем самые миниатюрные часовые механизмы, создаваемые кудесниками с берегов Женевского озера. И достаточно одной ядерной «песчинки», вызвавшей цепную реакцию бесчисленных хиросим, чтобы этот хрупкий мир канул в Лету или провалился в тартарары. (И то, и другое не столько указатели места, сколько эпитеты времени, ставшего безвременьем.)

Как часто, по привычке, мы говорим, что мир сидит на пороховой бочке. Видимо, человеческое воображение значительно отстает от технических потенций homo sapiens, отстает, как песочные часы от атомных, как сам изобретатель пороха — канонический монах Бертольд Шварц — от Альберта Эйнштейна, знаменитая и беспощадная формула которого $E=mc^2$ возвестила о начале новой — ядерной эры в истории человечества. В нашумевшей книге-бестселлере «Судьба земли» ее автор Джонатан Шелл выражает беспокойство по поводу того, что люди не только не в состоянии примыслить последствия ядерной катастрофы, но внутренне сопротивляются подобному мыслительному процессу. В английском языке даже появился синоним ядерной катастрофы — «немыслимое».

Но «немыслимое» замышляется. Вашингтонские временщики вознамерились остановить время, а затем повернуть его вспять. В натурфилософском смысле такое «немыслимое» невозможно, ибо время и асимметрично, и необратимо. Все изменения во Вселенной происходят от прошлого к будущему. Асимметрия причинно-следственных отношений, общая

необратимость процесса развития материальных систем обуславливают однонаправленность времени. Иное дело — человеческое общество. Здесь нет, к сожалению, детерминизма материи. Человек — «венец природы» непредсказуемее своей прародительницы. Жестокий парадокс истории нашей цивилизации свидетельствует: «мыслящая материя» способна на «немыслимое», разумное существо — наиболее безрассудно. Но надо было заняться ядерной эре, чтобы вплотную ощутить леденящие душу масштабы этого безрассудства. Никакие видения ада, созданные мастерами любой эпохи Возрождения, никакие фантасмагории «сплющенного времени» Сальвадора Дали, никакие кинематографические скачки в будущее — от допотопной крэймеровской ленты «На последнем берегу» до самоновейшей — «На следующий день», не в состоянии адекватно объять и отразить «немыслимое». Видимо, искусство, даже поп-искусство, слишком гуманно по своему характеру, чтобы создать дубликат «немыслимого» в цвете, в мраморе, на экране...

Кстати о кинематографических скачках в будущее. Комментируя известное выступление президента Рейгана по телевидению, в котором он призвал к «звездной войне» в космосе, конгрессмен Бэрни Фрэнк из штата Массачусетс сказал о главе республиканской администрации: «Он звучал, как Уинстон Черчилль в XX веке и как Бак Роджерс — в XXIV». Уинстон Черчилль, во всяком случае для нашего читателя, в рекомендации не нуждается. О Баке Роджерсе этого не скажешь, хотя западная, в особенности американская, детвора и молодежь знает Бака куда лучше, чем старину Уинни. Оно и неудивительно. Бак Роджерс — популярный герой многочисленных комиксов, теле- и киносерий. Это — американский астронавт, заброшенный в состоянии анабиоза в дальний космос и вернувшийся на нашу и впрямь ставшую грешной Землю через четыре столетия. Сюжеты комиксов и телекиносерий о Баке Роджерсе — его бесконечные похождения на планете, пришедшей в маразм после ядерного апокалипсиса.

А теперь о сравнении Бэрни Фрэнка. Массачусетский конгрессмен весьма точно и саркастично уловил стиль и суть Рейгана — новоявленного Георгия-победоносца империализма на белом коне, вернее, термоядерной бомбе, поражающего копьем, пардон, той же бомбой коммунистического дракона. У Рейгана от Черчилля — антисоветский мессианизм, зуд крестовых походов; от Роджерса — примитивный авантюризм и изощренная военная техника. То обстоятельство, что Рейган — бывший киноактер, помогает ему сопрягать реального Черчилля с вымышленным Роджерсом.

Два слова об актерском прошлом Рейгана. О нем много и вкусно пишут. Газета «Франкфуртер рундшау», например, называет президента США «второразрядным актером, великолепно играющим роль никудышного президента». Все это так, но не следует забывать, что Рейган попал в Белый дом не

прямиком из Голливуда и не благодаря своей киногеничной внешности. Он — прожженный, профессиональный политикан — в течение многих лет был губернатором Калифорнии, крупнейшего и технически наиболее развитого штата Америки. О Калифорнии говорят даже, что она «схема Америки будущего». Это в первую очередь относится к вооружениям. Калифорния — центр аэрокосмической промышленности США. Ее военные лаборатории и компьютерные центры запрограммированы на «звездную войну». И давайте, не увлекаясь зубоскальством, запомним: Рейган и его команда представляют в Белом доме не Голливуд, а военно-промышленный комплекс. Бак Роджерс — лишь форма; Уинстон Черчилль — содержание...

В канун Нового года шеф Пентагона Каспар Уайнбергер, прозванный «Каспаром-ножом» (по аналогии с героем «Трехгрошовой оперы» Бертольта Брехта), опубликовал в газете «Вашингтон пост» статью, в которой, между прочим, содержались следующие рассуждения: «Мы не можем позволить себе быть парализованными страхом. Как это ни прискорбно, но не в нашей власти уничтожать те знания, которые могут ликвидировать нас. Мы не можем уничтожить открытия в области ядерной физики, однако мы не можем и оставить эти открытия другим странам, которых, возможно, меньше ужасает перспектива их использования».

«Намек» на варварство «других стран», под коими Уайнбергер подразумевает Советский Союз, вполне в духе нынешней вашингтонской администрации. И не этой банальной клеветой интересно вышеприведенное рассуждение шефа Пентагона. Оно привлекает иным: объективным пессимизмом перед лицом развития человеческого познания. Уайнбергер исходит из того, что чем больше узнает человек, тем хуже для него, ибо первейшее применение знания — разрушение, а не созидание. Принято говорить, что бог создал человека по своему образу и подобию. Уайнбергер мыслит по образу и подобию приведшего его к власти военно-промышленного комплекса, для которого наука лишь служанка, так сказать, артиллерийская прислуга, вернее, ракетно-ядерная. (Первое сравнение относится скорее к эпохе «пороховых».)

А теперь предоставим слово ученому. Морис Уилкинс — лауреат Нобелевской премии, выдающийся физик, участник знаменитого «Проекта Манхэттен», приведшего к созданию американской атомной бомбы. Трагедия Хиросимы потрясла Уилкинса. Он распрощался с физикой и занялся биологией, изучением жизни. Нобелевской премии он удостоился в 1962 году совместно с Криком и Уотсоном за одно из крупнейших научных открытий века — двойной спиральной структуры молекулы ДНК, носителя генетической информации.

В интервью, данном также в канун Нового года французскому журналу «Нувель обсерватёр», Уилкинс заявил, что на Западе «наука стала содержанкой военных... Взрыв в Хироси-

ме определил мою дальнейшую карьеру: испытывая отвращение к такому использованию физики, я обратился к биологии. Правда, довольно скоро мне стало ясно, что и биология может привести к созданию чудовищного оружия... Шесть лет назад я вообще оставил научную работу. Сегодня есть более неотложные проблемы: целью номер один для человеческого разума являются не научные исследования, а разоружение и борьба с голодом. Наука не может предложить никакого выхода. Она создает больше проблем, чем решает. Так было с атомной бомбой. Так было с «зеленой революцией»: пищи действительно стало больше. Но кто ее ест? Да все те же. Бедные становятся беднее, богатые — богаче. Изменить социальные структуры сейчас важнее, чем обеспечивать прогресс технический».

На первый взгляд Уайнбергер и Уилкинс, отталкиваясь от совершенно противоположных берегов, приходят к одинаковому выводу о виновности науки в бедах человечества. Но зто только на первый взгляд. Уайнбергер и то, что он представляет, — палачи; Уилкинс — жертва, как и наука, которой он служил и от которой, содрогнувшись, отшатнулся. Знаменитая эйнштейновская формула $E=mc^2$ — ни добро и ни зло. Она равнодушно внимает и тому и другому. Добро и зло в ее расшифровке, точнее, в помыслах тех, кто ее расшифровывает и применяет. Знание и разум не адекватны. Знание может быть разрушительно, разум всегда созидателен.

Время, необратимое время, на исходе. Человечество подходит к Рубикону своей истории. Единственная сила, способная навести через него мосты в будущее, — это разум и его носители — люди.

Вашингтон **сорвал** Женевские переговоры, Москва лишь **ушла** с них, не желая подыгрывать политике свершившихся фактов, которую проводят поджигатели третьей, на сей раз ракетно-ядерной, мировой войны. «С миром не шутят. Надуть нас **никому** не удастся», — как говорил более шестидесяти лет назад Владимир Ильич Ленин, правда, в иных конкретных, но схожих по существу обстоятельствах.

Европу, подобно науке, можно рассматривать с двух точек зрения. Для одних она — колыбель современной цивилизации, для других — театр будущих военных действий. Для одних она — гнездо крылатой мечты, для других — арена развертывания крылатых ракет. Для одних она — средоточие, сокровищница неразменных, нетленных ценностей, для других — радиоактивный тлен, разменная монета в ядерной игре.

Именно зти другие пытались положить ноги на стол Женевских переговоров. Но что терпимо в быту, нетерпимо в политике. Класть ноги на стол — типично американская привычка. Пусть сами янки судят о ее достоинствах, так сказать, в «домашних условиях», у собственного камина. Но возводить ее в норму международного права? Нет уж, дудки! Мы этого никому не позволяли и не позволим. Тем, кто так поступал, даже ног унести не удавалось.

Да, в данном случае речь идет не просто об отсутствии хороших манер, а об отсутствии хорошей политики, здравого смысла, разума, наконец. Известный вашингтонский обозреватель и мой старый знакомый Джо Крафт пишет: «Прежде чем, что называется, надеть дипломатический цилиндр и выдвинуть предложение о контроле над вооружениями, президент Рейган дважды примерил свои доспехи рыцаря «холодной войны». Крафт не совсем точен. В действительности дипломатический цилиндр, из которого Рейган, словно фокусник кролика, извлек пресловутый «нулевой» вариант, был маскировочным одеянием — для обмана мировой общественности, для укрощения антивоенного движения. А вот доспехи рыцаря «холодной войны» Рейган не просто примеряет, пусть даже дважды. Он спит в них и видит сладкие, но несбыточные сны о мировом господстве Америки. Он словно в них родился, в этих доспехах. Но они — не рубашка, приносящая счастье. (Эх, сюда бы смирительную рубаху!)

Ноги на столе переговоров в Женеве, «першинги» и крылатые ракеты — в Западной Европе. Мы еще не ушли из Женевы, а они уже доставили на военно-транспортных самолетах «Старлифтер» компоненты крылатых ракет на английскую базу в Гринэм-Коммон. Мы еще не ушли из Женевы, а они уже завозили детали крылатых ракет в Сигонелла на острове Сицилия. Мы еще не ушли из Женевы, а они уже доставили на свою западногерманскую базу Рамштайн разобранные «першинги-2». Это ли не свидетельство предумышленного срыва переговоров?! Под дипломатическим цилиндром Вашингтона всегда скрывался стальной шлем, под фраком — латы.

...Магия времени властвует над человеком. Недаром под Новый год мы начинаем особенно пристально следить за ходом часов, хотя в глубине души отлично знаем условность деления временного потока, этой непредставимой вечности, на месяцы и годы, на часы и минуты. И тем не менее мы следим, следим и надеемся, следим и загадываем, следим и предсказываем. Ведь время при всей его беспощадности не только подавляет, но и возвышает. Оно питает и тщету, и мечты.

Размечтались под Новый год и два отставных американских адмирала Элмо Замуолт и Уорт Вагли. Размечтались старые морские волки и опубликовали плоды своих маразматических мечтаний на страницах «Вашингтон пост» под заголовком: «Крылатые ракеты: символ надежды или отчаяния?» Вот некоторые «избранные места» из этого уникального новогоднего тоста:

«Для союза НАТО и Европы декабрь, когда люди обычно радуются, испытывают новые надежды и оптимизм, становится месяцем размещения «першингов» и крылатых ракет... На фоне падающего снега в период празднования рождества в Европе в этом году, возможно, будут вырисовываться силуэты первых натовских ядерных ракет. Какой бы мрачной ни была эта неприятная, но необходимая перспектива, крылатые ракеты как часть нового натовского потенциала сдерживания

знаменуют собой технический прогресс, который дает основания для оптимизма на 1984-й и последующие годы... В этом смысле декабрьский праздник, омраченный началом развертывания ракет в Европе в 1983 году, может на самом деле означать, что в предстоящие годы мы будем отмечать рождество в большей безопасности».

Умрите, Элмо и Уорт, лучше не скажете!

Я привел столь длинную выдержку из столь оригинального новогоднего тоста двух американских адмиралов не для того, чтобы удариться в морализование: посмотрите, дескать, как они понимают технический прогресс, безопасность европейцев и оптимизм человечества! (Ракеты в качестве рождественских свечей и бомбы в качестве елочных украшений.) Мне хотелось показать образ мыслей этих и им подобных людей, когда на их головах не красуются маскировочные дипломатические цилиндры. Это образ мыслей — да простится мне здесь употребление такого хорошего слова! — людей безрассудных, людей, настолько отравленных горьким ядом антисоветизма и сладким пойлом американского гегемонизма, что ради достижения своих бредовых целей они готовы поставить крест на всем сущем.

Военный психоз и антисоветская истерия наиболее тяжелые формы безрассудства. Как правило, они «ходят парами». Вашингтонская обозревательница Мэри Макгрори, описывая дух, царивший в конгрессе во время вотирования последнего рекордного бюджета гонки вооружений, сработанного Пентагоном, с горькой иронией отмечала: «В такой момент лучше быть заподозренным в отсутствии здравомыслия, чем в мягкотелости по отношению к красным... Очевидно, сейчас повсюду (на Капитолии) царит мнение, что никто не навлечет на себя неприятностей, если будет пинать русских, хотя шансы одержать победу над чемпионом в этом деле Рейганом не очень-то велики».

Но есть неприятности и неприятности. Тот, кто любыми средствами хотел бы отвести от себя неприятность быть заподозренным в «мягкотелости» по отношению к миру социализма, рискует навлечь на себя куда более серьезные неприятности. Ну, а пинать себя мы никому не позволим, как не позволили класть ноги на стол Женевских переговоров. Чемпионы и кандидаты в чемпионы в этой малопочтенной игре вполне могут остаться без ног. И даже без головы...

Великий Лаплас утверждал, что если знать начальные координаты и скорость всех материальных частиц во Вселенной, то можно по законам механики предсказать все последующие их положения и таким образом — все события будущего. Не знаю, как в математике и физике, но в жизни человеческого общества невозможно точно предсказать будущее, если отбрасываешь опыт прошлого и не чувствуешь биения пульса настоящего. Именно это происходит сейчас с теми, кто презрительно отмахивается от требования народов положить конец гонке вооружений, кто близоруко третирует

волю человечества к миру. Я умышленно пользуюсь словами «требование» и «воля». В них кинетическая энергия деяния, а не прекраснодушная мечтательность. Под лежачий камень вода не течет. Арабская пословица гласит, что не желающий делать ищет причину, желающий сделать — средство. Трудным, небывало трудным был истекший год, тяжелым, опасным. Достаточно одной географии — Ливан, Гренада, Никарагуа, Сальвадор, Женева, — чтобы ощутить обжигающее дыхание 83-го. Его не спутаешь с веселыми бликами праздничных новогодних огней. И тем не менее если руководствоваться единственно гуманистической философией — философией исторического оптимизма, то, оценивая год минувший, необходимо прежде всего подчеркнуть возросшую гражданскую и политическую активность людей доброй воли, коих на нашей планете большинство. Они, страстно желающие отстоять свое будущее, нашли или находят средство, ведущее к этой благородной цели. Оно в единстве и борьбе. В единстве сил мира, в борьбе против сил войны.

Разумеется, путь к будущему миру без войн не прочерчен в виде евклидовой прямой. Даже в безбрежных просторах Вселенной время вынуждено замедлять свой ход под влиянием мощных гравитационных полей. «Гравитационные поля» агрессии и реакции, действующие на международной арене, тоже не назовешь слабыми. Ощерившиеся всеми мыслимыми и немыслимыми видами оружия разрушения и смерти, они судорожно цепляются за стрелки истории, пытаясь остановить ее и повернуть вспять. Нет, это не фаустовское «Остановись, мгновенье, ты — прекрасно!». Фауст буржуазии уже давно исчерпал себя и продал свою опустошенную душу Мефистофелю, явившемуся к нему из преисподней безвременья.

На смену ему, столь же неизбежно, как год 1984-й сменил год 1983-й, грядет новый Фауст, отряхнувший с ног своих серу Мефистофеля и радиоактивный пепел ядерного апокалипсиса. Грядет провозвестником нового времени, о котором поэт сказал: «Впрячь бы это время в приводной бы ремень: сдвинул с холостого — и чеши, и сыпь. Чтобы не часы показывали время, а чтоб время честно двигало часы».

Честно!

1 января 1984 г.

Этот маленький мир

У дедушки выдался свободный вечер, и он решил навестить внука. В коридоре стояла прислоненная к стене елка. Ее только что купили родители внука. Новый год на носу.

— Красивая? — спрашивает дедушка внука.

— Бодучая, — отвечает малыш.

— Разве елка — корова?

Внук слегка задумывается. Затем говорит:

— Колючая.

Красивой елка станет для него в недалеком будущем — через несколько дней, когда родители украсят ее игрушками, положат под нее подарки и зажгут электрические лампочки. А пока что елка для малыша бодучая и колючая.

Дедушка проходит в комнату и садится на отведенное для него почетное место — в кресло у микроскопического письменного стола. Впрочем, почетное место — единственное «посадочное место» в комнате. Все остальное пространство занимает тахта, на которой спят родители внука, его детская кроватка с решетками и шкаф, именуемый обычно «бабушкиным». В нем хранятся наиболее ценные книги сына и «туалеты» невестки. Остальное «добро» рассовано по антресолям в коридоре.

Дедушка — ему еще далеко до шестидесяти — и внук — ему уже исполнилось полтора года — большие друзья. И имена у них одинаковые. И понимают они друг друга с полуслова. Дедушка сидит в кресле. Читает, дремлет. Внук играет. Он в вечном движении. Комната полна игрушек: Петрушка, Буратино, Гурвинек, Карлсон, который живет на крыше, диснеевские герои — Микки-Маус, Дональд Дак, Плуто... Целый интернационал игрушек.

Глядя на внука, управляющего этим интернационалом, дедушка невольно вспоминает Диснейленд под Лос-Анджелесом, вспоминает последний аттракцион, которым по традиции завершается путешествие по волшебной стране Диснея. Люди садятся в лодки и плывут по гроту, а с обеих сторон их приветствуют игрушки всех народов мира — больших и малых, древних и молодых. И все они поют незатейливую песенку, состоящую в основном из одной фразы: «В конце-то концов, как он мал, этот наш мир!»

Дедушка — тогда он был еще только отцом — до сих пор помнит ощущения, которые он испытал, путешествуя по сказочному гроту; помнит слезы, подступившие к его глазам, помнит неожиданную размягченность, охватившую все его существо, помнит наивные мысли, роившиеся в его голове:

а что если посадить всех государственных деятелей Запада в эти лодки и пустить их в путешествие по волнам детской фантазии, незамутненным, как оттаявшие льдинки гренландских глетчеров? Быть может, вынырнув из грота на свет божий, они поймут в конце концов, как он мал, этот наш мир, и как велика их ответственность перед будущим человечества?!

Но наивность дедушки ограничивалась пределами Диснейленда. По долгу службы и по характеру своего образования он хорошо знал, что господа, которых он мысленно усаживал в игрушечные лодки, обычно предпочитают путешествовать в подводных лодках, на авианосцах, на «летающих крепостях». Конечно, им прекрасно известно, как он мал, этот наш мир, известно не по диснеевской песенке, а по картам, которыми увешаны стены «Ситуационной комнаты» в Белом доме и «Военной комнаты» в Пентагоне. Но чем меньше наш мир, тем больше их аппетит. И они, подобно шекспировскому герою, бредят-мечтают вскрыть его своим мечом, как устрицу...

Пока внук возится со своими игрушками, говорящими на одном — детском — языке и поэтому отлично понимающими друг друга, дедушка, вооружившись вполне диккенсовскими очками, листает ноябрьский номер журнала «Атлантик». На его обложке изображен земной шар. Его, судя по обшлагам, держат руки некоего американского военного чина. И у художника из «Атлантик» наш мир выглядит хрупким и маленьким. Но зато как велик и грозен повисший над ним клубами густого радиоактивного дыма вопросительный знак!

Символический рисунок на обложке — анонс к статье Томаса Пауэрса, одного из издателей журнала, озаглавленной «Ядерная зима и ядерная стратегия». Статья как бы смесь чудовищного оптимизма (я не оговорился) с еще более чудовищным пессимизмом. Начну с первого. Ссылаясь на мнение и подсчеты ряда ученых, автор «успокаивает» читателя: оказывается, имеющиеся сейчас в наличии что-то около пятидесяти тысяч ядерных и термоядерных бомб могут уничтожить все человечество лишь в том случае, если его «соберут сподручно в незащищенных местах». (Цитирую дословно, включая омерзительное «сподручно».) В противном случае, продолжает автор оптимистическую тему своей ракетно-ядерной оратории, человечество может выжить. (Здесь дедушка отрывает глаза от журнала и поверх диккенсовских очков смотрит на комнатушку, в которой резвится внук. К своему ужасу, он убеждается в ее «сподручности».)

Для того чтобы взорвать нашу планету в прямом смысле этого слова, необходимо куда больше ядерной взрывчатки, приводит автор статьи мнение ученого Ричарда Тарко из калифорнийского мозгового треста «Р. энд Д. ассошиэйтс». По данным Тарко, полное уничтожение земного шара потребует два миллиона ядерных мегатонн, равных двум триллионам тонн тринитротолуола. Вот тогда этот в сущности столь ма-

ленький наш мирок и впрямь провалится в тартарары.

Четверть века назад известный американский футуролог, ныне покойный, Герман Кан в своей книге «О термоядерной войне» предложил создать «машину судного дня», способную уничтожить человечество даже в «неподручной ситуации». Дедушке довольно часто приходилось встречаться с Каном. Последняя их встреча состоялась в Нью-Йорке, на детской площадке неподалеку от университетского клуба, где обычно обедал маститый футуролог. Кан в отличие от всего остального человечества считал себя неисправимым оптимистом. Убеждал он меня в этом и тогда, на детской площадке.

— «Машину судного дня» технически невозможно построить. На Земле не найдется для нее достаточного количества расщепляющего вещества. С другой стороны, если такую машину все-таки создадут, никто не осмелится пустить ее в ход. Война как таковая станет бессмыслицей, и ее снимут с шахматной доски международной политики, — говорил Кан, переваривая сытный и обильный обед, принятый им в университетском клубе. Щеки его лоснились. И он страсть как походил на плутоватого Санта Клауса, принесшего людям бодучую и колючую ракетно-ядерную елку, которую не дай бог зажечь.

В Пентагоне отшелушили оптимистические идеи Кана о «машине судного дня». Там решили создать эту машину исключительно для Советского Союза. Так появился на свет план «Оффтакл», разработанный одним из самых забубенных американских милитаристов — генералом авиации Кэртисом Лимзем. За планом «Оффтакл» последовал план «Рипер» («Жнец»), затем другие планы сбора жатвы мирового господства после ракетно-ядерной посевной. Все эти планы основывались на временном военном превосходстве Соединенных Штатов. Но, как всему временному, и ему пришел конец. «Машина судного дня» нависла и над родиной Германа Кана...

Дедушка вновь отрывает глаза от журнала. Внук пока не тормошит его, занятый своими важными делами — полетами Карлсона, который живет на крыше, от Микки-Мауса к Петрушке и обратно. Живя в Америке, дедушка часто ходил на детские площадки, любил часами наблюдать за игрой детей. Он называл это «естественным валиумом», разрядкой от напряженной работы, отдыхом от всевозможных стрессов — начиная от редакционных неувязок и кончая постоянной слежкой ФБР. Иногда матери с опаской косились на подозрительного господина, неотступно следившего за тем, как копошатся в песке или раскачиваются на качелях их чада. Уж не похититель ли он? (Похищение малолетних — широко разветвленная индустрия в современных Соединенных Штатах.) Но дедушка не был похитителем, хотя порой у него и мелькала фантастическая мысль записаться в очередь и усыновить какого-нибудь малыша, предпочтительно черного.

Герман Кан не обращал никакого внимания на детей,

резвившихся на площадке. Оно и понятно, ведь Кан был футурологом. Он считал, что будущее принадлежит не детям, а тем, кто ухитрится построить более совершенную, более убойную «машину судного дня». Человек блестящий, но поверхностный, Кан смотрел вперед, повернув голову назад. Не только в философском смысле слова, но и в чисто техническом. Так, он учитывал лишь разрушительную силу ядерного оружия, однако пренебрегал социальными и экологическими последствиями его применения.

Года два назад упомянутый нами Ричард Тарко вместе с четырьмя другими учеными — Туном, Аккерманом, Поллаком и Саганом выпустил «Голубую книгу». Ученые (их сокращенно именуют ТТАПС по заглавным буквам фамилий) доказывают, что и ядерных боеголовок, имеющихся сейчас в наличии, вполне достаточно для уничтожения всего живого на земле. Взорвавшись приблизительно в одно и то же время, они вызовут такие пожары, что дым от них закроет солнце от планеты. Средняя температура упадет до минус сорока градусов, наступит долгая «ядерная зима», которая положит конец фотосинтезу растений и всему живому, питающемуся ими. «Голубая книга» обсуждалась на семинаре в Кембридже, штат Массачусетс. В обсуждении приняли участие около сотни ученых. Оптимисты среди них остались в явном меньшинстве. Выкладки ТТАПС (кстати, так называется по созвучию похоронная мелодия — соло военной трубы в американских вооруженных силах) выглядели неопровержимыми.

Дедушка невольно поеживается. За окном зима. Не ядерная, а московская. Температура — двадцать градусов ниже нуля. Но солнце светит на небе, фотосинтез идет своим чередом, творя великое благо, люди готовятся к встрече Нового года, запасаясь провиантом и надеждами, составляя гороскопы и обмениваясь поздравительными открытками. И так везде в этом маленьком мире, в этом, в конце-то концов, маленьком мире. А быть может, трижды безумном по Стэнли Креймеру?

Появление «Голубой книги» не на шутку всполошило рейгановскую администрацию. Идея бессмысленности ядерной войны поразила ее прямо в сердце. (Парадоксально, но этот орган имеется даже у самых бессердечных людей.) Ощущение официального Вашингтона можно было выразить трафаретным «за что боролись?».

Пентагон попытался дезавуировать выкладки ТТАПС. Но из этого ничего не вышло. Как писала газета «Нью-Йорк таймс», «Пентагон в конце концов признал право на существование теории, согласно которой ядерная война может вызвать такую волну дыма и пыли, что она закроет солнце и вызовет резкое охлаждение климата на земле». Министр обороны Уайнбергер представил конгрессу соответствующий доклад, вернее, вынужден был представить. И что же? Авторы доклада высокомерно резюмировали, что «эта теория не имеет большого значения для политики администрации» и что «лучшим путем избежать «ядерной зимы» является сохране-

ние нынешнего курса в военной области»!

«Абсурдность аргументов Пентагона очевидна, — заявил в связи с этим член палаты представителей Т.Уирт. — Данные ученых говорят о том, что мы не должны создавать ядерное оружие, а администрация это игнорирует, восхваляя свою ядерную политику, что является полной бессмыслицей». По словам телекомментатора К. Чанг, «министру обороны К. Уайнбергеру скорее всего придется держать ответ на Капитолийском холме по поводу последнего доклада Пентагона. Критики администрации убеждены, что политика в области обороны должна претерпеть изменения в свете угрозы «ядерной зимы».

Но не тут-то было. Шок быстро прошел, и Пентагон приступил к разработке такой стратегии, которая сулит «ядерную зиму» исключительно России и «ядерный зонтик» исключительно Соединенным Штатам. На это дело были брошены самые светлые головы военных лабораторий в Ливерморе и Лос-Аламосе. Им было поручено отыскать «разумные пути ведения ядерной войны». Вскоре выяснилось, что «разумные пути» 1984 года лишь вариация неразумных, бредовых идей генерала Лимэя образца 1954 года. «Отец» нейтронной бомбы Сэм Коэн с готовностью подтвердил этот генезис. В «техническом плане» все свелось к теории «звездных войн» и к штамповке «першингов». Нравственные моменты «Голубой книги» были пущены под откос. Ничего не поделаешь — Пентагон не форум философов. Это Кант поклонялся двум вещам — звездному небу над головой и нравственному закону внутри себя. В Пентагоне поклоняются «звездным войнам», безнравственности и беззаконию. А его миролюбивые разглагольствования — туман лжи, душащий фотосинтез истины...

Ричард Перл не последний человек в Пентагоне. Он помощник министра обороны США Уайнбергера по вопросам политики в области международной безопасности. Видимо, Перла назначили на этот пост, так сказать, от обратного. Его деятельность имеет такое же отношение к международной безопасности, как спички — к бензину. Недаром в течение долгих лет он был помощником другого «суперъястреба» — покойного сенатора Джексона. Коллега Джексона сенатор Пресслер аттестует Перла как «самого решительного противника соглашения о контроле над вооружениями». В этом нет ни грана преувеличения. Да и сам Перл не делает из этого никакой тайны. «Я не согласен с ощущением, — говорит он, — будто мы и русские можем уладить свои разногласия, ослабить их с помощью договоров, заключить соглашения, договоры и затем полагаться на то, что согласие приведет к большей безопасности в мире».

Антисоветизм Перла носит пещерный характер, хотя газета «Вашингтон пост» величает его «интеллектуальной силой». Рассказывают, что он научил своего сына Джонатана показывать на «немой карте» все страны мира, за исключени-

ем Советского Союза, который Джонатан называет «плохие парни». А ведь сын Перла ненамного старше дедушкиного внука. Ему всего пять лет! Этакий, видите ли, лорд Пальмерстон в коротких штанишках. Помните?

Вот в воинственном азарте
Воевода Пальмерстон
Поражает Русь на карте
Указательным перстом.

Любопытно, возил ли когда-нибудь мистер Перл своего Джонатана в Диснейленд, плавал ли с ним по волшебному гроту, пели ли они незатейливую песенку об этом в конце-то концов маленьком мире? Скорее всего — нет. Видимо, служение Джексону и Уайнбергеру не оставляло Перлу свободного времени, чтобы поразмыслить над будущим своего Джонатана.

Мы не называем Соединенные Штаты «плохими парнями». Мы знаем, что кроме Джонатана Перла, вернее, его отца, там есть и Саманта Смит, милая Саманта, похожая на Бэкки, подружку марк-твеновского Тома Сойера. История Саманты общеизвестна. Ее можно не излагать. Скажу только, что она собрала четверть миллиона подписей американских подростков под обращением к своим зарубежным сверстникам, в котором говорится: «Мы, дети Америки, хотим распространить послание о нашем желании дружить с детьми других стран. Мы надеемся, что они познакомятся с ним и расскажут об этом своим друзьям». У нашего дедушки кроме внука есть еще две внучки. Почти того же возраста, что и Саманта, чуть-чуть помладше. Они читали об американской девочке из города Манчестер, что в штате Мэн, и очень хотели бы дружить с ней...

Уходит в прошлое февраль — кривые дороги. На пороге весна. Двенадцатого числа ее первого месяца в Женеве начнутся советско-американские переговоры, от хода и исхода которых во многом, очень во многом, будут зависеть судьбы этого маленького мира. Женева тоже не Диснейленд. У нее, еще не начавшейся, уже много недоброжелателей, даже врагов. «Плохие парни» (впрочем, кавычки в данном случае излишни) не любят хорошего мира, и они будут всеми силами противиться ему.

Неуютно в этом маленьком мире, когда среди нас живут люди, мечтающие приплюсовать к четырем временам года еще одно — «ядерную зиму». Но, как говорил в своей «Этике жизни» английский историк Томас Карлейль, «человек не должен жаловаться на времена: из этого ничего не выходит. Время дурное: ну что ж, на то и человек, чтобы улучшить его». Мы посылаем «Вегу» на рандеву с кометой Галлея не для того, чтобы сама наша земля сгорела, как метеорит. Мы настраиваемся на волны Вселенной не для того, чтобы она услышала наш предсмертный хрип. А если мы одиноки в ней, как это утверждают некоторые ученые, сомневающиеся, что

эволюционная цепь в четыре миллиарда лет, приведшая к созданию мыслящей материи, может быть воспроизведена где-либо еще? Тогда наш долг сохранить во что бы то ни стало уникальный светильник разума Вселенной становится еще более императивным, а наш маленький мир — беспредельно великим.

Люди жаждут мира. Но «лавры одного лишь хотения суть сухие листья, которые никогда не зеленели», — предупреждал Гегель. «Ядерная зима» прежде всего не должна коснуться души человека, не должна заморозить его надежду. Вот почему борьба за мир, против войны в первую очередь борьба за человеческие души. В этой борьбе оружие исчисляется не мегасмертями, а мегажизнями. Маркс говорил, что его представление о счастье это борьба. Нет сейчас выше счастья, чем борьба против «ядерной зимы». Итак, наш долг уже изначально становится счастьем. И в этом залог, что он будет выполнен. Конечно, речь идет о трудном счастье. Силы войны могущественны. Не только бомбами и ракетами, но и чудесами дезинформационной техники, допотопными дубинками и наручниками. И тем не менее их можно и нужно одолеть. Мы часто и совершенно справедливо говорим о военном паритете. Но во всех других отношениях чаша весов истории склоняется на сторону тех, кто «ядерной зиме» противопоставил весну человечества.

«Можно сломать шпагу, нельзя истребить идею», — говорил Виктор Гюго. Санта Клаусам «ядерной зимы» сейчас не под силу ни то, ни другое...

Дедушка глядит поверх диккенсовских очков на внука, управляющего интернационалом игрушек, глядит на человека, в руки которого в третьем тысячелетии должен перейти этот в конце-то концов не такой уж маленький мир...

Декабрь 1984 г. — февраль 1985 г.

Возмездие — мораль и логика

Впервые я их увидел почти двадцать лет назад. Было это во Франкфурте-на-Майне. В «Галлус-халле» — муниципальном здании района Галлус на бульваре Франкен-аллее судили палачей Освенцима. Был среди них и Богер, которого узники концлагеря прозвали «тигром Освенцима». Это по его приказу детей сжигали живьем в специально вырытой шахте. Это по его приказу — краткое, отрывистое словечко «аб» — ставили на расстрел к «черной стене» сотни и тысячи заключенных. Орудуя указкой, как когда-то пистолетом и плетью, Богер

водил ею по карте. Ни дать ни взять — учитель географии. Вот только карта изображала расположение газовых камер и крематориев в Освенциме и Биркенау.

Процесс во Франкфурте-на-Майне был наиболее значительным среди тех, которые проходили в Западной Германии в рамках так называемого «преодоления прошлого». Сейчас, двадцать лет спустя, — отнюдь не по Дюма — предельно ясно: преодоление прошлого не состоялось. Эту кампанию было бы правильнее назвать — «забвение прошлого». Она началась даже не двадцать лет назад, а еще накануне падения рейхстага и гитлеровского бункера в Берлине, когда фашистские оборотни, сменив наспех свою змеиную кожу, стали расползаться по Германии и за ее пределы. Не только для того, чтобы избежать справедливого возмездия, но и для того, чтобы, зализав раны, начать исподволь подготовку к реваншу. Вот почему уже тогда забвение было преступлением не только перед памятью убитых, но и перед теми, кто еще не родился. Преступлением и перед прошлым, и перед будущим.

Сидя в «Галлус-халле» на Франкен-аллее во Франкфуртена-Майне, я думал о «Байер А.Г.» на Кайзер-Вильгельм-аллее в Леверкузене (мне довелось побывать и там). Здесь находился химический Олимп, на котором вершил свои дела «Совет богов» концерна «И.Г.Фарбен». Освенцим поставлял концерну рабов, концерн Освенциму — газ. Но на процессе во Франкфурте было сделано все, чтобы «Совет богов» выглядел химически чистым перед историей. А ведь перед его председателем — Фрицем тер Меером даже Богер, этот «тигр Освенцима», выглядел бумажным тигром.

На Нюрнбергском процессе Шахт, человек, устлавший путь Гитлеру к власти золотом и марками, был, как известно, оправдан. А Круппа вообще не судили, обнаружив у него «душевную болезнь». На процессе «И.Г.Фарбен» в том же Нюрнберге произошел весьма любопытный диалог между американским обвинителем Тэйлором и адвокатом Зимерсом.

— Господа судьи, — сказал Тэйлор, — я хотел бы подчеркнуть, что здесь, в Нюрнберге, мы судим не германскую экономику в целом, а лишь отдельных виновных ее представителей.

— Господа судьи, — немедленно парировал Зимерс, — мистер Тэйлор пытался убедить вас в том, что его обвинения не имеют никакого отношения к германской экономике. Химеры, господа судьи, химеры, позаимствованные из области фантазии!! Господин обвинитель, не стройте себе иллюзий. Вы обвиняли здесь не отдельных представителей германской экономики, а капитализм в целом, и коммунисты во всем мире рукоплещут вам...

К чему я клоню? А вот к чему. Изучая проблему обнаружения и наказания военных преступников, нельзя не обратить внимания на следующее обстоятельство: в социалистических странах операция «Возмездие» — правило, в капиталистических — исключение.

Выдача Боливией Франции «лионского палача» (более точно — «лионского палача-мясника») Клауса Барбье вновь привлекла внимание международной общественности к проблеме военных преступников. Будем надеяться, что узник тюрьмы Сен-Жозеф не избежит заслуженной кары. Я рад, что Судьба нашла его. И в то же время есть в деле Барбье одна деталь, весьма немаловажная, которая коробит и настораживает. Западная печать подает его как сенсацию, как детектив, как нечто из ряда вон выходящее. Очень много шумихи и очень мало фактов. И еще меньше выводов. А ведь в списке военных преступников, составленном сразу же после войны союзниками по антигитлеровской коалиции, Барбье значился лишь под номером 239. И его билет члена нацистской партии был № 4583085. А где и как остальные?

Давайте припомним, когда в последний раз на Западе наблюдалось аналогичное «извержение чувства праведного гнева». Много, много лет назад в связи с похищением Адольфа Эйхмана. И тогда это событие, как и в случае с Барбье, подавалось буржуазной прессой как сенсация и детектив, словно касалось оно не Фемиды, а Агаты Кристи. А в «промежутках», исчисляющихся десятилетиями? Молчок. От Нюрнбергских трибуналов до похищения Эйхмана — молчок; от похищения Эйхмана до выдачи Барбье — молчок. Когда позволительно ждать на Западе очередного «извержения»? Когда будет найден Мартин Борман или схвачен доктор-дьявол Менгеле?

Возмездие — не материал для сенсации, молчание в данном вопросе — не золото, не добродетель. Более того, оно знак согласия с тем, что-де и у справедливости есть срок давности. А это уже попустительство, граничащее с соучастием в преступлении, если не с самим преступлением. В конце концов, разница между сеющими зубы дракона и отказывающимися вырывать их — чисто семантическая.

В Советском Союзе, в других социалистических странах карающий меч правосудия служит справедливому возмездию, а не сенсации. Им пишутся послесловие к истории и предисловие к будущему, а не детективные романы и «остросюжетные» статьи. Вот почему у нас обнаружение и наказание военных преступников — не театральное вулканическое извержение, а ровное горение огня святой ненависти, хотя кому дано измерить силу гневного клокотания в этом «ровном горении»? Таких измерительных приборов, такой шкалы в природе не существует. Они лишь в сердцах и памяти народной — единственном вместилище человеческого горя.

Здесь я должен сделать одно отступление. Некоторые мои коллеги, пишущие на эту тему, подчеркивают, что нами руководит не месть. Я отлично понимаю, что они имеют в виду, что хотят сказать. И тем не менее не будем забывать о мести! Есть месть святая, есть кровная. Есть, наконец, месть ради людей и месть ради мести. Тот, кто забывает о первой,

подыгрывает второй, исподволь пестует ее. В первой — сила, во второй — слабость; в первой — гуманизм, во второй — человеконенавистничество; в первой — праведный гнев, во второй — низменная злоба. Первая — Возмездие с большой буквы, вторая — трусливый удар кинжалом в спину.

Миллионы людей, расстрелянных, задушенных, замученных, четвертованных, колесованных в Освенциме и Майданеке, в Бухенвальде и Треблинке, в Орадуре и Лидице, в Бабьем Яру и Хатыни, в Консоне и Сонгми, в Сабре и Шатиле, взывают к живым о мести, о святой мести — Возмездии.

Читатель, обрати внимание на это перечисление. В нем фигурируют географические точки, до которых германский фашизм не доходил. Но их соседство — близкое, отъединенное лишь запятыми, да и то лишь по велению единственно грамматики, — логично. Сонгми вытекает из Освенцима, Сабра — из Лидице, Шатила — из Бабьего Яра. Это такая же аксиома, как то, что Волга впадает в Каспийское море. Кто знает, быть может, если бы все палачи Освенцима, Лидице, Бабьего Яра были казнены, то не было бы ни Сонгми, ни Сабры, ни Шатилы. Разумеется, я имею в виду не столько «тигров»-исполнителей, сколько тех, кто содержал этот зверинец.

...Форт-Беннинг, что в американском штате Джорджия, мало чем похож на Франкфурт-на-Майне. Это небольшой военный городок, раскинувшийся среди сосновых лесов. Здесь проходили так называемые «освежающие курсы» перед отправкой во Вьетнам палачи Сонгми капитан Медина и лейтенант Колли. Здесь же заседал военный трибунал, судивший их. Как известно, трибунал обернулся балаганом. Президент Никсон отменил вынесенный им приговор, а «молчаливое большинство» объявило палачей Вьетнама национальными героями Америки! Я напоминаю об этом в качестве, так сказать, заочного «освежающего курса».

«Освежающий курс»... Вспоминается конгресс США, заседание комиссии палаты представителей по делам вооруженных сил. Показание давал капитан Медина. Заседание было закрытым, и мы, журналисты, топтались в предбаннике. Вдруг до нашего слуха из-за закрытой двери донеслись бурные аплодисменты. Кто аплодировал палачу Медине и почему? Это был первый вопрос, который мы задали после окончания слушаний председателю комиссии Менделю Риверсу.

— Мы аплодировали благородству, с которым капитан Медина защищал невиновность своего старшего брата по оружию подполковника Бэркера, командовавшего батальоном под Сонгми, — ответил Риверс. — Медина сказал, что Бэркер убит и не может лично засвидетельствовать свою непричастность, но он рад и горд сделать это за него.

Палачи играли в благородство, а судьи играли им на руку.

«Освежающий курс»... Вспоминается Минск, Хатынский мемориал. Президент Никсон стоит перед ним, приложив

руку к сердцу. Щемящий сердце колокольный перезвон. «Это очень волнительно. Я чуть было не прослезился», — говорит человек, помиловавший палачей Сонгми и пытавшийся «вбомбить Вьетнам в каменный век».

Города, годы, люди, звери... (Если палача Освенцима Богера называли «тигром», то палача Сонгми Медину даже свои окрестили «бешеной собакой».) Их связала железная логика, железная, как тюремные решетки и каторжные кандалы. Генеральный прокурор СССР А. Рекунков писал недавно в «Правде» о том, что из более чем 140 лиц, на которых в 1976—1982 годах органам юстиции США были переданы убедительные доказательства о совершении ими тягчайших злодеяний на территории нашей страны, лишь семерых лишили американского гражданства. Но даже из этой отнюдь не великолепной семерки ни один так и не был выдан Советскому Союзу! Не знаю, есть ли среди этих ста сорока извергов палачи Хатыни? Впрочем, суть дела не в этом. Палач — понятие не географическое. Равно как и правосудие, справедливость, возмездие.

Думаю, не ошибусь, если скажу, что с аналогичными претензиями к Вашингтону могут обратиться и, наверное, обращаются генеральные прокуроры многих государств. И уж конечно среди них — генеральный прокурор Демократической Республики Вьетнам. Но тщетно. Под крыльями американского орла военным преступникам живется вольготно. Вашингтон не помышляет о выдаче вьетнамскому народу не только американских карателей, но и их сайгонских подручных. Все они во главе с марионеточным премьером и маршалом Нгуен Као Ки живут и процветают у подножия Статуи Свободы.

Никогда не забуду о встрече с одним из них — бывшим начальником сайгонской контрразведки Нгуен Нгок Лоаном, организовавшим кровавую бойню в южновьетнамской столице в 1968 году. Его «подвиги» были запечатлены «для потомства» фоторепортером агентства Ассошиэйтед Пресс Адамсом. Снимок — Адамс получил за него Пулитцеровскую премию — облетел всю мировую печать. На нем изображен Нгуен Нгок Лоан с пистолетом в руке, приставленным к виску пленного со скрученными за спиной руками. Через мгновение несчастный был убит. Вашингтонские власти долгое время утверждали, что им якобы неизвестно местопребывание палача Сайгона. А он тем временем жил себе припеваючи в графстве Фэрфекс, штат Виргиния, в городке Бэрк, всего лишь в нескольких километрах от Белого дома. Правда, палач переквалифицировался в ресторатора — открыл кафе под названием «Ле труа континан». Там-то я его и нашел и поговорил с ним «по душам». Напоминал он побитого пса, зализывающего раны. При помощи сестры милосердия в облике американской Фемиды...

Соединенные Штаты вообще притягивают к себе как магнит-амулет палачей всех мастей и калибров. Они — рай

для низложенных диктаторов, которые уверены, что дядюшка Сэм их не выдаст. И он не выдает. Разгадка вашингтонского «милосердия» не в специфике законодательства США, а в роли мирового жандарма, которую они взяли на себя. В жандармском же хозяйстве любая веревочка сгодится, тем более если из нее можно сделать виселичную петлю.

Со времен средневековья в Нюрнберге существовало поверье, что веревка повешенного приносит счастье. И вот американский сержант Джон Вуд, повесивший главных немецких военных преступников во дворе городской тюрьмы Нюрнберга, выпросил у своего начальства «волшебную пеньку» и сделал на ней неплохой бизнес. К сожалению, ныне эта форма бизнеса в Вашингтоне поощряется только в том случае, если речь идет о веревках, которыми душат не палачей, а их жертв. Вот почему десятки и сотни миллионов долларов ассигнуются палачам Сальвадора и Гватемалы, Чили и Уругвая, Ливана и Палестины. Вот почему гитлеровских преступников не судят, не выдают, а используют в качестве советников и инструкторов. (Так, в советниках у Пиночета подвизается некто Вальтер Рауфф — гитлеровец, на совести которого девяносто тысяч убитых и замученных жертв фашизма.) Вот почему организатора резни в Сабре и Шатиле — израильского военного министра Шарона лишили не жизни, даже не свободы, а всего лишь министерского портфеля. Ни один, повторяю, ни один из организаторов и прямых исполнителей кровавого избиения в этих южнобейрутских лагерях не привлечен к уголовной ответственности, не арестован, не находится под следствием.

Логика попустительства — мораль агрессоров.

Ворон ворону глаз не выклюет. Знал ли Джексон, главный американский обвинитель на Нюрнбергском процессе, как откликнутся через многие годы эти его слова из заключительной речи: «Я хочу разъяснить, что, хотя этот закон применяется впервые против германских агрессоров, он должен осуждать агрессию, совершенную любой другой нацией, включая и те, которые представлены сегодня в трибунале, если только он предназначен для служения истинно полезной цели». Но те, кто служит богу войны Марсу, кто носится с идеями мирового господства, кто замышляет ракетно-ядерную катастрофу, как раз и не хотят функционирования нюрнбергских законов. Они боятся, что возмездие за прошлое может стать назиданием на будущее, которое осадит вздыбленную колесницу агрессии.

Логика попустительства — мораль агрессоров и расистов. Вороны геноцида не выклюют друг другу глаза. Германский фашизм вместе со смертью нес человечеству «тысячелетнее господство» белокурых арийских бестий. Американский империализм, провозглашающий Pax Americana — Американский век, тоже не «видит» людей, если они не янки. Вот что сказал репортеру журнала «Нью-йоркер» один из дружков лейтенанта Колли: «Дело в том, что никто из нас не считает

вьетнамцев за людей. Для нас они не люди. Поэтому безразлично, что ты с ними делаешь». Мерой успеха, указанной в американских оккупационных войсках, было body count — подсчет трупов. Как у «тигров» Освенцима и Майданека. Эта же мера взята на вооружение израильскими агрессорами на захваченных ими арабских землях. Круговая порука расистов укрывает военных преступников надежнее любой пластической операции.

«Я все забыл», — было первой фразой, произнесенной Барбье, когда он снова — вынужденно на сей раз — ступил на землю Франции. Рудольф Гесс долгое время симулировал выпадение памяти. Яльмар Шахт демонстративно садился спиной к экрану, когда обвинители показывали фильм «Зверства гитлеровцев». Депутат бундестага и бывший генеральный прокурор ФРГ Макс Гюде заявил, что «у человеческой памяти есть границы».

Память, память, память...

Человеческая память безгранична. Некоторые ученые, изучающие наш мозг, утверждают, что именно память является главным отличием мыслящего существа — человека от животного. (Не потому ли, помимо всего остального, все эти «тигры» и «бешеные собаки» боятся памяти?) Выпадение памяти — болезнь, выпадение совести — преступление. Укрыватели фашистских палачей и военных преступников страдают не первой, а второй формой выпадения. Впрочем, слово «страдание» здесь неуместно. Страдают не они, а народы. Ибо подобное «выпадение» памяти и совести логически ведет к выпадению радиоактивных осадков. Я не преувеличиваю, и это отнюдь не «коммунистическая пропаганда». (Когда-то сенатор Лангер объявил весь Нюрнбергский процесс «коммунистическим» заговором, организованным Москвой».) Позволю себе еще раз предоставить слово главному американскому обвинителю на Нюрнбергском процессе Джексону: «Преступления, которые мы стремимся осудить и наказать, столь преднамеренны, злостны и имеют столь разрушительные последствия, что цивилизация не может потерпеть, чтобы их игнорировали, так как она погибнет, если они повторятся».

Именно в этом суть проблемы — корень Возмездия. Его гуманизм. Необходимость его неотвратимости. И его трепещущая натянутой тетивой актуальность. Почти сорок лет назад союзные державы поклялись найти военных преступников «даже на краю света». Теперь некоторые из нынешних руководителей некоторых из этих держав не видят палачей даже у себя под носом. Стоит ли удивляться такой «близорукости», если президент США официально принимает в Белом доме афганских басмачей и даже фотографируется с ними! Все это — звенья одной логической цепи.

...После того как трагедия Сонгми стала достоянием гласности, президент Никсон в качестве верховного главнокомандующего вооруженными силами США отдал приказ пято-

му батальону элитарной «Американской дивизии» охранять эту вьетнамскую деревушку, держать ее в неприкосновенности — в качестве вещественного доказательства для будущего следствия. «Операция Хаммурапи» — таково было кодовое название этого предприятия.

— Мы назвали его так в честь вавилонского царя Хаммурапи, автора первого дошедшего до нас писаного свода законов. Мы хотели избежать любого наименования, содержащего даже отдаленный намек на насилие, — с гордостью и невежеством пояснял командир батальона майор Тэд Роман.

Майору Роману и его высшему начальству было, видимо, невдомек, что кодекс Хаммурапи исповедовал принцип «жизнь за жизнь»...

Наш принцип — Возмездие ради жизни, а не месть ради смерти.

8 марта 1984 г.

Баллада о кандалах

Пятьдесят лет назад — 28 февраля 1934 года — «Известия» вынесли в шпигель следующие слова: «Вчера, в 19 ч. 05 м., на Московский аэродром прибыл самолет, доставивший в красную столицу тт. Димитрова, Попова и Танева». Как символично — эти слова были помещены сразу же под традиционным призывом: «Пролетарии всех стран, соединяйтесь!» Именно соединенная сила — солидарность международного пролетариата вырвала из рук фашистских палачей героических сынов болгарского народа, обвиненных — провокационно, клеветнически — в поджоге рейхстага.

Рейхстаг был предан огню 27 февраля 1933 года. Встреча в Москве состоялась ровно через год после этого. История позволяет себе иногда поиграть в даты. Ей, видимо, тоже свойственно чувство иронии и пафоса...

Когда на залитую электрическим светом и запорошенную снегом взлетно-посадочную дорожку приземлился самолет германских авиалиний из Кенигсберга, казалось, вся Москва, охваченная неукротимым трепетом ожидания, рванулась к трапу. Бежали по колено в снегу рабочие и служащие, юные пионеры и старые большевики. Бежали, забыв о недугах, подхваченных на царской каторге, Ярославский, Мануильский, Лозовский... Бежал оркестр, играя на ходу «Интернационал». Бежали, сорвавшись со своих мест, красноармейцы из отряда оцепления. Люди кричали «ура!» и «рот-фронт!». Кто-то накидывал зимние шубы на плечи болгар, ошеломленных бурей и натиском москвичей. Все было словно по Пушкину:

Оковы тяжкие падут,
Темницы рухнут, и свобода
Вас встретит радостно у входа.
И братья меч вам отдадут.

Все было словно по Пушкину. Но не совсем. Оковы погнулись лишь слегка. Темницы дали лишь небольшую трещину. Было еще рано, ох, как рано, вкладывать меч в ножны. Борьба только начиналась. И об этом были первые слова Георгия Димитрова на советской земле.

Еще вчера он находился в казематах гестапо на берлинской Принц-Альбрехтштрассе в бывшем здании Прусской академии искусств. (Фашизм топтал культуру и в прямом, и в переносном смысле слова.) Когда шеф гестапо Дальс с наигранной небрежностью сообщил Димитрову, что тот летит в Москву, коммунист-болгарин с достоинством ответил:

— Да, это прекрасно! Передайте мой самый горячий привет немецкому народу, а вашему правительству — мое глубочайшее презрение. Рот-фронт!

А гестаповцу Гелеру, сопровождавшему его от Берлина до Кенигсберга, Димитров сказал вещие слова:

— Я надеюсь возвратиться в Германию, но уже в качестве гостя германского рабоче-крестьянского правительства.

— Пока я жив, этого не случится! — прошипел Гелер.

— Никто не знает, как долго вы еще продержитесь, господин Гелер...

Любопытная деталь, ставшая известной несколько позднее. Оказывается, после оправдания Димитрова Геринг вознамерился пригласить его в свой охотничий замок, чтобы «поговорить с ним напоследок». Согласно версии Геринга, он отказался от этой затеи, ибо Димитров «мог бы вообразить, что я хочу вовлечь его в западню. Димитров мог бы, скажем, выпасть из моего автомобиля, и все подумали бы, что я его убил... Мы хотели избегнуть того, чтобы ему устроили в Москве царский прием». Разумеется, даже Геринг, при всей его ненависти к Димитрову, не осмелился бы убить его в своем замке. Но западня тем не менее готовилась, правда, несколько иного рода. Геринг хотел дискредитировать Димитрова, замарать его, придав их принципиальной, классовой конфронтации характер «честного рыцарского поединка». Но он и тут жестоко просчитался. Димитров отверг его предложение. Презрев охотничий замок рейхсмаршала, он полетел в красную Москву. Прием, оказанный ему в советской столице, был не царским, а большевистским. Но иного Димитров и не ждал от народа, свергшего царя. Ему и не требовалось много. Он был безмерно счастлив — этот старый большевик и новый гражданин Советского Союза...

От поджога рейхстага молодчиками маршала Геринга до взятия рейхстага солдатами маршала Жукова прошло двенадцать лет. Вот и все, что отпустила история на «тысячелетнее царство» гитлеризма. Впрочем, и этого было вполне предостаточно.

Но тогда в феврале 1933 года фашизм был на подъеме, он хорохорился, входя во вкус власти. Озаренный пламенем пылавшего рейхстага, Гитлер кликушествовал: «Это знамение, ниспосланное нам богом! Никто теперь не помешает нам раздавить коммунистов железным кулаком! Вы являетесь очевидцами новой, великой эпохи в истории Германии. Этот пожар — ее начало».

Однако уже на Лейпцигском процессе Димитров доказал, что это было началом конца.

В интервью английской газете «Дейли мейл» Геринг сделал довольно интересное признание: «Может быть, Димитров и не поджигал рейхстаг, но он сделал все, чтобы зажечь германский народ. Если бы победила его партия, они нас безжалостно повесили бы... Такой человек слишком опасен для того, чтобы его можно было выпустить на волю». Вряд ли рейхсмаршал провидел тогда Нюрнберг, где от виселицы его спасла капсула цианистого калия. И вряд ли была обоснованна его попытка поставить на одну—виселичную — доску себя и нас. В качестве иллюстрации — пример из далекой истории Грузии, которую пытался поработить кровавый шах Аббас. После одного сражения он повелел повесить на дереве двенадцать убитых грузинских воинов и прибить дощечку: «Не потому, что собаки, а потому, что грузины». В ответном бою, когда были разбиты шахские полчища, грузины тоже повесили на дереве двенадцать врагов. Но вот что было написано на дощечке, прибитой к дубу: «Не потому, что персы, а потому, что ханы».

Зверства палачей и святая месть — разные понятия. Освенцим и Нюрнберг — причина и следствие, а не близнецы...

4 апреля 1933 года Димитрову надели кандалы на руки и ноги и приковали короткой цепью к стене. Закованный узник обращается к следователю со следующей просьбой: «Будьте так добры, пришлите мне учебник немецкого языка... Мне хочется как можно лучше использовать время своего пребывания в заключении, в особенности для правильного изучения немецкого языка, который я так высоко ценю и на котором я пишу, — победоносного и прекрасного языка Гёте и Гейне, Гегеля и Маркса». Он ненавидел своих тюремщиков не потому, что они немцы, а потому, что они фашисты. И он воспользовался победоносным и прекрасным немецким языком в борьбе против варваров. В одной из своих знаменитых речей он процитировал строки Гёте:

Впору ум готовь же свой.
На весах великих счастья
Чашам редко дан покой:
Должен ты иль подыматься,
Или долу опускаться,
Властвуй — или покоряйся,
С торжеством — иль с горем знайся,
Тяжким молотом взвивайся
Или наковальней стой.

Кто не хочет быть наковальней, тот должен стать молотом, говорил Димитров.

В первую очередь Димитров обрушивал свой молот на кандалы — символические и реальные, в которые его заковали фашисты. Кандалы были особенно невыносимы для рыцаря свободы. Уже в первый день приезда в Москву Димитров рассказывал на пресс-конференции: «В продолжение пяти месяцев до процесса днем и ночью наши руки были закованы. Тот, кто этого не пережил, не может представить себе, что это означает... Пять месяцев днем и ночью... Пять месяцев все ночи напролет руки были в этих проклятых оковах!.. Каждую ночь я просыпался от болей до 20, 30, 50 раз. И все это зависело от полицейского чиновника. Если наручники немного сжать, человек испытывает сильные страдания».

О кандалах Димитров рассказывал неоднократно. Он говорил, что они «причиняют боль, ужаснее всех пыток средневековья и инквизиции», что «легче вынести казнь, чем быть закованным в кандалы». Лишь в результате личного послания Ромена Роллана генеральному прокурору была прекращена эта скандальная кандальная пытка. (Берлинские штурмовики уже жгли книги Роллана, но лейпцигская юстиция еще играла в справедливость.)

Фашистские «браслеты» оставили длительный след на запястьях товарища Димитрова. Мне довелось видеть их. И вот каким образом. Для того чтобы поправить свое здоровье и немного отдохнуть, Димитров поехал на курорт Ликани в Боржомском ущелье. В те годы там обычно собирались старые большевики со своими семьями. Димитров любил играть в волейбол. Каждый раз, когда он принимал мяч, рукава его украинки задирались, обнажая следы от кандалов, похожие на крупные швы, только-только наложенные неумелым хирургом.

Мы, дети, благоговели перед Димитровым. Достаточно было сестре-хозяйке сказать, что Димитров «пошел отдыхать», и мы тут же прекращали все наши игры, возню, шум и гам. В эти минуты мало кто мог признать в нас недавних «вождей краснокожих», от которых стонал весь дом отдыха. Особенно мы любили, когда Димитров садился в плетеное кресло на террасе так называемой «Наполеоновской комнаты», чтобы позировать известному скульптору Котэ Мерабишвили. Мы располагались вокруг и, забыв о наказах родителей не тормошить гостя, забрасывали его всевозможными вопросами. Димитров охотно вступал в беседу, рассказывая — в лицах — о пережитом. Это последнее особенно огорчало скульптора, который никак не мог «поймать» натуру. Чаще всего Димитров рассказывал об Эрнсте Тельмане, перед которым он преклонялся. Обучал он нас и песне гамбургских пионеров о том, что «есть на свете Москва». Для него она имела в те дни особый смысл. И, конечно же, говорил о кандалах. Мы с трепетом прикасались к ярко-бронзовым следам, а он смотрел поверх наших голов в сторону гор, види-

мо напоминавших ему родную Болгарию, и улыбался. То светло, то грустно.

С тех пор у меня остался дорогой сувенир-фотография. В центре сидят Георгий Димитров и похожий на Ноя-патриарха, весь убеленный сединами председатель ГрузЦИК Филип Махарадзе. А вокруг мы — детвора. Те, кто помладше — среди них и я, — у самых ног двух выдающихся революционеров, прошедших тюремно-каторжное чистилище капиталистического ада.

Много, очень много лет спустя я вновь вспомнил запястья Димитрова со следами от кандалов. Было это в Южном Вьетнаме. Подразделение национально-освободительной армии, к которому я был прикомандирован, только что освободило район, считавшийся оплотом партизанского движения. Комиссар представил меня группе женщин. Их руки сплошь были покрыты шрамами — старыми и совсем свежими. Многие из них гноились.

— Эти раны они наносили сами себе, — сказал комиссар поймав мой взгляд.

— Но почему?

— Чтобы «на законном основании», не вызывая подозрений, получать от врачей пенициллин, который затем переправлялся в наши лесные лазареты.

Комиссар попросил меня обратиться к женщинам с речью. Я растерялся и пробубнил что-то на пять минут. Мне было как-то совестно отнимать у них время. В особенности сейчас, когда настал долгожданный миг встречи со свободой.

— И это все? — спросил комиссар.

— Да, все.

— Нет, так дело не пойдет. Вы — первый советский человек в этих краях. И говорить вам не меньше часа.

— Но о чем?

— О чем угодно. Они заслужили уважение к себе.

Я еще больше растерялся: как можно краснобайствовать перед женщинами, которые жертвовали здоровьем ради победы, героизм которых говорил исключительно языком шепота? Я вновь украдкой покосился на их иссеченные гноящимися шрамами руки и неожиданно, силой каких-то непостижимых ассоциаций, вспомнил кандальные следы на запястьях Димитрова. И я начал рассказывать вьетнамским женщинам историю болгарского коммуниста. Они не слышали его имени, не знали, что такое рейхстаг и даже германский фашизм. И тем не менее они вскоре разобрались в моем повествовании. Ведь они прошли уникальную школу магически сжатого во времени классового созревания, когда длина года измеряется длиною шрама, а тяжесть лет — щепоткой пенициллина. Особенно их тронула история мытарств матери Димитрова — Параскевы. И все они наперебой просили меня передать им обоим — и матери, и сыну — глубокий поклон. Они ведь не знали, что их давно уже нет в живых.

Нет в живых?

Так почему же тогда мы вспоминаем пятьдесят лет спустя приезд Георгия Димитрова в заснеженную Москву? Так почему же тогда не вянут розы, вложенные Надеждой Константиновной в многострадальные руки героя Лейпцигского процесса?

Димитров жив. Он не имеет права умереть до тех пор, пока в мире еще поджигают рейхстаги и защелкивают кандалы рабства. Он не имеет права умереть, пока не затянутся пепелища и не исчезнут следы оков. Он не имеет права умереть в особенности сейчас, когда ядерная смерть нависла над всем человечеством. «Драться против подготовителей и поджигателей новой всемирной войны — это не заслуга, это **долг**», — сказал Димитров на следующий день после прибытия в Москву в Обществе старых большевиков. Что может быть актуальнее этих слов в наше время?

Димитров — человек долга. Как он может умереть, не выполнив его до конца? Вы правы, вьетнамские Параскевы с обезображенными руками и просветленными лицами, — Димитров жив!

28 февраля 1984 г.

Как уйти от часового,
Как дожить короткий век?
Пуля в грудь за взгляд, за слово,
Пуля в спину за побег!

Болотные солдаты
идут среди проклятых
болот...

(Из песни узников гитлеровских концлагерей «Болотные солдаты»)

I

Налево пойдешь — кладбище найдешь, направо пойдешь — концлагерь найдешь... Нет, это не из «страшной» и старинной детской сказки. Это из жуткой и омерзительной трагикомедии нравов современных Вашингтона и Бонна.

Вот уже несколько недель весь мир оживленно обсуждает маршрут предстоящего визита президента Соединенных Штатов Рональда Рейгана в Западную Европу. Написал я слово «оживленно» — и споткнулся. Нет, неуместно оно в данном контексте. И не только потому, что речь идет о мертвечине.

Одни говорят об этом маршруте с гневом и возмущением, другие — захлебываясь от восторга, третьи — смущенно и уклончиво. Такое впечатление, что речь идет не о маршруте, а о водоразделе, о меже, о чем-то взаимоисключающем, взаимоотталкивающем. Впечатление это не обманчивое. Так оно и есть на самом деле. Маршрут предстоящей поездки президента США превратился в символический эквивалент путей, которые предстоит выбирать человечеству. Здесь и путешествие памяти в прошлое, и прокладывание просеки в будущее. По сути дела, борение страстей вокруг маршрута — отражение более широкой борьбы, бушующей на международной арене.

Все началось с того, что президент Рейган отказался посетить бывший гитлеровский концлагерь Дахау, расположенный в нескольких километрах от Мюнхена. (Не будь Мюнхена, не было бы и Дахау.) Кто старое помянет, тому глаз вон, пытался оправдываться президент. «Посещение Дахау, по-моему, просто противоречит тому, что, по моему мнению, мы все должны подчеркивать... Мне просто казалось, что будет совершенно неуместно делать на этом упор, будучи гостем в их (ФРГ) стране», — заявил Рейган на пресс-конференции в начале апреля. Президент призывал зарыть в землю томагавки прошлой войны, в ту самую землю, на которой сейчас развертываются ядерные «томагавки» — эти ядовитые семена войны будущей.

Забыть значит простить. Забыть Дахау значит простить его палачей. Значит простить его коменданта, эсэсовского генерала группенфюрера Отто Шульца, руководившего уничтожением почти двухсот тысяч «болотных солдат». Значит простить дипломированных выродков профессоров Рашера и Рихтера, этих врачей-извергов, производивших жестокие эксперименты над заключенными. (Впрочем, Рашер был прощен еще раньше, и не только в переносном смысле. Он нашел себе убежище и работу по «специальности» в США!) Значит простить лагерного офицера Отто Шварценберга, подарившего своей супруге «Божественную комедию» Данте Алигьери, переплетенную в человеческую кожу.

Забыть значит простить... На средства бывших жертв нацизма мученикам Дахау воздвигнут небольшой памятник. Он стоит на невысоком постаменте неподалеку от крематория, в котором сжигали не мертвых, а живых. Памятник — человек в полосатой одежде. Он изможден, но кулаки его крепко стиснуты. Глаза его глубоко запали, но он пристально глядит вперед, словно всматривается в будущее. На цоколе выбиты слова: «Мертвым — честь, живым — предостережение». Отказавшись посетить Дахау, президент Рейган оскорбил честь мертвых и тем самым поставил под угрозу жизнь новых поколений.

Нет, далеко не случайно хозяин Белого дома не осмелился взглянуть прямо в глубоко запавшие глаза человека-монумента; далеко не случайно он отказался въехать в Дахау через

Браму (ворота), о которой тюремщики говорили: «В Дахау вход один — через Браму и выход один — с дымом, через трубу крематория». Или, быть может, президента испугала надпись на воротах: «Арбайт махт фрай!» («Работа делает свободным!») Быть может, он расценил эту надпись как намек на отсутствие права на труд в Соединенных Штатах? Нет, далеко не случайно президент «самой свободной страны в мире» не пожелал увидеть «стену смерти» Дахау, которая длиннее даже, чем в Освенциме. Стена эта была оборудована специальными пулеуловителями, чтобы свинец «третьего рейха» не пропадал зря! «Стена смерти» хранит отметины пуль. Память живых хранит вещи куда пострашнее. Как можно забыть и простить их, не предав тех, кто стоял у «стены смерти», не предав дело, за которое они пали?! Нет, не случайно отказался Рейган пройтись вдоль (а тем более между) двух параллельно расположенных высоких заборов из колючей проволоки, через которую был пропущен ток высокого напряжения; пройтись вдоль глубокого бетонированного рва, вдоль железобетонных и деревянных вышек — пулеметных и прожекторных гнезд; пройтись вдоль бараков, также опоясанных металлической сеткой-«ежом», как вольеры в зоопарке; пройтись вдоль знаков скрещенных костей и черепов...

В тот самый день, когда президент Рейган заявил на пресс-конференции о «неуместности» посещения Дахау в канун 40-летия Победы над гитлеровской Германией, Пентагон уведомил конгресс о намерении продать Западной Германии 866 сверхзвуковых противорадиолокационных ракет «Харм» класса «воздух—земля». В уведомлении Пентагона говорилось, что «эта продажа будет содействовать целям внешней политики и национальной безопасности Соединенных Штатов благодаря укреплению военного потенциала Федеративной Республики Германии». Ничего себе «подарочек» к 40-летию! Заявление президента и уведомление Пентагона тоже параллельны друг другу, как высокие заборы из колючей проволоки в Дахау. Сквозь них тоже пропущен ток высокого напряжения — индульгенции палачам прошлого и вооружение грозящих будущему, пропущен ток, усиливающий международную напряженность. (В уведомлении Пентагона подчеркивалось, что ракеты «Харм», производимые фирмой «Тексас инструментс», обеспечат западногерманским самолетам «Торнадо» «превосходство в воздухе и позволят им достигать целей противника». Кто подразумевается под «противником» Вашингтона и Бонна 40 лет спустя, думаю, нет необходимости расшифровывать.)

Одно дело — закрывать страницу истории, совсем другое — закрывать глаза на уроки истории. И тем более плевать на нее и искажать. Людям, ослепленным ощущением своей силы, не важно, реальной или иллюзорной, кажется, что они могут кроить и перекраивать историю соответственно модам сезона. Но книга истории не журнал мод. То, что высечено на

ее скрижалях, неизменно. Провозглашение Советского Союза, спасшего мировую цивилизацию от коричневой чумы, «империей зла» и отказ от посещения бывших концлагерей бывшей гитлеровской империи — вопиющие попытки изнасиловать историю, втиснуть ее в прокрустово ложе фальсификации, а по возможности даже опрокинуть на смертный одр. Но никакая уэллсовская машина времени, никакая пентагоновская машина безвременья не могут совершить подобное.

«Если наша дружба с Западной Германией требует, чтобы мы обошли прошлое, то тогда мы отказываемся от слишком многого... Мы не можем изменять историю, исходя из интересов мелкого этикета», — говорит бостонская публицистка Эллен Гудмэн. С ней можно согласиться, но с одной существенной поправкой. Решение Белого дома было продиктовано не интересами мелкого этикета, а интересами крупной игры. Ставки в ней чрезвычайно высоки — будущее ФРГ, будущее Европы, будущее всего мира.

Историю нельзя проституировать. Продаются иногда лишь историки. Историю нельзя выбрасывать, как поломанную мебель. Она всегда с нами, как тень. История — хранитель нашего опыта, а не хорошо вышколенный лакей с угодливым «чего изволите» на устах. Газета «Вашингтон пост» пишет: «Бывают моменты, когда история напоминает незваного гостя. Она постоянно затрагивает некоторые современные события, словно словоохотливый старец, который перебивает людей, пытающихся соблюдать правила хорошего тона. Он хватает гостей за полы, нарушает дипломатическое спокойствие, нашептывает старые сплетни... Нынешней весной истории представляется исключительная возможность чинить неприятности... Как отпраздновать победу, не оскорбив тех, кто потерпел поражение? Американское правительство предложило такое весьма дипломатичное политическое решение этой проблемы: президент совершит паломничество в Западную Германию в мае, но он решил не ездить в Дахау, чтобы не подчеркивать комплекс вины. Рейган... хочет держать историю под контролем и дать ей лишь ограниченный доступ на этот прием в качестве гостя. Ну, что же, Рейган не очень силен в математике, но еще хуже обстоит дело с его моральным комплексом... Отказ от поездки в Дахау — это позор для наших ценностей и идеалов. Даже сама память о жертвах приносится в жертву политическим соображениям... Если лояльность (по отношению к Бонну) требует, чтобы мы ходили на цыпочках вокруг прошлого, чтобы мы деликатно избегали упоминания о том, что является самым большим позором человечества, то это не лояльность, а сплошной обман. История — это незваный и непростой гость, потому что она пропитана правдой».

И здесь со многим можно согласиться. Но далеко не со всем. Вашингтон не ходит на цыпочках вокруг прошлого, он грубо попирает его. И отнюдь не ради лояльности к Бонну — ах, как бы герр Коль не обиделся! — а ради обеспечения

лояльности самого Бонна авантюристическим замыслам агрессивных кругов США. К тому же и у Вашингтона рыльце в пушку перед «словоохотливым старцем» — Историей, которая, кстати, нашептывает не старые сплетни, а бередит старые раны солью правды. Характерно, что в вышеупомянутой статье из «Вашингтон пост» есть и такой пассаж: «Национальная вина не безгранична. Молодые немцы несут за нацизм не бóльшую ответственность, чем молодые американцы после гражданской войны — за рабство». Звучит, казалось бы, убедительно, однако...

Неонацизм в Западной Германии и расизм (даже не «нео») в Соединенных Штатах совсем не тени прошлого, а зло во плоти и крови. Своими ядовитыми ветвями они заслоняют небо будущего, но корнями уходят в прошлое. Они произрастают, потому что эти корни не были выкорчеваны до конца. Рейгана, отказавшегося посетить бывший концлагерь Дахау, можно обвинить в чем угодно, но только не в отсутствии последовательности, не в отсутствии логики, пусть даже людоедской. Мог ли поступить иначе глава администрации, объявившей своей официальной политикой государственный терроризм? Мог ли поступить иначе человек, который ровно год назад — 5 апреля 1984 года — подписал «директиву по национальной безопасности» о разработке планов по созданию «на всякий пожарный случай» концентрационных лагерей на несколько сот тысяч человек? Я имею в виду секретную директиву «Рекс-84», в которой, согласно еженедельнику «Спотлайт», изложены «срочные инструкции по сдаче в эксплуатацию десяти огромных концентрационных лагерей на важных военных объектах по всей стране». Зачем же удивляться, что строитель американских дахау не хочет посетить Дахау гитлеровское, не хочет заглянуть в зеркало прошлого, отражающее будущее группенфюреров любой масти?

II

Сказавший «а» должен сказать и «б». Мировая общественность еще продолжала возмущаться решением Рейгана не посещать бывший гитлеровский концлагерь в Дахау, как на нее обрушилась не менее кощунственная весть. Оказывается, президент Соединенных Штатов не только вычеркнул из своего маршрута Дахау, но вписал в него Битбург!

О Дахау знают все. Битбург приобрел геростратовскую известность лишь в последние дни. Поэтому давайте несколько подробнее остановимся на этом небольшом западногерманском городке, расположенном неподалеку от границы с Люксембургом. Главная его достопримечательность — кладбище, на котором похоронены немецкие солдаты, убитые в первой и второй мировых войнах. Среди них около двух тысяч солдат гитлеровского вермахта, включая подразделения СС, погибших в ходе Арденнской операции против высадившихся в Нормандии в 1944 году союзнических

войск. Согласно графику визита Рейгана в ФРГ, президент Соединенных Штатов должен возложить на их могильные плиты венок.

В Вашингтоне утверждают, что идея посещения Рейганом Битбурга принадлежит канцлеру ФРГ Колю. Она была выдвинута еще пять месяцев назад во время поездки Коля в Вашингтон. Как писала газета «Нью-Йорк таймс», Коль «настоятельно призвал Рейгана нанести визит на военное кладбище, где похоронены американские и немецкие солдаты, что символизировало бы собой примирение». Рейган охотно согласился. В Битбурге дважды побывала группа по подготовке визита президента во главе с его ближайшим помощником Дивером. Видимо, эти джентльмены были настолько заняты приобретением по дешевке автомобилей БМВ (сейчас эта махинация находится в стадии разбирательства), что не удосужились обратить внимание на следующее обстоятельство: на кладбище в Битбурге нет никаких могил американских военнослужащих, зато есть могилы солдат вермахта, уничтоживших в Арденнах 77 тысяч американцев, и могилы эсэсовцев, устроивших массовую резню пленных американцев в Мальмеди.

«Битбургская бомба» произвела оглушительный взрыв. Решение Рейгана квалифицировали как «неслыханное» и «непостижимое». (Оно было неслыханным, но вполне постижимым.) Телефоны Белого дома обрывали звонки возмущенных американцев. Ветераны второй мировой войны выступили с заявлением, в котором говорилось: «Не может быть прощения защитникам третьего рейха, похороненным на этом кладбище... Он (Рейган) хочет воздать честь тем, кто стрелял в наших товарищей...» Газета «Вашингтон пост» писала: «Кому-то в Белом доме стоит серьезно поразмыслить несколько минут о том, по какому именно поводу проходят эти торжества. Это не годовщина нацистского движения или армии, которая его защищала. Это победа, которая была достигнута неимоверной ценой и которая освободила всех европейцев — в том числе и немцев — от страшного гнета». А конгрессмен У. Грин прямо заявил: «Уж не свихнулась ли новая команда в Белом доме?»

Нет, не свихнулась. (Вывихнутые мозги и совесть — нечто другое.) Нет, не свихнулась даже тогда, когда попыталась объяснить «ошибку» Дивера тем, что, дескать, «могилы в Битбурге были покрыты снегом, и надписей на плитах не было видно». Ах, уж этот хрестоматийный прошлогодний снег!

Дело в том, что в Битбурге все-таки имеются американские солдаты. Правда, не мертвые, а... живые. Это можно легко обнаружить даже при библейском снегопаде. Да и как не обнаружить, если американские военнослужащие и их семьи составляют ныне добрую (добрую ли?) половину обитателей Битбурга. Здесь расположена база американских ВВС. Как видите, ларчик просто открывался. (Кстати, американские

военнослужащие, расквартированные в Битбурге, считают себя «частью населения города» и выступают за визит Рейгана и за церемонию возложения венка.)

Просматривая поистине необъятную груду протестов против посещения Рейганом Битбурга — целый Монблан! — от заявлений Американского легиона до всевозможных еврейских организаций США, протестов, зачастую чрезвычайно резких и, как правило, справедливых, я не мог не обратить внимание на такое обстоятельство: говоря о мрачном прошлом Битбурга при Гитлере (здесь сосредоточивались его танковые колонны для нанесения удара по союзническим войскам в Арденнах), все они с подозрительным единодушием умалчивают о не менее мрачном настоящем этого города, о совершенно непредставляемом его будущем. Ведь мертвые эсэсовцы уже не восстанут из могил, а вот американские самолеты будут стартовать с битбургской земли, неся смерть и разрушения другим городам и навлекая смерть и разрушение на этот город.

Несмотря на бурю протестов, визит Рейгана в Битбург и церемония возложения венка на могилы эсэсовцев все-таки состоятся. Утверждают, что американский президент «не хочет обидеть» западногерманского канцлера. Но сантименты тут ни при чем. Не важно, чего не хочет президент. Важно то, чего он добивается. Венок для Битбурга — обруч для НАТО. В его сплетении — узы зависимости Западной Европы от Вашингтона. Мертвые сраму не имут. А живые разучились срамиться. Ведь дальше Битбурга ехать некуда. Дальше, впрочем, есть еще и Страсбург, где Рейган попытается, подобно Зевсу, «похитить» Европу, повторив ультиматум о форсированном присоединении членов НАТО к программе «звездных войн».

Некоторые обозреватели иронизируют, почему бы президенту США вместо баварского Дахау не посетить баварский Нессельванг? Там он может увидеть не мертвых, а живых эсэсовцев! В Нессельванге намечается сборище бывших головорезов из танковых дивизий «Адольф Гитлер», «Мертвая голова» и «Гитлерюгенд». Любопытно, что скажут по этому поводу, если они еще живы, водители тех трех американских танков, которые первыми ворвались в Дахау утром 28 апреля 1945 года, своротив орудийными выстрелами в упор злополучные ворота — Браму и снеся одну из вышек? И уж точно известно, что сказал бы по этому поводу узник Дахау советский генерал Михайлов, назначенный комендантом уже освобожденного концлагеря.

В момент освобождения в Дахау находились тридцать тысяч узников, представлявших тридцать европейских национальностей — своеобразный европейский парламент, во всяком случае, более представительный, чем страсбургская говорильня. Здесь были русские военнопленные и австрийский канцлер Шушниг, польские крестьяне и бывший французский премьер Леон Блюм, борцы Сопротивления и столпы полити-

ки невмешательства. На какое-то время фашистская неволя уравняла их. И в жизни, и в смерти. В жизни, согласно «Калькуляции доходности содержания узника», разработанной гестапо, на питание каждого «болотного солдата» отпускалось 60 пфеннигов в день, а на кремацию — 2 марки. Более того, «Калькуляция» учитывала доходы даже от утилизации трупа: золотые коронки, волосы и, наконец, пепел на удобрения! В канун краха гитлеровского рейха Гиммлер отдал приказ лагер-комендантам Дахау и Флоссенбурга, который гласил: «О сдаче не может быть и речи. Лагерь должен быть тотчас эвакуирован. Ни один узник не должен попасть живым в руки врага».

К счастью, этот приказ не успели выполнить полностью... Я не знаю, заседают ли в Европейском парламенте в Страсбурге бывшие узники Дахау и Флоссенбурга, работают ли в Пентагоне военнослужащие, освобождавшие эти лагеря смерти, но в любом случае, если они сегодня предают прошлое, будущее воздаст им отмщение стократ.

Здесь мне хочется остановиться и предоставить слово моему американскому коллеге Ричарду Коэну. Вот что он пишет в статье, озаглавленной «Кого же чтит Рейган?».

«По-видимому, в сознании Рональда Рейгана есть уголок, где война воспринимается как кинофильм. Здесь мертвые встают, отряхиваются и отправляются обедать вместе с теми, кто их только что убил. По-видимому, это относится даже ко второй мировой войне. Может быть, этим объясняется решение президента возложить венок на немецком военном кладбище в Битбурге. Коля можно понять. Однако... даже предлагать президенту Соединенных Штатов почтить память этих людей — святотатство... Это не почести, а угодничество. Как может американский президент чтить память людей, которые распространяли нацизм в самых отдаленных уголках Европы? Что чтит наша страна, помимо отсутствия морали и слепого повиновения? Чтить память солдата, который погиб, бездумно служа злу, — то же самое, что насмехаться над людьми, павшими в борьбе против этого зла. Между жертвой и убийцей существует моральное различие — причем огромное — между немцами, боровшимися против нацизма, и немцами, пившими вина оккупированного Парижа. Чтить память последних — то же самое, что чтить моральный вакуум. Да, иногда складывается впечатление, что Рональд Рейган воспринимает историю как отдельные кадры кинокартины, которые он может разрезать по своему желанию. Он может пустить слезу, слушая рассказы о зверствах фашистов, а затем позволить своим помощникам объявить, что он возложит венок на могилы тех, кто повинен в этих зверствах. Как будто одно никак не связано с другим, как будто историю можно редактировать. Вторая мировая война имела определенный моральный аспект, который нельзя игнорировать. Мы не можем бездумно использовать клише типа «чтить память павших» — как будто честь заключается в гибели, а не в деле,

защищая которое погиб человек. Люди, похороненные в Битбурге, погибли, защищая нацизм. Чтить их — это значит обесчестить нас».

Браво, Ричард Коэн!

В Вашингтоне кое-кому и впрямь хотелось бы отмотать назад, как кинопленку, историю. Отмотать к тем дням, когда Аллен Даллес вел закулисные переговоры с генералами СС и вермахта; когда генерал Паттон громогласно объявлял, что США напрасно воюют вместе с Советским Союзом против фашистской Германии, что было бы лучше, если бы наоборот. (Фильмы о Паттоне часто прокручивают в Белом доме.) И стратегам НАТО хотелось бы отмотать историю вспять, как киноленту, к тем дням, когда Черчилль отдавал приказ фельдмаршалу Монтгомери «тщательно собирать германское оружие и складировать его, чтобы его легко можно было снова раздать германским солдатам, с которыми нам пришлось бы сотрудничать». Впрочем, почему «хотелось бы»? Разве не этим заняты сейчас Пентагон и НАТО? Разве не стал западногерманский бундесвер главным военным союзником американского империализма?

III

И, наконец, последняя глава — о вакханалии лицемерия, о шабаше фарисейства.

Негодование, вызванное решением Рейгана «сменить» Дахау на Битбург, вынудило Белый дом заняться маневрированием. Но это маневрирование лишь еще больше обнажило суть дела — отталкивающую суть позорного дела. Официальная вашингтонская пропаганда начала невнятно шамкать о «перестановке акцентов» и «пересмотре приоритетов», о «недостаточной продуманности маршрута», о попытках «занять сбалансированную позитивную позицию между прошлым и будущим» (между палачами и жертвами?), о «несовершенстве политического инстинкта», о «недопонимании»...

15 апреля Рейган получил послание Коля с просьбой не отменять планов посещения Битбурга в «духе примирения». На следующий же день Белый дом подтвердил, что паломничество к могилам эсэсовцев состоится несмотря ни на что. Одновременно был предпринят отвлекающий маневр — в Бонн вновь вылетел помощник президента Дивер, чтобы «изучить возможность участия Рейгана в других мероприятиях». Диверовская «передовая команда», эта зондеркоманда от пропаганды, начала рассматривать проспекты возможного посещения ее шефом «какого-либо иного концлагеря или синагоги», так сказать, по принципу всем сестрам по серьгам. Упоминались в качестве «возможных кандидатур» бывшие концлагеря в Берген-Бельзене и Флоссенбурге. Дахау вновь отклонили, так как «до него слишком далеко». (А от Вашингтона до Бонна близко?) Короче, вашингтонские эмиссары ворочаются в грязи, тщетно надеясь отмыться от нее.

В 1965 году, когда человечество отмечало 20-летие Победы, тогдашний президент США Линдон Джонсон, занятый по горло агрессией во Вьетнаме, не смог «выкроить» время для Битбурга. Но у него нашлось достаточно времени, чтобы выступить с заявлением, в котором говорилось: «Когда двадцать лет назад наступил рассвет, он был сумрачным... Над Европой нависла тень советских притязаний». Белый дом отказался официально отметить День Победы и запретил американским дипломатам присутствовать на параде и приемах в Москве по этому случаю. Еще двадцать лет спустя другой президент США вычеркивает из своего маршрута Дахау и вписывает в него Битбург.

Маршруты истории перечеркиваются маршрутами забвения, чтобы затем прочертить по ним маршруты агрессии.

Люди мира, будьте бдительны! Пусть пепел Дахау всегда стучит в ваши сердца! Воскрешение из мертвых, гниющих в Битбурге, не должно состояться!

25 апреля 1985 г.

Рейхстаг — от поджога до падения, а также до и после

Парадокс эпохи — рейхстаг без рейха. Это массивное мрачное здание, творение архитектора Пауля Валлота, игравшего роль Шпеера в кайзеровской Германии, расположилось у самой границы ГДР. Справа от него Бранденбургские ворота, слева — большая излучина реки Шпре. Зеленые вековые каштаны обрамляют пустынную площадь перед ним. Разбежавшись от Тиргартена, они словно застыли, окаменели при виде этой громадины из мрамора и гранита. Страх каштанов понятен: на то они и вековые, что многое повидали на своем веку.

Парадокс эпохи — рейхстаг без рейха. Нет больше империи, сколоченной Отто фон Бисмарком «железом и кровью». Нет больше «третьего рейха», захлебнувшегося в железе и крови, так и не увидевшего «тысячелетнего царства» нацистских нибелунгов. Но рейхстаг стоит. Четырнадцать лет — с 1957 по 1971 год — его скрупулезно восстанавливали боннские власти — хотя они не имеют никакого отношения к Западному Берлину, — тщательно замазывали шрамы вто-

рой мировой войны, еще тщательнее стирали исторические автографы, оставленные на его стенах и колоннах советскими солдатами, штурмовавшими рейхстаг ровно сорок лет назад. Видимо, для того чтобы окончательно выскоблить воспоминание об апреле—мае 1945-го, была принесена в жертву даже немецкая педантичность: стеклянный купол над рейхстагом не реставрировали; тот самый купол, над которым Михаил Егоров и Мелитон Кантария 30 апреля водрузили Знамя Победы — красное полотнище с надписью: «150-я стрелковая ордена Кутузова II степени Идрицкая дивизия 79-го стрелкового корпуса 3-й ударной армии 1-го Белорусского фронта». Знамя это хранится в Центральном музее Вооруженных Сил СССР в Москве. Низ его древка отщеплен шальной пулей, а вверху по правому краю полотнище пробито еще двумя пулями.

Восстановление рейхстага подозрительно «совпало» со столетием со дня провозглашения германской империи. Председатель боннского бундестага покойный Герстенмайер патетически восклицал: «Германский парламентаризм сегодня вновь возвращается в старый рейхстаг!» Но парламентаризм, пусть даже буржуазный, никогда не ночевал, а тем более не дневал под сводами этого здания, первый камень в фундамент которого заложил кайзер Вильгельм I, а последнюю символическую кладку осуществил кайзер Вильгельм II. Парламентаризм? Словно в насмешку в этом монументальном здании «забыли» спланировать комнаты для депутатов и залы для заседания фракций. Парламентаризм? Недаром о нем говорили — и это вошло в пословицу, — что «император имеет право в любой момент позвать лейтенанта с десятком солдат, чтобы разогнать рейхстаг». По словам Генриха Манна, это говорилось с «олоферновско-чингисхановской улыбкой», со «спесивой улыбкой всех свиней мировой истории: всех власть имущих свиней».

В начале тридцатых годов выяснилось, что для разгона рейхстага не нужен даже лейтенант. Достаточно ефрейтора. Не нужно десяти солдат. Достаточно десятка штурмовиков.

...Утром 30 апреля 1945 года капитан Неустроев докладывал по телефону командиру полка полковнику Зинченко:

— Товарищ «33», говорит «Уралец». Батальон перед рейхстагом.

— Вы уверены, что это рейхстаг? — не поверил полковник. — Проверьте еще раз и доложите.

— Точно, это рейхстаг, товарищ «33», — подтвердил Неустроев.

— Тогда готовьтесь к штурму. Я доложу командованию, — ответил Зинченко и положил трубку...

Рейхстаг был замешен на железе и крови с самого начала. Он был тюрьмой Германии, ее немногочисленных свобод. Когда однажды с правых скамей кто-то бросил левым: «У вас же нет родины!», с левых ответили: «Да, нет. Вы ее у нас стибрили!» Парламентаризм? Вот слова другого Манна —

Томаса, произнесенные в дни агонии гитлеровского рейха: «Рожденная в войнах, нечестивая Германская империя прусской нации могла быть только милитаристским государством. Таковым оно жило, сидя занозой в теле человечества, таковым оно теперь погибает».

...Советский солдат вытащил эту чудовищную «занозу» из измученного и изувеченного войной и рабством тела человечества.

Первыми штурмовать рейхстаг должны были роты из батальонов Неустроева и Давыдова, занимавшие исходные позиции перед охваченным пороховым дымом зданием. С началом артподготовки в бой бросались основные силы первого эшелона, находившиеся в «доме Гиммлера». Они должны были наступать по центру площади Кёнигсплац в направлении главного входа. Должны были наступать по улицам, носившим имена Мольтке-старшего и других светил германского генерального штаба — ангелов агрессии и апостолов «блицкрига». Какая закономерная ирония судьбы, закономерная, как возмездие!

В «доме Гиммлера» советские воины обнаружили много ящиков с часами. Оказывается, фюрер собирался наградить ими тех солдат вермахта, «которые первыми войдут в Москву». Время не подчинилось фашизму. Оно отказалось двигаться вспять. И вот час фашизма пробил. Советский воин, отстояв Москву, вошел в Берлин и готовился к броску на рейхстаг...

Когда Вильгельм II ездил через Бранденбургские ворота в рейхстаг, сирена, установленная в его лимузине, воспроизводила музыкальные фразы из вагнеровского «Зигфрида». Ковавшие меч от меча и погибли. Гитлер тоже поклонялся Вагнеру, поклонялся Ницше и Шопенгауэру, хотя, конечно, не понимал ни того, ни другого, ни третьего. Они были даны ему лишь в ощущении, инстинктивно, в слепой ненависти к свободе и демократии. Даже парламентской. Недаром Шопенгауэр называл народ «всевластной сволочью», а Ницше считал демократию «симптомом одряхления и психологической усталости». Он воспевал «белокурую бестию», это «ликующее чудовище», которое «после всех своих варварских подвигов гордо и с легкой совестью, точно после студенческой проделки, возвращается домой, даже не вспоминая, как он резал, жег, пытал, насиловал».

... Бестии, засевшие в рейхстаге, уже не были белокурыми. Чудовища, защищавшие его, уже не ликовали. Нет, они не вернулись домой после всех своих варварских подвигов. Это их загнали, как джинна в бутылку, как зверя в логово, на их исходный рубеж, ставший безысходным.

На КП Неустроева прибыл полковник Зинченко. Он попросил у Неустроева бинокль и стал осматривать позиции перед рейхстагом. Кёнигсплац была изрыта вдоль и поперек рвами и окопами. Кругом валялись вырванные с корнем деревья, орудийные стволы, груды вывороченного асфальта.

В Тиргартене стояли танки. Кое-где из-под земли торчали бронеколпаки, начиненные минометчиками, фаустниками, снайперами. По рейхстагу прямой наводкой били наши батареи, расположенные возле имперской канцелярии. Из окон «дома Гиммлера» стреляли «катюши»...

Парадокс эпохи — рейхстаг без рейха. Он пережил крушение кайзеровской империи, возродившись не фениксом, а стервятником в республиканском оперении. Я представляю Филиппа Шейдемана, провозглашающего с балкона рейхстага республику. Представляю обманутые народные массы, толпящиеся перед главным порталом, перед могучими колоннами, перед символами казавшейся несокрушимой, но сокрушенной империи — колонной Победы и памятником Бисмарку. Нет, Шейдеман и Носке не были наследниками Бебеля и социал-демократии. Они были могильщиками Карла Либкнехта, Розы Люксембург и республики. Недаром веймарскую Германию называли «республикой без республиканцев», и недаром ее первый президент Эберт говорил: «Революция мне ненавистна, как грех». Грехопадение социал-предателей не спасло их от фашистского топора и концлагерей. Буквально за несколько дней до падения рейхстага гестаповцами была казнена «очередная» группа его бывших социал-демократических депутатов.

...Наши бойцы уже поднялись в атаку, когда раздался голос ординарца начальника полковой разведки капитана Кондрашова:

— Кантария и Егоров, к командиру полка!

Бойцы явились в штаб.

— Давно вместе воюете? — спросил полковник.

— От самой Вислы.

— Вот что, хлопцы. Поручаю вам ответственное задание. Прорветесь в рейхстаг и поставите вот это знамя на его купол. Ясна задача?

— Ясна, товарищ полковник.

— Выполняйте, желаю успеха! — с этими словами он протянул бойцам завернутое в чехол знамя...

— О том, как Знамя Победы было пронесено от Москвы до Берлина, нельзя говорить sine ira et studio — совершенно беспристрастно — даже историку. Не по евклидовой прямой пролегал его маршрут, а по тернистым путям Истории. Обитатели Вильгельмштрассе и Бендлерштрассе думали, что они творят ее. Но они лишь вытворяли. Собственно говоря, Знамя Победы было пронесено до рейхстага от Зимнего дворца, от Дворцовой площади до Кёнигсплац. Недаром среди штурмовавших рейхстаг был и советский воин Бодров, участник штурма Зимнего. В его судьбе словно замкнулась связь времен.

— ... Смотрю я вокруг и радуюсь, товарищи, — говорил он своим молодым однополчанам. — Семнадцатый год перед глазами вижу те дни, когда мы к штурму Зимнего готовились и брали его... Грянули мы «ура», а потом «Интернационал»

запели. Давайте, братишки мои, и мы споем перед началом штурма «Интернационал».

И вот в двух шагах от рейхстага грянуло «Вставай, проклятьем заклейменный...» Пели советские воины. И их голосом пел весь новый мир, готовый идти на смертный бой. Они пели не только за себя. Они пели за Тельмана и Димитрова, за всех антифашистов на нашей планете, живых и мертвых. И песня эта тоже била по рейхстагу, как гвардейские ракетные минометы. А уже потом, когда рейхстаг был взят, среди его еще дымящихся развалин принимали в партию тех, кто сражался на его подступах, кто очищал этаж за этажом, кто бился врукопашную на его лестницах, кто выбивал эсэсовцев из подвалов и с крыши. Думаю, не ошибусь, если скажу: то были единственные мгновения в вековой истории рейхстага, когда под его сводами царил дух республики, демократии, свободы...

Рейхстаг двадцатых годов больше походил на похоронный дом, чем на парламент. В нем то и дело отпевали жертв реакционного террора — министра иностранных дел Вальтера Ратенау, баварского премьера Курта Айснера и многих других. Звучала музыка Вагнера. Кривлялись первые нацинибелунги Йозеф Геббельс и Грегор Штрассер. В президентском кресле восседал генерал-фельдмаршал фон Гинденбург, прозванный «спасителем» рурскими королями угля и стали и обезумевшим от страха бюргерством. А другой «фон» — Папен разыгрывал из себя канцлера, испуганно косясь на рёмовское СА и гиммлеровское СС, на чернорубашечников и коричневорубашечников, пропитанных пивом и ненавистью, оравших во все горло «Хорста Весселя».

То было подлинное «затмение богов». Томас Манн писал с болью в сердце о германской культуре, «которая со всей ее духовностью, со всей ее музыкой не смогла уберечься от того, чтобы не опуститься до подлейшего низкопоклонства перед насилием, до варварства, угрожающего основам западной цивилизации».

Советские воины, шедшие на штурм рейхстага, спасали и западную цивилизацию, как когда-то их предки спасали ее от иных варваров.

...К Егорову и Кантария подошел капитан Кондрашов.

— Ну, ребята, пора. Сейчас второй эшелон поднимается в атаку. Вместе с ним пойдете и вы.

Бойцы взяли знамя, поправили каски и автоматы, начали короткими перебежками приближаться к рейхстагу. Их прикрывали огнем. И огонь этот вели не только солдаты батальона Давыдова, не только артиллерия дивизиона капитана Тесленко. Бил по врагу весь наш народ, от имени которого несли Знамя Победы два героя. На какое-то мгновение знамя качнулось в руках Егорова. Это шальная пуля угодила в древко. Еще одна перебежка. Видны широкие каменные ступени главного входа. Егоров и Кантария бегут, уже не прячась, почти во весь рост. А из оконных бойниц, выло-

женных красным кирпичом, ведут по ним прицельный огонь последние из рейхстаговских могикан. Кругом искореженные барельефы, статуи с отбитыми головами. Здание огрызается фаустпатронами. Ядовитый чад распространяется от них по этажам, ползет по коридорам...

Статуи с отбитыми головами. Всадники без головы. «Будь что будет», — гласила любимая присказка гитлеровцев. «Будь что будет», — говорили они, зажав в кулак Германию. «Пусть Германия издохнет, если нам не дадут управлять ею», — кликушествовал Гитлер. Короли угля и стали, генералы рейхсвера и юнкера поднесли ее фашистам на блюдечке и тем самым обрекли ее на позор и гибель.

Советские воины, штурмовавшие рейхстаг, мстили фашизму и за поруганную Германию, Германию Гёте и Шиллера, Маркса и Энгельса, Томаса и Генриха Маннов. Последний писал, не стыдясь горькой правды: «Разрушая Берлин, союзные войска выполняли свой долг. К этому привела роковая воля Гитлера. Мир содрогался от ужаса перед его делами. Он имел наглость избрать Берлин своей столицей. С этих пор мир стал содрогаться от ужаса перед Берлином... Не мы победили нашего врага, врага Берлина, Германии, всего мира. Это пришлось совершить за нас другим».

... Егоров и Кантария рвались наверх, искали выход на крышу, к куполу. Витая железная лестница, которая вела туда, была разбита гранатами. Бойцы подтащили деревянную стремянку, валявшуюся у входа в рейхстаг. По ней они забрались в одну из башен. Оттуда — через разбитое окно — на крышу здания. Кругом их обступали рыцари на конях. Словно далекое прошлое тоже хотело преградить им путь. И вот наконец заветный купол. Посреди крыши. Ни одного целого стекла. Заметив красное полотнище, мерцавшее у подножия купола, как язычок пламени, фашисты открыли по крыше навесной огонь из минометов. Били со стороны Тиргартена и Бранденбургских ворот.

Тем временем группа наших бойцов ворвалась в бисмарковский зал.

— В этом зале в тридцать третьем году фашистская следственная комиссия объявила Георгия Димитрова поджигателем рейхстага, — говорил обступившим его солдатам один из них — Матвеев.

30 января 1933 года фон Гинденбург назначил Гитлера рейхсканцлером. В ночь с 27-го на 28 февраля рейхстаг запылал. Огонь рвался из-под гигантского стеклянного купола, как в 1945-м. Дотла сгорел зал пленарных заседаний. Вместе с ним обратились в пепел последние головешки веймарского парламентаризма. Сбылись пророческие слова Лиона Фейхтвангера: «Пожар — единственное применение, которое может найти диктатура рейхстагу». Прибыв на еще тлевшее пепелище, Гитлер неистовствовал: «Это — перст божий! Теперь ничто не помешает мне уничтожить железной рукой коммунизм!» «Растопчите коммунизм! Уничтожьте социал-демокра-

тию!» — подвывал ему Геббельс. В марте под наблюдением СА и СС прошли «выборы» в рейхстаг. Крупный капитал и мелкие политиканы выдали Гитлеру мандат на террор. Рейхстаг перенес свои бессмысленные бдения в здание «Кроль-опер». С таким же успехом он мог заседать в цирке шапито, под парусиной балагана. По словам немецкого историка Вальтера Тормина, рейхстаг стал «самой дорогостоящей капеллой в мире». Дорого, неимоверно дорого обошлось человечеству «Дойчланд, Дойчланд юбер аллес!», исполнявшееся этой «капеллой».

А в Лейпциге начался процесс против Георгия Димитрова. В неравном бою сошлись, схлестнулись два мира, два мировоззрения, две силы. Преимущество, историческое преимущество было явно на стороне подсудимого. За ним были Москва, будущее, коммунизм. За его судьями – Берлин, прошлое, фашизм. Еще во время Кёльнского процесса 1852 года один из тогдашних «маккартистов» изрек: «Коммунизм подлежит ведению не истории, а полиции». Димитров, как и его немецкие братья по классу, по идеологии, блестяще опроверг этот околоточный афоризм. «Фашизм — это власть свирепая, но непрочная», — говорил он, провидя 30 апреля 1945 года. А ведь тогда, в 1933-м, «тысячелетнее царство» фашизма только-только начиналось!

Поединок Димитрова с Герингом стал канонической формой конфронтации будущего с прошлым. Венская «Арбайтерцайтунг» писала: «Все это разрядилось вчера, вылившись в сцену, в которой сущность пролетарской революции столкнулась с гнусностью фашистской диктатуры. Геринг, убийца, поджигатель и морфинист, всемогущий министр по делам террора и смерти, выступил вчера свидетелем на суде. Благоговейно замолкли судьи перед обрюзгшим колоссом власти. Г-н министр не постеснялся обругать беззащитного обвиняемого, назвав его «коммунистическим преступником». Тогда Димитров поднялся, и его голос нарушил гробовое молчание диктатуры: «Известно ли г-ну премьер-министру, что эта партия господствует на шестой части земного шара, — а именно в Советском Союзе?!» Председатель, покосившись на министра, закричал на обвиняемого: «Я запрещаю вам вести здесь коммунистическую пропаганду!» Димитров иронически отвечал: «Г-н Геринг ведет здесь национал-социалистскую пропаганду!» Нервы морфиниста не выдержали этого возражения: побелев от бешенства, с пеной у рта, министр ответил самыми непристойными оскорблениями. Самый могущественный человек в Пруссии, человек, которого в Германии страшатся больше всех, потерял самообладание, стал реветь и визжать, как сумасшедший».

«Драться против подготовителей и поджигателей новой всемирной войны — это не заслуга, это долг», — говорил Димитров. Гестаповцы, тщетно пытаясь сломить пытками антифашистов, злобно шипели: «Все вы теперь хотите быть Димитровыми». Мы, коммунисты, не верим в переселение душ

и прочую мистическую белиберду. Но в день штурма рейхстага в груди наших бойцов билось сердце Димитрова и всех антифашистов планеты. Штурм рейхстага был для них не заслугой, а долгом. И не только солдатским. Интернациональным. Они словно доспорили поединок Димитрова с Герингом, словно поставили окончательную точку в этом принципиальном историческом диспуте.

...Егоров и Кантария искали «подходящее» место для водружения знамени. На южной стороне, у самого края крыши, стояла скульптура кайзера Вильгельма. Закованный в латы, он восседал на коне. Бойцы прикрутили знамя солдатским ремнем к руке кайзера. Казалось бы, дело сделано, но неожиданно Егоров сказал своему другу:

— Нет, Мелитон, надо знамя с руки снять, а то, как ни крути, получается, что фриц наше знамя держит...

Удивительная деталь! В опаленных пороховым дымом бойцах, рисковавших каждую секунду быть убитыми, стихийно проснулось высокое эстетическое чувство, наполненное интенсивным идейным содержанием. Справедливость достойна красоты. Бывшие обитатели рейхстага попирали и то, и другое. Они пели величальную Гогенцоллернам, а не справедливости, Шикльгруберу — а не красоте! Их изящные манеры переплавлялись в стойку «смирно» перед фашизмом. Их огромный словарный запас — в единственное «хайль!».

...Егоров и Кантария сняли знамя со статуи и двинулись дальше к куполу. Пожар полыхал с неослабевающей силой. Густые клубы дыма ели глаза. Свистели пули. Бойцы с трудом подползли к основанию купола.

— Ну что, с богом? — спросил Егоров, поправляя автомат.

— Пошли, — ответил Кантария и взялся за железное ребро купола.

Карабкались, словно целую вечность. Под ногами бездна. Даже легкое ранение — смерть. От копоти удушье. Хотели привязать знамя к ребру купола. Но вновь отказались «по эстетическим соображениям». Переплеты мешали разреваться полотнищу. Полезли дальше. Последние метры. Самые трудные. Лезли на одной воле. И наконец добрались. И здесь счастье улыбнулось смельчакам. Они наткнулись на металлические трубки для флагов, просунули древко в центральную трубку и для верности прикрутили его солдатским ремнем. Прикручивали липкими от крови руками, пораненными о выбитые стеклянные десна купола рейхстага...

И вот красное Знамя Победы гордо взвилось над дымящимся рейхстагом, над поверженным Берлином, над освобожденной Европой, над воспрянувшим миром, над благодарным человечеством!..

Парадокс эпохи — рейхстаг без рейха. Он вновь поднят из руин и все-таки глядится руиной. «Будь что будет», — словно говорили те, кто его восстанавливал. Его пустота обманчива, как и экспонирующаяся здесь выставка «Вопросы по немецкой истории». Природа политики, подобно самой природе,

не терпит пустоты. Вакуум рано или поздно заполняется. Где миром, где взрывчаткой. Западноберлинские власти «принципиально» не трогают рейхстаг. «Такое перемещение затронуло бы символическую ценность здания», — говорят они. Ключи от рейхстага надо искать в Бонне. Там позвякивают этими ключами, словно шпорами. В нарушение четырехстороннего соглашения по Западному Берлину под сводами рейхстага время от времени заседают различные комиссии и фракции боннских бундесрата и бундестага. Господа с берегов Рейна как бы примериваются к зданию на берегах Шпре. В их наглых и назойливых требованиях пересмотра итогов второй мировой войны, перекройки карты Европы, ее границ, слышится знакомое: «Будь что будет».

Но ныне «Будь что будет» пахнет не просто новым поджогом рейхстага. Оно таит в себе угрозу ядерной катастрофы. В 1871 году, когда провозгласили кайзеровскую империю, еще были в ходу игольчатые ружья, а нарезные шаспо считались технической новинкой. Сейчас на территории Западной Германии развертывают «першинги» и «томагавки», неонацизм и «переселенческую ностальгию». В совокупности это дает опаснейший коктейль марки «Будь что будет», ударяющий в головы хмелем реванша. «Германский вопрос остается открытым, пока закрыты Бранденбургские ворота», — краснобайствует правящий бургомистр Западного Берлина. Исповедующим религию «Будь что будет» хотелось бы открыть ворота реванша, хотелось бы увидеть, как через них хлынут новые поколения «белокурых бестий», поддержанные американской ядерной мощью.

Опасные мечты. Опасные, но, к счастью, несбыточные. В современном мире многое изменилось. Не только конфигурация крыши рейхстага, с которой убрали стеклянный купол. Ныне на страже мира стоит великое содружество социалистических стран, среди которых первое в истории германское государство рабочих и крестьян — ГДР. На днях в польской столице они подписали Протокол о продлении срока действия Варшавского Договора — верного и надежного защитника наших революционных завоеваний.

На нем отблеск Знамени Победы, водруженного 30 апреля 1945 года над рейхстагом.

30 апреля 1985 г.

СОДЕРЖАНИЕ

Мэлор Георгиевич СТУРУА

**АМЕРИКА ВОСЬМИДЕСЯТЫХ:
ПЯТЬ ЛЕТ И ПЯТЬ МИНУТ**

Редактор **Г. Месенгисери**
Художник **А.Цветков**
Художественный редактор **И.Смирнов**
Технический редактор **А.Гинзбург**
Корректор **В.Волк**

✦

ИБ № 1089
Сдано в набор 14.10.85. Подписано в печать 20.03.86. Б 03822. Формат 84×108 1/32. Бумага тип. № 1. Гарнитура «Балтика». Печать высокая с фотополимерных форм. Печ.л. 7,5. Усл. печ.л. 12,6. Уч.-изд.л. 15,91. Усл.кр.-отт. 12,8. Тираж 150 000. Заказ 3781. Цена 50 коп.

✦

Издательство «Известия Советов народных депутатов СССР». 103798, Москва, К-6, Пушкинская пл., 5.

Ордена Трудового Красного Знамени типография «Известий Советов народных депутатов СССР» имени И. И. Скворцова-Степанова. Москва, Пушкинская пл., 5.

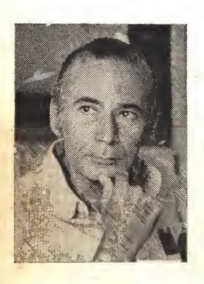
С88 **Стуруа М. Г.** Америка восьмидесятых: пять лет и пять минут. — М.: Известия, 1986. — 240 с.

Книга М. Г. Стуруа «Америка восьмидесятых: пять лет и пять минут» рассказывает о Соединенных Штатах Америки в период администрации Рональда Рейгана. Рассказ начинается с описания избирательной баталии 1980 года за обладание Белым домом и доводится до наших дней. В книге вскрывается империалистическая, агрессивная сущность внешней политики Вашингтона в Латинской Америке и Африке, на Ближнем Востоке и в Западной Европе; дается галерея портретов как вашингтонских проконсулов, так и их марионеток. Книга в значительной степени построена на личных впечатлениях автора, долгие годы проработавшего в США в качестве собственного корреспондента «Известий».

Книга рассчитана на массового читателя.

С $\frac{0804000000—028}{074(02)—86}$ —47—86

ББК66.2(7США)

Известный советский писатель и журналист лауреат премий имени Воровского и Алексея Толстого Мэлор Георгиевич Стуруа родился в 1928 году в городе Тбилиси в семье профессионального революционера Георгия Федоровича Стуруа.

В 1949 году М. Г. Стуруа окончил юридический факультет Московского государственного института международных отношений. Тогда же поступил в аспирантуру Института права Академии наук СССР, а в феврале 1950 года начал работать в иностранном отделе газеты «Известия».

С тех пор до сегодняшнего дня — почти тридцать семь лет без перерыва — М. Г. Стуруа работает в «Известиях». Он занимал ряд должностей в центральном аппарате газеты, был ее собственным корреспондентом в Англии (1964—1968 гг.) и в Соединенных Штатах Америки (1968—1972 гг. в Нью-Йорке и 1976—1982 гг. в Вашингтоне). Кроме того, в качестве специального корреспондента «Известий» М. Г. Стуруа посетил многие страны Америки, Европы, Юго-Восточной Азии, Африки, посылая в Москву репортажи и очерки с важнейших международных конференций и «горячих точек». Так, в частности, в 1975 году он писал из только что освобожденного Южного Вьетнама, а в 1979 году — из Вены, где был подписан советско-американский Договор ОСВ-2.

Перу М. Г. Стуруа принадлежит около двадцати книг. Они издавались также на языках народов нашей страны и за рубежом.

Цена 50 коп.